

1969

Литературная

ГРУЗИЯ

92

10 335

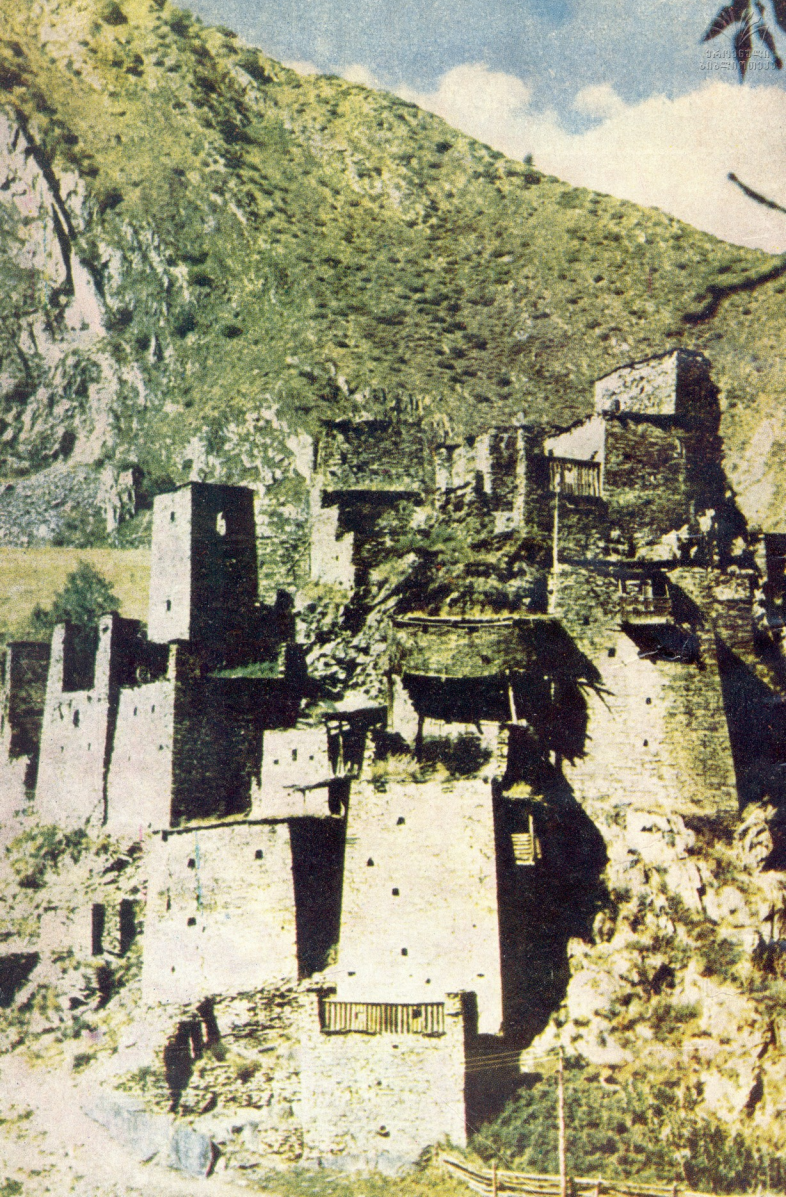

4

1969

0.64967-41
2025 07 01 01

Литературная

ГРУЗИЯ

86.684.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

4

ОРГАН
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
ГРУЗИИ

А П Р Е Л Ъ

1 9 6 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

ქველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

წელიწადი 13-ე

№ 4

აპრილი, 1969 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

И. о. Главного редактора

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Григол АБАШИДЗЕ,
Тенгиз БУАЧИДЗЕ,

Марк ЗЛАТКИН,

Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,

Натела КАРАШВИЛИ

(ответственный секретарь),

Серго КЛДИАШВИЛИ,

Георгий МАЗУРИН,

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Эммануил ФЕЙГИН,

Нино ЧАВЧАВАДЗЕ,

Алеко ШЕНГЕЛИА.

Год издания тринадцатый

Рукописи объемом
менее авторского листа
не возвращаются

На 1-й стр. обложки — «Лань», Н. Пиросма-
нишвили. На 2-й и 3-й стр. — «Шатили», «Тби-
ლისი». Фото О. Туркия.

Сдано в производство 11 марта 1969 г.
Подписано к печати 28 мая 1969 г. 12 печ.
листов + 2 вклейки, усл. печ. листов 16,8.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Заказ 770 Тираж 3000 УЭ 02775

Типография Издательства ЦК КП Грузии.
Тбилиси, ул. Ленина № 14.

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина 5, телефон 99-06-59

КОНТРОЛЬНЫЕ
ЭКЗЕМПЛЯРЫ

СО ДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

АКАКИЙ ИРЕМАДЗЕ. В. И. Ленин и некоторые стороны деятельности Кавбюро ЦК РКП(б)	6
ЛЕОНИД РОСТОВЦЕВ. Откуда всходит солнце? (Из блокнота журналиста.) Окончание	16

ПОЭЗИЯ

ИОСИФ ГРИШАШВИЛИ. Ленину. Перевод Юрия Александрова	5
✓ Прощание со старым Тбилиси. Перевод Бориса Пастернака	155
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Сорок второй Моздока. Я книгочей, я в темень книг глядел.. Альпаны. Георгию Леонидзе. Руставели у Голгофы. Маленькому и большому. Переводы Владимира Леонovichа, Беллы Ахмадулиной, Юрия Ряшенцева, Арсения Тарковского	26
АЛЕКО ШЕНГЕЛИА. Моя земля. Завещание. Перевод Владимира Леонovichа	37
МУРМАН ЛЕБАНИДЗЕ. Помню! Халде. Перевод Юрия Ряшенцева	48
ШОТА НИШНИАНИДЗЕ. Бык Лаба. Апрель радуется почка.. Перевод Владимира Леонovichа	73
ИВАН ТАРБА. Тропа. Жил человек. Актрисе. Переводы с абхазского Ларисы Васильевой, Риммы Казаковой, Михаила Львова	103

ПРОЗА

МИХАИЛ ДЖАВАХИШВИЛИ. Гиви Шадури. Роман. Перевод Элизбара Ананиашвили. Продолжение	30
✓ ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ. В старой Пшавии. Да не будет ничего между нами. Память о Петербурге, память о Ленинграде. Об обезьянах. Записи о людях	38
АРЧИЛ СУЛАКАУРИ. Золотая рыбка. Роман. Перевод Майи Бирюковой. Продолжение	50
ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ. Белый дым. Повесть. Перевод Иды Беставашвили. Окончание	74

К 50-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

АНТОН КЕЛЕНДЖЕРИДЗЕ. Керчь, год 1942. (Из записных книжек фронтового журналиста.) Продолжение	140
---	-----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- БЕСО ЖГЕНТИ. Певец любви и красоты 105 ✓
ГУРАМ КАНКАВА. Новые штрихи к образу современника 115
КСЕНИЯ СИХАРУЛИДЗЕ. Жанровые особенности грузинской народной героической поэзии 119
АЛЕКСАНДР КУТЕЛИЯ. Этические взгляды Акакия Церетели. Продолжение 126

О Ч Е Р К

- БОРИС ЧХЕИДЗЕ. В краю щедрого солнца 148

К 80-ЛЕТИЮ НАРОДНОГО ПОЭТА ГРУЗИИ ИОСИФА ГРИШАШВИЛИ

- ИОСИФ ГРИШАШВИЛИ. Литературная богема старого Тбилиси. Перевод Нодара Тархнишвили 156 ✓

156 ✓

*Иосифе
5-6, 7-8, 9-*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

- ДАВИД ПАНЧУЛИДЗЕ. К истории грузинско-французских литературных взаимоотношений. Окончание 168

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

- ЭЛЕВТЕР АНДРОНИКАШВИЛИ. Три дня с Нильсом Бором. Окончание 175

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- Е. ЗАБОЛОЦКАЯ, А. МАКЕДОНОВ. Стихи Николая Заболоцкого 185

БИБЛИОГРАФИЯ

- МИХАИЛ ЧИКОВАНИ, АПОЛЛОН ЦАНАВА. Былины Сибири 189

ТОЛЬКО РЕПЛИКА

- М. ДУДУЧАВА. Редакторам-составителям второго тома IV тома «Истории эстетики» 191

Иосиф ГРИШАШВИЛИ,
народный поэт Грузии

ЛЕНИНУ

Ты в мир наш явился в шумящем
апреле,
В таинственный час пробужденья
земли,
Когда чуть приметно леса зеленели.
Под брызжущим солнцем апрельской
зари.

Как пашня без пахаря долго томилась!
Пришел ты — и правды легли семена;
Пришел ты — и сразу все почки
раскрылись,
Пришел ты — и разом прорвалась
весна.

Мы, сколько ни будет судьбой нам
отмерено,
Сверяясь с тобою, по жизни пройдем.
Еще мы не знали и улицы Ленина,
Но ленинским шли непреложным
путем.

И знамя твое колыхалось над нами,
Когда мы сквозь дождь проходили
стальной!

И это бессмертное честное знамя
Навеки простерлось над мирной
страной.

В. И. Ленин и некоторые стороны деятельности Кавбюро ЦК РКП (б)

В первые месяцы 1920 года Красная Армия добилась ряда новых успехов на фронтах гражданской войны, в частности, один за другим уничтожающие удары были нанесены в феврале и марте войскам Деникина на Северном Кавказе. По указанию В. И. Ленина и при его непосредственном участии Центральный Комитет партии предпринял энергичные меры, направленные на быстрейшее освобождение Северного Кавказа, Кубани, Ставрополя, побережья Черного моря, Терека и Дагестана. В освобожденных районах первым делом восстанавливались местные органы Советской власти, хозяйственные учреждения, развертывалась работа по мирному социалистическому строительству. Но основным условием их успешной деятельности было восстановление также местных партийных организаций, перестройка их работы в соответствии с новыми требованиями. Осуществление этого было делом нелегким, осложнявшимся своеобразием экономического и политического характера в названных местностях с неоднородным национальным составом населения, что обостряло положение, особенно в силу нехватки опытных местных кадров. Решить эту задачу без единого руководящего партийного центра было невозможно. Сергею Орджоникидзе, назначенный с 23 января 1920 года по предложению Ленина членом Реввоенсовета Кавказского фронта, насущно необходимым считал создание на Северном Кавказе руководящего партийного бюро. По его инициативе вскоре и был основан такой орган. Председателем его он предложил назначить И. Т. Смилгу. Обо всем этом и говорится в телеграмме, отправленной Г. К. Орджоникидзе на имя Центрального Комитета РКП(б): «Для восстановления партийных организаций необходимо основание партийного бюро для Северного Кавказа... Председатель бюро Смилга, члены Киров и Мдивани. Бюро уже объявлено, — утвердите в Центральном Комитете»¹.

На своем заседании от 4 февраля 1920 года Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев телеграмму Орджоникидзе, утвердило создание партийного бюро для Кавказа. Но по настоянию Ленина вместо И. Т. Смилги председателем его был назначен сам Орджоникидзе, а его заместителем — С. М. Киров². Получив большие полномочия, этот орган развернул серьезную работу по восстановлению и укреплению местных органов Советской власти и партийных организаций.

В результате мероприятий, проведенных партией и Советским правительством, Кавказ вскоре полностью был освобожден от иноземных захватчиков и контрреволюционной белогвардейщины. «Освобождение от белых всего Северного Кавказа, Кубани, Ставрополя, Черноморья, Терской и Дагестанской областей стало свершившимся фактом»³, — писал Г. К. Орджоникидзе В. И. Ленину 2 апреля 1920 года.

Успехи Красной Армии, приближавшейся к границам Закавказья, воодушевили рабочих и крестьян края. Революционная борьба трудящихся Закавказья вспыхнула с новой силой. Условия для победы социалистической революции все назревали.

Борьба против буржуазно-националистического режима становилась все острее и острее. Но чтобы она обрела более сознательный характер и верное направление, надо было укрепить местные большевистские организации, оживить их работу. В свою очередь, это требовало серьезного улучшения руководства из центра, большей его оперативности. «Освобожденное от врагов население, — сообщал Г. К. Орджоникидзе В. И. Ленину, — жаждет прибытия представителей центральной Советской власти, требуя распоряжений и инструк-

¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (в пред. ЦПА ИМЛ), ф. 85, оп. 18, д. 7, л. 1.

² Г. К. Орджоникидзе. Биография. Москва, 1962.

³ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. Москва, 1956, стр. 111.

ций от центра и только центра»¹. Но плохо налаженная связь того времени исключала возможность положительного и быстрее решения этого вопроса. В таком же положении тогда находились и другие отдаленные от центра районы, в том числе дальневосточные, сибирские, Киргизия, Туркмения, Урал.

В силу создавшейся обстановки перед партией встала задача создать такой представительный орган, через который Центральный Комитет партии смог бы осуществлять руководство местными партийными организациями в отдаленных районах страны.

Весной 1920 года этот вопрос по предложению В. И. Ленина был рассмотрен на IX съезде партии, в решениях которого записано: «Для обширных районов, удаленных от центра и отличающихся своеобразием хозяйственных условий, съезд считает безусловно необходимым создание на ближайший период крепких и компетентных хозяйственно-областных органов путем представительства от соответственных общегосударственных центров.

Эти областные бюро... должны иметь широкие полномочия в области непосредственного руководства местной хозяйственной жизнью»².

Для обеспечения оперативного и конкретного руководства Центрального Комитета областными хозяйственными бюро, неуклонного проведения в жизнь политики партии по строгому соответствию самоуправлению и инициативы местных хозяйственных органов и строгой централизации, обеспечивающих усиление работы местных партийных организаций, IX съезд счел необходимым там, где будут созданы областные хозбюро, образовать «областное партийное бюро из ЦК для усиления и объединения партийной работы в данном хозяйственном районе»³.

В соответствии с этим решением IX съезда в 1920 — 1922 годах и были учреждены полномочные представительные органы Центрального Комитета партии — областные бюро ЦК РКП(б): Уральское и Сибирское — 8 апреля 1920 года; Туркестанское — 29 июня того же года; Дальневосточное — в июле 1920 года; Юго-Восточное — 21 марта 1921 года; Северо-Восточное — 17 октября того же года и Киргизской области — 5 апреля 1922 года.

8 апреля 1920 года было создано и Кавказское бюро ЦК РКП(б)⁴.

Областные бюро ЦК, так же как и их состав, устанавливались Пленумом ЦК РКП(б) или специальным решением Политбюро. Кавказское бюро также было создано на основании решения Пленума ЦК РКП(б). По поводу девятого пункта порядка дня — «О Кавказском областном бюро ЦК РКП(б)» Пленум принял решение «утвердить бюро в составе товарищей: Смирли, Орджоникидзе, Мдивани, Кирова»⁵.

В процессе работы структура аппарата Кавбюро ЦК РКП(б), так же как и других областных бюро, продолжала формироваться и совершенствоваться. Менялся и его состав, как по количеству членов, так и по подбору конкретных кандидатур.

Вскоре после начала практической деятельности Кавбюро возникла необходимость в увеличении его состава. В журнале «Известия ЦК РКП(б)» в номере от 23 мая 1920 года (№ 18) помещен отчет ЦК РКП(б) о работе, проведенной им в период с 5 апреля до 15 мая 1920 года, а также отмечается, что членом Кавбюро дополнительно назначен А. Г. Белобородов. Но вскоре, очевидно, и этого оказалось недостаточным, ибо грандиозные задачи, вставшие перед Кавбюро, требовали дальнейшего увеличения его состава.

В. И. Ленин внимательно следил за деятельностью Кавказского бюро ЦК РКП(б), заботился о нем, находился в контакте с его руководителями и членами. В адрес бюро систематически приходили письма и телеграммы от Владимира Ильича, в которых он своими советами и указаниями облегчал успешное решение стоящих перед Кавбюро задач, тем самым руководя и направляя его работу.

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. Т. 1, стр. 111.

² КПСС в резолюциях и решениях... Часть I, изд. 7-е, стр. 481—482.

³ Там же, стр. 500—501.

⁴ В истории Закавказских большевистских организаций и раньше упоминалось Кавказское бюро. Впервые в апреле 1905 года меньшевики создали Закавказское бюро РСДРП — это был меньшевистский центр в Закавказье. Затем 4 октября 1915 года в Баку большевики под руководством С. Г. Шаумяна и Ф. Е. Махарадзе создали содействие Кавказских большевистских организаций РСДРП(б), где избрали Кавбюро РСДРП, которое было расформировано в 1916 году. В этом бюро работали С. Г. Шаумян, Ф. Е. Махарадзе, И. Т. Фиолетов, С. И. Кавтарадзе, К. М. Цинцадзе, Ф. Г. Каландадзе (см. многолетнюю историю КПСС, т. II, стр. 544). Ни одно из этих бюро не было органом ЦК.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, л. 30, л. 1.

25 мая 1920 года по требованию В. И. Ленина Политбюро ЦК РКП(б) вновь рассмотрело вопрос о Кавбюро. Согласно принятому решению, количество его членов возросло до 7 человек. В состав бюро дополнительно были введены: Н. Нариманов, А. Назаретян и Мамия Орахелашвили (И. Т. Смилга в связи с переводом его на другую работу был выведен из состава бюро)¹.

По истечении нескольких месяцев практической деятельности Кавбюро стало очевидным, что в структуру этого полномочного представительственного органа следует внести некоторые изменения. В июле 1920 года был создан президиум Кавбюро, в который вошли А. Г. Белобородов, Г. К. Орджоникидзе, Б. М. Мдивани и М. И. Фрумкин. Председателем его назначен был А. Г. Белобородов. При этом состав Кавбюро был доведен до 9 человек (в него дополнительно были введены И. И. Полуян и М. И. Фрумкин)².

Вообще практическая работа областных бюро ЦК РКП(б) выявила необходимость конкретизации постановлений IX съезда партии об областных бюро, точного определения их функций, разработки положений областных бюро.

По решению Центрального Комитета РКП(б) от 20 апреля 1920 года его секретариату было поручено разработать основное положение для областных бюро ЦК³.

Проект «Положения», разработанный за несколько месяцев, был разослан всем областным бюро. После широкого обсуждения в окончательном виде он был опубликован в октябрьском номере «Известий ЦК РКП(б)» за 1921 год.

Согласно этому «Положению», «областные бюро ЦК создаются по особому лишь на то постановлению ЦК там, где существуют областные и хозяйственные органы (экономсоветы и т. п.), или в районах, значительно удаленных от центра... Областные бюро являются полномочным представительством ЦК, ответственным перед ним за постановку работы в области, строго ограничиваясь в своей повседневной политической и организационной работе постановлениями всероссийских партийных съездов и конференций, а также распоряжениями ЦК»⁴. Основные пункты «Положения» в дальнейшем, окончательно отредактированные, вошли в Устав партии: «По особому постановлению Центрального Комитета, там, где существуют областные хозяйственные органы (экономические советы и т. д.), или в районах, значительно удаленных от центра, создаются областные бюро, назначенные Центральным Комитетом Российской Коммунистической партии в составе, установленном в каждом случае Центральным Комитетом. Областные бюро Центрального Комитета ответственны только перед Центральным Комитетом Российской Коммунистической партии»⁵.

Как полномочное представительство ЦК РКП(б), Кавказское бюро являлось высшим органом партийных организаций Грузии, Армении, Азербайджана, горцев, Дагестана, Дона, Кубани, Черноморского побережья, Ставрополя. В его обязанности входило осуществление руководства всеми сферами экономической, политической и культурной жизни названных местностей (безусловно, там, где была установлена Советская власть).

Какие же задачи партия, В. И. Ленин ставили перед вновь созданным Кавбюро? Вот что говорит об этом сам Г. К. Орджоникидзе: «Когда Красная Армия вступила в пределы Северного Кавказа, постановлением ЦК РКП было создано полномочное представительство Центрального Комитета в лице Кавбюро для руководства партийными организациями Кавказа.

Кавбюро ЦК РКП(б) постановило своей основной задачей следующее:

1. Утверждение и укрепление Советской власти и создание крепкой Коммунистической партии на Кавказе.
2. Установление и сохранение национального мира.
3. Разрешение земельного вопроса.
4. Сохранение боеспособности армий.
5. Экономическое объединение кавказских советских республик между собой и с РСФСР при сохранении независимости этих республик и
6. Всесторонняя помощь соседним коммунистическим партиям и революционному движению на Востоке»⁶.

Безусловно, важнейшей и первоочередной из этих задач — после восстановления Советской власти на Северном Кавказе — было «установление Со-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 82, л. 4.

² Журнал «Известия ЦК РКП(б)», 1920, 17 июля, № 69.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 71, л. 1.

⁴ Журнал «Известия ЦК РКП(б)», 1921, № 33, стр. 22, а также ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 164, л. 553.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях... Часть I, стр. 658—659.

⁶ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. Т. I, стр. 192.

ветской власти и в Закавказьи¹. Всем было ясно, что при условии существования здесь враждебных нам правительств вести спокойную и мирную работу на Северном Кавказе было невозможно. Кроме того, требовалось вырвать у империалистов «бакинскую нефть», в которой так нуждалась Советская власть»².

Кавказское бюро, как полномочное представительство ЦК РКП(б), было единственным среди других областных бюро, которое осуществляло руководство партийными организациями, перед которыми стояли совершенно различные задачи. До установления Советской власти в Закавказских республиках часть коммунистических организаций Кавказа (ставропольская, дагестанская, горская, кубано-черноморская, донская) представляли собой правящую партию: она руководила мирным социалистическим строительством, восстановлением народного хозяйства, грандиозными работами по закладке основ социалистической экономики. Другая же часть — азербайджанская, армянская, грузинская — выступала пока в роли оппозиционной партии; эти партийные организации подвергались гонениям и притеснениям со стороны закавказских буржуазно-националистических правительств, но, несмотря на это, возглавляли героическую борьбу трудящихся Закавказья за победу Советской власти в крае.

Это обстоятельство сильно осложняло работу Кавказского бюро, создавало излишние специфические трудности в руководстве партийными организациями. Поэтому Политбюро ЦК РКП(б) еще 18 июня 1920 года поручило организационному его бюро изучить вопрос о выделении из состава Кавбюро узкой, постоянно действующей коллегии, которая должна была находиться при советской трудовой армии Кавказа: район ее действия распространялся на весь Кавказ. «В составе этой коллегии, — поясняло Политбюро, — все вопросы, касающиеся Грузии, Азербайджана, Армении, Турции и т. д., должны решаться при обязательном присутствии Г. К. Орджоникидзе»³.

Судя по этому решению политбюро, нетрудно понять, что Центральный Комитет считал необходимым выделить из состава Кавбюро ту часть, которая бы руководила партийными организациями Северного Кавказа и Дона, с тем, чтобы другая — имела возможность все свое внимание обратить на партийные организации Закавказья.

Организационное бюро ЦК РКП(б) со всем вниманием изучило это поручение Политбюро. С целью практического осуществления указаний Политбюро ЦК партии в июне 1920 года сперва был увеличен состав Кавбюро — 31 июля в него была введена Е. Д. Стасова⁴. Президиум вырос до шести человек — в него дополнительно вошли Е. Д. Стасова и А. М. Назаретян⁵.

А спустя месяц президиум Кавбюро был разделен на две тройки: Бакинскую — в составе Г. К. Орджоникидзе, Б. М. Мдивани и Е. Д. Стасовой, которая руководила партийными организациями Азербайджана, Дагестана, Грузии, Армении, Терека, — и Армавирскую (А. Г. Белобородов, А. М. Назаретян и М. И. Фрумкин), в ведении которой находились партийные организации Дона, Кубано-черноморского побережья и Ставрополя⁶. Борьба за разрешение задач, стоящих перед Кавказским бюро ЦК РКП(б), была начата с укрепления местных партийных организаций. На своих заседаниях Кавбюро систематически рассматривало вопросы, касающиеся руководящих органов местных партийных организаций — центральных комитетов, губернских, окружных и городских комитетов, выбирало и комплектовало их состав из опытных, подготовленных и испытанных партийных кадров.

На своем заседании от 10 сентября 1920 года Кавбюро (Бакинская тройка) утвердило Центральный Комитет КП Грузии в составе Мамаи Орахелашвили, Малакиа Торшелидзе, Ваню Стуруа, Сибибистро Тодрия, Мариам Орахелашвили, Арчила Микадзе, а кандидатами в члены ЦК — Акиртава, Вашакидзе и Сабашвили⁷.

Решением того же заседания был утвержден и Центральный Комитет КП Армении, в состав которого вошли И. Довлатян, А. Нуридджанян, Г. Костанян, А. Ханджян и С. Тер-Габриелян, а кандидатами в члены ЦК — Ш. Амирян и В. Шахгелдян⁸.

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. Т. 1, стр. 194.

² Там же.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 89, лл. 3—4.

⁴ Там же, д. 29, л. 1.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 98, л. 1.

⁶ Там же, ф. 157, оп. 3, д. 42, л. 3.

⁷ Там же, ф. 64, оп. 2, д. 30, лл. 1—5.

⁸ Там же.

Кавказское бюро здесь же выделило зарубежное бюро ЦК КП Армении в составе: И. Довлатяна, А. Нурджаняна и Г. Костяна. Было решено также создать при Кавбюро группу из 2 -- 3 человек¹, которая будет обслуживать Грузию².

В порядок дня и последующих заседаний Кавбюро часто включались аналогичные вопросы³, успешное решение которых способствовало укреплению коммунистических организаций Кавказа.

В своей деятельности Кавбюро основывалось на ленинских принципах коллективного руководства. Почти ежедневно проводились заседания Кавбюро, его президиума или секретариата⁴.

Ни один более или менее значительный вопрос руководство Кавбюро не решало без коллективного обсуждения, ибо основным условием успешной партийно-политической деятельности считало ленинский принцип коллективного руководства. Поэтому оно принимало все меры, чтобы внедрить и утвердить его в руководящих партийных органах, подчиненных ему партийных организациях.

Формы руководства местными партийными организациями у Кавбюро были чрезвычайно многообразны. Вопрос о том, какая из них применима к той или иной конкретной партийной организации, зависел от уровня подготовки партийных кадров этой организации, от национального и социального состава населения, от месторасположения, величины занимаемой ею территории и т. д.

В руководстве партийными организациями Кавбюро широко пользовалось такими испытанными формами, как краевые, областные и республиканские совещания, расширенные пленумы бюро (с участием актива партийных и советских работников), республиканско-зональные и краевые совещания секретарей губернских, окружных, городских и районных комитетов, совещания руководящих партийных органов, заведующих отделами ЦК национальных компартий, губернских, окружных и других, редакторов краевых и республиканских газет и журналов и т. д.

На пленумах Кавбюро, как правило, рассматривались важнейшие хозяйственные и внутрипартийные вопросы, обсуждались проблемы, связанные с борьбой за победу Советской власти в Закавказье. В порядке дня почти каждого пленума стояли пункты, касающиеся практического проведения в жизнь новой экономической политики (нэп).

После победы в республиках Закавказья социалистической революции постоянным предметом обсуждений на совещаниях и расширенных пленумах Кавбюро стали вопросы учреждения таких органов, как Закавказский экономический центр, Высший экономический совет объединенной внешней торговли для республик Закавказья, создания Закавказской федерации, объединения железных дорог края.

На заседаниях, пленумах и совещаниях Кавбюро рассматривались и такие вопросы, как объединение закавказских профсоюзов и их работа в условиях нэпа, ход чистки рядов партии, посевная кампания, сбор продовольственных налогов, издательское дело, работа среди женщин и т. д.

В деле правильного направления работы местных партийных организаций серьезную роль сыграли также доклады с мест, систематически заслушиваемые на пленумах и совещаниях Кавбюро; это давало возможность всегда быть в курсе всех их дел. Подобная форма руководства давала возможность почти безошибочно выяснить боеспособность местных партийных организаций, наметить конкретные мероприятия по улучшению их работы.

В сентябре 1920 года Кавбюро созвало совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа. В его резолюциях, составленных на основании докладов с мест, отмечается слабость большинства из них, выясняются причины этого, намечаются конкретные мероприятия, направленные на усиление партийной работы. В одном из пунктов ⁵ так говорится: «Путем частых совещаний заведующих отделами, парткомов, секретарей райкомов и коммунистических ячеек, редакторов нашей прессы установить самую тесную связь и близкие непосредственные взаимоотношения с целью обмена информацией и накопленным опытом»⁵.

¹ В историко-партийной литературе эта группа именуется также как заграничное бюро ЦК КП Грузии. В его состав в разное время входили: Л. Думбадзе, Б. Дзедладзе, А. Микадзе, Д. Канделаки. Сохранились протоколы бюро за 7 октября, 2 и 16 ноября и 11 декабря 1920 г.

² ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 1, § 18.

³ Там же, лл. 20, 21, 22, 37, 38, 40, 43, 45, 57.

⁴ Протоколы заседаний Кавбюро ЦК РКП(б) в первый период его деятельности не оформлялись или, во всяком случае, не сохранились.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 29, л. 7.

Одной из важных форм руководства местными партийными организациями являлись периодические длительные командировки членов Кавбюро, работников его аппарата (инструкторов, уполномоченных лиц, представителей, заведующих отделами и отделениями) на местах. Детально изучив положение дел в данных партийных организациях, представители Кавбюро давали их руководителям конкретные указания, помогали на месте исправить допущенные ошибки, проводили партийные воскресники, единовременные кампании, способствовавшие улучшению их работы¹.

Руководящих работников Кавбюро ЦК РКП(б) направляло в местные партийные организации на довольно длительный срок.

«Еду на месяц на Кубань для обхода партийных организаций и проведения областных партийных конференций»², — писал А. М. Назаретян М. Цхакая в Москву 22 января 1921 года. Были командировки и более длительные, в зависимости от характера проводимого мероприятия.

Большую работу провело Кавбюро по упрочению связи центральных комитетов национальных коммунистических партий с областными, краевыми, городскими и районными комитетами. По его указанию ответственные работники центральных комитетов часто выезжали в периферийные партийные организации, чтобы серьезно укрепить связь с широкими партийными массами.

С марта 1921 года по декабрь того же года члены ЦК КП Грузии, руководящие работники его аппарата и другие ответственные партийные советские работники побывали две тысячи раз в партийных организациях³. Приблизительно таковы данные относительно армянских и азербайджанских партийных организаций.

Тесная связь с местными партийными организациями помогла Кавбюро глубоко изучить партийную работу на местах, выработать верную линию руководства с учетом специфики многонациональных областей.

Кавказское бюро, а также прикомандированные отдельные товарищи, побывавшие на местах, особое внимание обращали на такие партийные организации, в которых партийная работа была поставлена слабо или же в ней имели место перегибы, антипартийные течения, фракционность. Серьезную борьбу Кавбюро вело против грузинских национал-уклонистов и разного рода перегибов. Энергично действовало оно, в частности, искореняя вредную практику фракционности и группировок в Коммунистической партии Азербайджана.

Укреплению местных партийных организаций способствовала и чистка рядов партии, проведенная в 1921 году в соответствии с постановлением X съезда ЦК РКП(б). Это мероприятие всеобщего значения Кавбюро провело организованно и на высоком идейном уровне. В своих практических действиях оно неуклонно руководствовалось указаниями В. И. Ленина о том, что во время чистки надо опираться на опыт беспартийных рабочих, считаться с представителями беспартийной пролетарской массы.

«...Если бы нам действительно удалось, — писал Ленин, — таким образом очистить партию сверху донизу, «невзирая на лица», завоевание революции было в самом деле крупное»⁴.

Руководство Кавбюро отдавало себе ясный отчет в том, что во время перехода на новую экономическую политику главным образом внимание обращается на увеличение производительности труда, укрепление трудовой дисциплины; «в такое время главным завоеванием революции становится улучшение внутреннее, не яркое, не бросающееся в глаза, видное не сразу, улучшение труда, его постановки, его результатов, улучшение в смысле борьбы против разлагающих и пролетариат и партию влияний мелкобуржуазной и мелкобуржуазно-анархической стихий»⁵. Поэтому Кавбюро проявляло большую чуткость и осторожность в этом ответственном деле, как в малом, так и в большом.

Прежде всего, Кавбюро создало центральную областную комиссию по чистке рядов партии, в которую входили М. Орахелашвили, А. Мясников, А. Назаретян, И. Фигатнер и М. Трегубова⁶.

Кроме того, при центральных комитетах компартий Грузии, Азербайджана и Армении были организованы республиканские, городские и районные комиссии по чистке рядов партии.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 29, л. 7.

² Там же, ф. 157, оп. 3, д. 42, л. 6.

³ Журнал «Сакартвелос комунисти», 1920, № 12, стр. 30.

⁴ В. И. Ленин, ПСС, т. 44, стр. 122.

⁵ Там же.

⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 1, лл. 142—143.

Центральная комиссия Азербайджана была утверждена в составе Ваго Стуруа, Ивана Вацека и Михаила Ягубова; Грузии — Ивана Чикарева, Филиппа Махарадзе и Павле Сабашвили; Армении — Качаткова, Амбарцумяна и Акопджаняна¹.

Отдельные центральные комиссии были созданы для работы в партийных организациях Аджарии и Абхазии. При этом Аджарская комиссия состояла из трех человек (Тодрия, Насаридзе, Канабидзе), а Абхазская — из шести членов (Соловян, Машкевич, Акиртава, Кухалейшвили, Лядов, Шевчук)².

В партийных организациях Кавказа, так же как и в других, на первых порах имели место случаи безответственных рекомендаций³ в деле чистки рядов партии, что сильно мешало серьезному проведению этого важного мероприятия. По указанию В. И. Ленина Центральный Комитет партии принял решение, согласно которому «рекомендовать имеют право только те товарищи, которые знают рекомендуемого не менее года, работая с ним вместе или наблюдая его работу в той или иной партийной организации»⁴.

В дальнейшем в этом деле Кавбюро неуклонно руководствовалось данным решением и добивалось хороших результатов. Во время чистки был проверен не только каждый коммунист, но и уровень работы в каждой партийной организации. В ходе этой кампании снова подтвердилась общая слабость кавказских сельских партийных организаций. Большинство здешних коммунистов были безграмотны, политически неподготовлены. Этим обстоятельством и объяснялись нежелательные случаи самовольного ухода некоторых из них из рядов партии. Правда, лица, самовольно уходившие из рядов партии, в абсолютном большинстве своем были враждебно настроены по отношению к Коммунистической партии и Советскому правительству, они проникли в партию с корыстной целью. Но среди уходивших попадались и преданные партии люди, имеющие большой партийный стаж, даже (очень редко, но все-таки) профессиональные революционеры. Причина этого — в подавляющем большинстве случаев в неверном понимании новой экономической политики, проводимой в стране в годы разрухи и голода.

Известный профессиональный революционер, активный участник гражданской войны — Кале Саджая в своем заявлении, поданном в связи с уходом из партии, отмечал, что нэп — это восстановление капитализма, и он не может оставаться в партии, которая, будто, восстанавливает капитализм, что он не для этого проливал кровь и т. д.⁵. Это — типичный пример аргументации ухода из партии в заявлениях коммунистов данной категории.

В ходе чистки рядов партии были допущены и ошибки чисто субъективного характера, когда просто-напросто сводились личные счеты. В связи с этим Орджоникидзе телеграфировал Ленину и Сталину о недобросовестном поведении одного из видных партийных работников, который «очень нагло сводит политические счеты со своим противником, всячески выискивает «материалы» против Буда, Элиава (Ш. З. Элиава. — А. И.), Сережи (С. И. Кавтарадзе. — А. И.), М. Торошелидзе...»⁶.

ЦК РКП(б) обратил серьезное внимание на эти и подобные им извращения. 3 июля 1921 года было разослано циркулярное письмо, в котором внимание партийных организаций заострялось на необходимости немедленного исправления ошибок, допущенных при чистке рядов партии. Центральный Комитет партии твердо стоял на позиции защиты интересов честных и преданных своих членов, предупреждал крайевые и окружные комиссии не исключать из партии товарищей без санкции центральной контрольной комиссии⁷.

Согласно этому указанию ЦК, Кавбюро усилило руководство крайевыми, областными и республиканскими комиссиями по чистке партии; энергичную работу проводило оно по исправлению допущенных ошибок. В результате — сотни преданных, верных нашему делу коммунистов были восстановлены в рядах партии. При посредничестве Кавбюро был восстановлен в партии член тбилисской партийной организации, старый большевик Георгий Элисабедашвили, необоснованно исключенный из ее рядов⁸.

Несмотря на это, в результате чистки число исключенных из кавказских партийных организаций все-таки было довольно большим. Абсолютное боль-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 1, лл. 142—143.

² ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 81, лл. 1, 3, 5, 8.

³ В. И. Ленин, ПСС, т. 44, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 547.

⁵ ПА Груз. филиала ИМЛ, ф. 13, оп. 1, часть 1, д. 6, л. 10.

⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 18, д. 99, лл. 1—2.

⁷ Там же, д. 5, л. 5.

⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 149, л. 33.

шинство исключенных составляли крестьяне. В некоторых партийных организациях количество их достигало 78 (Сигнахи)¹, 83 (Телави)², и 86 (Лечхуми) процентов. В партийной же организации Юго-Осетии эта цифра достигала 90,7 процентов⁴.

В деле укрепления местных партийных организаций и успешного осуществления руководства ими весьма серьезную роль выполняла периодическая пресса и литература, которая выпускалась издательствами Кавказского бюро РКП(б) и центральных комитетов национальных компартий.

Кавказские партийные организации, кавказские коммунисты и сочувствующие им беспартийные массы всегда находили ответы на волнующие их злободневные вопросы в таких газетах и журналах Кавбюро, как «Советский юг», «Известия Кавказского бюро ЦК РКП(б)», «Советский Кавказ», «Экономическая жизнь Кавказа», «Кавказский рабочий» и другие.

Большими тиражами издавалась партийная литература — такие книги, как труды Маркса, Энгельса, Ленина, видных партийных и советских руководителей, сборники.

Выходило также много сборников статей по вопросам кооперации, новой экономической политики, финансовой политики, коммунистического Интернационала и т. д.

Под руководством Кавбюро ЦК РКП(б) национальные коммунистические партии смогли успешно урегулировать дела местной партийной и советской прессы. Фактически нелегальные условия работы сильно препятствовали изданию и распространению журналов и газет, существенно ограничивали их количество и тираж. Но как только Советская власть в Закавказских республиках победила, партийная и советская пресса получила в крае самое широкое распространение. Только в Грузии к 1921 году было издано 90 названий журналов и газет общим тиражом в 350 000⁵.

С самого же начала своей деятельности Кавбюро со всей серьезностью взялось за подготовку и правильное распределение партийных и советских кадров. Это имело особенно большое значение потому, что среди многонационального, преимущественно крестьянского населения Кавказа, вообще было мало работников такого типа и еще меньше — местных национальных кадров. А они были крайне необходимы кавказским многонациональным партийным организациям. Особенно тяжелым положение оказалось в этом отношении в горных районах Северного Кавказа.

Экономическая, политическая и культурная отсталость населения горных районов, пережитки патриархального быта, религиозные обряды и суеверия и обуславливали низкий идейно-политический уровень основной массы коммунистов в этих районах. Достаточно отметить, что в первые годы Советской власти число безграмотных коммунистов в горных районах достигало 90 процентов⁶.

Чтобы обеспечить местные партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации опытными, боеспособными кадрами, Кавбюро обратилось к ЦК РКП(б) с просьбой вернуть в их распоряжение коммунистов, работавших в разных уголках республик.

В. И. Ленин, Центральный Комитет партии удовлетворили эту просьбу. Мобилизованных товарищей периодически большими группами посылали в распоряжение Кавбюро. Одну из таких групп Кавбюро, на основании решения своего заседания от 3 августа 1920 года, главным образом направило в Кубано-Черноморскую и Ставропольскую области. Группа эта состояла из шестисот человек⁷. Позже, после победы Советской власти в Грузии решением организационного бюро Центрального Комитета РКП(б) от 25 апреля 1921 года в распоряжение Кавбюро были отправлены такие выдающиеся профессиональные революционеры, партийные и советские работники, как Илья Цивцивадзе, Владимир Джикия, Бесо Луминадзе, Валериан Георгадзе, Давид Канделаки, Георгий Квачадзе, Андро Вардзnelи и другие. Всего 32 человека⁸. Для доставки мобилизованных товарищей в Тбилиси по распоряжению ЦИК был выделен отдельный спецвагон⁹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 149, л. 18.

² Там же, л. 29.

³ Там же, д. 115, л. 62.

⁴ Там же.

⁵ Журнал «Сакартвелос комунисти», 1966, № 12, стр. 46.

⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 14, д. 1001, лл. 138—139.

⁷ Там же, д. 60, лл. 213—214.

⁸ Там же, д. 1, л. 52.

⁹ Там же, л. 2.

В тот же период Кавбюро вытребовало из РСФСР железнодорожных работников, выходцев из Грузии, Армении, Азербайджана, Горской республики для постоянной работы на Закавказской железной дороге¹.

В первые годы своей деятельности Кавбюро проводило также общепартийную мобилизацию в масштабах Кавказа и Дона². Этим работников направляли, главным образом, в сельские партийные организации.

Такая помощь селу кадрами из промышленных центров и городов влекла за собой внутреннее их перераспределение в масштабах подчиненных Кавбюро партийных организаций и способствовала серьезному укреплению основных из них и в особенности сельских.

Летом 1920 года работу Кавбюро сильно осложнила очередная авантюра Врангеля, высадившего свои десанты на Северном Кавказе. В связи с этим Ленин послал Кавбюро специальную телеграмму, в которой писал: «Предстоит еще упорная борьба с белополяками. ЦК может поэтому выделять на врангелевский фронт лишь ограниченное число работников. Кавбюро ЦК должно строжайшим образом учитывать и распределять силы, имея главной задачей врангелевский фронт. Необходимо укрепить политотдел, особый отдел, трибуналы армии, поднять боепригодность частей, отдав лучших коммунистов. О принятых мерах сообщить ЦК»³.

Руководствуясь указанием В. И. Ленина, Кавбюро перебросило все силы против десанта Врангеля, и вскоре он был полностью уничтожен.

Решением Кавбюро от 23 августа 1920 года на Северном Кавказе были мобилизованы коммунисты-офицеры⁴, что способствовало укреплению кадрами войск Кавказского фронта и их партийных организаций.

Настоящей кузницей национальных партийных и советских кадров были краевые и республиканские партийные школы, открытые по указанию и с помощью Центрального Комитета партии. Краевая партийная школа сначала была рассчитана на 200 слушателей⁵. Затем их количество возросло до 600 человек. Параллельно, под руководством Кавбюро при Центральном Комитете компартии Азербайджана была открыта трехмесячная партийная школа, которая «из мусульманского населения подготавливала секретарей парткомов и организаторов для районных и уездных организаций»⁶.

Кадры готовились также на курсах нацменьшинств, созданных при народном комиссариате национальных дел, и в восточном коммунистическом университете⁷, который по распоряжению Кавбюро находился в Баку.

В обеспечении кавказских партийных и советских профсоюзно-комсомольских организаций кадрами большую помощь Кавбюро оказывали Центральный Комитет партии, В. И. Ленин.

По его указанию ЦК РКП(б) периодически проводил в промышленных центрах Российской Федерации мобилизацию опытных, верных партии, знающих дело работников, которых также посылали в распоряжение Кавбюро.

В. И. Ленин, Центральный Комитет партии были постоянно, прочно связаны с Кавбюро. На пленуме ЦК, на заседаниях Политбюро и организационного бюро периодически заслушивались доклады руководителей и членов Кавбюро.

В Центральный Комитет регулярно посылались ежемесячные отчеты о деятельности Кавбюро, которые тщательно рассматривались и обсуждались членами ЦК.

С особым вниманием Владимир Ильич следил за работой Кавбюро. Центральный Комитет часто посылал своих инструкторов для ознакомления с его работой и оказания ему необходимой помощи.

В отдельных же случаях, когда перед бюро возникали проблемы сложного внешнего и внутреннего характера, Политбюро ЦК на длительное время командировало на Кавказ того или иного своего представителя. В октябре 1920 года в связи с создавшейся весьма сложной ситуацией на Кавказе по решению Политбюро ЦК РКП(б) туда был прикомандирован И. В. Сталин⁸. А в 1921 году, в период создания Закавказской федерации для оказания помощи Кавбюро в Тбилиси часто командировали И. В. Сталина, В. М. Молотова, А. С. Енукидзе и других. Кроме того, Центральный Комитет партии, лично В. И. Ле-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 64, д. 1, л. 2.

² Там же.

³ В. И. Ленин, ПСС, т. 51, стр. 349.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 1, л. 13.

⁵ Там же.

⁶ Грузинский филиал ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, часть 1, д. 171, л. 10.

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 1982, л. 7.

⁸ Там же.

нин часто посылали членов ЦК или работников его аппарата для присутствия на отдельных заседаниях Кавбюро, участия в работе пленумов, партийных конференций и совещаний. Центральный Комитет партии всегда бывал в курсе всех дел Кавбюро. Поэтому-то он и мог верно, целенаправленно руководить его работой.

Своей энергичной деятельностью Кавбюро сыграло большую роль в идейном, политическом и организационном укреплении кавказских партийных организаций, в повышении уровня партийной работы, подготовки и воспитания местных руководящих кадров. Многие сделало Кавбюро и в создании, усовершенствовании местного советского и хозяйственного аппарата. Но особенно велики его заслуги в деле победы Советской власти в крае, дальнейшего утверждения ее в республиках Закавказья, создании единого хозяйственного органа и Закавказской федерации.

ОТКУДА ВСХОДИТ СОЛНЦЕ?

(Из блокнота журналиста)

ДА БУДЕТ СВЕТ!

В самарский период Владимир Ильич прошел не только теоретическую школу. Жизнь его в этой, такой типичной для русского крестьянства, губернии дала ему много того знания и понимания этого общественного слоя, которое так удивляло всех нас позднее.

А. И. Ульянова-Елизарова

1

Он мчится вовсю, наш скорый «Казань—Куйбышев». Я сижу у окна, на столике горка книг, в них — рассказы о старой купеческой Самаре. Я взял их с собой в путешествие.

Перелистываю книги и не замечаю, как умолкает перестук колес и уютное купе расплывается, исчезает вместе с мыльми, добродушными соседями. Передо мной вдруг вырастает неведомо откуда маленький городок с духовной семинарией, с пансионом для девиц, с «Городским комитетом попечительства народной трезвости», со всеми 72 городскими предприятиями, на которых трудятся две с половиной тысячи рабочих. Я вижу купцов, торгующих хлебом, салом, шерстью, овчиной и лошадьми, амбары, растянувшиеся вдоль Волги. Я слышу малиновый перезвон всех двадцати двух церквей с золочеными куполами, вижу, как из всех ста девяносто шести городских кабаков и трактиров выходят навеселе самарские мастеравые.

По грязной, кривой самарской улице бредет подросток Алеша Пешков. Пройдут годы, и он, став Максимом Горьким, с тоской вспомнит о своем родном городе: «Улица не мощена, изрыта колесами, дождями и свиньями. Дома серые, сутулые, пропитанные многотрудной скорбью жителей». И еще он скажет о Самаре: «Она... более грязна, пыльна и пахуча, чем, например, Казань и Астрахань, у нее более скверные мостовые, чем в Нижнем и Ярославле. Она более неподвижна и более преисполнена косностью к умственным интересам, чем Симбирск, город удивительно сонный и тихий, точно умирающий от старческого маразма...»

Вот она какая, Самара 1889 года. Я знаю: десять лет будут топтать сверстники Алеши Пешкова ее грязные немощные мостовые, пока свершится чудо: в Самаре появится первая городская электростанция мощностью в 300 лошадиных сил, что равняется, примерно, мощности 3 — 4 грузовиков.

...Передо мной вырастает дом купца Рытикова на узкой самарской улице, Владимир Ульянов, склонившийся за письменным столом, освещенным мерцающими свечами...

Я вижу, как опускаются синие сумерки на Дворянскую улицу, вижу комнату в квартире зубного врача Кацнельсона, густые облака дыма, плывущие под потолком. В комнате бушуют страсти — идет собрание, организованное народниками. Либеральный народник Россиневич, специально приехавший в Самару с заданием своих единомышленников нанести удар «чуждой российской действительности марксистской теории», держит речь. Он твердит о самобытных путях экономического развития России; о том, что кустарное производство — производство чисто народное, оно развивается некапиталистическим путем... Выступает Ульянов. Факты — выводы. Примеры — выводы. И все убеждают, сколь наивны и нелепы утверждения залетного народника. Молодой

Окончание. Начало в №№ 2, 3.

Ульянов не оставляет от доклада Россиневича камня на камне. «Все смешное было очень тонко высмеяно, глупое, неуклюжее и наивно детское было так просто и остроумно разоблачено, что сам Россиневич по временам зарзитель-но хохотал, а марксистская часть собрания была буквально на верху блаженства», — пишет в своих воспоминаниях о «дуэли» Ленина с Россиневичем самарский друг Ильича А. А. Беляков.

Я читаю эти страницы воспоминаний и думаю: еще не раз после того мартовского вечера 1891 года Владимиру Ильичу придется давать бой народникам, еще не раз придется отстаивать чистоту марксистского учения, доказывать, что без революционной борьбы невозможно построить социализм.

Самара, Самара... Сколько книг написано о тебе! Их страницы впитали горячь и стойкость, и слезы, и кровь, и пламень. Беру со стола томик Горького:

«Смертный, входящий в Самару с надеждой в ней встретить культуру, Всялять возвратися, зане город сей груб и убог.
Ценят здесь только скотов, знают цену на сало и шкуры,
Но не умеют ценить к высшему в жизни дорог».

Самара, Самара...

...Скрипнула дверь купе. С кожаной сумкой в руках вошел проводник.
— Приготовьтесь, товарищ пассажир. Подъезжаем к Куйбышеву.

2

86.684
Так вот ты какая, сегодняшняя Самара! Весь день я хожу, езжу, снова хожу по респектабельным куйбышевским проспектам. Асфальтированные улицы расчищены от снега, милиционеры с поднятыми воротниками тулупов дрижируют на перекрестках тысячами машин. «Улицы не мощена, изрыта колесами, дождями и свиньями. Дома серые, сутулые, пропитанные многой скорбью жителей...». Эти горьковские строки — об этом городе?! О городе, который недавно принял миллионного жителя? В котором каждый год вырастает десять тысяч новых квартир? В котором семь институтов готовят 43 тысячи студентов, и это если не считать заочников, если не считать средних специальных учебных заведений, если не считать 26 университетов культуры? О городе, в котором четыре театра, филармония, концертные залы, музеи?..

Впрочем, что-то все-таки осталось от старой Самары. Это «что-то» — матушка-Волга. Зеркальная, закованная льдом, она и зимой величественна.

Как и в Ульяновске, Кокушкино, Казани, мой первый визит — в ленинский музей. Двухэтажный дом купца Рытикова помещался на углу Почтовой и Сокольничей улиц. Сейчас эти улицы носят названия Ленинской и Рабочей. Я вхожу в чистенький дворик, поднимаюсь на второй этаж в комнату Владимира Ильича. Стены оклеены темно-голубыми обоями, окно завешено полотноной портьерой. Письменный стол, на столе чернильный прибор с медной отделкой, два подсвечника, керосиновая лампа, счеты. У стены железная кровать, этажерка с книгами. Стулья. Ничего лишнего.

Сюда, в Самару, Владимир приехал из Алакаевки, когда ему было 20 лет. Каждый город, оставшийся позади, оставлял метку в памяти юноши. В Симбирске он родился, закончил гимназию с золотой медалью. В Казани был исключен из университета за участие в студенческом волнении. В Кокушкино отбывал ссылку под надзором полиции. То были первые революционные шаги юного марксиста. Здесь, в Самаре, начиналась его революционная зрелость.

Она начиналась бурно, активно, напористо. У Владимира Ульянова появились верные друзья. Алексей Скляренко — тот самый Скляренко, который в 16 лет печатал и распространял прокламации, направленные против царского режима, год просидел в одиночке петербургской тюрьмы «Кресты», а возвратившись в Самару, организовал кружок революционно настроенной молодежи (в кружке придерживались народнического направления, но влияние Владимира Ульянова было столь благотворным, что все кружковцы, и в том числе сам Скляренко, стали марксистами); сельский учитель Алексей Беляков, выдавший царские казematы; сын внца Матвей Семенов (Блан), исключенный из Петровской сельскохозяйственной академии за участие в студенческом движении; помощник машиниста Иван Кузнецов, организатор марксистского кружка железнодорожников; юноша железной стойкости Исаак Лалаянц, прошедший

через аресты, ссылки, каторги и в конце концов приговоренный к пожизненному поселению в Сибири; слушательница самарской фельдшерской школы Мария Лебедева, скромная и самоотверженная девушка, ведавшая библиотекой марксистского кружка, участвовавшая в создании кружка марксистов фельдшерской школы, переписывавшая ленинские рефераты.

Хорошие, проверенные друзья! Они часто собирались, и немного времени понадобилось Владимиру Ульянову, чтобы стать душой этого кружка. С железной логикой раскрывал он им сущность марксистского учения и его применения к российской действительности. Учил их понимать «Капитал». Вел на борьбу с ошибочными взглядами народников — борьбу непримиримую, бескомпромиссную.

Комната Владимира Ильича полна экскурсантов. Пожилая женщина-экскурсовод ведет нас от стенда к стенду, рассказывает о самарском периоде жизни вождя. Ильич провел в Самаре четыре года. Он многое успел за это время. За полтора года подготовился и блестяще сдал экзамены за полный курс университета по юридическим наукам. Ему присудили диплом I степени. Работал помощником присяжного поверенного. Проштудировал революционное учение К. Маркса. Написал свои первые рефераты, уже тогда убедительно показавшие зрелость молодого Ульянова как марксиста. Перевел с немецкого языка «Манифест Коммунистической партии», создал самарский марксистский кружок. Он изумлял всех своим необычайным, удивительным трудолюбием и работоспособностью.

Старый захолустный купеческий городок на Волге с его деревянными домиками, сонными улицами был разбужен ленинской мыслью, словно раскатами грома. Самара, города Поволжья стали одним из основных центров распространения марксизма в нашей стране. Благодаря Ленину.

— Обратите внимание на эту картину, — советует экскурсовод.

Картину написал художник Лебедев. Она висит на стене, мы рассматриваем ее, и перед нами встает Ильич в необычной роли: помощник присяжного поверенного Ульянов выступает в самарском Окружном суде. Много раз выступал он в качестве защитника и, судя по характеру дел, почти все они требовали защиты прав трудящегося человека. Мне хочется подробнее узнать об этой стороне деятельности Ильича, и экскурсовод советует побывать в Куйбышевской публичной библиотеке.

В библиотеке передо мной положили «Самарские губернские ведомости» за август 1892 года. Они ветхи, кажется, вот-вот рассыплются в руках, я осторожно перелистываю страницы с поблекшей от времени краской. Вот. Нашел. В официальном отделе напечатано постановление Окружного суда о предоставлении В. И. Ульянову права «выступать перед судом как по уголовным, так и гражданским делам». Найти бы хоть одно дело, которое вел Ильич! Пойти бы по следам этого дела, посмотреть бы, как живут потомки подзащитных Ленина! Мечта журналиста, всегдашнее стремление перебросить мосток через десятилетия в сегодняшний день...

Мне не нужно пускаться в поиски: в ленинском музее я нахожу дело о семи голодающих. Крестьяни села Смышляевка, Алексеевской волости, Самарского уезда Игнат Красильников, отец двух голодных детей, вместе с 13-летним «солдатским сыном» Степаном Рениным пытался украсть у местного кулака Гоньякова хлеб. Доведенные до отчаяния, посягнули на личную собственность богатеев и другие крестьяне — Тишкин, Зорин, Уждин, Зайцев, Гайский, Муленков.

Защитником этой группы голодных крестьян должен был выступить известный в Самаре адвокат, присяжный поверенный С. Г. Гиршфельд. Но вместо него выступил Ленин. Почему это произошло, объясняет рапорт Гиршфельда председателю самарского Окружного суда. В нем указано, что обвиняемые сами пожелали иметь своим защитником помощника присяжного поверенного В. И. Ульянова. На рапорте Владимир Ильич написал: «Обязанности защиты подсудимых Тишкина, Зорина, Уждина, Зайцева, Красильникова, Гайского, Муленкова принять на себя согласен. Пом. прис. пов. В. Ульянов».

И вот суд. Веские, неоспоримые доказательства невиновности крестьян, приведенные молодым адвокатом, прослышшим в Самарской губернии «мужиком заступником», заставили даже царских судей смягчить приговор...

Я должен побывать на родине хотя бы одного из крестьян, подзащитных Ульянова. Дело о голодающих, совершивших кражу хлеба. Как живут их потомки?

Я еду в Смышляевку. Сани несут меня по закованной льдом Волге на другой берег. Ветер рвет ушанку, пробирается под тулуп.

И вот оно, село.

Смышляевка походит на небольшой городок. Ровные улицы. Добротные дома колхозников под железными крышами выкрашены в светлые тона.

Конечно, сейчас, спустя почти восемь десятилетий, никто из подзащитных Ульянова уже не остался в живых. Недавно скончался один из потомков Игната Красильникова — Николай Данилович Красильников, он жил на краю села, в новом, ледно скроенном доме. У него была большая семья — четверо взрослых детей, а у тех — свои семьи. Все трудятся, хорошо зарабатывают.

Надежда Егоровна Мадеева, председатель смышляевского сельсовета — женщина энергичная, грамотная, боевая, показывает свои владения. В селе — завод строительной керамики, две средних школы, детские сады, детские ясли. Работает участковая больница. Бойко торгует сельцо с богатым выбором товаров. Действует районный комбинат бытового обслуживания. Открыты три почтовых отделения связи. Жилищное строительство развернуто с размахом — чтобы смышляевцам жилось светло и просторно.

Потом я беседую с Александрой Федоровной Гасилиной, секретарем Волжского райсовета, в состав которого входит Смышляевка. Она рассказывает мне о селе лаконично, коротко. Только факты. Ничего, кроме фактов. В Смышляевке был богатый колхоз — больше трех с половиной миллионов рублей годового дохода, отличные фермы. Правление за один только год расходовало почти двести тысяч на строительство животноводческих помещений. Тысячи платило авиаторам за подкормку почвы, не жалело денег на подписку: без газет и журналов как прожить?

— Заметьте, — говорит Александра Федоровна, — я веду речь о той самой Смышляевке, где жил Игнат Красильников, которого защищал на суде Ленин. Игнат пытался украсть у кулака хлеб: его двое детей голодали. И сколько было таких, безлапотных, в те годы! В достатке жил разве что один кулак Копьяков. Сейчас агитаторы рассказывают о прошлом села, а молодежь в один голос: «Это у нас, в Смышляевке, было такое? Да быть не может!».

Александра Федоровна улыбается:

— Фомы неверующие.

3

Куйбышев так разросся, он так огромен, что с ним, как говорят, с ходу не познакомишься. Вдоль асфальтированных улиц и проспектов высятся дома-гиганты. Бывшие окранны города оказались в центре, а за самарской чертой выросли новые районы, и в каждом из них можно было бы разместить две прежнее Самары: Кировский, Красноглинский, Советский, Куйбышевский... (Председатель Куйбышевского горплана Н. Ловгин рассказывал о широком масштабе строительства в городе, и не только жилья — зимний цирк, новые кинотеатры, комплекс спортивных сооружений, магазины, бытовые предприятия; он говорил о теплофикации жилых зданий, о том, что в квартиры куйбышевцев приходит газ, о зеленом кольце вокруг города — словом, о том, что теперь не удивит ни тбилисец, ни жителей других советских городов, потому что стало обычным. Но именно в этой обыденности фактов я увидел отблеск воплощенной ленинской мечты о будущем советского человека, и потому привожу их в своих записках.)

— Богатств у нас много, — сказал мне куйбышевский старожил. — Индустриальный город, тридцать одних лишь металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий. Гиганты. А других отраслей народного хозяйства не перечислять. Это вам не Самара. И торгует она теперь не шерстью и лошадыми — через Куйбышевский порт идут уголь, металлы, марганец, трансформаторы, легковые автомашины, цемент, лес... На сотнях крупных комбинатов, заводов и фабрик трудятся тысячи и тысячи инженеров и рабочих. У нас два кабельных завода, два станкостроительных, три подшипниковых (куйбышевскими подшипниками пользуется вся страна, и Грузия без них не обходится), заводы металлоконструкций, строительных машин, Автотрактородеталь, металлургический имени Ленина, механический, толеруберойдовый... Перечислять все? Вам бы познакомиться с ними, побывать у них.

Ох, и хорошо жилось журналистам в прошлом веке! Зашел на «предприятие», а все предприятие с гулькин нос — полкустарная мастерская. Статистики подсчитали, что во всем городе работало две с половиной тысячи человек. Они выпускали продукцию меньше чем на восемь миллионов рублей в год. А сейчас один только цех завода «Катэк» выпускает за один только месяц продукцию на такую же сумму.

Куда же все-таки направится? Пожалуй, поеду на подшипниковый, коль скоро его продукция популярна у нас в Грузию.

4-й Государственный подшипниковый завод прославлен на весь мир. Рабочие встали на ленинскую вахту — они хотят достойно встретить юбилей завода. Я прошу заводских экономистов рассказать о связи завода с нашей республикой.

— Вот, смотрите, — старший экономист Клавдия Петровна Рогачева раскрывает переплетенный том. — Наши подшипники получают тбилисские заводы имени Орджоникидзе, «Микродвигатель», «Электросварка», шлифовальных станков, «Тбилприбор», кутанские заводы малогабаритных тракторов и электромеханический, Батумский электротехнический, «Горприбор», «Грузсель-маш», машиностроители Потти...

Я пошутил:

— Вероятно, мы у вас забираем все подшипники.

— Но и вы не остаетесь в долгу, — заметила Ольга Павловна Павлова, старший техник группы металлов. — Руставцы присылают нам конструкционную сталь. Из нее мы изготавливаем отличные инструменты.

— Грузия шлет нам строительные материалы, — добавила экономист Галина Яковлевна Пастухова.

— Вы забыли о химикатах, — сказала Ольга Павловна. — Грузинские химикаты поставляют нам нитрит натрия...

Куда бы я ни приезжал, всюду наглядно видел, как прочны связи русского города с Грузией. В средневожском транспортном управлении меня встретила инженер Нина Петровна Наприенко. Она повела рассказ о кутаисской «Колхиде». Куйбышевцы получают ее постоянно. И что особенно приятно, она хорошо зарекомендовала себя. Только в прошлом году кутаисцы прислали в Куйбышев 31 машину «КАЗ-608». И побежали они по волжским дорогам — на стройки, в сельские районы, на новые жилые массивы, в город Тольятти, где сооружается Волжский автозавод...

Казалось, от исконно русской Волги переброшен мост-великан к бурной

— Куда путь держим? — спросил водитель.

— На ГЭС.

О том, что надо бы побывать на Волжской ГЭС имени В. И. Ленина, я подумал, когда читал о первой самарской городской электростанции, построенной в 1900 году, «чуде», мощностью в 300 лошадиных сил, что равняется, примерно, мощности трех-четырех грузовиков. И вот машина мчит меня по ленте шоссе, и вскоре передо мной раскрывается панорама, от которой захватывает дух. Два миллиона триста тысяч киловатт — это тебе не «мощность» трех грузовиков. Волжская ГЭС вырабатывает одиннадцать миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год — в пять раз больше, чем прежде вырабатывали все электростанции России.

Конечно, сейчас в нашей стране появились гидроэлектростанции и побольше, и помощнее. Что в этом особенного?

Что особенного? Я мысленно возвращаюсь в ленинский дом-музей, в его комнату, где на письменном столе Ильича стоят два медных подсвечника. Когда-то Ильич, сидя в вечерний час за этим столом, раздумывал над будущим России. Мерцало незркое пламя свечей, и Ильич, снимая нагар с фитилей, мечтал о тех днях, когда над Россией исчезнет тьма. Эти дни пришли. Ибо свет ленинских идей проник в каждый дом советского человека, обогрев всю нашу необъятную Родину.

И да будет он ярким и горячим, этот вечный, немеркнущий свет!..

«ЗДЕСЬ, В ШУШЕНСКОМ, ПРОХОДИТ ОСЬ ЗЕМЛИ»

1

В Шушенское! Я лечу туда самолетом. Шесть часов мчится «ИЛ-18» над городами, селами, перелесками. В Красноярске садимся вечером. Еще два часа — и мы в Абакане. Отсюда путь лежит автобусом.

И вот оно, Шушенское. Вероятно, и в тот памятный для человечества майский день 1897 года, когда политический ссыльный Владимир Ульянов приехал на простой крестьянской телеге в это далекое сибирское село, Саянские хребты синели у голубого горизонта, шумел зелеными и медными листьями густой бор на окраине, а прозрачная речка Шуша величаво несла свои воды в безбрежный Енисей...

Здесь во всем видны Ильичевы приметы. Вот дом крестьянина Зырянова: в нем поселился Владимир Ильич, прибыв в Шушенское. Вот другой дом, он принадлежал крестьянке Петровой: сюда Ильич переехал через год вместе с Надеждой Константиновной и пробыл в нем до конца ссылки. Вот подвесной

мост через Шушу: пройди по этому ажурному мостику, и ты попадешь на «остров», где совершал Ильич ежедневные прогулки. Вот тропка в сосновом бор, исходенная Ильичем. Вот дорога на ставшую знаменитой «Песчаную горку»...

Они едва уловимы, Ильичево приметы, время окрасило их в другие цвета, и сейчас трудно, ох, как трудно представить себе, каким застал Шушенское Ленин в те далекие годы, когда было оно глухим захолустьем.

Пусть расскажут об этом книги: «...Это было село с кривыми улицами... Дикие и жестокие нравы, темнота и невежество царили среди населения, почти поголовно неграмотного. Единственная начальная школа на три десятка человек не имела даже своего постоянного помещения, кочевала по частным квартирам... Ни больницы, ни даже фельдшерского пункта село не имело. Население «врачевали» знахари и попы»¹.

Пусть расскажет об этом статистика: 2 кабака, 4 шинка, каменная церковь, несколько купеческих лавок.

Пусть расскажет об этом сам Владимир Ильич: «Ты просишь, Маняша, описать село Шу-шу-шу... Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все, как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом»².

Грязь, навоз, кривые пыльные улочки, кабаки и лавчонки... Да полноте! О том ли Шушенском идет речь, которое открылось мне сейчас? О том ли Шушенском — с его просторной площадью, Домом Советов и Домом культуры, с его школами и гордостью поселка — сельскохозяйственным техникумом, с его сверкающими витринами магазинов и асфальтированными улицами?..

2

И снова, как в других городах, мой первый маршрут — в ленинский домик, ставший музеем. Научный сотрудник музея Прасковья Павловна Никулина раскрывает передо мной историю Ильичевой ссылки.

— Представьте себе Петербург, — говорит она. — Начало прошлого века. Туманный, дождливый Петербург...

И глядя на снимки, документы, выставленные для обозрения, я представляю себе не богатый, рядный Невский проспект, не величественный царского дворца, не величественный Исаакий, а одиночную камеру в Петербургской тюрьме с маленьким зарешеченным окном под потолком и организатора «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Владимира Ульянова, проведшего 14 месяцев в этой тесной камере, прежде чем отправиться в сибирскую ссылку по приговору царского суда. Я представляю себе долгую, утомительную дорогу до Красноярска, пароход «Святой Николай», пять суток плывущий по Енисею, двух друзей, беседующих на палубе, — Ильича и Кржижановского. Я представляю себе приставь Соронино (пароход дальше не шел) и искореженную проселочную дорогу, по которой 80 километров добирались в Минусинск друзья-единомышленники, и еще более искореженную дорогу из Минусинска в Шушенское, и пронизывающий ветер, рвущий поля старенького палы, и разгоряченных лошадей, спотыкающихся о рытвины, увязающих в болоте...

Этим ленинским маршрутом я накануне ехал из Минусинска в Шушенское. Пассажирский автобус был переполнен, за окном автобуса лежали покрытые снегом поля, промелькнул горбатый мост, переброшенный через Енисей, промелькнули одетые снегом чахлые кустарники, и передо мной открылась ровная, широкая лента асфальта. А по сторонам высоченные сосны задевали верхушками чистое голубое небо...

...Прасковья Павловна знакомит меня с экспонатами музея, с шушенским периодом жизни Ильича. Владимир Ульянов прибыл в Шушенское 8 мая 1897 года. Вот здесь, в этой гостиной, он беседовал с крестьянами, приходившими к нему, чтобы рассказать о своем трудном житье, получить совет, как защититься от произвола местных богатеев. Политическому сыновому Ульянову запрещалось заниматься юридической практикой, но какое значение имел этот запрет? И не только шушенские, но и окрестные крестьяне тянулись к нему, и слава о нем летела по Сибири на крыльях, и росла, как снежный ком, людская молва о нем, отзывчивом, простом, сердечном человеке... Вот здесь он играл в шахматы, читал. А в этой комнате, стоя у конторки, работал.

В одной из витрин дома-музея я увидел старые, потускневшие от времени книги — первые издания ленинских трудов, написанных в Шушенском. Ле-

¹ С. Беляевский, Н. Городецкий. Здесь был Ленин

² В. И. Ленин — сестре Марии Ильиничне. Собр. соч., т. 55, стр. 47—48.

жит вод стеклом сборник «Экономические этюды и статьи». Раскрыта книга «Развитие капитализма в России». Выставлены, ставшие знаменитыми, труды изведения Ильича «Задачи русских социал-демократов», «Насущный вопрос», «Протест российских социал-демократов», «Новый фабричный закон», «От какого наследства мы отказываемся», «Проект программы нашей партии»... За три года ссылки Ленин написал свыше 30 трудов, ставших впоследствии учебниками жизни революционеров, большевиков, миллионов трудящихся. И это, несмотря на постоянный полицейский надзор, на обыски, на преследования жандармов!

Прасковья Павловна рассказывала:

— Только такой великий мыслитель, как Владимир Ильич, мог в тяжелых условиях ссылки так титанически много работать. Его день был распланирован по часам и минутам. Он рано вставал. Летом уходил на Енисей купаться, завтракал и — за дело. Зимой, вместо купания — небольшая прогулка. Еще не начинался рассвет, а он возвращался домой, зажигал лампу или свечу и работал иногда до ночи, иногда — всю ночь напролет.

В ту пору не было для Ильича цели священнее, чем борьба за создание в России марксистской партии нового типа. В своих теоретических трудах он разработал важнейшие проблемы организации такой партии, настойчиво боролся с противниками подлинного, революционного марксизма, давал бой народникам, «экономистам», «легальным марксистам».

Далеко от центра России Шушенское. Ленин приблизил его. Отсюда, из маленького сибирского села, он связывался с революционерами России и других стран и — вот они здесь, под стеклом, ленинские письма к друзьям, знакомым, революционерам, живущим за тридевять земель, письма с почтовыми штемпелями Женева, Средне-Колымска — отовсюду стекались они в это глухое село на берегу Шуши — Ильич был постоянно в курсе революционной жизни. Отсюда, издалека, он учил своих единомышленников, какой должна быть подлинная марксистская партия, предостерегал от ошибок.

В этой деревянной шушенской избушке, в комнате, где я стою сейчас, благоговейно рассматривая дорожке сердцу реликвии, в одну из бессонных ночей, в час глубоких раздумий над судьбами пролетариата, родилось ленинское положение, ставшее ныне достоянием миллионов — положение о том, что без революционной теории не может быть и революционного движения. Оно сформулировано в брошюре «Задачи русских социал-демократов», обобщающей опыт Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В этой избушке Ильич с возмущением читал «Кредо», составленное «экономистами». Стоя за этой конторкой, он написал наполненный гневом «Протест». Семнадцать единомышленников Ильича поставили свои подписи под этим документом, объявляющим непримиримую войну идеям «экономизма», искажающего марксизм. Все мы знаем, какую огромную роль сыграл «Протест 17-ти» в создании марксистской партии в России.

...Домик в Шушенском. Молча стою я в комнате, обставленной скромно и строго, и слышится мне, как поет вьюга за его деревянными стенами, как метет под окнами снежная метель, и видится мне огарок догорающей свечи в медном подсвечнике на ленинском столе, и кажется мне, что блеклый свет, падающий от свечи, разгорается все ярче и ярче, освещая комнату, село, всю страну, весь мир...

Домик в Шушенском. Отсюда взойшло солнце. Солнце революции. Отсюда Владимир Ленин видел будущее планеты. Здесь проходила ось Земли.

3

Я отправляюсь в окрестности Шушенского, к тем тропкам, что исхожены Лениным, в те места, которые больше всего любил Ильич. Со мной коренной сибиряк, местный житель Григорий Илларионович Иванов.

— Сибирская фамилия, — с гордостью говорит Григорий Илларионович. — На нас, Ивановых, считайте, вся Сибирь держится.

— Вся Россия, — подхватываю я, вспомнив популярный фильм.

Григорий Илларионович родился и вырос в Шушенском, знаком с его историей. Он рассказывает, что когда-то, в начале XVIII века, первыми землепроходцами в этих краях были красноярские казаки. Они устроили на этой земле военное поселение и назвали его Шуша: речка Шушь подсказала им это название. Он рассказывает о первых ссыльных, обреченных на вымирание в этой глуши, отрезанной от России, удаленной от почтового тракта, о декабристах А. Фролове, П. Фаленберге и многих других, проведших здесь долгие годы ссылки. О Ленине...

Мы въезжаем в сосновый бор. Он величествен. Богатырские сосны упираются в небо, холодное зимнее солнце окрашивает их в зеленый, желтый, розовый цвета, воздух прозрачен и чист — дыши не надыхнешься.

У входа в бор надпись: «1897 — 1900 гг. В этих местах проводил досуг В. И. Ленин»...

Ильич приходил в этот бор на рассвете, держа наготове ружьишко, шел по этим тропкам с собакой, стрелял перепелов.

А вот Песчаная горка — сюда любил подниматься Ильич во время охоты. Ильичевой тропкой и я поднимаюсь на эту горку. Вокруг простирается лес, вдаль голубеют заснеженные хребты Саянских гор, сверкает гладь Енисея. Никогда в жизни своей я не встречал подобной красоты.

Вот Журавлиная горка. И сюда часто поднимался Ильич. Опершись рукой на ружье, он подолгу задумчиво глядел в голубое небо, пропитанное ватными облаками, слушал переключку пролетающих журавлей.

Вот шалаш. Покрытый дерном, стоит он на четырех столбах с необрубленными сучками. В шалаше — очаг и деревянный крюк — его смастерил Ильич, и чудом крюк этот сохранился до наших дней. На крюк Ленин подвешивал чайник или котелок. Ветки и трава служили ему постелью.

Вот озеро Перово, тихое, гладкое, чуть тронутое осенними холодами. Стоит на приколе лодка, растет вдоль берега камыш... Вглядись в зеркальную гладь озера и тебе почувдится, будто вышел из камышей Ленин в высоких резиновых сапогах, сел в лодку, опустил весла на воду; и тебе почувдится, будто слышишь ты всплеск весел и шуршание камышей, будто видишь далеко закинутую удочку... Ильич любил это озеро, рыбачил на нем, когда выпадал свободный час.

— Только свободных часов было у Владимира Ильича немного, — говорит Григорий Илларионович.

Да, совсем немного оставалось у него свободного времени. В Минусинском уезде проживало в те времена немало политических ссыльных. Ленин объединил всех единомышленников. Они и сами тянулись к нему, верили в него, шли за ним. «Каждому у нас присутствию хотелось быть лучше, чем он есть, и вместе с тем так тянуло быть ближе именно к этому яркому и жизнерадостному человеку», — писал в своих воспоминаниях Глеб Кржижановский. То была очень сплоченная группа закаленных в борьбе людей, защищавших одни интересы, идущих к одной цели. То была по сути первая в истории политической ссылки партийная организация. Удивительно ли, что именно из них, политических ссыльных социал-демократов Минусинского уезда, и сформировалось основное ядро марксистской революционной партии, созданной на II съезде РСДРП.

Но это было потом, а пока следовало готовить товарищей к трудной борьбе. И Ленин выезжал в села Минусинского уезда, чтобы встречаться с ними, снабжал их литературой, вел с ними регулярную переписку.

И это была лишь часть огромной работы Ильича в Шушенском.

Он изучал философию, изучал иностранные языки, переводил на русский язык труды зарубежных философов и общественных деятелей. В далекой сибирской глуши он перевел с английского первый том и отредактировал второй том сочинений Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». Я видел эти книги в музее. Сколько времени и труда потребовали они у Владимира Ильича!..

Но и это была лишь часть титанической работы Ленина в Шушенском. Прибавьте к ней тридцать написанных Ильичем работ, о которых я рассказывал выше, систематические встречи с местными крестьянами, дискуссии с товарищами по ссылке, проникнутые единственно заботой о судьбах пролетариата, прибавьте к этому широкую переписку с революционерами двух континентов — Европы и Азии, и тогда, быть может, вы составите себе некоторое представление о деятельности политического ссыльного Владимира Ульянова.

...Мы стоим на берегу озера Перово, сосновые и березовые леса окружают нас. Тишина. Звонкая тишина. Ее нарушает Григорий Илларионович:

— Вы слышали о ленинской маевке? Она проходила вон там, в лесу.

Ну, конечно, слышал! О ней писала в своих воспоминаниях Надежда Константиновна Крупская. Это было 1 мая 1899 года. Ильич, Надежда Константиновна и их верные товарищи по ссылке путиловский рабочий финн Оскар Энгберг и рабочий из Лодзи поляк Ян Проминский тайком от надзирателя ушли в лес. На пригорке они устроили импровизированную маевку: говорили о борьбе российского пролетариата, мечтали о будущем человечества, пели революционные песни...

Это происходило почти семь десятилетий назад. Здесь, в Шушенском. В этом густом, пахнущем сосной и березой, лесу. Мы долго стояли молча, не

...Снова лесные тропки, узкая дорога по сосновому коридору. Я возвращаюсь в Шушенское.

Захожу в музей. Как всегда, он полон людьми. Прасковья Павловна говорила мне, что в дом-музей Ильича каждый день приходят десятки, а то и сотни людей, совершающих путешествие на край земли со всех континентов, чтобы поговорить с Ильичем.

Хранятся в доме-музее подарки Ленину. Бюст вождя из белого фарфора: ленинградские комсомольцы везли его на мотоциклах, повторив ленинский маршрут в сибирскую ссылку. Пропитанная кровью земля, взятая из Мамаева кургана, и макет паматинка, что возвыгнут на кургане воинам-героям: его привезли молодые волгоградские рабочие. Макет боевого корабля, бескозырка, тельняшка: дар военных моряков Тихоокеанского флота. Первая руда Талнаха: дар комсомольцев Норильска. А вот... Но об истории этого подарка Ильичу мне хочется рассказать подробнее.

Февральским утром 1945 года командир звзда автоматчиков Михаил Ширин, ведя бой за Будапешт, ворвался в обгоревший, подуразрушенный книжный склад. Когда он взял в руки одну из книг, рядом просвистели пули и изрешетили ее. То был немецкий журнал, изданный в 1924 году. Ширин вырвал из журнала три листа и положил в карман. На одном листе был изображен Ильич, выступающий перед народом, на другом — рисунок, выполненный с натуры немецким художником в последние годы жизни Владимира Ильича, на третьем — почетный караул перед первым ленинским мавзолеем. После войны Михаил Иванович поселился на Украине, женился; у него четверо детей. Эти три листа, добытые в бою отважным воином, стали семейной реликвией. 23 года они пролежали в альбоме. А недавно Михаил Иванович Ширин вручил эту реликвию музею. Весь путь от Украины до Шушенского — больше десяти с половиной тысяч километров! — он прошел на мотоцикле. Он мчался через Ульяновск, Челябинск, Омск, Новосибирск, Томск, Ачинск, Ужур, Абакан к заветному месту, где молодой Ленин провел три года в ссылке. Хлестали дожди, снег залеплял глаза, но ничто не остановило 50-летнего человека.

...Едут к Ильичу люди. Тысячи людей со всех концов земного шара. Заходят в его дом, душевно говорят с ним. Это не красивая фраза — именно говорят с Лениным. В музее на столике лежит толстая книга в коричневом переплете, на ее обложке написано: «Что бы вы сказали Владимиру Ильичу?». Тысячи записей, и каждая обращена к Ленину, каждая начинается словами: «Дорогой Владимир Ильич!».

— Дорогой Владимир Ильич! Вчера я была принята кандидатом в члены КПСС. Я сделаю все, чтобы с честью пронести славное звание члена Ленинской партии по всей жизни моей, — говорит Ленину Айрих из города Междуреченска.

— Дорогой Владимир Ильич! Мы приехали из города, который носит Ваше имя. Работаем на заводе, который первым в стране стал выполнять ленинский план электрификации страны. Рады сообщить Вам, что удостоили Ленинградского ордена Ленина завода имени XXII съезда КПСС с честью выполняют Ваши заветы. Большая честь для нас — выполнение заказов для Саяно-Шушенской ГЭС. В честь Вашего 100-летия наш коллектив взял повышенные обязательства, — говорит Ленину ленинградский токарь-карусельщик, депутат Верховного Совета СССР Ф. Кириллов.

— Дорогой Владимир Ильич! Ваша жизнь — подвиг. Обещаем до конца идти Вашим путем, — говорит Ленину участники похода «По местам родного Ильича» из города Коломны.

— Дорогой Владимир Ильич! Буду воспитывать своих учеников строителями коммунизма. Я верю, они все Ваши мечты претворят в жизнь, — говорит Ленину учительница физики школы № 3 города Запорожья П. Хухашвили.

— Дорогой Владимир Ильич! Мы во всем стараемся быть похожими на Вас, — говорят Ленину военные моряки дважды Краснознаменного Балтийского флота.

— Как нужны Вы нам, дорогой Ильич — живой! Нам — партии, народу, человечеству, — говорит Ленину М. Кетлин с Украины...

И у нас, в Грузии, и по всей стране люди готовятся к встрече 100-летнего юбилея вождя. В Шушенском к этой дате готовятся по-особенному. Когда

я беседовал с секретарем райкома партии Григорием Васильевичем Баевым, он подвел меня к рельефному макету, накрытому стеклянным колпаком. И я увидел, как будет выглядеть поселок в году семидесятом.

Я увидел новые жилые массивы, застроенные каменными домами, широкую площадь, на которой горит вечный огонь славы, первоклассную магистраль, проложенную по правую сторону Енисея от Шушенского до Саянской ГЭС, две новых школы почти на тысячу мест каждая, спортивные базы, детские сады и ясли, расширенную вдвое районную больницу, торговый центр с кафе, новый учебный корпус сельскохозяйственного техникума, автовокзал, клуб. Поселок превратится в город, 25 тысяч жителей будут населять его, трудиться в нем и учиться. Он превратится в памятник Ильичу, семь десятилетий назад познавшему в глухом сибирском селе горечь ссылки и мечтавшему превратить не только Шушенское, но все сибирские села в цветущие края. Он превратится в город-памятник всяждо — так решили Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР.

Поселок Шушенское станет современным социалистическим городом Шушенским. И лишь один участок шушенской земли, растянувшийся на шесть с половиной гектаров, будто черная тень на светлом фоне, поразит нас своим убогим, нищенским видом. На нем вырастут 33 избышки, словно выхваченные из прошлого столетия. Строители мемориального комплекса восстановят на этом участке этнографический облик села конца XIX века со всеми надворными и хозяйственными постройками, со всем убожеством крестьянской жизни.

Но вот незадача: шушенцы ницут подлинные вещи тех далеких лет, чтобы обставить ими избы, да трудно их найти. Ну у кого найдется, скажем, топчан, когда в универмаге очереди за дорогими спальными гарнитурами, или керосиновая лампа, если электричество стало давно привычным источником тепла и света...

Сейчас Шушенское в строительных лесах. Поселок объявлен всесоюзной ударной комсомольской стройкой. На улицах горы грунта, щебня и кирпича, снуют самосвалы, роют землю ковши экскаваторов.

Со всей страны приходят в маленький сибирский поселок машины, механизмы, строительные материалы. Шушенские строители получили из Кутаиси 11 новеньких «Колхид». Я спросил водителей:

— Не жалуетесь?

— Хороши! — единодушно ответили они мне. — Спасибо кутаисцам.

Со всей страны приезжают в поселок строители. Об одном из них, старом коммунисте Иване Калининиче Ежове мне рассказал секретарь парткома «Шушенцестроя» Александр Александрович Смольский.

75 лет провел старый коммунист на стройках России. Знал Ленина, перешивался с ним. Строил первую в стране домну. Возводил новые города. Яркая жизнь его отмечена тремя орденами. Ему бы на покой, этому, прожившему чуть ли не век, человеку. Но когда он услышал о решении ЦК превратить Шушенское к 100-летию вождя в город-памятник Ильичу — приехал в Сибирь. Поведал мне Смольский и о нашем земляке, Гигле Джанашия. Гигла — комсомолец, говорил Александр Александрович, восемь месяцев добросовестно работал мастером в управлении Промстроя, главный корпус промбазы — его рук дело.

Город на Шуше, как чтит тебя моя Родина!..

* * *

В хакасском городе Абакане самолет взял курс на Новосибирск и Москву. Я возвращаюсь в столицу. Мне предстоит побывать в ленинских местах Москвы, поехать в Ленинград, где чуть ли не каждая улица сохранила Ильичево дыхание.

Москва встречает меня снегом и ветром. Я прошу водителя:

— В Центральный музей Ленина.

Двадцать первый зал посвящен торжеству ленинизма на Земле. Светит огоньками политическая карта современного мира. Она повествует о том, что из 3 миллиардов 240 миллионов людей, населяющих земной шар, 1 миллиард 134 миллиона живет в социалистическом мире.

Так над нашей планетой взошло солнце. Яркое, неугасимое солнце ленинских идей.

Оно светит человечеству и согревает его.

СОРОК ВТОРОЙ МОЗДОКА

Сорок второй
Моздока,
Крыма...

Ты вся ослепла,
вспаханная жестоко,
в тучах пыли и пепла,
в трауре отступленья.

Ночью сном не забыться.
Вижу в небе оленьи
крошечное копытце.
Мрак и огонь шквальный.
Как же он умудрился,

тоненький свет печальный,
и на меня воззрился?

Кто приметил кроваво-
красные вензеля?
Кто тревожится здорово
о планете Земля?

«Жизнь разумных существ
на планете возможна».
Вспаханной сплошь окрест,
больно тебе и тошно...

Перевод Владимира ЛЕОНОВИЧА

* * *

Я книгочей, я в темень книг глядел,
я звездочет, я созерцал пространство,
невежда, я не ведал — где предел
любви, что беспредельна и прекрасна.

Есть край бескрайним лепетам молитв,
и мера есть безмерным лептам плача.

Как я молился! Сколько слез пролил!
Избыток муки — вот моя удача.

Я ранен был и мертв, и снова жил,
и, в бесконечной грусти мирозданья,
грущу о том, что мало послужил
оплошности чрезмерного страданья.

Перевод Беллы АХМАДУЛИНОЙ

АЛЬПАНЫ

Прощай, мой город. Чувствую, пора нам
расстаться ради дела одного.
Я рано встал. Я подхожу к Альпанам.
Альпаны — горы детства моего.

Едва взглянул в рассветном птичьем шуме
на все оттенки горного ковра —
и чувствую: меня влечет Лечхуми,
и чувствую: в Сванетию пора!

Иду, лечу, счастливый и беспечный —
вот так и птицей стать не мудрено.
Машине доверяюсь — первой встречной:
куда ни мчусь — я счастлив все равно.

Хребты стоят синей небесной выси.
Ручьи гремят, срываясь с высоты.
И я, беглец из душного Тбилиси,
прошу у гор приют — от суеты.

Вот в криках птиц, у леса на пороге,
стою, гляжу в зеленую волну.

А вот вхожу в природу без дороги,
и даже не вхожу — я в ней тону.

Я на нее смотрю, как смотрят дети:
пусть красоте всюю дивится глаз,
а чтобы углубляться в тайны эти —
уж это чересчур большой соблазн.

О, сколько раз в боренье с непонятым
казалось мне, что я его постиг.
Но тайнам чужд и быт, и шум, и крик —
вопрос был прям, ответ же был невнятным.

И вот, когда беспечный, словно птица,
в разгадке тайн не дам себе труда,
мне высь и твердь свои открыли лица —
зато и счастлив я как никогда..

Прощай, мой город. Чувствую, пора нам
расстаться ради дела одного.
Я рано встал. Я подхожу к Альпанам.
Альпаны — горы детства моего.

Перевод Юрия РЯШЕНЦЕВА

Я один, без тебя, наблюдаю
 милосердие солнца осеннего,
 Но как будто бы демон похитил
 омрачил Табахмела
 Без тебя
 Странно...
 Между тем
 Самадло.
 поутру.
 этих гор —
 благодатной земли
 Без тебя
 Ученик ее первый,
 ты берег про себя.
 не сказал,
 обвинявшею
 дороге приметы:
 неба пустынное пламя...
 толику небесного света —
 и Мухета овеял крылами.
 узнаю этих желтых и красных цветов поединки,
 плеск Алгети
 и стайку фазанью над лугом.
 Будто бы мы разминулись на тесной тропинке
 в желтых чащах Авчала,
 едва не коснувшись друг друга.
 она косит и косит —
 Орбети, Манглиси —
 кручи, плесы —
 нагибается тихая жница —
 проблеснет
 этот серп непреклонный —
 и падают листья,
 устилая всю землю,
 как сброшенная багряница.
 Ежевичные плети
 и роса — будто перстни —
 И застолье,
 и любви откровенье святое
 этих здравец,
 повторяемых тысячекратно, как песни.
 Здесь одно только место,
 одно только место пустое...
 Как я этим горам объясню!
 Ты был частью
 был избранник —
 был песенный выдох —
 разрешающее полногласье.
 ей тяжел золотой преизбыток...
 ее сокровенную муку
 Мы шутили
 и — кубок о кубок —
 так сшибались порою,
 сберегая безмолвья поруку—
 острословие наше
 за вражду принимал недоумок.
 Кроме бога Любви
 ты другого не знал,
 хоть и сам бы
 что завет его лучший
 был песней твоею,
 строгость псалма
 и простор дифирамба!

Эту щедрость ты вынес —
как бедность выносит идею.
В мир являемся мы
для суда и решения. Однако
и на треть бытия,
как посмотришь,
судейского пыла
не хватило...
И сердце немеет, и терпит бумага
скорых истин язык,
запинающийся уныло.
Ты же,
Саят-Нова воспреемник и Анакреона,
избежал,
как бы свыше хранимый,
печального обихода —
и всему отзываясь,
как ветру просторная крона,
лепетавший порою
как все—
ты шумел и роптал, как Природа.
Где ж тот лепет?
Не слышу.
И только шумящая слава
свежим ветром проходит
по Картлийской равнине.
Кто отнимет теперь у тебя
это высшее право
быть меджуном безумным,
быть хранителем нашей святыни?
Мир тебе.
Ты по праву
ее принимал во владенье —
и она принимает тебя.
Совершается осень.
День свежеет.
И — сквозь тихое листьев паденье —
этот промельк серпа
так отчетлив и грозен...
Без тебя,
без тебя наблюдаю родные приметы:
милосердие солнца усталого,
неба пустынное пламя —
словно демон похитил
толику небесного света —
омрачил Табахмела
и Михета овеял крылами...

Перевод Владимира ЛЕОНОВИЧА

РУСТАВЕЛИ У ГОЛГОФЫ

(Из цикла «Палестина, Палестина...»)

Вот я у Голгофы, о боже,	Ты — солнце,
Вот я у Голгофы,	Распятое дланью неправого гнева.
Где свет мне забрезжил	Тень солнца померкшего —
И день твой погас при распятыи,	Казни я не удостоен.
Я — чистой молитвы грузин	И ведомо только тебе,
Благодатные строфы	Только мне,
И сонмам безбожных —	О сладчайший,
Я Грузии отчей проклятье.	Блаженство распятыя,
Я — древо сухое, нагое,	Что жители слезной юдоли —
Безлистное древо,	Народы земные —
Твой цвет — не увянет,	Равняют с отравленной чашей
Твой ствол — непреклонен и строен,	И мукой горчайшей, —

Одним только нам,
И не боле.
Я — червь,
Я — молящий о жалости грешник,
Но кто же,
Кто зов твой услышал
И понял, как я?
Ты — властитель
Всех душ, всех глубин тайнозритель,
Мой боже,
Но душу твою
Кто, как я, изучил,
Мой учитель?
Кто истинней мог бы,
Смиренней, чем я,
Вдохновенней —
Рыданья души твоей
Горлом почуять до дрожи,
Постичь, почему
Ты, как в полдень взыскующий
тени,
Бессмертье само,
Верной смерти возжаждал,
Мой боже,
Кто лучше меня знает волю твою,
Что затмила
Дневное светило
И крест возвела при Пилате?
Врата распахнулись небесные,
Зрелость и сила
По слову всевышнего
Пала на плечи дитяти.
И что есть распятие
И эта палящая жажда
Смешения с прахом земным
И небесною влагой?
И разве распятие
Не честь для того,
Кто однажды увидел не в жизни
Отраду и высшее благо?
Ревнуя по истине,
Мы окровенья алкали
И, мир постигая,

Мы истине оба служили,
Я — чадо земли,
Плоть от плоти греха и печали,
И ты —
Без греха,
Воплощенный в величье и силе.
И если твой цвет молодой
Затоптало коварство,
То я, как Меджиун,
Годы старости встретил в пустыне,
И мне, кроме истины,
Нет ни пути,
Ни лекарства,
И жаждой былою
Томится душа и поныне.
И что же?
Я, смертный,
Достиг ли таинственной цели?
Я верой в нее истомил мою душу.
И что же?
Нашел ли? Достиг?..
Жизнь кончается,
Сроки приспели,
Мой путь завершен.
Я стою пред тобою,
Мой боже.
О, боже,
Распятый за истину
В Иерусалиме,
Душе моей страстной
Несносны земные утраты.
Я в поисках истины
Зверя степного гонимей,
Судьбою истерзан,
У гроба стою нераспятый.
Пока не исчез я бесследно
Под крышею гроба
В утробе отчизны твоей,
Каменистой и ржавой,
Скажи мне: к чему
Так стремились при жизни мы оба,
Скажи наконец:
Что есть истина,
Боже мой правый.

Перевод Арсения ТАРКОВСКОГО

МАЛЕНЬКОМУ И БОЛЬШОМУ

Все игрушки поломаны — что ж,
не беда. Это дело мужчины —
разбирай — шестеренки, пружины —
все потом, все потом соберешь.
Колесо не желает ничем отломиться —
от усердья и горя
в три ручья, в три ручья
ты ревешь!
Свет познания в это время струится
на игрушки твои, на тебя.
Это ранняя рань.
Есть непреходимая грань...
Говорю, словно ты уже вырос большой,
и, быть может, не очень понятно.

С тайной тайн,
человеческой умной душой
встреча так благодатна!
Бесконечно иди,
если ты уж проник
в этот лучший на свете и нежный цветник.
Меж людьми —
в этом суть, в этом суть —
ни цветка не сломил,
не порань как-нибудь,
не задень ненарочно —
если это, как гений, от бога дано,
если можно!
А нет — все равно, все равно...

Перевод Владимира ЛЕОНОВИЧА

Гиви Шадури

РОМАН

КРАСНАЯ ПУГОВИЦА

— Грузинской прозе и поэзии нижайший привет от Гиви Шадури! Что за чудеса, богатыри-Караманы, герои-Гарданкешаны, великаны духа? Что привело вас на кладбище. В этот сад тоски, резиденцию Гиви Шадури? Как случилось, что я вижу вас на моей загородной вилле? Соскучились в городе? Убежали от жары? Скрываетесь от сплетен? Я искал вас в совсем иных местах — а вы опередили меня, явились к Шадури сами, по собственной воле и со своею провизией: раскинули стол, уставленный яствами — сыром и зеленью, жареными курами и шашлыками с кровью, рыбой-цощхали и прохладным кахетинским... Но как вы узнали, что здесь мой дом...

— Вы живете на кладбище? Невероятно!

— Здесь ваше жилище? Никогда такого не слыхали!

— Богатыри-Амирани! Неужели мне до сих пор не довелось сообщить вам, что я, Гиви Шадури, избрал обиталищем своим сию скудельницу и что здесь возвышается храмина моя?

— Непонятно! Что за чудачество?

— Какой там храм? Что за скудельница?

— Желторотый юнец не знает древнего нашего языка! Скудельницею называли в старину место успокоения, кладбище, храминую же, а не храмом, — хоромы, дворец. Мои хоромы перед вами: огромный этот сад скорби, населенный десятью тысячами мертвецов. Видите, сколько у меня придворных, какая величественная свита! Да, друзья мои, прошу мне поверить, это и есть мои неприступные владения, мой мир и мое царство, мое бесчисленное войско, мой дом с семьей и моя родня.

Спрашиваете, что привлекло меня сюда, в эту обитель плача и печали? Об этом после. А пока приношу вам глубочайшую благодарность за то, что пожаловали ко мне в гости. Хе-хе-хе... Не смейтесь, друзья. Мой стол, покрытый шелковой скатертью, — вот эта мурава, мой пиршественный зал — вот эта прохладная древесная сень, мебель, стулья — надгробные камни, а повар, кравчий, стольник, виночерпий, отведыватель яств, сборщик податей, казначей, полководец и домоправитель — вот этот могильный страж, хранитель кладбища.

Я вижу, вы тут распорядились без меня, и прекрасно сделали. Ну, так веселитесь и радуйтесь, друзья, радуйтесь, пойте, смейтесь досыта на этой скудельнице, в этой скорбной юдоли, где сегодня вы гости на час-другой, а впоследствии, когда-нибудь... став сами скуделью... будете хозяевами на вечные времена.

Не сажайте меня, не уступайте мне место, позвольте служить вам. Ну, если вы настаиваете, я приткнусь где-нибудь в уголке. Нет, нет,

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 3.

не подносите мне блюда с кушаньями... Просто швырните мне ломтик этого сыра-мотали, кусочек шашлыка и рыбку-цоцхали.

Что может быть прекрасней зеленой травяной скатерти, возвращенной дыханием мертвецов? По сравнению с этим нежным шелком чего стоит грубая крахмальная белизна льняной тряпки! Хвала вашей выдумке! Для того, чтобы почтить усопших, языческие поминки, правоже, лучше христианской панихиды. Воскресим усопшего, возвратим его из царства мертвых, облачим в одежды воспоминаний, посадим среди нас, усладим фимнамом восхвалений, заведем с ним долгую беседу, накормим идущих мимо нищих, захмелеем — а потом вернем мертвых могиле и, благодарные устроителям поминок, разойдемся по своим делам...

Великий прекрасный обычай — пировать на могиле дорогого покойника! Сын поднимался на отцовскую могильную плиту, плясал с кувшином вина на голове и шелковым платком в руках под напева зурны, попирал смерть жизнью, топтал безначальное и бесконечное небытие во имя мгновения жизни, отдавая предпочтение пяди перед беспредельностью, ставил минуту выше вечности. Хе-хе-хе...

Хотите, чтобы я начал прямо с рога? Приказываете догонять вас? Ну, так слушайте, молодые люди. Вместо тоста расскажу вам одну историю.

1

Июльский полдень. Разъяренное солнце огнедышащим драконом навалилось на город, изрыгает пламя, словно хочет сжечь или расплавить его. Накаленные мостовые пышут жаром. Дрожит и струится горячий воздух. И весь этот огромный каменный улей задыхается, ловит ртом воздух, как чудовищная издыхающая рыба.

Вот уже целая час я еду по улице — без цели, куда глаза глядят, то и дело останавливаюсь, отдыхаю, прислонившись к стене, и спрашиваю себя:

— Зачем ты слоняешься по городу, Гиви Шадури, любопытно знать? Кого надеешься встретить? Чего ищешь? Куда держишь путь?

Вялый, почти расплавленный мозг не дает ответа. Да и я не слишком докучаю ему бессмысленными вопросами и плетусь дальше... Я помню лишь об одном — единственная мысль сверлит меня: я, Гиви Шадури — нищий бродяга, человек без крова и пристанища, шатающийся праздно и без цели, никому не нужный и ни на что не годный, словом, настоящий люмпен-пролетарий... Мне негде приклонить голову, и я должен найти себе жилище.

На улицах нищие обрывают полы у прохожих, перед оперным театром две попрошайки, мать с дочкой, распевают в один голос так громко и надсадно, что их голоса разносятся по всему проспекту.

Курды-носильщики со своими «куртанами», растянувшись прямо на земле всюду, где хоть какая ни на есть тень защищает их от палящих лучей, лениво подвывают свои тягучие песни. Зависть закралась мне в душу: у каждого из них есть хоть самая жалкая берлога, он может заползти в свою нору, а я...

«Ну, ну, Шадури, возьми себя в руки! Если уж участь этих бедняг начинает казаться тебе завидной — тогда лучше на мост и в реку...»

Так подбодрил я себя, неприкаянного, и продолжал бесцельный свой путь.

В подворотнях, свесив языки, едва переводят дух размеренные собаки. Временами они вдруг оживают и с чмоканьем ловят назойливых

мух. Ищу какого-нибудь знакомого шофера — но и шоферам невмосту этот зной, и все они спрягались.

На перекрестке возле красного столба вытянулся милиционер в красной фуражке. Он поглядывает, щурясь от яркого света, на сверкающую мостовую и время от времени лениво поворачивает светофор.

Улицы почти безлюдны. Лишь пронесется с грохотом красные трамвайные вагоны, вожатые дребезжат своими колокольчиками с таким неистовством, как будто стараются разбудить тысячи глухих людей, разлегшихся на рельсах и спящих сладким сном.

Так, едва волоча ноги, добрел я до пригорода и внезапно очутился на кладбище.

Я успел в тот день поесть и не был голоден. Но горло у меня пересохло, во рту царил палящий зной. Я должен был утолить жажду, погасить этот огонь, а не то — хоть ложись в чью-нибудь свежевыврытую прохладную могилу.

Я увидел на лужайке расположившихся кружком людей. На траве лежал толстый бурдючок, они попивали вино и негромко пели песни.

Я прошел около них и пожелал им доброго здоровья. Благословенный у нас, грузин, обычай: всякому, кто окажется поблизости, когда мы сидим за трапезой, поднесем чарку, попросим благословить нашу хлеб-соль.

— Пожалуйте к нам... Осушите чашу за наше здоровье! — услышал я, и душа моя наполнилась радостью.

Чаша была величиной с мою голову. Я окинул компанию быстрым взглядом и сказал им по-простому, по рабоче-крестьянски:

— Да укрепит бог десницу трудового человека и хребет вола землешаща, и да здравствуют ваши молот и серп! Хвала росе небесной и щедротам земли, овце-кормилице и голубю-миротворцу! За плоды ваших трудов, за силу быка подъяремного, за удаль мужскую молодецкую и за женскую нерушимую честь!

— Вот это тамада! Лучше не сыщешь! — вскричали они и усадили меня на почетное место.

Пили мы безудержно, безбожно. Опорожнили два больших меха — содержимое одного из них перелилось в мое впалое брюхо и превратило меня самого в подобие бурдюка.

Мы пели, орали, голосили... а на следующее утро я проснулся в каком-то странном помещении.

Раскрыв глаза, я прежде всего изумился необычному освещению — красный, синий, желтый свет проникал сквозь узкие, как бы церковные окна и отбрасывал цветные блики на белые стены.

Я осмотрелся: подушкой мне служила охалка свежескошенного сена, а матрасом — могильная плита.

Это был чудесный саркофаг из полированного черного финского гранита в белых пятнышках, и надпись на нем гласила: «Аршак Минасвич Гиргидов, купец первой гильдии... Родился... преставился 8 декабря 1899 года».

Я выглянул на двор. Ночью прошел легкий дождик. На листьях кустов, на траве, на цветах и на бесчисленных могильных памятниках блестела роса. Вокруг — щебет, гомон, звуки жизни и радости. Мне вспомнились пыльные, грохочущие городские улицы, пышущие жаром каменные дома... я присел на плиту и подумал:

«Ну, Шадури, ты попал заживо в рай — не думай уходить отсюда!» И тут же спросил себя: «Но кто привел меня в эту роскошную усыпальницу?»

На дорожке показался кладбищенский сторож и окликнул меня:

— Здравствуй, друг!

— Здравствуй, дорогой! Скажи, пожалуйста, милый человек, ты ли уложил меня вчера спать в этой гробнице?

— А кто же еще? Понравился ты мне — я тебя на ночь и устроил.

— Дай бог тебе здоровья! Как твое имя?

— Ражденом зовут.

— Ну, так вот что, мой Ражден! Нельзя ли мне здесь обосноваться, устроиться на постоянное житье?

— Где же именно? — он с улыбкой посмотрел на меня.

— Да хотя бы в этих вот хоромах.

— Не знаю, что и сказать... Могила заброшена, давным-давно уже никто из родственников не показывался... Да и человек ты, на мой взгляд, хороший, но...

Я тотчас ухватился за звание «хорошего человека» и постарался убедить Раждена, что в самом деле его заслуживаю. А он в свою очередь показал себя человеком в десять раз лучшим, чем я.

Минут через десять мы сидели вместе на маленьком балконе его домишка и попивали, беседуя, утренний чай. Я рассказал ему и его жене всякие истории, позабавил его детей и сразу всех расположил к себе.

Через каких-нибудь два часа Ражден стал мне все равно что братом, жена его Пепико — заботливой сестрой, а дети считали меня родным дядей.

Мы пораскинули-умом, пошептались, пришли к согласию и на закате того же дня я устроился в моем новом жилище, став постоянным обитателем кладбища.

До самого вечера Ражден знакомил меня со своей призрачной паствой: водил от плиты к плите, от памятника к памятнику и рассказывал:

— Здесь похоронен генерал-майор... Его убили под Карсом. А под этим камнем — князь Амилахвари. Скончался шестидесяти девяти лет... Вот эта молодая женщина умерла от чахотки... Красивая была — что твой ангел! Заброшена могила, никто ее не убирает, не навещает... А этого молодого человека убили во время ссоры на чьей-то свадьбе...

Так рассказывал мне Ражден одну за другой биографии чуть ли не целой сотни мертвецов: кем они были при жизни, бедняками или богачами, от чего, когда и в каком возрасте умерли, оставались ли родственники, и как похоронили покойника — много ли потратили, хорошо ли смотрят за могилой...

Закончил он утешительным сообщением:

— Что-то нынче много стало помирать людей... Не успеваем ухаживать за могилами. Если хочешь — берись за дело, помогай нам. Неможко подработашь.

Мне только этого и было нужно.

Я притащил из города свой скарб на спине и расположился в усыпальнице. Гранитная плита днем служила мне столом, а ночью исполняла роль постели.

В тот первый вечер дети Раждена ушли спать на два часа позже обычного. Долго сидели мы все вместе на маленьком балконе и беседовали. Пепико молча глядела на меня во все глаза, сжавшись в уголке, как замороженная горlinkа. Ражден тоже слушал, как зачарованный. Я был в ударе — мне и самому нравились мои рассказы. Все были довольны: они получили бывалого, поездившего по свету повество-

вателя, а я нашел добрых, сострадательных людей, полных готовности мне помочь.

Пропели первые петухи... Я пожелал им доброй ночи и направился к новому своему обиталищу.

Бледная, ущербная луна словно присела отдохнуть на вершукле далекой горы.

Город вдаль переливается тысячами неярких, мерцающих огней, он затянута прозрачной, белесоватой мглой и еле заметно вздыхает — дыхание его скорее чувствуешь сердцем, чем слышишь.

А здесь, на кладбище, царит глухое молчание. И эта безмолвная немая тишина — поистине мертвая, могильная — тяжелее и холоднее алгетских гранитных плит.

Там, в городе, в мире живых, триста тысяч людей собрались вместе, укрылись в каменных коробках, раскинули в стороне свой лагерь, и даже теперь, в этот полуночный час, крепко ухватившись за жизнь, прильнув к ней всем телом, сжав ее в объятиях, жадно впивая, вдыхают, вкушают ее, бодрствуя и во сне, в грезах и наяву. А здесь, по эту сторону роковой грани, здесь — вечный сон, те, что лежат здесь, мертвы, как эта земля, которая засыпала их, или как эти камни, что навалились им на грудь...

Да, да — на грудь... И эти тоже — с той стороны, их принесли, притащили отсюда, и эти тоже, пока были там, наслаждались жизнью или страдали, как мы. Они тоже любили и ненавидели. Они тоже стремились к звездам, мечтали достать с неба луну, порой задыхались от счастья, не зная сна, а порой проклинали день своего рождения.

Да, пожили они на этом свете, и всего видели вдоволь, все испытали. Знакомы им были боевой клич и радость победы, тягость нищеты и жгучая горечь поражения, пламя любви и яд измены, трепет радости и ледяной холод отчаяния. Да, всего они отведали, все испробовали — и исчезли то ли в небесных высях, то ли в глубине преисподней, унеся все земное с собою в землю.

Все оказалось суетой сует, и только лишь суетой: все, и наш приход в этот мир, и мимолетная любовь, и мгновенная печаль. Не бывало никогда, нет и не будет на этом, да и на том свете, ничего, кроме зияющего разверстой черной пастью бездонного, беспредельного, вечного ничто.

Откуда-то являемся мы в мир, едва успеваем вздохнуть, и вновь уходим, исчезаем в беспросветном мраке. И самое ужасное, что никто никогда не узнает — вы слышите, никогда, никогда не узнает! — откуда мы приходим, по чьей воле, и куда эта воля нас ведет? Откуда, куда, зачем, по чьей прихоти? Ignorabimus!.. Не знаю, ничего не знаю. Увы мне! Горе нам! Склони голову, смирись, гордое ничтожество! Пади лицом на землю, Гиви Шадури! Пади и плачь горькими слезами!

Друзья мои, в этом мире все кончается выбором могилы и погребальной церемонией. Я уже заранее все выбрал и определил. Скоро, скоро умрет ваш Гиви Шадури, переселится в царство мрака, где несть ни печали, ни воздыханий, а только лишь беспредельное небытие.

Само собой разумеется, голуби не оденутся в черные перья в знак траура обо мне, и горный орел не слетит с вершины Мкинвари, чтобы клекотом своим воздать мне хвалу. На вас одних моя надежда, вы единственные близкие мои, вы должны закрыть мне глаза, опустить меня, оплакав, в темную яму и засыпать мой гроб благословенной этой землей.

Когда я умру, положите меня в простой дубовый дощатый гроб, поставьте его на грузинскую арбу — большую, на которой возят сыры, — запрягите девять пар откормленных, могучих буйволов — да, да, девять пар, говорю вам, потому что меньшей запряжке не стронуть с места такое необъятное ничтожество, как Гиви Шадури. Японского императора возят черные бычки. Ну, а меня пусть потащат черные буйволы.

Похороните меня эпохально: под звуки зурны, тари, дудуки и шопеновского марша. На могилу положите простую плиту и на ней напишите: «Гиви Шадури — бродяга — ничто — Rien-Nihil». Такая надпись будет самой подходящей для меня, ибо эпитафия — это ведь вопль ничтожества, вопль ужаса перед забвением, жажда бессмертия; на могиле же Наполеона не начертано ни единого слова!

Охваченный злою тоской, сидел я на чьей-то могиле, молчаливый, как самый этот могильный камень, и боролся с лютой печалью, грызшей мое сердце.

Потом я встал, направился к своему склепу и, по-прежнему полный горести, растянулся на прохладной гранитной плите. Но тут мне стало еще хуже. Мысли, отравлявшие мою душу, не оставляли меня. Они проникли в мое пристанище, обступили меня со всех сторон, навалились мне на грудь свинцовой тяжестью, налились, разбухли и заполнили крохотную гробницу. Я отбивался от них, боролся изо всех сил, но они одолели, подмяли меня и безжалостно измолотили. Не вынеся этой муки, я встал и снова вышел на воздух.

Друзья мои, я не суеверен, не верю ни в привидения, ни в выходцев с того света, ни в блуждающие, неприкаянные души. Но в эту ночь я чувствовал предательскую дрожь в коленях и волосы на голове у меня стояли дыбом.

С трудом перелез я через кладбищенскую ограду и прилег тут же снаружи на траве.

Скоро я успокоился — я снова был в этом, живом мире, а давешний кошмар не смог преодолеть стены кладбища.

Впрочем я быстро привык к миру мертвецов (сами знаете, как велика способность человека к приспособлению) и на другой день уже приступил к новым своим обязанностям.

Сначала я подсоблял могильщикам, помогал и Раждену. А потом нашел себе более чистую работу.

Под вечер, начиная часов с четырех, покойников приносят на кладбище одного за другим. Быстрым шагом приближается процессия к месту вечного успокоения, гроб ставят на краю зияющей ямы и окружают его тесной толпой. Панихиды и отпевание нынче отменены — поэтому и последние минуты пребывания в этом мире сократились. Могильщики хватаются за гроб, и воздух оглашается плачем и причитаниями родных. И к этому примешивается глухой стук земли, сыплющейся на крышку гроба. Через пять минут могила уже засыпана, а обессилевшие от плача близкие уходят, всхлипывая и еле держась на ногах, — вернее, их уводят, а иных и уносят в полубеспамятстве.

Я в это время кручусь поблизости, навожу всевозможные справки о родственниках погребенного и записываю в книжку их адреса.

«Сударыня! (или, соответственно, «сударь!»), — говорю я на следующий день новоиспеченной вдове (вдовцу) или сироте. — Вас постигло большое несчастье, я от души сочувствую вашему горю. Разумеется, за могилой необходим присмотр и уход».

«Да, да, конечно... Присмотр и уход».

«Меня зовут Гиви Шадури. Я живу тут же поблизости, и рад вам служить. Ограда, надгробье, расчистка участка, посадка цветов, поливка и уход за ними — все это я беру на себя. Используйте меня, сударыня».

И с того же дня «сударь» или «сударыня» почти наверняка начинают пользоваться моими услугами. Я наперед знаю всех возможных моих клиентов: кто на сколько способен расщедриться, и у кого какой вкус.

Самые скупые и самые забывчивые — это молодые люди, потерявшие родителей. Подбросят нам отца или мать и пропадут без следа.

Наиболее яростно горюют молодые вдовы. Но горе их короче воробьиного носа. Об этих молоденьких вдовушках существует одна весьма ядовитая притча.

В ней рассказывается, как некий философ, гуляя, забрел на кладбище, уселся на одной из могильных плит и принялся размышлять о бренности всего сущего. Вдруг на глаза ему попался свеженасыпанный могильный холм. В изголовье холма сидела молоденькая, хорошенькая женщина. Она обмахивала влажную могилу веером.

Философ изумился. Неподалеку стояла какая-то девушка, по виду служанка. Философ подошел к ней и спросил:

— Вы в услужении у этой вдовицы?

— Да, у нее.

— Так объясните мне, пожалуйста, смысл того, что делает сейчас ваша хозяйка?

— Видите ли, вчера вечером умер ее муж. Перед смертью он завещал жене исполнить два его желания. Первое — чтобы его похоронили до захода солнца.

— Но ведь сейчас еще утро, — возразил философ, — почему она не подождала хотя бы до вечера?

— Не торопитесь, сейчас узнаете. Вторая просьба покойного была такова: «Не изменяй мне хотя бы до тех пор, пока не высохнет земля на моей могиле».

— Не понимаю.

— Поглядите вон туда, и сразу поймете.

Философ поглядел, куда ему указывали, и понял. За ближними кустами он увидел молодого человека, который с нетерпением дожидался своего часа. А вдова махала веером, чтобы земля над гробом ее мужа просохла поскорей.

— Немедленно вырвите для меня могилу! — приказал философ могильщикам.

Через час он улегся в вырытую яму и перерезал себе горло.

Не смейтесь, юноши, удалцы! Мужчины поступают точно так же. Молодые гораздо легче забывают горе и быстрее утешаются, чем люди в летах.

И лишь скорбящая мать поистине достойна жалости, в особенности пожилая. Она готова совсем поселиться на кладбище, если одна половина ее сердца осталась с живыми, то другая как бы в заколоченном гробу, вместе с ее умершим сыном или дочерью. До самой смерти кружит она над могилой своего ребенка — и я отдаю ей предпочтение перед всеми другими клиентами, потому что нет клиента щедрее и надежней.

Через короткое время я овладел еще одной новой профессией. Я открыл для себя «кладбищенскую поэтику» и стал составителем надгробных эпитафий.

МОЯ ЗЕМЛЯ

Мое начало — сон без снов,
 молитва Руставели,
 напев у колыбели
 еще без смысла и без слов.

Потом он шел,
 могучий звук,
 прерывистый и плавный,
 как тело гор, и плеск реки,
 и тяжкий вздох лозы поникшей —

но оставался навсегда
 той колыбельной давней-давней
 и слуху мужа,

и душе,
 смиренной опытом, притихшей.

Все на груди твоей светло!
 Глади: слезой заволочло
 у каменной ступени
 глазок источника в лесу —
 он зыблется, он на весу,
 он карий глаз олений...

Во всем, во всем—душа и строй,
 и силой чудной и живой
 торжественного ритма
 все живо преобразено.
 Меж небом и землей звено —
 та песня и молитва.

ЗАВЕЩАНИЕ

Близится ночь моя. Где проснусь?
 Чья упадет на меня слеза?

Над колыбелью моею пусть
 мать наклоняется, как лоза.

Первой памятью лучшей той
 в мире любовью — жива душа.
 Ночь моя близко. Клянусь землей,
 что налегает на грудь Важа, —

рыцарский меч обнажу — мечом
 встречу я ночь... Заструится сталь
 звездным небесным живым огнем.
 То не бессмертная красота ль?

Где моя ночь? Где темнота?
 На бесполезном моем мече
 звезды роятся, текут — как та
 пыль золотая в раннем луче.

Эго я в вашем горю огне,
 дочери Грузии, свет очей.

Алых цветов принесите мне,
 не зажигайте бледных свечей.

Пусть в изголовьи встанет день,
 пусть Руставели одна строка
 мне протрубит, как самец-олень,
 и прошумит, как в горах река.

Я мое сердце не укротил,
 смерти не понял, не вижу тьмы.
 Или не предок мой — Автандил?
 Или потомки его — не мы?

Всех наделю я, как сыновей,
 чтобы на свете ясно жилось,
 скорбью старинной земли моей,
 той, что превыше вздохов и слез.

Смертная подойдет черта —
 меч подниму — на моем мече
 звезды роятся, текут — как та
 пыль золотая в раннем луче.

В СТАРОЙ ПШАВИИ

Трамваи уже заблудились на ночь: им не распутаться до утра. Ночевать они будут в общих стойлах, потеряв разнонаправленность номеров.

Ночь. Трамваи стали трамваями больными и здоровыми, а который из них 11-й и который 43-й до утра не важно.

Долог путь до моего переулка.

В нем метла не прошершавливает снег до мостовой. На нем снег тихий. И по снегу идет спокойная, не геометрическая тропинка.

Только сверху висят городские фонари.

Кончается переулок новым заводом.

В тихий снег переулка висят незатворенные двери домов.

В темных подъездах о чем-то своем разговаривают люди. Это те, кому жалко расстаться, а вместе прийти некуда.

Я открываю дверь, вхожу.

По какой системе любви ты меня ревнуешь?

По какой системе нужно перечислять все наши споры?

В Японии слово любовь переводное, с примечанием, что это то чувство, которое Катюша Маслова испытывала к Нехлюдову.

На одном Кавказе систем любви не меньше, чем хребтов.

Есть дорога по реке Арагве. Она начинается двумя башнями, запирающими ущелье.

Вода в реке бьется вверх и вниз, как мутное лекарство в полупустой бутылке, взбалтываемое по рецепту суеверно доверчивым и неисцеленным больным.

Бежит лихорадочно взболтанная река; тащит песок по дну.

На берегах трава, дубы, дорога.

Идут мулы с полосатыми вьюками.

Мне здесь говорили, что я в черной войлочной шапке похож на армянина.

Люди ошибаются. Я похож на Санчо Панса.

Дорога идет. Ущелье скупо. Иногда оно суживается так, что между водой и скалами тесно, как между щекой и зубами.

Скалы голы и мокры. С них давно срублены леса.

Только вокруг маленьких храмов — хати, украшенных турьими и оленьими рогами, у хати, где висят позеленевшие колокольчики со всех принесенных здесь в жертву баранов и быков, у хати, где полусгнившее стоит прислоненное знамя, только здесь не срублены и кругом растут на переломе площадки священные акации.

От старости обламываются толстые, как человек, ветви, падают, срывая мясо и кожу до зелени.

Здесь они лежат мумиями, они священны, их нельзя жечь.

Внизу у скалы речка впадает в Арагву, как переулок в улицу.

Во Пшавии мы, во Пшавии!

На зеленой траве зеленые дубы.

Там направо жил великий поэт Важа Пшавела, Алонзо Добрый,
Дон Кихот пшавский.

Здесь стихи живут, как дома, живут, как пчелы на клевере.

Стихи на скалах, на затесанных топором дубах.

Стихами говорят иногда даже на заседаниях сельсовета.

По дороге оттуда, из Кахетии, в суровую Хевсурию, где скалы, как
огнивший дубовый чastoкол, с молчаливыми баранами, глядящими из
мешков хурджин, едут на старую суровую родину приносить жертву вы-
селившиеся когда-то хевсурь.

На них черные шапки, и в шапке зашито широкое железное коль-
цо для защиты от меча.

Дома во Пшавии кривобоки, они приросли к горе, с одной стороны
к dome этаж, а с другой только чердак.

В Пшавии очень тесно, потому что камень и снег пахать нельзя.

Во Пшавии очень холодно, зимою замерзает вода на мельницах.
Здесь лучше не рожать. Здесь условно любят и пишут стихи.

Здесь есть наука, называемая цацлоба, что значит полежанье. Муж-
чина ложится вместе с женщиной одетым, не сняв даже шерстяные ко-
лючие носки.

Есть правило, как женщина должна держать руки на груди в пер-
вую ночь, что она должна говорить, как отказываться.

Все это происходит на пшавских чердаках, где очень холодно.

В рыцарских замках Испании, Франции, в замках, о которых меч-
тал Дон Кихот, в замках, башнях у горы, у реки, в которой бежала
взболтанная вода, так любили.

Рыцарская любовь горька, она родилась в домах без стекол, у оча-
гов с дымом.

Она горька, как прошлогодний дым, дым без огня эта любовь.

Санчо Панса всему этому человек посторонний.

У него свои заботы, например, забота о том, как сидеть на лошади,
когда она такая круглая и неудобная.

Ночевали в деревне, имя ее Черкале.

Вставала луна: каждый камень приобрел тень.

Удвоились деревья, и на сырой земле пробовали они, как нарисо-
ваться.

Луна проверяла рисунок и смотрела на землю через карандаш.

Не так стары, но совсем развалились хати, и камень их еще шерша-
вей при луне.

За серыми скрепленными сейчас тенями камнями ограды, — здесь
стены кладут сухой кладкой, — за стенами лежат медные пивные кот-
лы.

Осенью будут варить священное пиво.

Котлы похожи на медные сердца, на медные груши, они оклепаны
круглыми медными заклепками.

Они не похожи на котлы.

Здесь мимо хати сбегал в речку крутой, как лестница, ручей.

Я не рыцарь и не говорил здесь о любви

Говорил о реках широких, с желтыми песками, о городах, равнинах.
Внизу были дома с норами для жизни, с чердаками для любви.

Отсюда видно, что в горах жить трудно.

Про этих пшавов написано в грузинской летописи, что царь разбил
их в сражении и преследовал до гор, где они все равно зимою погибнут
от холода.

Триста лет или четыреста погибают люди.

Луна светила с неба, рисовала деревья на серой бумаге площади хати, делала воду живой, давала другой голос моим словам.

Утром деревья стали деревьями, вода водою.

Я уезжал на белой слепой лошади.

Она шла, опустив голову и нюхая землю.

Солнце вылезло из-за горы и сразу стало высоким.

Солнце наметилось на белую лошадь, на черную шапку. Оно отмечало белым след ремня на моей руке.

Лошадь шла, нюхая землю.

Женщина сказала мне со скалы, мимо которой проходил поворот дороги.

— Ты знаешь? Я люблю тебя без памяти.

Я наклонился к лошади, протянул руку, как умел показал, что у меня тоже разбито сердце.

Женщина знала, что я уезжаю навсегда.

Пусть я уезжаю гордым и счастливым.

Эта фраза была формулой вежливости.

Любовь этих гор условна не нашей условностью.

В формулу вежливости поверил Пушкин и написал поэму «Кавказский пленник».

...Вдруг волны глухо зашумели,

И слышен отдаленный стон...

На дикий берег выходит он,

Глядит назад... Берега яснели

И опененные белели.

Но нет черкешенки молодой

Ни у берегов, ни под горой...

Все мертво... на берегах уснувших

Лишь ветра слышен легкий звук.

И при луне в водах плеснувших

Струится, исчезает круг...

Правда, это в горах ниже, но все же скажу.

Черкешенка не потонула в реке, в реках Кавказа не тонут. Реки Кавказа давят, как трамвай.

ДА НЕ БУДЕТ НИЧЕГО МЕЖДУ НАМИ

Это происходило много лет тому назад, в горах.

Человек с этого края гор поехал к другу на тот край, через перевал... Ему имя Селим.

Он приехал к другу. Ахмед в этот час уезжал из дома. Хотел остаться.

Но друг сказал:

— Не разбивай для меня работы.

Друг приехал не один, с ним был не то оруженосец, не то слуга. Алим.

Ахмед, уезжая, сказал матери и сестре:

— Если я вернусь и увижу, что у друга моего складка между бровями, то я сожгу свой дом.

Уехал.

Гостей кормила, гостей поили.

Слуга Алим раз пошел гулять, вернулся. Складка была у него между бровей.

Господин спросил его. Слуга молчал.

Времени было много: стал господин ходить и искать.

Зашел в соседнюю деревню. Увидал женщину. Вернулся домой.

Ни о чем не спросил слугу, но между бровей показалась у него складка.

С гор вернулся хозяин. Посмотрел на друга. Посмотрел на мать, сказал:

— Выводи быков, выноси вещи: буду жечь дом — гости печальные.

Гость говорит:

— Не надо жечь, горе мое не здесь, горе мое в соседней деревне.

— Какие волосы у твоего горя?

— Золотые.

Попрощался гость, сел со слугою на коней и поехал. Ехали на перевал, навстречу воде. Ехали каменными осыпями, вели лошадей через талый снег. Наконец замолкла вода. Остался один ветер над снегом. Потом опять зашумела пресная, снеговая вода.

Ехали с водою вместе. Осыпи, потом трава, и вода стала шуметь спокойней.

На привале догнал их Ахмед, поперек седла лежала у него связанная женщина: волосы у нее золотые.

В той стране, когда справляют свадьбу, режут в доме весь скот кроме кошки.

Кошки из осторожности забираются на дерево.

Пили, ели, справляли свадьбу.

На второй день пошел жених к невесте. Тронул ее бешмет. Невеста сидела печальная.

— Ты любишь Ахмеда? Ты его невеста?

Не ответила женщина ничего.

Послал слугу к Ахмеду жених. Сказал, чтобы тот приехал — горе у друга.

Пили, ели, говорили.

Приехал на чужую свадьбу Ахмед. Встал жених и сказал:

— Большое у меня горе, помочь мне может только друг. По ошибке принял я подарок, который не мог принять, по ошибке пальцем коснулся невесты друга.

Вынул жених нож, сказал:

— Пусть не будет между нами палец.

Отрубил себе палец — сказал:

— Свадьба продолжается, это твоя свадьба, Ахмед.

Свадьба продолжалась.

Вышла невеста на двор. Двор широк. На дворе лошади молчат. Много лошадей. В доме так много выпито, что странно, как это лошади не поют и не танцуют.

У лошадей слуга.

У слуги маузер в руках. Подошла к нему невеста с золотыми волосами.

— Почему ты здесь?

Слуга отвечает:

— Между ними только палец, они сговорились уже, а между мной и ими голова: я тебя люблю.

Взял дуло маузера в белые зубы глубже мушки.

Вскочила женщина в седло, подняла мужчину, перекинула поперек седла и сказала:

— Пусть не будет между нами ничего, уедем, я тебя тоже люблю.

И увезла его в мир иных отношений: к морю, где цвели другие деревья, к морю, по которому шли корабли.

ПАМЯТЬ О ПЕТЕРБУРГЕ, ПАМЯТЬ О ЛЕНИНГРАДЕ

Петербург всегда был городом особенным. Про него говорил Пушкин: «Люблю тебя, Петра творенье».

Пушкин стоял в конце культуры, создавшей этот город.

Архитектурная эпоха Достоевского — плохая эпоха. Ее памятником, правда запоздалым, остался храм на канале Грибоедова.

Храм на том месте, где будущий предатель Рысаков сказал: — Еще слава ли богу, — и Гриневицкий бросил вторую бомбу.

Достоевский умел описывать, то есть любить Петербург.

Это он понял, что с мостов город этот выглядит особенно, нимо.

Но по своему временному, прикреплению, по малому разуму, по тому, что от человека осыпается потом, Достоевский не любил Петербург.

Он писал:

«Виноват, не люблю его. Окна, дыря и монументы».

Люди группы Достоевского — Страхов, Орест Миллер — не любили города.

В этом городе в детстве качался я на цепях сквера у собора Спаса Преображения.

Цепи висели между дыбом поставленными пушками.

Пушки стояли по трое. На средней, самой высокой, сидел золоченый орел.

Весь город Петербург украшен был цепями, орлами и палками.

По городу в ногу шли гвардейцы.

В городе звучала музыка гвардейцев, барабан и флейта пикколо.

Как свист флейты, стояли колонны.

Площади были убиты скопленным от Петра булыжником, гремели колеса барабанной дробью.

Ребенком прикладывал я ладони к голове и то открывал, то закрывал уши.

И в голову врвался звук «уа-уа» и грохот.

Грохот прекращался, когда падал снег, это была зима. Грохот рождался снова, когда по Неве шли, отставая по краям, быстрее к середине, льдины.

Это была весна.

Город был украшен цепями, палками. Связки этих палок, в просторечии называемые прежде шпицрутенами, украшали стенки мансжа

Отлитые из чугуна, они были столбами садов.

Архитектурно их звали фашами.

Я родился в этом городе и не находил в нем ничего особенного. Жили мы на Надеждинской. В одну сторону от нас шли тихие улицы особняков. Иногда на торцы настилали где-нибудь на Сергиевской солому, это значит — умирал кто-нибудь в доме и хотел умереть особенно спокойно.

На этих улицах копыта лошадей вообще стучали глухо.

В другую сторону шли казармы, саперные, вольнские и других полков.

Это были целые кварталы, версты казарм, плацы...

На улицах между казармами не торговали, не гуляли.

На этих улицах не рождались, потому что там за воротами, охраняемыми часовыми, дневальными и дежурными, жили одни мужчины.

Казармы кончались Смольным собором, Вдовьим домом и Смольным институтом.

Вот в этих местах и жила у меня и старилась, не имея работы, красивая тетка.

Она была акушеркой, коротко стригла ногти на красивых руках, носила сажоваяк и все время рассказывала случаи из практики, и нас, детей, выгоняли из комнаты. В нашем доме об аистах не говорили. Но рождение человека, разговоры о рождении человека были просто запрещены.

Тетка носила не девичью фамилию, не фамилию моей бабушки. Я этого не понимал.

Разговоры о них были заперты....

Раз я ее видал плачущей.

Потом помню шепот.

Умер кто-то.

Прошло 30 лет. Теперь я понимаю. Тетка разъехалась с мужем и жила порознь с ним много десятков лет. Муж ее умер в городской больнице — тогда это был позор.

Память о нем смыли.

А у нас ведь был самый скромный мещанский дом.

Да, вспоминаю, так смыли память о муже бабушки Давида Копперфильда.

Памяти не было.

Тетка моя, вероятно, тридцать лет или сорок прожила старой девой. А была красавицей.

Как они жили вообще?

На пустынных улицах не для нарядного города, не читая не для них написанные книги. Даже кино не было у них тогда.

Умерли без памяти, в наследство оставили комод с бельем.

В 1932 году в Ленинграде собрались землячества полковые и партизанские для написания истории гражданской войны по программе, напечатанной в «Правде».

Собрались и люди из отрядов, сражавшихся когда-то против Юденича.

Был такой генерал, его Митька Рубинштейн, банкир, скопивший царские рубли, послал завоевать Петербург, с расчетом на повышение рубля.

Рубли были проданы, когда Юденич занимал Петербург.

Это было осенью. Жара спала. Рубили капусту. Петроград тогдашний жил одной вареной капустой.

Сражались на пригородных пустырях, на капустных полях.

В городе были сложены окопы из дров.

В дровах стояли пулеметы.

Еще не выпал на все это снег.

Рабочих вызывали на фронт. Спрашивали на пунктах:

— Жену имеешь?

А потом:

— Винтовка есть?

И отвечали люди: да или нет, или нет, а потом да.

Трамваем поехали боевые товарищи на бывший фронт.

Ходили по кустам, смотрели, как через болотистые поля шагают столбы электропередач. И легла струнная тень проводов, перебиваемая острокрайними утолщениями гирляндных изоляторов.

В полях уже завивались кочаны капусты.

Еще зеленый — не синий — был капустный лист.

Прикидывали, где ночевали. Вспоминали, как варили капусту с уксусом и сахарином.

Вспомнили женщину. Это она все пробовала сварить капусту по-вкусней.

Была она вроде как санитарка и через плечо на веревке носила винтовку.

Товарищи вспоминали пулеметчика. Ноги он потерял на этом деле. Жил потом инвалидом. Нищенствовал и продавал разные свои привилегии.

Устраивали его товарищи на работу, а он без ног работать не хотел. Потолстел, обрюзг. Приучился сидеть на гранитных, теплых летом, пещерах Невы.

Бросился, наконец, утонул на неглубоком месте.

— Красивый парень был. Это он путался с той санитаркой?

— Нет, товарищ командир, это ты сам путался. Разве забыл? Да я ее после того брюхатой видел. И как она не пришла, ведь вместе бились.

— Наших вшей на костре жарила. Стирать-то рубашки не стирали.

— Как была ее фамилия? И не Капустина и не Петрова. Имя Маруся.

Вспомнили.

Искал командир в адресном столе, перебрасывали для него карточки на крутых никелированных дугах.

Есть такая и лет ей уже тридцать шесть.

Искал командир на темной лестнице, шарил по дверям, стучался. Вот дверь открыли. Сказал фамилию.

— Сейчас с работы придет, входите, товарищ.

Вот комната у нее. Карточки его нет. Ведь фотографов тогда не было. Комод. Кровать. Будильник. И другая кровать. Замужем, значит.

В окно крыши, за крышами крутой купол Исаакия.

Женщина пришла молодая, стоит в дверях, спрашивает:

— Вам что, товарищ?

Он навстречу встает. Смотрит женщина. Назвала его по имени.

— Ты, — говорит она. — Да, ты ведь старый.

Грустно стало командиру, что не поцеловала она его. Сел на скрипучий стул и сказал:

— Укатали Сивку крутые горки.

Засмеялась женщина, стала молодой и сказала:

— Стал Сивка толстый.

И поцеловала его в чисто бритую военную щеку

Заплакала потом.

Больше часа не знали они, что делать.

Мальчик пришел лет тринадцати.

Вот чья кровать, оказывается.

Выслушал мальчик сбивчивую эту историю, взял отца за плечи, посмотрел на него почти знакомым взглядом. Так командир сам смотрит, когда выговор делает.

Сказал мальчик:

— Значит, и фамилию забыл?

Молчит командир.

— Знаешь, — говорит мальчик, — ведь и она забыла. А зовут меня Михаил.

— Мое имя.

— Не говорила мне мать, что в отряде была.

— Пока помнила, ты был мал, вырос — не пришлось.

Селя, говорили об истории гражданской войны, называя ее по имени нам, по фамилиям.

Настал вечер. Опустили шторы.

Сказал командир шутя:

— Здесь середина земли моей.

Вспомнил про себя Святослава: в церковно-приходской школе учили немного, забыть трудно.

— Здесь и останусь пока что. Пойдем завтра втроем на собрание.

Не надо терять воспоминания.

Но не стриженная овца — она развешивает шерсть по реньям и колючкам и остается сама без тепла.

Это не давние люди в городе, который они не любили, в городе, который им казался желтым, пустым и дырявым. Они забывали охотно.

Они хотели жить так, чтобы не быть ни в чем замеченными.

ОБ ОБЕЗЬЯНАХ

Мне нужно было писать сценарий «Страх».

Писал долго, передельвая десятки раз.

Дело осложнялось тем, что режиссер был запуган собственным значением.

В сценарии должны быть обезьяны. Я собирал о них сведения, читал о них.

Обезьяны сложны. Они реагируют неожиданно. Вся трудность в работе с ними в том, что они уже на другой ступени.

Кстати о ступенях.

Однажды академик Павлов, зайдя в свою лабораторию, сказал:

— Рефлексы, рефлексы... Мы работали уже не с собаками. Для такого количества рефлексов уже нужен новый термин. Я предлагаю термин «психология».

Так перешел на другую ступень Павлов.

Когда к нему привезли обезьяну Рафаэль, то Рафаэль, после долгой неволи, впервые увидел небо.

Он перекувырнулся, прыгнул.

Академик смотрел на обезьяну восторженно. Он сказал:

— Какая прекрасная и хаотическая жизнь.

Когда с обезьянами делают опыты, то их заставляют скучать. Их хотят оградить от хаоса.

Работая с ними, все время ошибаются и, боясь очеловечивать ее, особачивают.

Была в Германии обезьяна арийского происхождения — Мориц. Родилась она в Германии, воспитывали ее, и я не лгу, в детском доме и каждый день фотографировали. Когда она умерла, о ней писали некрологи и в утренних и в вечерних газетах.

За год до смерти какой-то ученый исследовал Морица.

Ему дали две палки, которые можно было вставить друг в друга.

Одна палка была с крючком.

Вдалеке от клетки так, чтобы можно было достать только соединенными палками, поставили корзину фруктов.

Обезьяну не кормили.

Поставили вентилятор, чтобы запах фруктов гнало в клетку.

Мориц долго старался втянуть корзину палкой, но палка была коротка.

Он пришел в отчаяние, сидел в углу, завернувшись в одеяло.

Палки не попадали в поле его зрения одновременно, и у Морица не получалось то, что потом вырастает в умозаключение.

На второй день Мориц бросил одеяло, рычал, бросал в ученого калом.

На третий день утром, взяв с палками, соединил их и втянул корзину. И тут Мориц усложнил опыт. Он высыпал фрукты из корзины на себя, бросился на трапезию, прыгал и танцевал на всех четырех руках. Он пережил восторг изобретения: радость творчества перекрыла голод. Потом он спустился, подобрал фрукты и съел.

Об обезьянах этих я говорю по преданию, по рассказу.

Кроме крымского подоконника на южном берегу есть солнечный Кавказ со своим берегом.

Там красная земля, пригодная для чая.

На горах снег и ледники.

Внизу, на краю города, рядом с лимонными рощами, живут обезьяны в питомнике.

С обезьянами делают опыты. С ними ошибаются все время, ошибаются в методе подхода. Это академический загиб, такие эксперименты делали с детьми.

Над одной обезьяной, я забыл ее имя, поставили такой опыт: при синем сигнале в отверстие, куда она всовывала руку, оказывался банан, при фиолетовом — обезьяна получала электрический разряд.

Нужно было установить, какие краски она может различать.

Обезьяна всовывала руку, ошибалась и сердилась.

Ученый наблюдал, сидя за фанерной стенкой с прорезом.

После ошибки с фиолетовым цветом обезьяна повернулась к стенке и плюнула в прорез.

Она сделала вывод, более сложный, чем тот, который поставлен был в опыте.

В своем полуподходящем климате живут у берега моря обезьяны.

Недавно их снимали для картины. Оператор долго возился.

Типаж сидел в клетке, прыгал и не входил в кадр.

Оператор, чистый эмпирик, опытный в бедствиях, сделал странный опыт. Он выпустил обезьян, и сам вошел в клетку с аппаратом.

Дальше рассказывает он:

«Ей показалось смешно, что человек в клетке, а она на воле. Она прыгала вокруг и дразнилась, и я ее снял».

Обезьяны живут в ненормальных условиях, моют руки и едят вилками. Может быть, они так смелись, что уже смеются.

Их простые рефлексы сдвинуты, спутаны.

Одна обезьяна скучала по детям.

Она крада детеныша из чужой клетки перед прогулкой, гуляла с ним, а потом возвращалась и аккуратно засовывала детеныша в чужую клетку через прутья, как письмо в почтовый ящик.

И только любовь выравнивает обезьянюю психологию, перекрывает все, как вода, поднятая большим шлюзом.

Жизнь тогда перестает быть хаотичной.

Трудна любовь в обезьяньем питомнике, где сведены разные породы.

Но когда входит в обезьянье тело простой огонь любви, тогда зелень становится для обезьяны другой и изменяется вкус пищи, и заново связывается все вместе.

Тогда уходит обезьяна на верх дерева и строит там неумелое обе-

зьянье гнездо, не моет руки, забывает есть вилкой, не чистит зубы, не острит.

Вот тогда надо было бы исследовать обезьян, потому что тогда рождается будущее.

ЗАПИСИ О ЛЮДЯХ

Один молодой писатель говорит сам о себе скромно: как о знакомом великом человеке.

Седой, смуглолицый Довженко, рассказывая об одном прославленном режиссере, сказал:

— Ему трудно, ведь он всего только человек с совещательным голосом.

Не верю людям спокойным. Снимающимися со сложенными руками, похожими на Крылова.

Не верю людям, носящим также бобровые воротники и одетыми, как писатели.

У них должна быть на душе паника.

Иначе они были бы похожи на себя, а не на классиков.

На войне, на старой войне, той первой, с немцами, на наблюдательном пункте солдаты лежали. Офицеры стояли, для поддержания духа.

Мой знакомый, человек с совещательным голосом, был вольноопределяющимся.

Сомнения раздирали его, он присел.

Не так и не этак.

Так и живет всю жизнь.

П О М Н Ю!

Если я чего-то стою, все слова забуду, кроме
 «помню!»
 Я вино твое густое, то, черней медвежьей крови,
 помню!
 И какую ты бутылку мне подарил на расставанье,
 помню!
 И очаг, горящий, дымный, мясо жаркое кабанье
 помню!
 Как ты вел, чертям назло, славный пир в Йор-Муганло,
 помню!
 Как к охоте вечный вкус прививал мне — наизусть
 помню!
 То, что мне помог тогда встретить дикого кота,
 помню!
 То, что, сдерживая пыл, первый выстрел уступил,
 помню!
 Как я первый шаг запомнил,
 так и первого фазана
 помню!
 Что, когда его ты поднял,
 ликовал я несказанно,
 помню!
 И взъерошенные пики
 рослой чащи тростниковой
 помню!
 И промозглый вечер дикий, —
 на плечах брезент суровый,
 помню!
 От болот больных и тряских
 путь до солнечных холмов
 помню!
 Кунаков твоих татарских
 и радушье их домов
 помню!
 Помню все. Как уставал ты —
 и чем дальше, тем все больше —
 помню!
 Помню то, как ускользал ты
 от друзей, от нас — о боже! —
 помню!
 — Эх, старею, — говорил ты, —
 и собака уж не та!..
 Помню!
 Ах, светает, — говорил ты, —
 ведь какая красота!
 Помню!
 Как, присев на шаткой кочке,
 у костра стихи твердил ты,
 помню!
 И четыре эти строчки,
 что особенно любил ты,
 помню:
 «Взгляни, Кахетия, не август ли спешит.
 Взорвался персик, воздух вздрогнул чутко.
 И куропатка в диких зарослях шуршит.
 И вновь с тоской глядит с болота утка».

Как егерский домик не мыслится мне
без гордых рогов приколоченных или
персидский ковер — без ружья на стене, —
не мыслю без башен Ушгул и Лахири.

Но нынче я гость — ибо полночь близка —
твоих очагов и жаровен, о Халде!
Без башен ты — бык, обломавший рога.
Кто в этом лишены виновен, о Халде?!

Коварство, чьи руки привычны к ножу...
Сапог на гвоздях, не щадивший ни пяди...
Ты в прошлое смотришь — и не нахожу
ни тени тепла в затуманенном взгляде.

Но нынче и «Лиле» обрушишь, как гром,
и в завтра заглянешь доверчивым оком,
лепясь недоступным орлиным гнездом
к скале, как распиленной синим потоком.

Дымят, как и прежде, твои очаги —
не трубка ль в зубах у селенья дымится?
Как прежде, ревут у Айламы быки,
и к Тетнульду слаженный рев их стремятся.

Перевод Юрия РЯШЕНЦЕВА

Гела в конце концов напечатал свою статью. Фамилий Бубы и ее мужа не было, вместо них стояли инициалы.

— Какая семья разрушилась!..

— Кто виноват?

— Конечно, Буба Эшба!

— В чем же все-таки ее вина?

— Кто ее знает!

Отчего так происходит? Какая-то неотвратимость рока? Гела чувствовал, что в разрыве Буба Эшба не виновата. Однажды он даже сказал это! И все же написал статью. И как написал? Будто все в мире правильно и только одна эта женщина нарушает его гармонию.

Иногда идешь против своей веры, против своих убеждений, чувствуешь это, не хочешь идти, и все же идешь.

Гела сидел за своим письменным столом хмурый. Дато думал, что он расстроил статью.

Гела: Я день и ночь думал о Черном Нико и не мог успокоиться. Хотел вывести его на чистую воду. Решил сходить к нему, расспросить, откуда у него такой достаток и такая роскошь. Договорился с Котэ Рамишвили, и вчера утром мы явились к Нико. Дом Нико двухэтажный, старый, с девятью окнами и парадным — по фасаду. Мы позвонили. Нам открыл парень лет двадцати трех — двадцати четырех, гораздо выше и сильнее меня и Котэ. «Кого вам?» Мы сказали. Дверь затворилась. Не затворилась — заперлась. Я волновался. Котэ, наверно, волновался не меньше. Мы молча ждали, когда отпрут парадное. Наконец я увидел высокого, смуглого и очень красивого мужчину. За ним стояли два парня: один — тот самый, который нам открывал, другого мы видели впервые. Он был такой же плечистый и рослый: «Мы из редакции, хотим с вами побеседовать!» — сказал я. «Слушаю вас». «Войдите в дом». «Я с удовольствием выслушаю вас и здесь». «Я бы на вашем месте предложил гостям войги». «Что вам угодно?» «Войдите, мы скажем». «Скажите, я не сомневаюсь. Но в дом вам идти ни к чему!» «Да-а!» «Говорите, что вам угодно. У меня нет времени». «Вы что, бонтесь нас?». «Очень!». «Мы просто побеседуем». «Гм». Убедившись, что он не собирается впускать нас, я решил попытаться пройти силой. Парни вышли из-за спины Нико и стали надвигаться на нас. Тут Котэ отступил, оставив меня одного. Что я мог сделать один! Я тоже отступил. «Лучше впустите нас. Не то будет хуже!..» Эх, не надо было кричать и волноваться! По-моему, он очень испугался. Когда я упомянул про газету, даже побледнел. Но что вышло? Перед нами захлопнули дверь, оставили нас с носом. Что было делать? Мы ушли. Ничего. Увидят еще!

— Но для чего вам нужно было входить к нему? — спросил Дато.

— Поглядели бы, как он живет.

— А для чего?

— Я описал бы в статье его дом... квартиру...

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 3.

- Зачем тебе это?
- Как зачем?
- Одним словом, вас посрамили!
- Я не оставлю этого дела.
- Нет, уж лучше брось...
- Я не такой трус, как ты!
- Видно, кто-то ему помогает.
- Верно. Не то он не был бы так дерзок.

Вечером Дато встретил на улице Котэ Рамияшвили

Котэ: Слушай! Гела ко мне пристал: идем да идем к Черному Нико! Я не хотел. Ничего, говорю, не выйдет. Он не отстает. Что было делать, я пошел. Интересно все-таки — Черный Нико. Подошли к дому. Гела весь побледнел, дрожит. Чего, говорю, тащился, раз так боишься? А он мне: — Звони! Чего мне звонить? Долго препирались, потом он решился-таки. Вышел какой-то верзила и спрашивает: чего, мол, надо. Мы сказали. Потом пришел сам Нико — высокий, худощавый, черный. Да ты сам видел... Я таким и представлял его. Тоже спрашивает: чего, мол, вам? Гела говорит: побеседовать пришли. А он: что я, член бригады коммунистического труда, что интервью у меня хотите брать? Гела забормотал — грузинское гостеприимство, мол, требует, чтобы гостей приглашали в дом. Нико хохочет. Короче, расстраивается все, уже и не знаем, что делать. Нико поглядел, поглядел и захлопнул дверь у нас перед носом. Гела стоит у парадного, как ребенок, которого выдрали за уши. И не смотрит в мою сторону. Я смеюсь. А он рассердился и стал все сваливать на меня. В общем, убедились мы, что Нико крепкий орешек. Его голыми руками не возьмешь. Улыбка вежливая, а взгляд пронзительный, коварный. По правде говоря, и я перетрусил, хоть и много знал о нем и готовился к встрече. Страшный он человек. Такой на все может пойти.

- Да, верно!
- Но Гелу разве убедишь?
- Пусть не связывается. Есть ведь специальные органы!
- А я что говорю?
- Ну?
- Как будто согласился.

Дато целыми днями бродил по улицам. После посещения Зурико он избегал оставаться с матерью с глазу на глаз. Знал, что за этим последует, и избегал. Теона бросила несколько язвительных слов о мадам Норе. Намекнула, что он приваживает ребенка, чтобы сблизиться с мамой. Манана, наверное, тоже так думает. Как их переубедить? Да и нужно ли? Пусть каждый думает, что хочет... Но Дато не принадлежал к числу людей, которым безразличны мнения окружающих. С детства ему внушали: поступай так, чтобы о тебе думали только хорошее. Стремясь к этому, он всячески старался заслужить чье-либо расположение. И хотя теперь он часто говорил, что чужое мнение для него не важно, все же оно всегда ободряло его или ранило.

Ему казалось, что он приблизительно знает, что о нем думают. Он был уверен, что все в нем ошибаются, и он докажет еще свою правоту. Сейчас он скован, лишен свободы действий. И это мучит его. Он никогда не был робок, а сейчас утратил уверенность в себе, боялся запятнать себя еще чем-нибудь, дать лишний повод усомниться в своей чистоте.

Дато остановился у перехода. Пропустил несколько машин и уже пошел было, но в одной из них вдруг увидел Нору. Машина показа-

лась знакомой, он где-то ее видел. И мужчину, который вел машину и рядом с которым сидела Нора, он тоже видел. Да, конечно, видел. Но возможно ли, чтобы Нора сидела рядом с Черным Нико! Помнит-ся, тогда он не сам вел машину. Хотя какое это имеет значение?

Вдоль тротуара медленно ехало свободное такси. Возможно, это и натолкнуло Дато на мысль поехать за знакомой машиной. Дато попросил водителя ехать побыстрее. Такси заскользило между другими машинами. Впереди шел большой автобус. Дато охватил азарт преследования. Он торопил таксиста и радовался, как ребенок, когда удавалось кого-нибудь обогнать. Такси обошло автобус и вырвалось вперед. Еще одна машина, другая, гремя... Дато приник к стеклу. Еще немного, и можно будет разглядеть, кто сидит в машине, мчащейся впереди.

Азарт преследования притупил в Дато интерес к тому, с кем ехала Нора, главное теперь было — настичь, обогнать...

Новая неожиданность ошеломила Дато: в машине, кроме Нико и Норы, сидели Платон и какая-то незнакомая женщина.

«Большой человек... Да-а... Нет...»

Платон был багрово-красен, свирепо озирался вокруг и хмурился, словно угрожая кому-то.

«Вы мне казались более вежливым, юноша!»

«И на челе его написано...»

«Разве я член бригады коммунистического труда, что вы просите у меня интервью?»

«И узрел ту жену...»

«Послушай, сынок. Платон боится Нико...»

Дато попросил остановиться. Здесь кончался город и начиналась Военно-Грузинская дорога. Машина Нико вырвалась за город.

Дато совсем смешался. Он не мог связать друг с другом людей, которые промчались вместе в машине. Допустим, Платон и Нико связаны каким-то общим делом. Но при чем тут Нора? Ему очень не хотелось объединять ее с Черным Нико. Во-первых, потому, что она мать Зурико, и еще потому, что если связать Нору с Нико, то ведь придется и Платона связать с какой-то незнакомой женщиной. Это было невозможно. Нора и Нико все-таки еще довольно молоды. Незнакомка тоже. Неужели Платон, ворчун и брюзга, шестидесяти двух лет... «Платон говорит, не стоит предавать это дело гласности». «Верь Платону, он опытный и умный человек».

Платон... Платон... Платон...

«Что делать с этим ребенком?..»

«Я разрешил ему приходиться и не могу запретить...»

«Да... Пусть ходит...»

«Да... Пусть ходит...»

«Да... Пусть ходит...»

Все тогда были недовольны посещениями Зурико, кроме Платона. Видно, он уже знал тогда Нору, иначе не издал бы ни звука, — не все ли равно, будет маленький мальчик смотреть в окно или нет.

— Не знаю, сынок, что с тобой делается в последнее время!

— Я сам не знаю, мама.

— Чем объяснить тот твой поступок?

— Любовью к Зурико! — крикнула Теона из другой комнаты.

— Зачем ты пошел к этой женщине?

— Я уже говорил, что пошел навестить Зурико.

— По Зурико соскучился!

— Ты помолчи, Теона. Поторопись, не то опоздаем.

— Что ты! До консерватории — одна минута.

— Сынок, соседям вполне достаточно и этого. Они ходят друг к другу, судачат о нас, смеются...

«Живи еще... четверть века... Исхода нет... Все будет так...» Дато старался восстановить в памяти строчки стихотворения, но не мог.

— Хорошо еще, что Платон ничего не знает.

Дато вспомнил вдруг, как в машине Нора обернулась к Платону и возбужденно что-то говорила ему.

— Платон все же глава семьи, сынок. Нужно уважать его честь, его достоинство... Платон своеобразный человек... Теона, опоздаем!

Сегодня в консерватории концерт Рихтера. Дато видел афишу. Хорошо бы послушать... Впрочем, он все равно не может пойти.

— Подумай, сынок, о своем поступке... Теона!

Дато свыкся с мыслью, что дома его осудят за посещение Зурико. Свыкся настолько, что даже не очень внимательно слушал сейчас мать, тем более, что она почему-то говорила мягче, чем он ожидал.

Наконец мать и Теона ушли.

Дато знал, где Платон: дружки пируют с женщинами за городом. Но где Мириан? На столе исписанные листы бумаги. Может быть, он на балконе, беседует с Мананой?

Он выглянул в окно. Манана была на балконе, но была одна. Она повесила на крючок костюм отца и чистила его щеткой. Он совсем расстроился. Вспомнил, как до рассвета ждал Манану. Как бессмысленно было ждать! И зачем нужно было беседовать с ней глубокой ночью?! Почему она все-таки не выходила? Боялась отца? Скажем, боялась или просто не удавалось. Почему же потом она не искала встречи? Разве в тот вечер ничего не случилось? Она сама, сама... Он бы ни за что не решился. Даже не мог бы ни о чем таком и подумать. А вдруг она обиделась? Что ж, что она сказала тогда — уходи. Может быть, не нужно было ее слушаться? Человек иногда говорит не то, что хочет. А она... Как он холодно вышел... Что было делать бедной девочке? Сама... Возможно, потому он и смеялся. Хорошо все же, что он не осложнил отношений. Время поможет забыть обо всем.

Манана ушла к себе в комнату, унесла костюм отца. Стало грустно оттого, что Мананы не было уже на балконе.

Дато подошел к письменному столу, поглядел на листы, исписанные знакомым связным почерком: «Я человек, не знавший отца. Я оторван от собственных корней, и, мне кажется, я утратил то, что было во мне самым существенным». Эта фраза казалась выписанной из какой-то книги. «У меня нет прошлого: я оторнул его! Вернее — я был вынужден его отринуть». Чуть ниже шло: «Я отбросил воспоминания, как тяжелый груз. У меня нет старых знакомых, тоwarzysей, друзей... Если в сознании моем всплывает какое-нибудь воспоминание, оно причиняет мне острую боль, и я стараюсь сразу отбросить его, отбросить навечно». Дальше строк пять были зачеркнуты. «Все, как ядро ореха, живут в своей тесной, убогой скорлупе и, как ядро ореха же, оставляют ее для того, чтобы исчезнуть...»

Дато отошел от стола, вышел на веранду.

В стеклянном сосуде скользила золотая рыбка с длинными трепещущими плавниками. Увидев Дато, она всплыла на поверхность, уставилась на него, зашевелила ртом и жабрами. Дато открыл оловянную коробку и крохотной ложечкой насыпал рыбке корму.

Интересно, сколько сейчас времени? Может быть, лучше пойти погулять с Цицино, чем сидеть вот так дома? Цицино! Он словно сейчас только вспомнил, что на свете есть Цицино. Нет, вспомнил, пожалуй. Только видеть ее тогда не хотелось. Почему? С тех пор, как произошло то, на строительстве, Дато кажется, что Цицино живет далеко-далеко — в маленьком и забытом городке. И ему совсем не хочется ехать туда.

Было четверть десятого. Тьма уже затянула окна. Дато накинул плащ и вышел на улицу. Можно было позвонить по телефону, но он решил все же пойти к Цицино — почему-то был уверен, что застанет ее дома.

На остановке Дато столкнулся со школьным товарищем, Автандилом Харабадзе. Тот принялся что-то с жаром рассказывать, но Дато почти не слушал его, с нетерпением ждал автобуса в Ваке. Харабадзе все говорил, потирая руки, и застенчиво заглядывал в глаза Дато. Дато знал, что его занимает одно: есть ли у собеседника деньги, чтобы пропустить по сто грамм водки или дешевого коньяка. Если денег не оказывалось, он терял интерес к беседе и ретировался.

— Да, о чем я рассказывал?.. Хотя не лучше ли нам прежде выпить по сто...

— С удовольствием, но у меня не на что!

— Да? Ну, так я пошел... А вот, кажется, и твой автобус.

Цицино дома не оказалось, и Дато, раздраженный, поехал обратно. На площади Руставели прыгнул и пошел по проспекту пешком. Пожалел, что не спросил, куда ушла Цицино. Потом подумал — наверное, на концерт. Странные люди: стоит приехать какой-нибудь знаменитости, толпами устремляются поглазеть. Неважно — интересно, неинтересно. Главное — похвастать наутро, что были, видели, слышали. К примеру, эти концерты. Удивительно только, как залы вмещают столько народу.

Дато снова встретил Автандила Харабадзе, тот опять принялся что-то рассказывать, но, вспомнив, что на сегодняшний вечер отношения уже выяснены, распрощался со смущенной улыбкой.

Дато дождался окончания концерта. Почти полчаса простоял у витрины книжного магазина. Заметил тоненький сборник стихов Джимшера Калдани «Первая песня». На обложке на фоне зеленых гор возвышались сванские башни. Наверное, из-за фамилии автора. Сам Джимшер родился в Тбилиси и в Сванетии, кажется, ни разу не был А стихи все же писал о детстве, будто бы проведенном в деревне.

На проспекте показался первый поток идущей из Консерватории публики. Дато пошел навстречу. Шел медленно, не упуская из поля зрения ни одного из идущих. Раза два ему показалось, что он видит Цицино, но оба раза обозначился.

Он остановился на углу у магазина вод Лагидзе и поглядел вверх, на Консерваторию. У входа толпилось много народу — поклонники и поклонницы.

От толпы отделился знакомый силуэт, пересек узкую, слабо освещенную улочку. Буба Эшба! Дато повернулся и быстро вошел в магазин вод. Через стекло витрины увидел, как она спустилась на проспект и повернула налево.

Буба Эшба была одна.

Дато заметил, что она печальна и задумчива. Он вышел из магазина и пошел за ней. Шел, не давая себе отчета, зачем идет. Буба остановилась у книжного магазина, посмотрела книги. Потом пере-

шла на другую сторону и свернула направо, к опере. Почему она не пошла более кратким путем? У троллейбусной остановки Дато стал совсем близко от нее. Ощутил даже красный цвет, вернее — запах гвоздики. Заговорить не решился. Хотел, но не решился. Троллейбусы шли один за другим, и каждый раз он пугался, что на каком-нибудь из них Буба уедет. Но народу было очень много, и ей все не удавалось подняться. Он порывался заговорить, но не знал, что сказать. Ну, что же, что же, с чего начать? «Здравствуйте, Буба. Вы, наверно, догадались, зачем я здесь... Может быть, лучше пройтись пешком, я провожу вас... Я знаю, что вы думаете о нашей семье... Если пойти пешком...»

Опять прошел троллейбус.

— Буба!

Буба оглянулась.

Дато тоже оглянулся. Ему показалось, что имя Бубы невольно сорвалось с его губ, и он вздрогнул. Но зов повторился:

— Буба!

К Бубе шел немолодой, седой мужчина. Ей, кажется, стало неприятно.

— Буба, я хочу, чтобы ты меня выслушала.

— Я не могу, Давид, так долго слушать одно и то же.

— Но ты должна меня выслушать.

Дато понял, — это муж Бубы, и в нем вдруг родилось желание возражать, противоречить этому шегольски одетому человеку. Хотелось, чтоб и Буба не шла, не соглашалась с ним.

— Какой в этом смысл, Давид? Я не хочу быть тебе обязанной. Ни другим, ни тебе, Давид.

Дато нравились ответы Бубы. Но все же ему казалось, что они недостаточно резки и жестки. Он не разобрал, что сказал седой мужчина, но Буба вдруг оглянулась, и взгляды их встретились. Дато смешался, не зная, что делать. Буба горько улыбнулась, повернулась к мужчине:

— Хорошо, пойдем.

Буба и ее бывший муж медленно пошли по проспекту Руставели.

Дато: Видно, дома много говорили обо мне и решили: нельзя мне дольше оставаться без работы. Платон предложил взяться за капитальный ремонт здания, в котором помещается его учреждение. Я никогда толком не знал, где работает Платон. Знал только, что в какой-то артели, выпускающей женскую и детскую обувь. Платон свел меня в подвал одного из домов на Серебряной улице. Я думал — подвал мал и тесен, но оказалось, что в нем довольно просторно. В цехах стояла тишина. Особая тишина: обувь мастерили по старинке, и слышался мерный стук молотков, но говора и гула не было. Приглядевшись, я понял — здесь работают глухонемые... Платон показал мне свой кабинет — полутемную комнату с письменным столом, диваном и двумя-тремя стульями. Потом мы снова пошли в цеха. Меня удивило: я уже назначен прорабом по ремонту, хотя ни разу и не был в ремонтной. Верно, кто-то уже обо мне позаботился. Платон показал мне план подвала и не без труда объяснил, что ремонт не должен прерывать работу. Я был ошеломлен: Платон пятнадцать лет руководит артелью как глухонемой. То есть все думают, что он глухонемой. Здесь, в подвале, он объясняется со мной жестами, требует, чтобы я говорил погромче, и огромным, как раковина, ухом тычется мне чуть ли не

в губы. Пятнадцать лет притворяться глухим!.. Для чего? Видно, так удобнее. Я думал, что знаю Платона. Впервые я увидел его лет двадцать тому назад. К нам пришел незнакомый мужчина — высокий, угрюмый и молчаливый. Мама позвала меня и Мириана: с сегодняшнего дня и у вас будет отец... Родного отца я не помню. Мириан иногда вспоминал: отец сажал его на плечо и носил по комнате. Больше он ничего не вспоминал, раз только сказал — отец очень громко смеялся, и он боялся этого смеха. И я всегда думал — отец скоро появится, рассмеется громко, так, что у меня дух захватит, потом посадит меня на плечо, как Мириана, и будет носить по комнате... Я был маленький, но понял, что к нам пришел не тот человек, которого мы ждали. Он не смеется и не сажает меня на плечо. И Мириан сказал: это не наш папа. Платон был угрюм с виду, но страх, который он вызвал во мне в свой первый приход, постепенно рассеялся. Я привык к нему. Я чувствовал, что больше всех он любит Теону, но чувствовал только тогда, когда он провожал ее особым взглядом. Ничем другим Теону он не выделял. Потом мне стало казаться, что Платон слишком наивен и мягок. В семье верховодила мать. Платон покорно и молча выполнял все ее желания. И я никак не мог подумать, что он способен на такую хитрость и лживость. Нелегко убедить людей, что ты нем и глух, но если это удалось, жить становится проще.

В последнее время Мириан стал чаще уходить из дома. Возвращался навеселе. Но Дато не спрашивал, где он бывает.

К Дато пришел взволнованный Гела.

— Мириан дома? — спросил он. В глазах его, черных и огромных, как пуговицы пальто, играла заговорщицкая улыбка.

— Нет. А что такое?

— Да-а! А скоро он придет?

— Не знаю.

— В редакцию пришло письмо. Пишет некто Бондарев из Смоленска...

— А при чем тут Мириан?

— погоди... Бондарев ветеран войны, участвовал в обороне Бреста. Там воевал какой-то грузин. Фамилии и имени он не может вспомнить. Но описывает внешность. И представь, по описанию тот грузин — вылитый Мириан. К тому же, ведь Мириан попал в плен именно в Бресте.

— Да.

— Бежал из плена и боролся вместе с французскими маки?

— Да.

— Ну, так это Мириан. Он называет и других грузин по именам и фамилиям. А фамилию Мириана почему-то забыл.

— Что ж он не спросил у тех, кого помнит?

— Они все погибли. Да, он еще пишет, что грузина этого называли Мироном, но это, кажется, не его имя.

— Скажем, это и в самом деле Мириан? Так что же?

— Как что же? Ты знаешь, какие он совершал дела? Неслыханные... Фантастические...

Мириан вернулся поздно. Дато уже лежал в постели, но не спал. Мириан ходил по комнате осторожно, на цыпочках. Разделся.

— Мириан!

Молчание...

— Я же знаю, что ты не спишь!

— Ну, чего тебе?

— Ты слышал фамилию Бондарев?

— Много раз.

— Слышать ты, конечно, слышал... А человека с такой фамилией знал? Давно, когда-нибудь?

— Нет, не знал.

«Я не люблю вопросов. И допросы тоже...»

— Я не шучу, Мириан!

— И я не шучу...

— Ну, так скажи.

— А тебе не интересно, где и с кем я был сейчас?

— Я спрашиваю о более важном.

— Я сказал, что не знаю такого.

— Ты и Бубу Эшба не знаешь, и в первой школе не учился... И...

— Это мое дело... Только мое...

— Ты и Бондарев вместе защищали Брестскую крепость. Это правда.

Молчание.

— Мириан... — «Нужно было начать по-другому. Это и вправду вопрос, а не беседа». — Мы ведь братья, Мириан! Почему ты все от меня скрываешь? — «Не показал мне рассказов, а Манане дал. Разве Манана поймет его лучше меня?» — Я же знаю, ты воевал вместе с Бондаревым и дружил с ним. Хочешь, я скажу, как тогда тебя называли? Мирочом. Там тебя звали Мироном. Так ведь? Скажи! — Дато оперся локтем о подушку и в упор посмотрел на брата.

Мириан лежал вытянувшись, на спине. Лежал, словно одеревенев, устремив глаза в потолок. Дато показалось, что Мириан не дышит. Он привстал на постели, присмотрелся. В тусклом свете, проникавшем в комнату с улицы, заметил: у Мириана дергается правая щека.

— Оставь меня, — спокойно сказал Мириан, — должен же ты понять, что я ненавижу тебя...

Дато показалось, что Мириан думает вслух и слова эти обращены к кому-то другому.

— Но ты никогда этого не поймешь...

— Кому это ты?

— Тебе... Ты никогда не сможешь представить, не сможешь поверить в возможность того, что кто-то тебя не любит...

— Ты обо мне, Мириан?

— погоди, я скажу.

— В другой раз...

— А сейчас я пьян, да? Пьян?.. Ты не хочешь, ты совсем не хочешь, чтобы я сказал правду. У тебя всегда была своя правда, свой аршин, которым ты мерил все... Хотя всегда несознательно. Сам не чувствовал этого. Иногда, возможно...

— Ты несправедлив, Мириан!

— Пусть... Должен же ты узнать, что думает о тебе твой старший брат, — пусть даже несправедливо.

Мириан умолк.

В самом деле, Дато ничего не хотелось слушать. Он просто думал обрадовать Мириана, сделать ему приятное.

— Ты заботился обо мне, беспокоился, я знаю... — Дато вздрогнул, Мириан словно читал его мысли. — Но на самом деле ты забо-

тился и беспокоился о себе. Ты волновался, когда я уходил и задерживался, потому что не хотел, чтобы я нарушал твоя покой. Я и так слишком много волновал и беспокоил тебя, — сперва был на войне, потом пропал без вести, потом погиб, потом восстал из мертвых, и вдруг — вернулся... Разве можно, чтобы один человек доставлял столько беспокойства другим? Потому ты и предпочитаешь, чтоб я...

— Мириан!

— Разве не правда?

— Что ты говоришь!..

— А сейчас тебя взволновало...

— Если ты хочешь сказать еще что-нибудь подобное, я не стану тебя слушать и иду спать на веранду.

— Ты не хочешь выслушать правду. Но ведь мы братья? Что нам таить друг от друга? Нам многое нужно сказать.

— Тебя искал Гела! В редакцию пришло письмо.

Дато говорил громко, захлебываясь. Словно старался заглушить Мириана. Встал, подошел к нему, стал у него в головах.

— К сожалению, это не я.

Вошла мать, поглядела на них удивленно.

— О чем вы спорите?

— Ну, скажи, скажи же, что это ты! — настаивал Дато.

— Оставь меня! — Мириан привстал на постели. — Я уже забыл обо всем. Это не я, не я! Нет, нет!

Он ничком упал на постель, Дато услышал плач. Мириан плакал, как ребенок, уткнувшись в подушку; что-то говорил, но Дато не мог разобрать слов. Это было так неожиданно. У Дато сжалось сердце, но вместе с тем он почувствовал какое-то облегчение. Тронутся лед...

Мать взяла Дато за руку, отвела от кровати Мириана.

— Что с вами? Ведь вы никогда не ссорились?

Мириан успокоился, отвернулся к стене, притих.

Дато мучили упреки брата. Ему хотелось сказать, что это не так, совсем не так. Не оправдываться, а просто сказать, что Мириан ошибается. В конце концов и он может обвинить Мириана в том же. Он не мог уснуть, раза два порывался начать новый разговор, но потом решил, что не стоит. Уснуть не удавалось...

...Он легко вскочил на окно. Окно было открыто, и он выскользнул на улицу. Как легко он движется в воздухе! Это — сон? Он подплыл к кирпичной стене. В одном месте в ней темнело отверстие: выпали кирпичи. В него легко пройдет рука. Где-то тут воробьиные гнезда, о которых говорил Зурико. Он сунул в гнездо руку. Рука ушла вглубь почти до плеча. Воробьев не было. Он немного подождал и взмыл на крышу. Поглядел с крыши на улицу. Улица была полна народу. И все тупо и бессмысленно смотрели, как он ходил по карнизу. Он решил напугать толпу. Прыгнул на провод, стал бегать и скользить по нему, стараясь показать, что вот-вот оступится и сорвется вниз. Но никто не пугался, напротив, казалось, что все ждали чего-то большего, а он не оправдал их надежд. Тогда он схватился зубами за небо, как цирковой акробат за веревку, и стал вертеться, отчаянно, со страшной быстротой...

— Дато! Дато!..

— Что случилось? — Дато, словно ужаленный, вскочил на постели.

— Где Гела?

— Гела? — Дато оглядел Мириана и снова опустился на подушку. — В редакции.

— В котором часу он туда приходит?

— Кажется, в девять. Хочешь, я пойду с тобой?

— Нет, я сам.

Мириан, казалось, не спал всю ночь. Он был бледнее обычного, но вид у него был решительный.

Дато вышел из дому вместе с Платоном. Было около десяти утра. На углу улицы стояло такси. Платон, не спросившись, открыл дверь машины, кивком головы указал Дато место на заднем сиденье. Позже Дато узнал, что такси это каждое утро поджидало Платона.

Мириан ушел очень рано, не позаботился даже о хлебе и молоке. Сомнений быть не могло, в письме говорится о нем. Но почему он так тщательно скрывал, так отвергал свое прошлое? Судя по всему, в нем нет ничего позорного.

Возможно, Мириан и не пошел к Геле. Разве его поймаешь?

..Сколько желчи, однако, таила его молчаливость. Когда человек так долго молчит, наверное, в душе его накапливается гнев — словно озеро в горах.

Разве он, Дато, не заботился о Мириане, и разве не была искренней эта забота? Сам Мириан не допускал его до себя. Словно он виноват в том, что так получилось.

Куда все-таки пошел старший брат?

В поступках Мириана, чаще даже в выражении его лица, Дато примечал такое, что говорило о нерасположении к нему брата, но он отбрасывал эту мысль, старался не замечать ничего. Думал, что Мириан молчит потому, что привык к молчанию, избегает всех потому, что привык к одиночеству.

Куда же пошел Мириан? Если и в самом деле к Геле, тогда... Тогда, значит, преодолел эту боль прошлого. Трудно, мучительно, но преодолел. Не выдержал молчания и одиночества. Как он будет вести себя завтра? Поймет ли, что ошибался насчет Дато, пожалует ли об этом?

Такси остановилось на Серебряной, у подвала. Их обдало сыростью, запахом кожи и красок.

Битый час Дато сидел в кабинете у Платона. Сидел просто так, без дела, сам не зная, зачем. Платон ничего не говорил, и он ни о чем не спрашивал.

Сегодня нужно обязательно встретиться с Цицино. Как давно они не виделись! Что она подумает? Раньше, когда они чаще виделись, он и думал о ней больше. После работы он зайдет к Геле, спросит про Мириана, позвонит Цицино, — она к тому времени вернется домой с лекций.

В комнату то и дело заходила девушка с несколько странными черными живыми глазами. Она приносила какие-то бумаги. Платон не читал их, а складывал на углу стола. Девушка, оттого, верно, что так часто появлялась и смущалась перед посторонним, застенчиво улыбалась. Совсем девочка. Красное бархатное платье и зеленая кофточка местного производства. На тоненьких суховатых ногах детские носочки.

А лет ей, наверное, семнадцать или даже восемнадцать. Бледное-бледное личико...

У Платона ореховый письменный стол. Посреди стола — огромная мраморная чернильница с бронзовыми ветвистыми оленьими рогами. Рядом глиняный стакан с красными карандашами. Между тумбами стола — огромные ноги Платона поставлены как-то странно, как неживые, будто и не его вовсе.

Из окна видна часть тротуара. Когда кто-нибудь проходит, по комнате пробегает тень. Прохожих много, и по стенам все время мелькают тени.

Венские стулья...

В комнату вошел Нико Коринтели.

Платон привстал. Невольно поднялся и сразу сел, опомнившись, и Дато.

— О-о... Нико... — промямлил Платон и протянул Нико руку.

— Ну, что, старик! — Нико пожал ее, повернулся к Дато, словно только что заметил его, присмотрелся. — Ваше лицо мне знакомо откуда-то.

— Мне ваше тоже. Только я знаю, откуда.

— Это тот самый, — промычал Платон.

— А-а! — вспомнил Нико и протянул руку.

Дато и подумать не мог о возможности встречи с Черным Нико, иначе ни за что бы не согласился работать здесь. Он понял, — весь этот час ждали Нико.

Снова вошла девушка в красном платье, принесла бумаги. Выходя, улыбнулась Дато большими наивными глазами.

— Послушай, старик, утихомирь как-нибудь этих.

Платон заискивающе улыбнулся Нико, но тут вдруг напрягся, и лицо его выразило крайнее недоумение. Нико махнул рукой — ничего, мол, не поделаешь. Платон вышел и очень скоро вернулся назад. Неужто он обманывает и Нико? Нико говорит разные обидные слова в надежде, что он не слышит. А он все слышит, и все сносит, не моргнув даже глазом, и не только сносит, но и заискивающе улыбается. Зачем ему притворяться? Может быть, он и вправду глух, а Дато об этом не знает?

Дато не мог оставаться здесь долее, одно только удерживало его — хотелось узнать, почему так долго ждали Нико.

— Нам нужно помириться, Давид! — В первый раз в обычной беседе Дато назвали его полным именем.

— А что — мы ссорились?

— Зачем нам обманывать самих себя и друг друга? Мы не дети.

«...Здесь продаются только детские шапочки... Только детские шапочки... Детские шапочки...»

— Мои ребята никак не могли подумать, что вы ночью окажетесь на строительстве, не то бы действовали по-иному. И я не думал... Получилась неприятность, и я очень сожалею. Все могло быть удачнее. Но что было — прошло! Сейчас мы задумали новое дело, и нам нужно поддержать друг друга.

Дато слушал молча. Он так был уверен в причастности Нико к преступлению той ночи, что даже не удивился его откровенности.

— Вы будете участвовать в деле. Я помогу вам, если будет нужно.

— Я не приму от вас никакой помощи.

— Вы уже приняли ее однажды.

Дато подумал, что Нико говорит о той ночи, и вспыхнул. Не ожидал такой издевки.

— Да, мы очень вам обязаны, и я, и мой брат.

— Не знаю, как ваш брат, но вы приняли. Это я пристроил вас тогда на строительство. — Он повернулся к Платону. — Барамидзе, идиот, ты что, ничего не говорил ему?

Платон улыбался. Ходил по комнате, потирал руки и улыбался. Словно ничего и не слышал, словно все оборачивалось так, как он за-

думал. А Дато чувствовал, что попал впросак. Словно на полном ходу выпустил из рук руль машины.

— Ну, пошли!

— Куда?

— Есть одно славное местечко для беседы!

Дато как будто твердо решил сопротивляться, но, против воли, покорно встал и пошел за Нико.

У дверей, опустив голову, стояла девочка в красном платье.

Молча поднялись по лестнице.

Прежде, чем выйти, Дато обернулся, поглядел вниз, в подвал. Девочка провожала его восторженным взглядом. Смутилась. И растаяла в темноте подвала...

...Из окна была видна Кура, и крутой ее берег, и старый город, теснящийся на склоне горы. Прилепленные друг к другу домики — покосившиеся, с черепичными крышами. И среди них царицей — высокая башня, опоясанная голубым деревянным балконом.

Было трудно понять — куда течет река. Вода бурлила, клокотала, кипела, как в гигантском котле. Металась, ударяясь о кирпичную стену, откатывалась назад. Зеленоватые волны бились о серые камни.

В маленькой светлой комнатке стояли стол и четыре стула. Два официанта двигались быстро и мягко, словно резиновые. За стеной стоял гул и говор завсегдатаев. Там, как видно, не теряли времени даром.

Дато терпеливо ждал, когда начнется деловая беседа. Появилось вино. Подали икру и осетрину, тушинский сыр и свежую зелень... Дато не притрагивался ни к чему — не мог есть. Нико сам положил ему рыбы, придвинул гранатовую подливку. Стаканы наполнялись и пустели, и снова наполнялись золотистым «Тибаани». Принесли жареных цыплят и филе.

Платон ел молча. Из тостов Нико выяснилось, что в глубине подвала можно вырыть новые цеховые помещения. Но их не нужно включать в общий план подвала.

После бессонной, беспокойной ночи Дато легко поддался опьянению. Он сидел осовелый, умиротворенный и не мог взять в толк, для чего нужен Платону и его дружку внеплановый цех... У дверей подвала, опустив голову, стояла девочка в красном платье. На бледном лице ее темнели говорящие большие глаза... Дато не расслышал слов седого мужчины, потому что Буба оглянулась, и взгляды их встретились... Дато зубами уцепился за небо, повис, отчаянно закружился. У дверей увидел Мириана. Сняв рубашку, тот показывал ему старые шрамы.

— Я согласен со всем, — сказал Дато, — только...

Черный Нико удовлетворенно улыбнулся.

— Только — что?

— Расскажите, за что вы ударили ножом Мириана?

Нико смик.

— Зачем поминать недоброе прошлое?

— Если не расскажете, я не стану работать с вами.

За удар, нанесенный надсмотрщику, Черного Нико на две недели отправили в темную. Тем временем в барак поместили Мириана. Указали ему место у окна. Оно оказалось лучшим в бараке и принадлежало Нико. Мириана предупредили, но он лишь отмахнулся. Черный Нико поразился дерзости вновь прибывшего. Кто, кроме самоуверенного простака, мог решиться на такое?! Новичок казался субтильным и не внушал опасений. Впрочем, Нико было безразлично — силен или

слаб обидчик. Он вошел и медленным шагом двинулся прямо к нарам. Весь барак притих и напрягся. Ждали — вот-вот произойдет странное. Дружки Нико тоже вразвалку приблизились к Мириану. А Мириан спал. (Никто не решился разбудить его.) Четверо наклонились над спящим. Хотели растолкать, но Нико сделал знак стащить его вниз без церемоний. И тут случилось неожиданное и непредвиденное. Мириан в мгновение ока оценил обстановку и... три противника распластались на полу без сознания. «Ну, что?» — обернулся Мириан к Нико. «Ничего... Ты лег на мое место случайно». «Не случайно. Мне на него указали». «А ты знал, что оно мое?» «Знал». Черный Нико больше не распространялся. Он скинул пожитки Мириана и сам улегся на нары. Все, наверное, обошлось бы миром, если бы он не сделал этого. Мириан схватил его за руку и с силой сбросил вниз. Нико не помнит, что было дальше... Черного Нико снова отправили в темную. Мириана поместили в больницу... Лишь через два месяца вернулся Нико в барак и удивленный застыл на месте: на его нарах лежал Мириан...

Гела сказал: Мириан и есть тот грузин, о котором писал Бондарев. Мириана познакомили с редактором, сфотографировали для газеты. Мириан выглядел заметно обрадованным.

— Ты пьян? Где ты пил? — спросил Гела у Дато, кончив рассказывать.

— Если бы ты знал, с кем я пил...

— С кем же?

— Не скажу... Можно позвонить?

— Звони.

Дато набрал номер.

— Цицино?

«Да».

— Здравствуй.

«Здравствуйте, кто это?»

— Дато...

«У тебя изменился голос, я не узнала тебя».

— Мне очень хочется видеть тебя.

«Я не смогу сейчас выйти, Дато».

— Почему?

«Не могу...»

— Хочешь, я приду?

Молчание.

— Знаешь, что? Я был у тебя и не застал дома.

«Знаю. Мне говорили».

— Где ты была?

«Где? Не помню».

— Пожалуйста, выйди. Я прошу тебя.

«Мне некогда. Но если бы даже... Все равно — идет дождь».

— Дождь?

«Да».

— Ты что, не видишь, ливень! — сказал Гела.

— Цицино... Цицино... Я хотел тебе что-то сказать, но забыл... — что...

«Ты пьян?»

— Н-нет. Немного выпил...

«Прости меня, Дато».

— Цицино...

«Что?»

— Я один... Совсем один... Один...

— Ну, что ты, не растравляй девчонку! — возмутился Гела.

— Цицино, слышишь?

«Да».

— Прямо хоть цепляйся зубами за небо...

«Дато, ты устал».

— Без тебя мне трудно, Цицино... Слышишь?

«Слышу».

— Без тебя я сделал много глупостей.

«Дато, ты устал, иди домой!»

— Мне не хочется идти домой.

«Откуда ты говоришь?»

— Я у Гелы, в редакции.

«Скажи Геле, чтоб он отвел тебя домой».

— Нет. Я все понимаю. Хорошо понимаю.

«Что понимаешь?»

— Ты сердисься на меня за то, что я до сих пор не звонил и не приходил к тебе.

Молчание.

— Все на меня сердятся...

Молчание.

— А я должен всех понимать. Я обязан понимать всех!

Молчание.

— Цицино. Сколько времени мы не виделись?

«Не помню».

— Я уже очень долго говорю. Я наскучил тебе?

«Сейчас не время об этом».

— Цицино... Почему у тебя такой холодный голос? Страшно холодный.

«Не знаю. Тебе, наверно, кажется».

— Хочешь, я скажу тебе, какую сделал глупость?

«Лучше в другой раз».

— Нет, сейчас. Сегодня я пил с Черным Нико.

— С кем? — завопил Гела.

— Цицино, знаешь, Гела сошел с ума. Ты слышишь, как он орет?

«Да, слышу».

— Это правда, правда? — не унимался Гела.

— Цицино, я очень пьян, да?

«Очень».

— Я стараюсь, очень стараюсь, и все же не могу выйти.. Не могу выйти.

«Откуда?»

— Из темноты.

«Откуда?!»

— Знаешь, что, Цицино? Мне очень темно. Я не думал, что темнота так страшна. Это хуже, чем если вдруг почувствуешь, что остался один во всем мире. Я как-то запутался. Я не верю ни тебе, ни другим. Слышишь, как я жалуюсь? Разве я раньше был таким?

— Ты совсем спятил, повесь сейчас же трубку! Что ты пил?

— Цицино, Гела сердится, говорит, что я спятил. Ни ты, ни Гела, никто... Никто не знает, что со мной... Мириан мне сказал... Ты была права тогда в чем-то. Помнишь, однажды?.. Сейчас не стоит об

этом. Я скажу тебе в другой раз. Когда мы встретимся. Мне хочется видеть тебя.

— Сейчас же оставь в покое девчонку!

— До свиданья, Цицино. Гела не дает мне говорить.

«До свиданья».

— Как тебе не стыдно! Что ты порол?

— Оставь меня. А она сама? Говорила так, будто я чужой! Она должна была выйти сейчас, должна, должна была выйти... Что ж, что идет дождь и уже темно? А раньше? И в дождь, и в ветер, и в снег... Сегодня не захотела. Разве я не понял, что она сердится? Почему ж не сказать? Я не пошел, я не спросил, я не позвонил... А сами? Почему все обвиняют меня, что я им сделал?!

Гела принес плащ.

— Оденься, и идем. Уже поздно.

— Пошли. — Дато натянул плащ. — Идет дождь?

— Идет. Очень противный.

Домой идти не хотелось. Но и по улицам ходить было невозможно. Дождь осенний, упрямый, и нет никакой надежды, что прояснится.

Стоя под каким-то балконом, Дато и Гела глядели на площадь. В снопах света автомобильных фар мелькали косые крылья дождя. Люди вокруг печально и словно сговорившись глядели в одном направлении — на площадь. Когда подошел автобус, они срывались с места и сломя голову кидались к нему.

— Гела! Ты знаешь, для чего ты живешь?

— Разве можно в такой дождь спрашивать об этом?

— Я серьезно.

— Кажется, знаю.

— Я так и думал. Ну, так для чего же ты живешь?

— Ты хочешь, чтобы я ответил сейчас же?

— Сейчас же.

— Какой смысл именно сейчас? Поговорим в другой раз.

— В другой раз... В другой раз... Никак не придут эти другие разы.

— Я знаю, что тебя тревожит, Дато... По правде говоря, ты мне казался другим. Как тебя, однако, подкосил первый же удар. Что с тобой, ты же мужчина! С таким ли придется столкнуться в жизни?

— Ты думаешь, это удар для меня? Нисколько!.. Я не боюсь таких ударов... Сегодня я лишился работы, завтра найду ее. В конце концов я докажу свою правду. Меня пугает другое. Я боюсь тебя...

— Меня?

— Погоди! Я боюсь тебя, боюсь Мириана, Теоны, Платона, Нодара, Джимшера... Я боюсь всех близких людей... Не думай, что меня заставляет говорить хмель... Мы все обманываем друг друга. Лжем и сами себе, и друг другу. Чему ты сегодня радовался? Тому, что Мириан изменился? Что человек преодолел апатию, скованность?

— Конечно!

— Или тому, что тебе удалось найти его еще до опубликования письма и заслужить похвалу начальства?

— И это было!

— Это — сперва, а потом уж все другое... Ведь правда, Гела?

— Что ж тут дурного?

— Ну, я пошел... И ты должен бояться меня, я тоже такой...

— Куда ты? Видишь, дождь усилился!

— Ничего. В крайнем случае — промокну.

— Подожди, я провожу тебя.

— Нет, до свиданья. Я, может быть, зайду к тебе на днях. Расскажу, как встретился с Черным Нико.

— Ты шутишь? Или правда?

— А ты как думаешь, — шучу?

— Подожди, дождь ведь...

— Разве плохо, что дождь?

Дато поднял воротник, сузил руки в карманы и нетвердо шагнул в дождь.

Он вышел из автобуса у магазина минеральных вод. Выпил стакан боржома... Проспект был пуст. Домой идти не хотелось. Не хотелось видеть домашних, особенно Платона. Его добродушное, улыбочивое лицо. Вот человек, который лжет всему миру!

Мелькнула ярко освещенная витрина кондитерской. «Куплю шоколад и отнесу Зурико. Который час? Еще не поздно. Зурико, наверно, не спит».

Он толкнул калитку, прошел подворотню. «Но как явиться к ним таким вымокшим?» Вытащил платок, вытер голову.

Во дворе было темно. На балконах — пусто.

Он пошел по винтовой лестнице. Закружилась голова. Остановился на втором этаже, зажмурился, несколько раз глубоко вздохнул. Осторожно постучал в знакомую дверь.

— Кто там? — раздался из-за двери голос Норы.

— Я, Дато, — почти шепотом ответил он. — Зурико не спит?

Дверь открылась.

Нора улыбалась.

— Как вы вымокли! Входите.

Дато вытер ноги о тряпку перед дверью, вошел. Серая занавесь была сдвинута к стене, и комната казалась довольно большой.

— А где Зурико?

— Я отправила его в деревню с бабушкой. Он очень ослаб после болезни. Ему нужен воздух. И вообще, знаете, — деревня есть деревня... — Нора говорила, будто извиняясь за то, что Зурико нет дома.

Дато покачал головой с сожалением.

— А когда он уехал?

— Сегодня утром.

Дато вытащил из кармана шоколад, протянул Норе.

— Это для Зурико.

— Зачем вы беспокоились?

— Ну, что вы!

— Садитесь.

— Нет, я пойду!

— Разве дождь такой сильный?

— Да, очень.

— Снимите плащ, поьем чаю...

— Спасибо, я пойду.

— Вы не знаете, какой я завариваю чай! Снимайте плащ!

— Я и в самом деле давно не пил хорошего чаю. — Дато стянул плащ, повесил на вешалку у двери.

— Почему ты снял плащ? — спросил вдруг второй Дато.

— А что было делать? Женщина хочет угостить меня чаем.

— Сейчас же надень и уходи!

— Неловко, пожалуй.

— Ничего... Извинись, скажи, что у тебя дела.

— Дато, прошу вас, будьте как дома, — сказала Нора.

В комнате, кроме стола и стульев, стоят кровать и две тахты. На кровати, наверное, спит Нора. На тахтах — Зурико и бабка.

Нора поставила на плитку чайник и принялась накрывать на стол.

— Бедновато немного...

— Главное — горячий чай! — Дато уже освоился.

Нора двигалась и говорила свободно и непринужденно. Ладная женщина. Улыбка суживает глаза, но красит ее. Наверно, она знает об этом и все время улыбается.

Под конец Нора извлекла из шкафа коньяк.

— Этого я не буду пить. На сегодня хватит, — сказал Дато.

— Я заметила, что вы чуть-чуть пьяны.

— Чаю, только чаю! Спасение — в чае!

— Разве?

— Да. Сейчас да! Ведь вы обещали самый лучший чай!

Нора налила коньяк.

Выпили за Зурико, потом друг за друга. Нора протянула Дато чашку крепкого, ароматного чаю.

— Я совсем не берегу голос. Мне нельзя пить.

— Не пейте...

Нора встала и принесла сигареты.

— Вы, кажется, не курите?

— Не курю.

— Счастливый. — Нора закурила. — Почему вы не пьете чай, ведь в нем спасение?

— Очень горячий.

— Тогда — коньяк.

Дато отпил коньяку, запил чаем.

— Великолепно!

— Правда, хорошо?

— Удивительно! Зачем пить вино, коньяк, когда на свете есть чай?

Нора жадно курила. В глазах ее, как табачный дым, клубилась печаль.

Дато наслаждался теплом, коньяком, горячим чаем, беседой с Норой. Не помнил, не беспокоился ни о чем. Только глаза Норы напоминали о печали. Но это была не его печаль, не его скорбь, не его боль. Легкая грусть все же передавалась ему от Норы и пьянила его.

— Вы любите старинные русские романы?

— Очень.

— А сами поете?

— Немножко.

— Хотите, споем? — Нора, не дожидаясь ответа, встала, задернула занавесь. Дато увидел гитару на стене. Медленно потянул оставшийся на дне бокала коньяк...

Нора пела приятным низким голосом. Дато подумал сперва, что она хочет развлечь его. Потом понял — она подавляет тайную грусть и тоску.

Отвори потихоньку калитку,

И войди в темный сад ты, как тень.

Нора, казалось, забыла, что рядом с ней Дато.

...В зеленоватой воде резвилась золотая рыбка с длинными трехцветными плавниками. Она прикинула к прозрачному стеклу и бессмысленно глядела сквозь него. Кроваво-красная рыбка скользила в зеле-

новатой воде совсем одна... Глухая стена, где выпал кирпич. Он сунул в отверстие руку. Рука ушла по плечо, но ни одного воробышка не было. Кто-то их вытащил. Глухая стена — это он, он сам, и из груди его выпало что-то.

— Я совсем потеряла голос.

— Вы прекрасно поете.

Нора отложила гитару, налила еще коньяку.

Юноша несмело положил на руку женщины свою большую руку. Женщина улыбнулась, и глаза ее сузились. В тишине юноша услышал биение своего сердца.

— Когда сегодня начался дождь, я почувствовала себя страшно одинокой. Но видеть мне никого не хотелось. Вы, наверное, не знаете, Дато, что значит для женщины быть одной. Хорошо, что вы пришли... Вот так и идет моя жизнь. Я езжу, пою, с сияющим лицом кланяюсь публике, потом возвращаюсь одна в гостиницу... запираюсь в номере... Гостиницы... гостиницы... Тяжело, когда жизнь проходит в гостиницах...

...Машина обогнала машину... В ней Нико и Нора, Платон и какая-то женщина.

— Я знаю, что обо мне говорят. Может быть, и вам говорили. Не верьте, никому не верьте! С тех пор, как я почувствовала себя женщиной, мне все время приходится быть одной...

Она печально улыбнулась.

— Придвиньтесь ближе, еще ближе... Я тоскую по сильным рукам, Дато...

Дато проснулся. Он лежал на спине. Было еще темно. Слышался шум дождя. Нора приоткрыла глаза.

— Ваши будут беспокоиться. Хотя они привыкли, наверно. Ты часто возвращаешься домой поздно?

— Нет, редко.

— Не думаю.

— Поверь мне.

— Слышишь? Дождь все еще идет.

— Какой назойливый!

— А каково тем, кто на улице? — Женщина теснее приникла к юноше.

— Нора, что за человек Платон? — спросил он, помолчав.

— Почему ты спрашиваешь о нем?

— Так...

— Ты бы спросил сначала, знаю ли я его!

— Знаешь...

— Откуда?

— Скажи, какой он человек?

— Какой?

— Да... И кто та смуглая женщина?

— Марго? — Нора рассмеялась. — Смешной Платон. Все никак не отстанет от женщин. Ходит к Марго, чтобы отдыхать на ее необъятной груди. Ужас... Для чего тебе все это, Дато?

— Интересно.

— А что Марго? Ей хорошо живется. Платон богатый человек.

— Правда?

— Будто не знаешь... Дато! Но я не Марго... — Нора откинула вдруг край одеяла. Мелькнуло обнаженное тело. Дато понял — она гордится своим телом, гордится его красотой. И делится с ним, Дато, своей тайной. Порыв искренности Норы успокоил его. Думалось толь-

ко об одном: что связывает ее с Черным Нико? Спросить он не решился, боялся нарушить возникшее доверие.

Н о р а: Шесть лет тому назад (мне тогда было двадцать) моя мать снимала комнату на Петханне¹ у некоего Мосэ Мамиствалова. Мосэ был трудолюбивый человек, тихий и очень добрый. По-настоящему добрый... Мама работала на швейной фабрике, и мы вдвоем кое-как сводили концы с концами. Мосэ часто помогал нам, хоть и сам был не бог весть как обеспечен. Однажды он привел в дом Нико и представил как своего друга. Мне понравился смуглый, красивый мужчина. Тогда взрослые мужчины мне нравились больше, чем мои ровесники. Нико рассказывал очень интересно. Будто читал наизусть большой роман с приключениями. Я иногда целые ночи проводила в мыслях о Нико. Я не знала, что связывало его с семьей Мамистваловых. Но заметила: с тех пор, как Нико стал ходить к ним, красавица Эстер, жена Мосэ Мамиствалова, стала еще прекраснее. Иногда Нико приходил, когда Мосэ не бывало дома. Потом мне казалось: Эстер ждет Нико все время, каждую минуту... Ждала и я. Почти не выходила из дому, все ждала... Однажды он пришел. Ни матери, ни Эстер, ни Мосэ не было дома. Нико долго рассказывал что-то, а потом сказал: «Я хожу сюда потому, что здесь — ты». Я втайне соперничала с Эстер и, глупая, сочла себя победительницей!.. Зурико не знает, и я не хочу, чтобы знал... Нико все равно, есть у него сын или нет. У него много таких детей, и он не вспоминает о них... Так лучше! Лучше совсем без отца, чем с таким... Нико приходил часто, еще чаще мы встречались тайно... Но потом он вдруг исчез. Не приходил к Мамистваловым, не спрашивал обо мне. Постепенно разрушались сказочные дворцы его обещаний и моих мечтаний. Я заметила, что и с Эстер творится неладное. Страдала сама, и все же заметила. За три-четыре месяца она совсем истаяла. Меня терзали тысячи подозрений, но я все же не теряла надежды, что Нико придет и уведет меня... Эстер не выдержала мук и открыла мне свою тайну. У Мамистваловых была жемчужина. Ее передавали из поколения в поколение. Редкая жемчужина... Ее зашили в подкладку старого жилета. Мосэ часто щупал этот жилет, проверял, на месте ли жемчужина. Продать ее можно было лишь в случае очень большой беды. Я не знаю, — Эстер не сказала мне, — как узнал о тайне жемчужины Нико. Возможно, сама Эстер проговорилась... Както Мосэ отлучился на несколько дней из Тбилиси, и Нико выпросил у Эстер жемчужину до возвращения мужа. Он убеждал ее долго, говорил, что просит для важного дела, что тотчас же принесет назад. Он был так настойчив, словно стоял на краю гибели и от жемчужины зависело спасение... Мосэ мог вернуться неожиданно, и потому решили зашить в подкладку камешек величиною с жемчужину. С тех пор и исчез Нико. Эстер не могла признаться мужу в свершившемся, а он все поглаживал камешек, зашитый между сатином и крепом. Но камешек был простой, а не драгоценный, надеждой на который прожило столько поколений. Дела Мосэ шли все хуже и хуже. Бедняга совсем погряз в долгах. Два с половиной года терпела Эстер тайную мучку и умерла. Я помню тот вечер... Я укладывала ребенка и спешила помочь чем-нибудь бедняге Мосэ. Вдруг я услышала резкий, нечеловеческий крик. Я узнала голос Мосэ. Вышла, приоткрыла их дверь, заглянула к нему. Он стоял на коленях, вздрагивал и рыдал. В руках у него был старый, потерянный жилет... «Эстер, Эстер! Родная! Где жем-

¹ Петханн — район в старой части города.

чужина?! Скажи, ведь она была, была?! Эстер! Скажи, где моя жемчужина?!»

Рассвело. Небо полиняло, посветлело. Рваные осенние облака рассыпались над крышами.

Дато спустился по винтовой лестнице. Удивился, что на балконах никого не было. Соседи еще спали.

Он шел усталый, опустошенный, словно ограбленный...

«Эстер, Эстер! Скажи, где моя жемчужина?!»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Золотая рыбка с утра была взволнована. Она металась в воде и то и дело натывалась на стеклянные стенки. Сегодня она впервые почувствовала, что сосуд, в котором она живет столько времени, слишком мал и тесен. Ей давно уже не меняли воду. Стеклянные стенки сосуда покрылись зеленоватой слизью, и сквозь них ничего не видно. А золотая рыбка любит наблюдать, что делается в мире. Она не может сказать, что никогда не была счастливой. Когда все уходило и в доме оставался один Мириан, он всегда вспоминал о ней. И рыбке казалось, больше того — верилось, что Мириан по-настоящему любит ее. Мириан приносил стул, садился рядом, наклонялся над сосудом и глядел золотой рыбке в глаза. А она, счастливая, расправляла плавники, легко и грациозно скользила в воде, потом всплывала на поверхность и сама глядела в глаза Мириану. Обычно они долго смотрели друг на друга.

— Как ты живешь? — спрашивал Мириан. — Как живешь?

— Хорошо! — отвечала золотая рыбка. — Только я понимаю тебя, только я понимаю... Кроме меня, не понимает никто. Никто, слышишь? Потому что и я живу, как ты, и я живу, как ты, и я...

Дальше обычно слов не было слышно, потому что рыбка принималась танцевать, самозабвенно, упоенно. Танцуя, она иногда бросала взгляд на Мириана, — по его задумчивому лицу скользила улыбка. Потом она затихала. И тогда слышался голос Мириана:

— Был великий художник... Он нарисовал четырех золотых рыбок... Четыре золотые рыбки. Но в мире нет четырех золотых рыбок. Есть всего одна, и эта одна — ты. Ты!..

Странно, что на свете только одна золотая рыбка, и радостно, хоть и страшновато, что эта единственная — ты сама.

Она смутно помнила, что когда-то, должно быть, очень давно, до того, как Мириан принес ее сюда, она жила вместе с другими рыбками. Только не могла вспомнить, в самом ли деле их было много, и совсем забыла — была ли тогда счастлива...

Сегодня она с утра взволнована.

Она вся трепещет, и сердечко ее сжимается... и без того маленькое сердечко.

Она напряженно мечется в воде и ударяется о стенки, — ей хочется видеть — и не видно, что делается за подернутым липкой зеленью стеклом.

На террасу вышла Теона. Рыбка узнала ее по голосу. Теона напевала что-то, должно быть, была в хорошем расположении духа. Раза два промелькнула тень Мириана... Мириан ходил из комнаты в комнату, что-то вносил и выносил. Мириану было некогда. Да и все равно Мириан не подойдет к ней, пока все не разойдется.

Песенка Теоны слышалась теперь издалека. Теона была очень да чему-то и не могла скрыть радости.

Мать стояла у стола и гладила белье.

Все было как всегда, и ничего не изменилось. Теона часто пела вот так же весело, и мать нередко стояла у стола с блестящим утюгом, и Мириан время от времени суетился, сновал по дому.

Из кухни вышла кошка, подняла хвост трубой и мяукнула. Потом вспрыгнула на стол, потерлась головой о руку матери. Мать отмахнулась от нее, согнала на пол.

На террасе опять появилась Теона.

Золотая рыбка тосковала. Она словно не умещалась в сосуде, ей трудно было дышать. Она опустилась на дно, потом сильно взмахнула плавниками и стрелой взвилась вверх. Напрягшись, взлетела на мгновение в воздух и снова упала в воду. Но за мгновение успела заметить — знакомый, тысячу раз виденный мир стал как будто светлее и веселее, чем был до сих пор.

Она увидела сразу три улыбающихся лица. Мириана, матери и Теоны. Все чему-то радовались. Но радость была не одинаковой и не общей.

Зазвонил звонок. Она вздрогнула, затрепетала. Она и раньше всегда пугалась звонка...

Золотая рыбка увидела большую голову Платона, описала круг и заскользила на дно. Забилась за раковинку, сжалась и вся превратилась в ожидание.

— А-а... Уходишь... Уходишь... — забормотал Платон.

Никто ему не ответил, и золотая рыбка не поняла, к кому относились эти слова.

Принесли из кухни посуду, накрыли на стол.

Притаившись за раковиной, рыбка внимательно следила за тем, как движутся тени. «Что со мной, — думала она, — почему я волнуюсь?»

Платон опять что-то невнятно забормотал.

— Мириан, отец спрашивает, когда мы благословим твою квартиру?.. — объяснила Теона.

— Когда захотите... когда захотите... — сказал Мириан.

Золотая рыбка снова всплыла наверх, прилипла к стеклу, старалась разглядеть лицо Мириана. И вдруг из груди ее вырвался крик:

— Мириан!

Никто, как видно, не услышал крика золотой рыбки. Он никого не потряс, только саму ее оглушил. И, трепеща, она снова укрылась за раковинкой.

Золотая рыбка поняла, что Мириан уходит, навсегда покидает дом. Но вдруг перед ней мелькнул луч надежды, и она поспешно выбралась наверх. Мириан может унести ее с собой!.. Конечно, унесет, кому же он ее здесь оставит? Ей стало весело. Она легко проплыла два круга. Разве не все равно, где жить — здесь ли, на террасе, или в другом месте, — главное, быть рядом с Мирианом. Ей, пожалуй, даже наскучила эта терраса. Хочется поглядеть и другие миры...

— Я пошел, — послышался голос Мириана.

— Подожди, — остановила его мать, — пообедаем вместе... Подожди...

— Я не голоден...

Золотая рыбка вся напряглась. Затаив дыхание она ждала приближения знакомых шагов.

— А-а... уходишь... уходишь... — бормотал Платон.

Мириан стоял у дверей и улыбался. Золотая рыбка думала, что он улыбается ей, и по всему телу ее пробежала дрожь. Она завертелась с головокружительной быстротой и вдруг остановилась. Медленно подплыла к стеклянной стенке. Потрясенная, поглядела сквозь нее. На террасе уже никого не было...

— Мириан! — крикнула она, чуть не выпрыгнув из воды.

— Мириан!

Она заметалась, забилась о стенки сосуда. Мириан ушел и даже не поглядел на нее! Даже не вспомнил!

Послышались звуки нечетких шагов. Она поняла — это домашние проводили Мириана и возвращаются. Сейчас они рассядутся вокруг стола и будут обедать. Наедятся доотвала.

— И все же у меня сердце разрывается оттого, что он ушел, — сказала мать надтреснутым голосом.

Теона рассмеялась:

— Слава богу, что ушел! Я его боялась.

— Ты плохая девочка, Теона, плохая. — Это опять мать. — Чем он тебе мешал!.. Он всегда был сам по себе, никому не мешал...

А это Платон:

— Он станет большим... да, большим человеком... Ушел... Он бы нам пригодился... Наверное... Пригодился, пригодился бы...

Золотая рыбка плакала, забившись за раковинку. И все же надеялась, что Мириан придет сегодня или завтра и заберет ее... Не оставит здесь.

Все живут придуманной надеждой...

Дато с улицы заметил Мириана в полутемной пивной. Подумал — уж не показалось ли? Прошелся еще раз мимо витрины. У высокого столика с блестящими никелированными ножками стояли Мириан и еще двое мужчин.

Дато не видел Мириана больше двух недель. Мириану дали однокомнатную квартиру в Сабуртало, и он переселился. Из дому не взял ничего. Дато удивлялся, — даже золотую рыбку оставил. В старый дом больше не приходил.

Дато слонялся вокруг пивной. Хотелось подойти к брату, но он не решался. И не то чтобы не решался: было интересно, позовет его Мириан, если вдруг заметит, или нет?

Дул пронзительный, холодный ветер. Но на Колхозной площади царило оживление. Машинны, переполненные автобусы, троллейбусы, трамваи... Все сливалось, мешалось, маленькая площадь оглушительно гудела...

Дато все ходил мимо пивной из стороны в сторону. Наконец решился. Торопливым шагом прошел в зал, задерживаясь взглядом на каждом посетителе, словно ища кого-то и не находя.

Мириан стоял, опершись локтями о столик и задумчиво уставившись в кружку. Казалось, он только что прервал интересный рассказ и напоминает что-то, — друзья глядели на него с молчаливым, но нетерпеливым ожиданием.

Дато повернул к выходу. Проходя, косо взглянул на Мириана. Ему показалось, что Мириан видел его и отвел взгляд. Он вышел на улицу раздраженный. Скорее самим собой, нежели Мирианом. К чему эта игра? Если ему нужно видеть брата, отчего не подойти прямо? Хотя, собственно, и Мириан ведь не знает, зачем Дато заходил в пивную?.. Ведь и он сделал вид, что не видел брата?

У пивной, нахохлившись, подняв воротник пальто и глубоко заложив руки в карманы, прохаживался Автандил Харабадзе. Высматривал, с кем бы выпить водки или дешевого коньяку.

— Автандил!

Автандил подбежал, — даже не поздоровавшись, испытующе взглянул в глаза Дато.

— Ну, как ты, Авто?

— Да так, ничего...

— Может, выпьем?

Автандил смущенно развел руками.

— Ну, раз уж я тебя приглашаю... значит...

— Выпьем... Не обижать же мне тебя, в самом деле?

В пивной Автандил весь преобразился. Стал похож на человека, после долгого вынужденного отсутствия вернувшегося в родные места. Дато стал за столик таким образом, чтобы Мириан мог видеть его. Держался, словно ничего не заметил, и в первый раз входил лишь затем, чтобы поискать Автандила.

У прилавка толпилось много народа. Но Автандил мигом приволок хинкали, водку и пиво.

— Ты как здесь оказался? — спросил он у Дато.

— Работаю здесь, неподалеку, на Серебряной...

— А-а!

Дато был доволен, что встретил Автандила, как будто долго искал этой встречи.

Автандил тянул водку медленно, с наслаждением. Дато выпил сразу, поморщился, запил пивом.

У Мириана, оказывается, есть друзья. Видно, друзья... Зачем ему говорить в пивной с незнакомыми? Прежние или он завел их сейчас?

...В зеленоватой воде одиноко скользила покинутая золотая рыбка...

— Ешь, не то остынут. — Автандил придвинул к Дато тарелку с хинкали.

Мать и Теона были раз у Мириана и возвратились довольные, — квартира понравилась.

— Дато, это не твой брат там?

— Да, это Мириан! — Дато не поднял головы.

— Вы что, в ссоре?

— Нет, зачем нам ссориться?

— Он не очень изменился...

— Принеси водки... Только для себя... Я не могу больше...

— И я не могу, — сказал Автандил. — Я никогда еще не пил больше ста грамм разом...

Дато улыбнулся недоверчиво.

— Что ты смеешься? Не веришь?..

— Поверил бы, если б не знал...

— Я никогда в жизни не пил больше ста грамм!..

Перевод Майи БИРЮКОВОЙ

Окончание следует

Белый дым

ПОВЕСТЬ

В Батуми лил дождь. Из окна гостиницы «Интурист» виднелось море, которое металось где-то там, за магнолиями, как зверь в клетке. В гостинице даже днем было сумрачно и прохладно.

Вот уже два дня я не выходила из номера. На третий день дождь перестал, и выглянуло солнце. Я сразу вышла на улицу и спустилась к морю. Мама уехала в Кобулету читать какую-то лекцию.

В дремучих уголках парка стояли лужи, а в других местах солнце уже успело стереть все следы дождя. Перед зданием летнего театра на солнце блестели какие-то цветы. Они были похожи на девушек, только что вымывших волосы.

Хотя никто не купался, пляж был полон. Отдыхающие истосковались по солнцу.

Поплывать, что ли, подумала я, но не решилась. Почему-то вдруг представила себе, даже увидела, как тону, погибаю — и никто не спасает меня. Потом я лежу на берегу, такая же посиневшая, окруженная толпой, как в позапрошлом году моя подружка Нани.

Нани, которую снимали в кино, жила в «Интуристе», вместе со съемочной группой, а мы с Кети снимали комнату возле вокзала.

— От нас море так близко, даже ста метров не будет... — говорила Нани. — Я голышом выбегаю из номера — и в воду.

Мы с Кети лопались от зависти. Нани носила шорты, и волосы у нее были острижены под мальчишку. У нас тоже были шорты, но мы не осмеливались в них появляться. Они лежали у нас в чемоданах.

Фильм снимали на пляже. Между столбами, врытыми в песок, протянули веревку, чтобы сдерживать любопытных. Нани с каким-то высоким красивым парнем лежали на песке. Так они лежали примерно с неделю, и их все время снимали. Кети даже похудела от зависти и все нащептывала мне, что у Нани кривые ноги и поэтому она снимается лежа. Но у Нани были стройные, красивые ноги, как у Бриджит Бардо, и когда она возвращалась в гостиницу, ее сопровождало не меньше двух десятков ребят, как будто она знаменитый футболист. По городу ее возили на «Волге», и в ресторане она всегда сидела с парнями и громко смеялась, и танцевала с тем высоким красавчиком, и все им аплодировали, так здорово они танцевали. Там же, в ресторане, ее снимали всякие корреспонденты, а мы с Кети сидели, приткнувшись где-то в уголке, и официант не обращал на нас никакого внимания. Мы могли бы уйти, не расплатившись, он бы и не заметил, потому что не сводил восторженного взгляда с Нани.

Вокруг Нани вертелись всякие знаменитые актеры с бородками, похожие на слушателей духовной семинарии. Все они ходили пить кофе в порт, в кабачок для рыбаков и матросов, и Нани там курила американские сигареты, и одну штуку даже подарила Кети. А Кети спрятала ее на память.

Однажды утром, когда мы с Кети взвешивались у самого входа в парк (мы взвешивались два раз в день — утром и вечером), Нани про-

Окончание. Начало в №№ 1, 2, 3.

неслась мимо на «Волге». Мне почему-то стало неприятно, что она стала нас на весах, — это значит, что мы соблюдаем режим, худеем поправляемся, словно гусыни на птицеферме, а она...

Машина остановилась совсем близко, Нани вышла и направилась к гостинице, но у входа обернулась и позвала:

— Кети, Майя, идите сюда!

Мы подбежали к ней, хотя до этого и решили держаться независимо: кто она такая, в конце концов! Но на первый же оклик бросились к ней.

— Девочки, поднимаемся ко мне, не хотите?

Не хотим! Представь себе на минуту, что значило для восемнадцатилетних девочек приглашение в номер кинозвезды, пусть даже эта кинозвезда — их бывшая одноклассница!

Нани занимала две комнаты, одна! А нам администратор гостиницы — высокий тощий дядька — заявил:

— Не то что свободных номеров, мне карандаш положить некуда!

— Девочки, садитесь, располагайтесь, — сказала Нани и стала снимать платье. — Какая жара, правда?

Мы дружно кивнули. Мы сидели, как бедные родственники, и смотрели, как она раздевается.

На столе лежала большая соломенная шляпа.

— Эту шляпу мне подарила на встрече сборщица чая — Герой Социалистического Труда! — сообщила Нани, надевая шляпу, и подошла к зеркалу. — Мне вроде идет, правда?

— Очень! — воскликнула Кети. Сейчас ее сердце целиком приналежало Нани.

Нани сняла шляпу и бросила ее на кровать, шляпа, крутясь, плавно опустилась на подушку, мы проводили ее глазами и значительно переглянулись — кто еще мог бы так бросить шляпу! Потом Кети купила в магазине такую же шляпу и точно таким жестом бросала ее на свою кровать.

— А вот это «Шанель», — Нани показала нам крохотный флакончик, — мне из Москвы привезли.

— Ох! — застонала Кети.

— Душитесь, девочки, у меня есть еще!

Потом она улеглась на кровать — в комнате было две кровати, и сказала:

— Если бы вы знали, как я устала!

— Трудно? — почтительно спросила Кети.

— Что?

— Играть.

— Нет, не трудно, но утомительно. А ты помнишь, Кети, как мы у тебя алгебру списывали?

— Помню. — Кети почему-то покраснела.

Нани вдруг вскочила, бросилась к телефону и набрала какой-то номер.

— Алло! Бидзина? Лаша не появлялся? Ладно... Нет, не говори... — Она прижала трубку ко лбу и стояла так довольно долго. Мы не отрывали от нее взгляда, для нас каждое движение, каждое слово ее было овеяно тайной. Потом Нани положила трубку на рычаг, взяла сумочку, достала пачку сигарет и протянула нам.

— Мы не курим! — сказала я, и Кети недовольно на меня покосилась.

— Давай сюда, — обратилась она к Нани, поднесла сигарету к носу, — как пахнет! — и протянула мне. — Понюхай!

— Знаю. — Я отвернулась.

Нани чиркнула спичкой.

— Прикуривай!

— Нет, я так, спрячу.

— Я дам тебе еще, чудачка, — засмеялась Нани.

— Нет, мне больше не надо.

— Майя, — Нани смотрела на меня, — ты что, дуешься на меня?

— Нет, с чего ты взяла?

— Да так...

Зазвонил телефон, и Нани вскочила.

— Слушаю! — И лицо у нее сразу изменилось. — Нет, Бидзина, не хочу, идите без меня. Я не голодна. Всего...

Некоторое время, чтобы не отходить от телефона, она постояла у стола. Ждала другого звонка. Наверно, потому и из номера не выходила.

Тут я поймала многозначительный взгляд Кети: видала, мол, как она живет!

Это меня вывело из терпения и я встала.

— Пошли, Кети!

— Куда вы спешите? — вступилась Нани. — Подождите, я сейчас позвоню, и принесут кофе.

— У меня дело...

— Какая ты, Майя, вечно что-нибудь придумашь!

— Нани, ты не обижайся, у меня серьезно, одно дело. Ты ведь не уезжаешь, мы придем еще.

— Тогда пусть Кети останется. Оставь ее со мной.

Кети переводила взгляд с Нани на меня и явно хотела остаться, хотя тоже подошла к двери.

— Если хочешь, оставайся, — сказала я Кети и повторила: — если хочешь, конечно! — Я думала, она поймет и не останется.

Но Кети не поняла.

— Хорошо, я останусь.

К изменам Кети я привыкла и не обиделась, только кольнула ее:

— К обеду постарайся явиться!

Но она — ничего!

— Постараюсь! — Она уже сидела перед зеркалом и рассматривала фотографии, все — Нани, в разных позах.

На обед Кети не явилась. Этого я уже никак не ждала.

В семь часов мы должны были пойти в порт, смотреть, как причаливает «Нахимов». Но она и к этому времени не показалась. Я стала волноваться, хотела было позвонить, но сдержалась, уж очень я была злая.

Кети вернулась к девяти.

Я сидела во дворе и играла в карты с хозяйскими дочками при свете лампочки, свисавшей с инжирового дерева. Когда Кети вошла, я сделала вид, что не заметила ее, будто бы поглощенная картами. Кети, не заговаривая со мной, бегом поднялась по лестнице и скрылась в нашей комнате. Я удивилась.

— Кети, — позвала ее старшая дочка хозяйки — Нора, — иди к нам, в карты играть!

Кети лежала на кровати, свернувшись калачиком. Может, у нее зубболит? И я решила быть великодушной.

— Ты не проголодалась хотя бы? — спросила я.

Этим я хотела дать ей понять, что без нее я куска в рот не положила, будучи уверенной, что и она без меня есть не станет.

— Я обедала, — прохныкала Кети.

— Что-о? — Это было уже слишком.

— Я вместе с Нани обедала. — Она, кажется, наконец заметила, в каком я настроении, и поспешно добавила: — Если бы ты знала, какая Нани несчастная!

— Несчастливая не твоя Нани, а я, с голоду чуть не умерла, все тебя ждала...

— Несчастливая, несчастная, — твердила Кети. Она поднялась, включила свет и снова села на кровать, бледная, с опухшими от слез глазами.

— Голову тебе они морочат, — сказала я, но подошла и села с ней рядом. — Чего ревешь?

— У Нани будет ребенок, — каким-то чужим голосом проговорила Кети.

Я ждала чего угодно, только не этого.

— Ребенок?!

— Да.

— Ну и дальше?

— Что — дальше?

И вдруг, совсем неожиданно, я тоже разревелась. Мы сидели на кровати, обнявшись, и плакали, и чувствовали, как сильно мы любим друг друга, и совсем не помним о той, из-за кого плакали.

— Так и надо! — вдруг крикнула я. — Так ей и надо!

— Нет, Майя, если б ты выслушала ее...

— А почему она мне ничего не рассказала? — Я еще тогда поняла, что Нани оставила Кети у себя специально, чтобы ей все рассказать.

Кети как раз такая, что ей все можно рассказать, и она всегда будет на твоей стороне.

— Не знаю...

— Почему же она замуж за него не выходит?

— Он не любит ее...

— Не любит?..

Этого я уже не могла себе представить!

— А Нани любит его?

— И Нани его не любит...

— Врет! Врет! Врет! — Я вскочила и стала нервно ходить по комнате — из угла в угол. — Тебе голову морочит!

— Клянусь чем хочешь, она его не любит, — Кети поклялась с таким чувством, что я сразу услышала голос Нани: «Кети, клянусь чем хочешь, я не люблю его!»

— Не любит, а с ума сходит, вот что! Это тот самый высокий идиот, с которым они на пляже лежали?

— Да.

— Так ей и надо!

— Ты бессердечная, — Кети снова заплакала, — каменная.

— Да, — подтвердила я, — каменная, безжалостная. Иван Грозный! А ты — гусыня и только умеешь, что реветь. Меньше бы хвостом вертела твоя Нани...

— Майя, как ты не понимаешь, у нее профессия такая!

— Это, видимо, новая профессия — делать детей...

— Не завидуй ей! — вдруг сказала Кети и торопливо добавила: — Я тоже завидую...

В самое сердце мне угодили эти слова, но я не подала виду и спойкойно спросила:

- С чего это я должна ей завидовать?
- Прости меня... — покорно сказала Кети.
- Ладно. Что она собирается делать?
- Завтра я иду с ней к врачу.
- При чем здесь врач?
- Гори том.
- А все-таки?
- Так надо.

Было ясно, что Кети знает больше моего и страшно этим гордится.

— Не смей! — сказала я. — Поняла? Не смей!

— Что — не смей?

— Не смей идти с ней! До нее мне нет никакого дела, но тебя я предупреждаю.

— Разве она и не твоя подруга?

— Нет.

— Ты и от меня так легко откажешься?

— Возможно.

— Ты гордячка и считаешь себя лучше всех.

— Возможно.

— Нани лучше тебя в тысячу раз и потом... потом она несчастна... Выходит, что если со мной такое случится..

— С тобой не случится, — отрезала я безжалостно.

Она поняла.

— Потому что я уродка, да? Ты это хотела сказать?

— Нет, просто ты рождена быть сестрой милосердия, и все это чувствуют. Почему она тогда о тебе не вспомнила, когда отплясывала с московскими артистами?

— А если с тобой такое случится? — вдруг спросила Кети. — Ты же красивая!

— Не волнуйся, это исключено.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

— Она просила, чтоб я не говорила тебе, а я сказала...

— Лучше бы не говорила.

На другой день Кети, конечно, побежала к Нани. А через неделю Нани выволоч на берег какой-то парнишка — посиневшую, без сознания. Кети кричала: она умерла, умерла, покончила с собой! А какой-то седой дядька цыкнул на нее:

— Да замолчи ты!..

Приехали родители Нани и увезли ее в Тбилиси. Мы тоже очень скоро уехали из Батуми — больше не могли там оставаться.

И вот теперь, когда я смотрела на море, мне хотелось войти в него, затеряться в волнах, но удерживало меня другое желание, более сильное. Конечно, ощущала я его и раньше, но с такой силой и ясностью не переживала его никогда: я хотела жить, быть живой все время, всегда, вечно. И желание это казалось мне странным, может, потому, что прежде я никогда над этим не задумывалась.

Теперь я поняла, что Нани не лгала. Она не любила этого парня, так же, как я не любила тебя. Я даже вспоминать о тебе не хотела, но это длилось недолго, и когда я однажды вернулась в гостиницу и увидела тебя в вестибюле сидящим в кресле, я закричала:

— Резо, я здесь! — потому что я была уверена, что ты искал меня, а я, как ребенок, пряталась в темноте до тех пор, пока сама не испугалась.

Потом мы поднялись ко мне в номер. Потом ты стоял у окна и курил, а я лежала и смотрела на тебя. Волосы у тебя на затылке отросли и ты был худой, и сердце мое переполнялось счастьем и не умещалось в груди.

— Куда ты ушел тогда? Почему оставил меня одну? — спросила я, но ты не ответил. Словно и не слышал вопроса.

Я и сама знала, что говорю это просто так, чтобы просто упрекнуть тебя...

Потому что, если бы ты был рядом в то утро, наверно, я бы опротивела тебе навсегда. И я была благодарна, что ты ушел, оставил меня одну, и еще за многое была я тебе благодарна, но если бы ты спросил, я бы не сумела сказать, за что.

Потом мы долго бродили по городу. Стояли в порту и смотрели на море. На берегу, на больших камнях, черные, как негритята, мальчишки ловили крабов. Вокруг ресторана, врезавшегося в море, колыхались рыбацкие сейнеры. Вдали, под подъемными кранами, похожими на гигантских роботов, стоял белый танкер. Море здесь было спокойное, какого-то особенного цвета — зеленоватое с радужными разводами. Порт кишел чайками, они так отчаянно и бессмысленно кидались из стороны в сторону, словно только что вырвались из клеток.

Справа виднелись зеленые горы, освещенные солнцем, усеянные домиками под красными крышами, и стекла в окнах сверкали на солнце. Над вершинами гордо стояло белое облако, такое плотное, словно его высекли из мрамора.

— Ты не думай, Резо, — сказала я, — если что-то случится, то ты обязан... — голос у меня задрожал. Я совсем не собиралась говорить об этом, и вот почему-то сказала.

Ты все понял и очень спокойно, даже не оборачиваясь ко мне, сказал:

— Я люблю тебя!

Такими естественными были эти слова, что мне даже не надо было слышать звуков, они вошли в мое тело, как лучи. Но я продолжала свое, сама удивляясь, зачем я все это говорю...

— Не хочу, чтобы ты меня жалел. Понимаешь? Не хочу, чтобы ты чем-то поступался ради меня. Со мной ничего не случится. Ты знаешь, чего я боюсь — ведь нас почти ничего не связывает, что будет дальше?

Может, оттого я говорила так, что все мое существо, как пьяница, жаждущий вина, с болезненным упорством требовало одного — чтобы ты твердил мне: люблю, люблю?! Ты сам пробудил во мне это желание.

— Я не думаю об этом, — сказал ты, — главное, что сейчас я люблю тебя.

— А я не могу не думать. Нет, я не о том беспокоюсь, как мы будем жить и воспитывать детей. Я о другом — будешь ли ты любить меня всегда, пока я жива!

Я лгала, думала я как раз о том, как мы будем растить детей.

Ты засмеялся.

— Почему ты смеешься?

В это время танкер загудел — тяжело и протяжно. Гудок рассек горы, и осколками эха вернулся в порт, и поглотил мой нетвердый голос, и потом долго звенел среди канатов, волн, проволоки и больших камней. В нем было что-то трагическое — так звучат гудки всех пароходов на свете.

В ту ночь мы с мамой вернулись в Тбилиси. Ты поехал тем же поездом, только в другом вагоне. Утром, когда я проснулась, мы уже при-

близжались к Гори. Я оделась и вышла из купе, ты стоял в коридоре у окна.

— Доброе утро!

Мы улыбнулись друг другу, как заговорщики.

— Ну как? Ты будешь меня любить всегда, пока я жив? — спросил ты, продолжая улыбаться.

— Ты всю ночь об этом думал?

— Конечно, только об этом и думал.

— Не издевайся.

А дальше наша жизнь пошла совсем непонятно. Мы стали мужем и женой, но встречались теперь еще реже. Ты не захотел переходить к нам, хотя всякий разумный человек согласился бы на то, от чего ты категорически отказался. У нас была трехкомнатная квартира, мы все разместились бы свободно, а у тебя жить было невозможно, и не потому, что я не желала тесниться в одной комнате.

Я так же, тайком, приходила к тебе ночевать, когда балкон пустел, и мне было так стыдно, словно я — не твоя жена. Рано утром я убежала домой, правда, теперь я возвращалась не одна — ты провожал меня. Ты никогда не просил остаться. Я бы осталась, но ты ничего не говорил, и я уходила. Может, ты не хотел? Я чувствовала, что ты очень хочешь. Но раз в тот день, когда мы расписались, я опять побежала к маме, домой, ты, наверно, решил, что никогда не попросишь меня остаться. Мы с тобой состязались в упрямстве.

А после я совсем перестала к тебе приходиться, потому что ждала ребенка. Ты звонил поздно вечером, я выходила, и мы гуляли по улице. Раньше почему-то мне всегда бывало жалко мужчину, идущего рядом с беременной женой. И я думала, когда буду беременная, никогда не позволю мужу провожать меня. А сейчас я шла, крепко вцепившись в твой локоть, и по-настоящему боялась, что ты вдруг убежишь. Мне хотелось, чтобы ты был все время рядом. На свете, казалось, существовала тысяча опасностей, а раньше я их не замечала. Асфальт на тротуаре перерезали глубокие трещины, я могла угодить в любую из них ногой. Горшок с цветами вот-вот сорвется с подоконника, да прямо мне на голову. И еще бог знает, какие опасности меня подстерегали! Вместе с живым существом, которое постепенно заполняло всю мою жизнь, казалось, растет и страх. Страх этот будил меня по ночам, как зубная боль. Спала я в маминой комнате. И совсем не думала о том, кто должен у меня родиться. Мне было очень жалко себя.

Потом я лежала в родильном доме и получала твои забавные письма. Мне хотелось читать их вслух, всем, но я стеснялась. Мне казалось, что они всем должны нравиться так же, как и мне. Зато когда приносили кормить Гию, я шептала ему: — Если бы ты знал, какой у тебя папа... смешной.

Соседки мои по палате все нахваливали своих мужей, и мне хотелось говорить о тебе. Рядом лежала женщина, которой было уже за сорок. Мы называли ее тетей Маро. Она все боялась, как бы не перепутали детей. Это был ее первенец, и потому, наверно, она так боялась.

— Мой муж настоящий карачохели! — говорила тетя Маро. — Не то, что нынешние стилияги!

В самом деле, в один прекрасный день с улицы донесся звук дудки¹, и все, кто мог, бросился к окнам. Только тетя Маро не вставала,

¹ Дудуки — музыкальный инструмент.

лежала с раскрасневшимся сияющим лицом и слушала. Она знала, что играли это дружки-приятели ее благоверного лично для нее.

Я написала тебе об этом и добавила — вот, как любят мужья своих жен, хоть бы и ты был настоящим карачохели!

Если бы мне знать, чем обернутся эти слова!

Когда меня выписали, я нарочно не сообщила маме, только тебе написала, чтобы ты приехал за мной утром.

Ты встретил меня у больничных ворот, подвыпивший. Мне даже почему-то понравилось, что ты выпил в такой день, на радостях. Я искала взглядом машину, но ее не было, только у противоположного тротуара стоял фаэтон с впряженными в него белыми конями. На облучке сидел кучер в цилиндре с красной лентой, в черном пиджаке с красным галстуком, в зеленых сборчатых шароварах. Он больше походил на артиста самодеятельного ансамбля, чем на кучера.

Мне казалось, что все — решительно все — на нас смотрят. Да, наверное, так оно и было. Я держала ребенка на руках и сидела, опустив голову, лицо мое пылало. А ты сидел, обняв меня за плечи, и беззаботно напевал. Фаэтон ехал очень медленно. На перекрестках он останавливался при красном свете, как машина. И это мне казалось самым неприятным и неестественным.

Потом целую неделю ты прожил у нас, потому что я тебя попросила об этом. Каждый день ты возвращался домой пьяный и замертво валялся в постель. Ты спал как убитый, и разбудить тебя не мог даже детский плач. И все равно я была счастлива. Ночью, укачивая Гию, я смотрела на тебя. Ты беспечно посапывал и казался мне таким же ребенком, как Гия, и я должна была так же заботиться о тебе, как и о нем.

Однажды ты явился в три часа ночи с товарищами. Их было трое, они на цыпочках вошли в спальню. А ты кричал: — Идите сюда, я вам покажу моего сына! — А они, твои друзья, всю меня и всю кровать засыпали шоколадом и цветами. Шампанское, которое они принесли с собой, они выпили за мое здоровье и за процветание грузинского народа.

По-моему, они еще пили за лунные ночи, и я опять была счастлива. А утром, еще лежа в постели, я услышала мамин голос:

— Только, пожалуйста, не думайте, что если вам удалось обмануть мою дочь, вы можете творить что угодно. В своем доме я не потерплю безобразий.

Я поняла, что она разговаривает с тобой, и выскочила в столовую.

— Мама! Мама!

Потом ты надолго пропал. Даже не звонил, как будто я была в чем-то виновата. Нет, такой жизни я и не представляла! Хотя тот прежний навязчивый страх у меня совсем прошел, зато теперь я убедилась, что я совсем одинока и никому на свете нет до меня дела. Я не нужна ни тебе, ни Кети, ни маме, хотя ее поступок я уже оправдала в душе. «В конце концов, — думала я, — почему он считает, что все может себе позволить!» Разумеется, я имела в виду совсем не то, что мама, напротив, те дни стали самым прекрасным воспоминанием моим. Дело в том, что я сама не знала, на что сержусь, я только чувствовала, что мы никак не ужились с тем, что называли жизнью, висели на подножке трамвая, не сумев втиснуться в вагон. Неужели только мы были такими, а все остальные лгали, притворялись, делая вид, что счастливы. Мои подруги повыходили замуж и засели в свои семьи, как птицы в гнездах

Вот и Нани вышла замуж за какого-то профессора. Когда я встречаюсь с ней на улице, у нее такое довольное лицо, что я даже не задаю ей обычного вопроса: — Ну, как ты? — Она стала еще красивее, успокоилась. — Если мой муж не возвращается домой до одиннадцати, я ему не открываю, — смеется Нани. А муж ее — знаменитость, часто выступает по телевидению. Вот, мол, смотрите, глупые девчонки, за каких мужчин надо выходить замуж!

При чем здесь любовь? Зачем вы мучаете себя, главное — не остаться одной! Доброе утро, дорогие телезрители, добрый вечер, дорогие телезрители, доброй ночи, дорогие телезрители!

Я чувствую, как все отходит, забывается, как безжалостно оттираю я слезы, сказки, мечты, снимаю все это, как жернова, отяготившие ноги, и отбрасываю, потому что больше не могу таскать их за собой, и кажется, у меня даже имени нет. Потому что никто не произносит его с трепетом, оно не имеет никакого смысла, оно сухое и холодное, как номер, мое имя. Теперь я «дорогой телезритель» и я сижу, преданно уставившись на экран, похожий на окно в кухню диетической столовой.

Я — самая обыкновенная девушка, и мне хотелось самой обыкновенной любви. Любовь представлялась мне праздником, наслаждением, теплом, лаской, но не страданием, которое интересно только в книгах и на экране. Я глажу белье, а ты и малыш сидите на полу и вызываете флажки из моего старого платья, и оба прчечется от меня, и я делаю вид, будто не замечаю, что вы кромсаете мое платье. Вот о чем я мечтала. А те страсти, которые разгорались в книгах, волновали меня только потому, что в каком-то потаенном уголке сознания я была уверена, что они не коснутся меня никогда, и потому они даже вызывали приятный ненастоящий страх, как сказочный дракон или землетрясение в Японии, которое не грозит твоему городу.

И сейчас иногда сожмется в груди сердце — не я ли первая из нас двоих обыкновенную жалость спутала с любовью?

— Не звонил? — спрашивала мама.

— Нет.

— Хочешь, я пойду и извинюсь?

— За что ты должна извиняться?

— Если тебе это нужно...

— Нет, мне не нужно.

— Спи, почему ты не спишь?

— Не спится.

— Он придет..

— Да...

— А вообще-то, я была права...

— Знаю.

— Для тебя так лучше...

— Как? — закричала я вдруг. — Как лучше для меня?

— Почему ты кричишь?

— Скажи, как для меня лучше? — спросила я успокоившись.

— Лучше разобратсья теперь.

— Уже поздно.

— Вот видишь, ты уже жалеешь, надо было вовремя посоветоваться со мной...

— Да...

— Я знаю больше тебя, понимаю больше...

— А я вообще ничего не понимаю.

— Разве можно было так слепо это решать. Это ведь не шутка!

«Да, так слепо, шаря руками по стене, по полу, — думала я про себя, — под землей, в огромной темной пещере, когда кажется, из бездны, из лабиринта кто-то зовет меня и я иду, и ноги скользят, и отмерзают на ногах пальцы, и я слышу, как наверху тает снег. Капли проникают в пещеру, одна... две... три... Одна капля — целый век. Я замерзаю, а наверху весна, лето, осень, а в пещере темно и любить нельзя, потому что нарушится ледяное молчание, сталактиты откроют глаза и начнут кричать... кричать...»

— Такие девочки, как ты, часто ошибаются, — говорит мама, — им кажется, что они любят, но они очень скоро убеждаются, что горько заблуждались. Посмотри, сколько теперь красивых девочек, которые вчера вышли замуж, а сегодня разошлись...

— А сколько счастливых? — я спорю только потому, что не хочу молчать, хочу, чтобы она безжалостно растоптала мою мечту.

— Ты думаешь? А разве вы знаете, что такое счастье? Иногда то, что вы считаете счастьем, оказывается тоже ошибкой, миражом!

— Резо любит меня! — это был мой самый главный аргумент.

Мечта моя была уже уничтожена и обращена в прах. И я уже сожалела об этом, и чувствуя, что вернуть ничего нельзя, все же пыталась сохранить ей верность.

— Может, и он ошибается, — сказала мама.

— Но почему? Почему он обязательно должен ошибаться?

— Поверь мне, любовь изучена во всех подробностях, так же, как скажем, анатомия человека. Измерена ее глубина, ширина, температура — как у океана. Песок, добытый с ее дна, рассыпан по пробиркам...

Мама увлеклась своей речью, она повысила голос, словно обращалась не ко мне, а к переполненной аудитории. И я невольно как-то испугалась, потому что ее слушали многие, и многие могли поверить, что все на самом деле так, как она говорит. Рассудок мой был взволнован, и я ничего не могла противопоставить этим стройным закругленным фразам. И вдруг я почувствовала, что не люблю маму. Конечно, это длилось всего одну минуту, но я и теперь еще боюсь вспомнить эту минуту. Почувствовала я еще, что и она не любит меня. Холодная она была и чужая. Все, что она говорила, набивалось мне в душу осколками льда, и сейчас не я, а кто-то, запрятанный в глубине моего существа, боролся с ней, а я сама, немного испуганная и удивленная этим открытием, была на стороне того, другого. Я следила за ним и бессознательно радовалась, потому что я оказалась не такой слабой, как думала. Может, это был биологический инстинкт самозащиты, борьба за существование.

— Я не могу жить без миражей, — вставила я в паузу маминой речи, как видно, весьма некстати, потому что мама замолчала, обдумывая, стоит ли продолжать разговор со мной, и, наконец, заговорила:

— Глулости!

— Нет! — уорствовала я. — Ты не понимаешь! — Мне казалось, что не я выкрикиваю все это, а кто-то другой, стоящий незримо между нами.

— Я не понимаю?! — Мама удивленно взглянула на меня, потом улыбнулась и повторила: — Я не понимаю?

— Да, ты! — Я вконец разволновалась и потеряла самообладание, потому что впервые я так разговаривала с матерью. — Ты и отца моего не любила!

— Что ты сказала?

— И вообще никогда никого не любила! И ты хочешь, чтоб я уподобилась тебе, стала бы каменной, как ты сама каменной!

У мамы сделалось такое лицо, что я испугалась, как бы с ней чего-нибудь не случилось. Я внезапно опомнилась и по-прежнему любила маму. Сумасшествие мое схлынуло, и я залилась слезами.

— Мамочка! мама!

Я почему-то ожидала, что она оттолкнет меня, уйдет, но когда я уткнулась головой ей в колени, она погладила меня по голове.

— Моя девочка, моя глупая девочка...

И мне долго не хотелось вставать, не хотелось поднимать лица, хотелось оставаться так — и больше ничего.

Ты появлялся изредка, неожиданно, и тогда я все забывала. Тогда ты один был прав на всем белом свете, ты был прав передо мной и перед всеми, а мы все — остальные — ошибались. Что за дни это были!

Если их поставить подряд, то и месяца не получится, но для меня этого было достаточно. Остальные дни были такие бесцветные, что я даже не помню их, они терялись, как листки отрывного календаря, а те я буду помнить всю жизнь, всегда.

Мы шли по набережной, и оттого, что вся улица была покрыта сухими листьями платана, казалось, что она до краев полна желтым шелестом, хрустом, шуршанием.

Ты молча смотрел на Куру. Я стояла затаив дыхание рядом с тобой, и мне казалось, я слышу, о чем ты думаешь. Может быть, я и ошибалась; так бывает, когда слушаешь музыку. Тебе кажется, что ты все понимаешь, потому что она точно соответствует твоему настроению, тогда как композитор, наверно, когда писал, подразумевал совсем другое.

Теперь, когда я вспоминаю все, не могу не удивляться тому, как мало ты разговаривал со мной. Когда мы бывали вместе, ты почти всегда молчал. А тогда мне все казалось иначе.

Тени от осенних туч проходили по поверхности Куры, и река, словно содрогаясь от этих прикосновений, мутнела и очертя голову вбегала под арку моста, как в гоннель, и там пряталась. Обессилевшее солнце лежало на парапете набережной, как выгоревшая желтая ткань.

— Резо! — сказала я каким-то прерывающимся голосом, наверно, оттого, что заговорила я невольно, неожиданно для самой себя. — Я на работу устроилась.

— Знаю.

— В «Интурист», переводчицей.

— Знаю.

— Гие мы наняли няньку, очень славная женщина.

Я замолчала и стала ждать, что ты скажешь. Но ты молчал. И тогда, как всегда, когда я тебя особенно любила, мне захотелось сказать тебе что-нибудь горькое, вывести тебя из равновесия. Удивительно, отчего у меня появлялось такое желание? И это в то время, когда все мое существо тянулось приласкать тебя, как ребенка, как Гию...

— Потому что я больше так не могу! — снова заговорила я. — Не могу больше! Пойду, отвлекусь немного, буду заниматься своим делом. В конце концов, зачем я должна сидеть дома? Чтобы раз в месяц услышать твой голос по телефону? Теперь у меня будет два телефона, ты сможешь звонить и туда, значит, ты будешь звонить два раза в месяц и мы будем встречаться, соответственно, тоже два раза в месяц. Ты видишь, какую пользу я извлекаю из простой арифметики!

— В «Интурист»? — спросил ты, словно только теперь услышав меня. Ты даже как будто насторожился. Но тогда я не придавала этому значения. Только потом, попозже, я поняла причину твоего смущения.

— Да.

— А почему именно туда?

- Там нужны переводчицы.
- А в других местах ты искала?
- Какая разница? Мне все равно, просто я больше не могу...
- Что с тобой?
- Не знаю... Наверно, свихнулась.
- Чего ты хочешь, все-таки?
- Чего хочу? Ничего...

Ты был спокоен и уверен в себе. А я не осмеливалась, не могла сказать тебе о том, что мучило, терзало меня, когда я оставалась одна.

— Ты все равно не поймешь, — сказала я наконец.

— Почему?

— Потому что я хочу, чтобы ты сделал что-нибудь ради меня, хотя бы в этот холод, вот сейчас, прыгнул с моста в Куру.

— Это очень просто, — ответил ты спокойно, — очень...

Я и слова не успела произнести, как ты перескочил через парапет, на секунду задержался на узеньком карнизе и прыгнул. Я закричала: — Помогите! Помогите! — бросилась к парапету, но не увидела ничего, кроме грязной воды, которую выплеснула мне в лицо река.

Собралась огромная толпа. Я прислонилась к дереву, почти теряя сознание, и в голове вертелась одна-единственная мысль: он утонул, утонул...

Потом кто-то крикнул, что ты выходишь из воды на противоположный берег. Я побежала вместе со всеми, как будто меня ветром понесло. Я ничего не видела и не чувствовала. Когда я бежала по мосту, слышала женский крик. Вполне возможно, что кричала я, не знаю. За мной бежали люди, и я не хотела, чтобы кто-нибудь перегнал меня, но потом я от всех отстала, и постепенно ко мне вернулась способность соображать.

Ты стоял и выжимал сорочку.

Я подошла и беспечно рассмеялась.

— Молодец! Ты, оказывается, прекрасно плаваешь!

А все мое потрясенное существо обнимало твое замерзшее тело, целовало твои плечи и грудь, прижималось к твоим посиневшим губам.

Потом, когда мы уже сидели в троллейбусе, ты сказал мне:

— Нет, тебе этого не хочется.

— Почему ты так думаешь? Такой же номер отколочил один мой товарищ — мы, правда, тогда в восьмом классе учились.

— Давай сойдем!

— Мы же еще не доехали.

— Я хочу курить.

И сердце мое наполнилось жалостью, потому что ты и вправду вел себя как восьмиклассник, все понимал в прямом смысле и вместо того, чтобы отругать меня как следует, сидел надутый и всю дорогу не разговаривал со мной.

Через месяц мы сняли комнату на Мтацминде. И пока мы ее сняли, еще один день были счастливы — когда строили планы, и все нам казалось очень просто: я буду ходить на работу, а ты, поскольку нигде не служишь, днем приглядишь за Гией. Мы будем вместе и сможем разговаривать без всякого телефона. К черту, к черту все телефоны!

— Майя, как ты?

— Хорошо, а ты?

— Я тоже. Ну, звони...

— Ладно. Пока...

Два-три дня было еще ничего, терпимо. Ты вставал рано, приносил молоко из гастронома. Я с нетерпением ждала окончания рабочего

дня, садилась в автобус, который, натужно рыча, взбирался на подъем. На балконе у нас стояла керосинка, на которой мы готовили.

Потом приехал один алжирский писатель, и я показывала ему город. Был он худой, низкорослый, большоголовый. Когда я рассказывала, он скрепчивал на груди руки, закрывал глаза и так слушал меня. Когда я умолкала, он опускал руки, открывал глаза и обязательно говорил что-нибудь смешное. А вообще, как он мне рассказал, перенес он немало: боролся за свободу Алжира, получил одиннадцать ранений.

Я провела его по всему городу. Поднялись мы и в парк на Мтацминду. Мы проезжали на машине мимо нашего дома. Ты стоял у окна с Гией на руках, и лицо у тебя было такое грустное, что я чуть не оставила машину и не бросила гостя одного.

С верхнего плато Мтацминды наш дом был очень хорошо виден.

— Мсье Жан, — сказала я. — Вы видите вон тот дом под красной крышей? Я там живу.

Я думала о тебе, о том, что ты, как узник, стоял у окна.

Обедали мы в ресторане, потом я сопровождала гостя в оперу, после спектакля на машине «Интуриста» мы еще раз объехали город. Мсье Жан почему-то решил проводить меня до самого дома и настоял на своем. Я подписала шоферу путевку, и они вернулись в гостиницу.

Я рассказала тебе, как прошел день. Мы лежали в темноте, и мне казалось, что ты не слушаешь меня. Но ты вдруг спросил:

— Одиннадцать ранений?

— Да, представляешь? — я обрадовалась: если бы ты сердился, ты не стал бы задавать вопросов.

Наступила тишина.

— Что ты сегодня ел? — спросила я после паузы.

— Консервы, те, что вчера купил.

— Гия капризничал?

— Нет...

Назавтра я опять допоздна ездил с алжирцем. Вечером наши писатели устроили для него ужин, и мсье Жан опьянел. Наши тоже немного захмелели, и когда все расходились, один из писателей шепнул мне: Майя, не дадите ли вы мне номер вашего телефона. Говоря это, он торопливо оглядывался и делал вид, что вообще разговаривает не со мной. Его друзья и мсье Жан были поглощены прощальными объятиями и не смотрели в нашу сторону.

Я тоже ответила ему таинственным шепотом:

— Нет!

Он улыбался в это время мсье Жану и, не глядя на меня, спросил одними губами:

— Почему?

И кинулся к гостю, с распростертыми объятьями, потому что все уже распрощались, и остался он один.

— Майя, Майя, идите к нам! — подозвал меня он.

Я подошла.

— Я хочу подарить мсье Жану свою книгу, переведите ему, — он торопливо оглянулся на остальных, видимо, не хотел, чтобы они слышали, и достал из кармана маленькую книжку.

Мсье Жан сказал:

— Я очень вам благодарен, непременно переведу несколько стихотворений.

Я взглянула на книгу, это были стихи в переводе на русский язык.

— Мсье Жан не знает русского! — сказала я писателю.

— Но он и грузинского не знает, — ответил он и почему-то очень жестко добавил: — дайте нам поговорить.

Он ловко сунул книгу в карман гостю, и когда к нам подошли остальные, сказал как ни в чем не бывало:

— Она прекрасно владеет французским. Мы можем гордиться ею! — Комплимент относился ко мне.

— Зайдите как-нибудь к нам в редакцию! — предложил мне другой писатель.

Потом все ушли. Мсье Жан опять настоял на своем и отвез меня домой. Выходя из машины, я увидела тебя. Ты стоял у ворот с Гией на руках, под мышкой у тебя торчал веник. На тебе были рваные брюки — с дырами на коленях, на босых ногах — стоптанные шлепанцы. В таком виде я никогда тебя не видела. Я так и застыла на месте. Ты стоял и вежливо улыбался. Мсье Жан вопросительно взглянул на меня.

— Это мой муж! — ответила я, не сводя с тебя глаз.

Мсье Жан бросился к тебе, затряс твою руку, Гию ущипнул за щеку, распрощался с нами и уехал. Я поняла, что этот карнавал ты устроил назло мне. Я готова была выцарапать тебе глаза, но сдержалась и только сказала:

— Если ты не хотел, почему позволил мне поступить на службу?

Ты также бессмысленно улыбнулся, строя из себя дурачка, продолжал игру. И только когда мы вошли в комнату, сказал:

— У него одиннадцать ранений, а у меня вот — веник!

Вскоре мы с Гией перешли обратно к маме. Я снова наняла няню, и все вроде затихло. Я ходила на работу и возила гостей по городу.

— Это великий грузинский поэт восемнадцатого века Давид Гурамишвили. Это основатель Тбилиси Вахтанг Горгасал. Это памятник тремстам арагвинцам, погибшим в битве с Ага-Магомед-ханом. Персидскому шаху тогда удалось взять Тбилиси и разорить его дотла. Здесь начинается Комсомольская аллея. А огромная женщина наверху — Мать-Грузия...

С Анной я познакомилась в «Интуристе». Она тоже работала переводчицей и пользовалась особенным уважением. И сама она держалась так, что обращаться к ней надо было непременно почтительно. Анна оказалась соседкой Кети — жили они в одном доме. Анна была на пять лет старше меня, и, должно быть, это тоже было причиной того, что я с ней говорила только на «вы», в тех редких случаях, когда мне доводилось с ней заговаривать, потому что она сразу дала мне понять, что даже простого знакомства не желала бы иметь со мной.

Молодые люди обхаживали Анну, но держалась она неприступно. Чего только не говорили о ней, но я не помню, чтоб ей кто-нибудь звонил или заходил. Или она запрещала всем звонить на работу, или все это были сплетни. Во всяком случае, я считала, что нет ничего легче, как оговорить разведенную женщину. Короче говоря, Анна мне очень нравилась. Была она гордая, красивая и очень образованная. И потом, по ней было видно, что она перенесла какую-то большую боль, и это делало ее еще более привлекательной.

Все у нее было своеобразным — походка, манера говорить, смех. Хотя смеялась она очень редко. Когда она смеялась, возле уголков ее рта образовывались две глубокие складочки, и они придавали ее лицу сурово-скорбное выражение. Чаще всего она молчала и словно не замечала, что происходит вокруг. Она много курила одну сигарету за другой. Тогда я в первый раз выкрасила волосы, подражая Анне. Хотела, чтобы у меня были волосы такого же цвета. Анна носила обручальное

кольцо, я купила такое же сама, потому что ты мне кольца так и не подарил.

Девочки все время шушукались, сплетничали про Анну. Она сидела, окруженная этим шепотом, и не обращала ни на кого внимания. Нас это еще пуще распаяло, и в конце концов мы поняли, что просто завидуем ей. Каждая из нас ни за что не призналась бы в этом даже самой себе. Но я должна сказать, что старалась сблизиться с нею.

Однажды я пришла на работу с цветами. Когда я выходила из дому, ты встретил меня в подъезде и преподнес мне гвоздики. Их-то я и принесла на работу и поставила в вазу на своем столе. Анна стояла в конце комнаты и говорила по телефону. Окончив разговор, она повернулась и взглянула на меня. Я поздоровалась с ней, но она как будто не заметила этого. Она медленно пошла ко мне, и когда она подошла совсем близко, я поняла, что глядит она не на меня, а на гвоздики. Подойдя к столу, она коснулась цветов рукой.

— Ты тоже любишь гвоздики? — спросила она тихо.

Я почему-то насторожилась. Голос ее показался мне странным. Она стояла, опустив голову и не глядя на меня, словно и не говорила ничего.

— Что? — спросила я тоже тихо.

— Можно я возьму одну?

— Ради бога! — радостно отозвалась я, сочтя это за первый шаг к сближению.

Она достала из вазы одну гвоздику и совсем тихо сказала:

— Спасибо!

Но когда я сидела в автобусе с иностранными туристами, едущими во Мцхета, чем больше я думала о том, почему она попросила у меня гвоздику, тем быстрее улетучивалась эта радость.

А через месяц все стало ясным. Было воскресенье. Кети вбежала к нам, запыхавшись, с красными пятнами на щеках. Так с ней бывало всегда, когда она собиралась сообщить мне что-то важное.

— Ну, выкладывай! — приказала я ей. — Только ничего не скрывай.

Кети вдруг расплакалась.

— Знаешь... Я ее любила почти так же, как тебя.

— Кого?

Кого Кети могла любить так же, как меня?

— Кого, кого! Анну!

— Анну?

— Да.

— Ну и что?

Кети вытерла слезы рукой и крепко сжала губы, словно боясь болтнуть лишнее.

— Дальше что? Да говори же!

Кети отвела взгляд в сторону и сказала:

— Змея она... Змея настоящая...

— Почему?

— Ты знаешь, где сейчас Резо?

— Не знаю...

— Не знаю, не знаю, — передразнила меня Кети. — А ты сиди тут и убивайся.

— Так где же он все-таки?

— Где, где... В цирке он, вот где!

— В цирке? Ну и что?

— Ничего! Тебе не интересно, с кем он туда пошел?

- С кем?
- С сыном Анны.
- С сыном... Анны?

Я очень удивилась, потому что никак не могла соединить в одно — тебя, Анну и ее сына. Я впервые слышала, что вы вообще с ней знакомы.

— Да, представь себе! И доложила мне об этом сама Анна, потому что знала, что я тебе обязательно передам. Она специально мне сказала, чтоб у меня сердце разорвалось.

— А у тебя-то чего сердце разрывается? — спросила я спокойно. Я еще не разобралась в происходящем.

— Ах, у меня? Ты спрашиваешь, почему у меня сердце?.. — воскликнула Кети и снова заплакала.

— Перестань, — сказала я. — Чего ты плачешь? — И присела на стул. — Да, но, — начала было я, но Кети прервала меня, поняла, что я собираюсь сказать.

— Да, они давно знакомы.

«Давно знакомы... давно...»

А я не знала ничего... Наверно, Резо давно встречается с Анной, и Кети все знала, но только сейчас решила мне сказать, потому что это было уже слишком.

А я ничего не знала... Я засмеялась громко, как дурочка, даже сама удивилась.

— Майя, — проговорила Кети, — я не должна была, да?

— Почему же, что здесь такого?

И в самом деле! Ну, повел ребенка в цирк, что здесь такого?

— Я пойду в цирк! — решила я внезапно.

— Майя!

— Что?

— Ничего... Но...

— Кети, ты подожди меня здесь.

— Майя, зачем тебе в цирк...

Я просто идиотка и мне что-то показалось...

— Я так давно не была в цирке!

Кончилось первое отделение. Я встала у буфетной стойки. Если ты с ребенком, то подойдешь к буфету обязательно. Я увидела тебя издали. И снова не сумела связать вас воедино, представить вместе — тебя, Анну и ее ребенка. И такой бессмыслицей мне показалось то, что ты крепко держишь за руку худенького голубоглазого мальчика с торчащим непослушным вихром, что я невольно улыбнулась. И от этой нелепой улыбки не могла избавиться и тогда, когда ты увидел меня и остановился на месте, удивленный.

БАКУРИАНИ

Снег, наконец, пошел. И сыпал весь день не переставая. Село, раскинутое на противоположном склоне, скрылось из виду. Только когда ветер отодвигал завесу снежных хлопьев, село вновь появлялось.

Здание международного лагеря, клуб с баром, кинозалом и столовой, главный корпус гостиницы и несколько маленьких коттеджей словно оторвались друг от друга. Дул ледяной ветер, и выходить из помещения никому не хотелось.

В полдень на грузовике привезли елового лапника и сбросили у входа. Ждали гостей, и потому в холле разожгли камин.

Стемнело раньше обычного. Гости запаздывали. Бесснежная зима в этом году напугала завсегдатаев Бакуриани. Студенческие каникулы

кончились, в огромном лагере было всего несколько человек, и, конечно, все очень скучали.

Резо вышел на балкон, снег валил — густой и мелкий, лежал на балконе, как стружка. Под ногой он похрустывал, словно хрупкое стекло.

Перед гостиницей стоял автобус, запорошенный снегом.

— Ваню, — окликнул Резо водителя, — кого привез?

— Привет, Резо!

— Здравствуй!

— Да привез вот десятка три туристов.

— Дорога тяжелая?

— Очень. Брось мне сигареты.

Резо вошел в комнату и вернулся с пачкой сигарет.

— Держи!

Ваню поймал пачку, достал одну сигарету и сунул пачку в карман. В это время мимо прошел монтер Сосо с еловой веткой в руке.

— Эй, Сосо! — крикнул Ваню. — Как там дела?

Сосо как будто не расслышал, прошел мимо, но вдруг остановился, взглянул вверх, на Резо, и крикнул:

— Снег, снег! — помахал веткой и пошел.

Ваню открыл дверцу автобуса и спросил снизу:

— В поселок поедешь? Я туда в аптеку медикаменты везу. По дороге не мог остановиться.

— Подожди меня.

Автобус одолел спуск и вышел на главное шоссе. Резо удивлялся тому, как шофер не сбивается с дороги, — в свете фар ничего нельзя было разглядеть, кроме искрящихся снежинок.

— Я ленту привез, — сообщил Ваню, — завтра кино будем смотреть.

— Какой фильм?

— А не все равно?

— Да, — согласился Резо, — конечно, все равно...

Ваню остановил автобус возле аптеки. Резо помог ему вытащить большой ящик.

— Какой тяжелый, там, случайно, не телевизор?

— Кто его знает, — проворчал Ваню, — ладно, пусти!

Он один поднял ящик.

— Постой, я помогу.

Ваню не стал его слушать, согнувшись под тяжестью ящика, поднялся по скрипучей лестнице, плечом толкнул дверь и боком пролез в аптеку.

Резо сидел в автобусе и ждал. В поселке было тихо, только собаки лаяли.

Вместе с Ваню из аптеки вышли две женщины в белых халатах.

— Резо! — окликнул Ваню. — Выходи, я тебя с женой познакомлю!

Жена Ваню крепко пожала протянутую руку, улыбнулась и сказала:

— Приходите к нам домой, в гости.

Рядом с ней стояла худенькая черноглазая девушка, рука у нее была маленькая и замерзшая.

— А это Нестан, — сказал Ваню, — ну, какова девка, а?

Девушка вырвала свою руку и убежала в аптеку. Ваню захохотал.

— Ты ее не смущай! — улыбнулась его жена. Улыбку портил золотой зуб.

Вано и Резо сидели в гостиничном холле возле камина и пили вино, которое стояло тут же у огня, в бидоне. Вано расстелил газету на полу, на газете — хлеб, сыр и куски мяса. В холле темно, и отсветы пламени из камина ложатся вокруг красными листьями.

— Эх, если бы ребенок у меня был, — говорил Вано, — придешь с работы — радость в доме. Свинью откормлю и заколю, к следующей зиме новую покупаю, опять кормлю. — Он повернулся к Резо. — Ты чего не пьешь?

— Пью, — Резо поднял стакан и поглядел сквозь него на огонь, — кислит немного...

— Пусть согреется, лучшего не сыщешь.

Резо выпил медленно, с передышкой. Пить не хотелось, вино совсем не действовало на него, и потом холодное оно было, как лед.

— Так вот я о чем, — Вано наполнил стаканы, бидон задержал на коленях, почему-то не поставил его на пол, — это и есть человек — есть, пить и спать, больше ничего?

— Ты же работаешь?

— Да брось ты, — Вано пьянел быстро, но зато потом, сколько бы он ни пил, сильнее не пьянел. Он поставил наконец бидон на пол, руки отер о колени и поднял стакан левой рукой. Держал он его нетвердо, чуть косо, и вино проливалось на пол. Резо хотел было сказать, да раздумал.

— Значит, с Нестан я тебя познакомил? — спросил Вано, немного помолчав.

— Познакомил.

— Точно познакомил? — как будто он не помнил, правда это или нет.

— Точно, я же сказал.

— Она только год как здесь работает, с моей женой. Сейчас наш администратор за ней увивается, Нико, покоя не дает. Но где эта девушка — ангел, а не девушка, — а где ...— Вано взял стакан в правую руку и поднес ко рту. Но вдруг резко размахнулся и вылил вино в огонь. — Да ну его!..

Он встал, но сразу сел снова и спрятал лицо в ладонях. Так он сидел долго и молчал. Плечи у него вздрагивали, и можно было подумать, что он плачет; когда он убрал руки, Резо увидел, что он улыбается, горько и недовольно.

— Хватит, — сказал Резо, — спать пора.

Вано уставился на него, улыбка медленно стиралась с его лица. И Резо почувствовал, какие они чужие друг другу. И чтобы скрыть и это, и смущение, которое за этим последовало, он сказал:

— Давай выпьем за нас с тобой! — Он осушил стакан и передал его Вано. — Держи, пей из моего.

— Не хочу! — Вано стал заворачивать закуску в газету и закрывать бидон. — Хватит! — Он поднялся. И подойдя к дверям, повернулся:

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — поспешно отозвался Резо.

Ему хотелось спать, но от вина он чувствовал себя раскисшим. Хорошо было вот так сидеть у камина.

Потом они с Вано сидели опять вместе, но уже в комнате Резо. Там тоже горел камин, и Резо этому все время удивлялся. И оттого, что он удивлялся, все походило на явь. Они с Вано очень громко пели, и тогда открылась дверь и в номер вошла соседка Резо, вернее, не вошла, остановилась в дверях. Они продолжали петь, словно так и должно быть —

они будут петь, а она стоять на пороге. Женщина была в красном свитере и черных узких брючках. Когда они кончили петь, она спросила:

— Вы птичку мою не видели?

— Нет, — ответил Резо, как будто женщина должна была спросить непременно про птичку и как будто они знали об этом заранее.

— Улетела, а на дворе снег, — женщина заплакала.

Вано повернул рукой полено в огне и подул на пальцы. Огляделся по сторонам, взял обломок лыжи и размешал угли. Огонь затрещал, и в камине поднялся ураган искр.

— Вот она, твоя птичка! — Вано бросил сломанные лыжи в огонь.

— Где?

— Вон!

Среди снега, искрящегося, как пламя, летала белая большая птица.

— Спасибо, — женщина вытерла слезы платком, улыбнулась и повторила: — Спасибо вам.

Потом они втроем шли по снегу, и у всех троих были огромные красные руки, может, оттого, что они лепили снежки. И вдруг они увидели аптеку и несколько не удивились, что наткнулись на нее в безлюдном поле.

На крыльце аптеки сидела девушка в белом халате, обхватив руками колени, она глядела на них и была почему-то босиком.

Вано бросил в нее снежком, она вскочила и с хохотом захлопнула за собой дверь. Они за ней. Но вместо аптеки очутились в большом пустынном зале. Девушка лежала на столе и смотрела на вошедших с лукавой улыбкой.

Соседка Резо подошла к ней и протянула снежок.

— Вот, я принесла тебе! — Она удивленно повернулась к Резо. — Это же птица, птица?!

Она положила руку девушке на грудь и зашептала:

— Вставай! Вставай же! — И так пристально смотрела ей в глаза, словно гипнотизировала: — Вставай!

Девушка поднялась и теперь смотрела на всех сверху. Она раскинула руки и радостно вскричала:

— Знаете, какой снег выпал!

Огонь в камине погас. Резо лень было вставать и подниматься к себе. Он сидел и, ни о чем не думая, вертел в руках пустой стакан. Голова побаливала от этого кислого вина. Он достал пачку сигарет — пустая. Скомкал и швырнул в камин. Встал и поднялся на второй этаж. Когда он проходил мимо соседней двери, услышал музыку. Из щели падал свет в темный коридор, как будто кто-то просовывал сквозь дверь белые руки. В комнате жила эстонка, приехавшая сегодня. Наверно, включила транзистор.

Он вошел в свой номер и щелкнул выключателем, взял со стола сигареты и с таким нетерпением стал открывать пачку, словно курил первую сигарету за день. В комнате было душно, дверь на балкон оказалась закрыта, хотя обычно он оставлял ее открытой. Он вышел на балкон. Из окон соседнего номера сюда тоже падал свет. У двух комнат — общий балкон.

Снег больше не шел. И вокруг было так тихо, словно небо, уставшее за день от снегопада, на мгновение задремало. На крыше автобуса, стоявшего у крыльца, блестел снег.

Он вернулся в комнату и не раздеваясь прилег на кровать, ноги положил на стул. Курил и смотрел в потолок. Сюда не доносилась музыка, хотя стены такие тонкие... Спустила некоторое время в дверь постука-

ли, три раза. Резо вскочил и открыл дверь. На пороге стояла Майя, она рукой отвела его в сторону и вошла. На ней была черная шуба, которую она сразу сбросила на стул и осталась в пижаме. Она легла в постель.

— Закоченела!

Резо подошел к кровати, Майя натянула одеяло до подбородка, крепко сцепившись в края обеими руками, словно боясь выпустить его.

— У тебя новая соседка? — спросила она. — Закрой дверь, холодно.

— Да, новая.

— Я видела. Красивая. Тебе везет.

— При чем здесь везет.

— А почему тогда именно рядом с тобой?

— Я виноват?

— Нет, — Майя засмеялась, — нет, но тебе везет.

— Гия спит?

— Да, и я сразу прибежала.

— Поздно он засыпает.

— Можно подумать, что ты ждал меня

— Нет.

— Вот видишь.

— Что?

— Не ждал... А я, как дурочка...

— Почему же?

— Так. Садись.

Майя завернулась в одеяло и подвинулась к стене.

— Майя! — Резо присел на кровать.

— Не трогай меня! Я замерзла!

— Ладно, — согласился он. — Не трону.

— И потом, ты небритый. Ведь знаешь, что я не люблю...

— Знаю.

— Хоть бы ты раньше любил меня так. Что теперь с тобой? Или просто тебе так больше нравится, что я тебе не жена. Конечно, с любовницей интереснее, чем с женой. Зачем я приехала в Бакуриани! Знала бы, что ты здесь, ни за что не приехала! Днем я делаю вид, что не знакома с тобой, даже не гляжу в твою сторону. А ночью бегу к тебе, зачем, для чего? Ведь все прошло, кончилось. Три года я жила спокойно. Что тебе понадобилось в Бакуриани? Шестой день я здесь и близка к помешательству. Один, два, три, четыре, пять, шесть...

— Ты не знала, что я здесь?

— Знала и потому примчалась, ты это хочешь сказать?

— Гия не узнаёт меня, не помнит.

— Он был маленький.

— Завтра приезжает мама.

— Откуда она узнала?

— Я написала ей сама.

— Опять все сначала.

— Что?

— Как будто не знаешь. Лекции о морали. Я не могу!

— Ничего не с начала, мы же в официальном разводе. Просто ты недолюбливаешь мою мать и больше ничего!

— Недолюбливаю!

Резо встал, подошел к окну и разглядел за стеклом снежинки. Снова пошел снег.

— Я открою дверь, можно?

- Нет. Вот я и говорю, ты не любишь ее.
- А почему я должен любить ее?
- Потому что она моя мать.
- Вы с ней одинаковы. Ты слыхала, как говорят, жеребенок в кобылку удался!
- Не слыхала.

Он оглянулся, Майя накинула шубку и нащупывала ногами туфли. Она, не глядя вниз, пыталась попасть в туфлю и смешно болтала ногой. Наконец она обулась и побежала к дверям. Резо настиг ее в дверях и удержал руку, лежащую на ручке.

— Ты куда?

Майя крепко сжала губы, но подбородок ее вздрагивал. Видно было, что она с трудом сдерживает слезы. Она не отпускала ручку, но постепенно пальцы ее ослабли, она прижалась к его груди и заплакала. Он обнял ее и повел обратно.

— Будет, будет, ну, что с тобой!

Он снял с нее шубу, усадил на кровать, опустил перед ней на колени и стал снимать туфли.

Майя плакала и, казалось, ничего не замечала. Во всяком случае, она целиком подчинилась ему.

— Погаси свет, — всхлинула она, — погаси!

Потом они долго лежали в темноте молча и не знали, с чего начать разговор. Хотя никому не хотелось нарушать молчание, которое еще больше сближало их.

За окном было снежно, и весь мир был наполнен снегом.

— Гия спросил меня, — начала Майя тихо, — когда падает столько снега, что поднимается в небо на его место?

Резо засмеялся.

— Он на меня похож.

— Что со мной будет, если он вырастет такой же ненормальный, как и ты.

— Что ты ему ответила?

— Все, чего не видно под снегом, поднимается в небо.

— Так и сказала?

— Нет, я ему не сумела ответить.

— Вчера, когда вы обогнали меня на лестнице, он не узнал меня.

— Прошло три года...

— И все же это зависит от тебя...

— Что?

— Как воспитывать. Ты не хочешь, и он не знает меня. Имя мое хотя бы известно ему?

— Да.

— А что ты говоришь, где я вообще?

— Он не спрашивает. А если спросит, я скажу, что ты поднялся на небо.

— И вместо себя прислал такой большой снег.

— О, тогда он скажет: какой у меня большой папа.

— Скажи ему, что его отец такой же, как снег. А хочешь, еще проще, что я — снег. Ходите по снегу, топчите — ему не больно. Дети любят снег. Скажи ему так, и он обрадуется.

— Ты пропащий человек, Резо, настоящий эгоист! А я все думала, мучилась и сию минуту поняла, кто ты такой есть на самом деле. Ты эгоист!

— Да, но...

— Лежи, лежи, не вставай.

— Но почему же я эгоист?

— Не могу объяснить, но это так.

— Благодарю вас!

— Не за что.

— Ты сама до этого дошла или тебе мама сказала?

— Мама вообще о тебе не говорит.

— Отдыхает!..

— Может быть... Может, и отдыхает, а вот я...

— В самом деле, ты-то почему не отдыхаешь? Разве так можно, еле-еле развелась со мной и опять не успокоилась никак. Ты — красивая, на тебе с удовольствием женится какой-нибудь солидный мужчина.

— Мама тоже так говорит.

— Ты должна ее слушаться. Ради чего ты столько страдаешь, стоило бы!

— Мама тоже так считает.

— Мама твоя — Аристотель. Разве может такая мудрая особа хоть на минуту ошибиться. Она должна все время читать лекции по современной морали. А такие растяпы, как я, должны сидеть, раскрыв рот, и слушать — авось разберутся в этой жизни.

— Ты прав! Тебе бы эти лекции не повредили. Ты напрасно думаешь, что знаешь все!

— А я вовсе и не думаю. С наслаждением прослушал бы, скажем, такую лекцию: эгоист и общественность. Каково? О, какое пламя изрыгали бы ее уста, какой разительный пример имела бы она в моем лице! Наверно, меня заранее бы сфотографировали, снимки выставили бы на стенде, и твоя мама тыкала бы в меня указкой: — Смотрите, товарищи, это типичный эгоист — анфас, а это — в профиль, эгоист курит сигарету, сидит на стадионе. Эгоист смотрит кино. Вот его несчастная семья. Поглядите на его сынишку, какой прелестный ребенок, какой уменьшительный. Но он даже имени своего отца не знает и считает, что его папа — снег.

— Я бы не отказалась присутствовать на такой лекции.

— А еще лучше — по телевизору выступить, и аудитория побольше, и фильм в конце покажут: несколько эпизодов из жизни эгоиста. Эпизод первый: эгоист женится на красивой девушке. Эпизод второй: эгоист три года живет в Батуми, работает на стройке, что-то чертит. Обратите внимание: живет он в полном одиночестве, сбывлась его заветная мечта. Типичная комната эгоиста: кровать, стол, на столе сковородка и фотография жены и ребенка. Эпизод третий: эгоист готовит себе завтрак! Смотрите, смотрите, какую жадность выражает его лицо! С какой алчной улыбкой глядит он на сковородку, где жарятся два бедненьких яичка! Из этих яичек могли бы вылупиться цыплята. Цыплята выросли бы, превратились в кур, которых хватило бы на обед целому детскому саду! Кстати, а что появилось раньше — курица или яйцо? Эпизод четвертый: покинутые эгоистом жена с ребенком. Тут, должно быть, у лектора на глазах покажутся слезы. И все телезрители дружно заплачут. После этого эгоисту нужно спрятаться, исчезнуть, иначе его растопчут, побьют камнями — и будут правы...

— Я смотрю, ты говорить научился...

— Упражняюсь, когда остаюсь один...

— Плохой признак.

— Знаю. Вполне возможно, что по просьбе телезрителей снимут вторую серию этого фильма: эгоист в сумасшедшем доме! Эгоист бро-

дит по двору и время от времени выкрикивает: я снег, нет, не снег, абстракция, которую посылают в небо вместо снега! И там он болтает в своей длинной серой рубашке и войлочных шлепанцах, небритый, дымит папиросой. Может, этот дым как раз и заполняет небесную пустоту, все это — табачный дым, не более. А он шагает по небу и бормочет: я очень люблю жену и сына, очень люблю жену и сына, очень люблю... Врач ласково похлопывает его по плечу — этот больной — его надежда, тема его кандидатской диссертации. Он говорит ему: ты у меня молодец, если и дальше так будешь себя вести, я велю налить в бассейн воду!

— Замолчи!

— Что, не нравится?

Дверь она оставила открытой — Резо выглянул и увидел, как она бежит по полутемному коридору с туфлями в руке...

Монтер Сосо вылепил огромного снеговика. На голову ему он водрузил ведро, под мышку сунул веник. На груди выложил углем сердце, пронзенное стрелой. А сам стоял рядом и всех прохожих окликал: идите, смотрите, что я сделал!

День был солнечный. Снег отливал лиловым. Туристы катались на санях. Они столпились у дороги и терпеливо ждали очереди. В санях помещались только двое. Большая лохматая лошадь неторопливо описывала круг по полю и возвращалась.

— Идем, заглянем в клуб! — предложил Резо монтеру.

По дороге они встретили москвича-профессора, который жил в гостинице, но все время гулял здесь. Профессор остановился и окликнул их:

— Простите, на одну минутку!

Они оба оглянулись.

Профессор был маленький, тщедушный, в высокой барашковой шапке. Очки в золотой оправе, черное драповое пальто и новенькие блестящие калоши. Он живо подбежал к ним.

— Простите! — Он улыбался, и стекла его очков поблескивали. — Вы случайно не играете в преферанс? — Он почему-то смутился...

— К сожалению, нет. — Резо тоже улыбнулся.

— Ничего, ничего, извините, — профессор откланялся.

— Это большой человек, — заметил Сосо.

На сцене клуба сидел Ваню; крепко прижимая к груди бидон и уронив голову, он спал. Они тихонько прикрыли дверь клуба и пошли назад. Перед снеговиком собрались туристы. А какая-то пожилая женщина даже фотографировала его. Сосо с довольной улыбкой поглядел на Резо.

— Я давно их не лепил, — сказал он, — в детстве слепил однажды большого, потом он мне все снился, лез ко мне под одеяло ледяными руками. Но если он мне и теперь приснится, я надеюсь, он сжалится и не станет меня пугать! — Сосо засмеялся, его тонкий нос покраснел и губы смешно надулись.

— Ну, мне надо идти, а то Нико убьет меня!

Резо увидел сани и пошел к ним. Хозяин лошади — Элгуджа — лениво раскинулся на полушубке. Одну ногу он свесил и покачивал ею в воздухе. Покуривая сигарету и щурясь, он наблюдал, как туристы возле снеговика играли в снежки. Лошадь стояла, словно каменная, только из ноздрей валил густой пар.

— Элгудж! — издали окликнул Резо. — Съездим в поселок!

Элгуджа не отвечал до тех пор, пока Резо не подошел совсем близко. Потом он лениво сполз с саней, присел, потянулся с такой натугой, словно в обеих руках держал штангу, и, наконец, проговорил:

— Садись!

Сани двинулись. За всю дорогу они не обменялись ни словом, только въезжая в поселок, Элгуджа сказал:

— Коба приехал!

— Какой это Коба?

Элгуджа натянул поводья, обернулся и с удивлением поглядел на Резо. Резо сразу поправился:

— Цакадзе?

— Ну, а кто же!

Элгуджа повеселел — Резо не совсем еще погибший человек. Он взмахнул поводьями, и лошадь снова пошла.

— Подвези меня к станции, — попросил Резо.

На перроне среди смешанного с грязью пожелтевшего снега темнели лужи. Маленький паровозик солидно шипел.

И только сейчас он вспомнил, что сегодня приезжает теща.

Резо каждый день ходил встречать поезд. Это составляло его самое большое удовольствие здесь. Но сейчас Майя могла подумать, что он смеется над ней. Он решил вернуться, но как раз увидел Майю, ее мать и Гию. Они шли прямо на него. Гия ковылял между матерью и бабушкой. Майя несла большую пеструю сумку, а ее мать — плетеную сетку, из которой торчал красный термос.

Поравнявшись с ними, Резо снял шапку и поздоровался. Ни одна из них даже бровью не повела — ни Майя, ни ее мать. Приветствие повисло в воздухе. Только Гия оглянулся. Резо приложил два пальца к вискам и сделал «козу». Гия остановился, женщины тоже.

Но Гия ведь принадлежал ему, на самом-то деле! Имел он, в конце концов, право хотя бы издали помахать ему рукой. Женщины стояли и терпеливо ждали, когда Гие надоест смотреть на отца. Но Гия вырвался от них и пошел к нему. Они отпустили его сразу, не стали бранить, и, видимо, просто пожалели Резо.

На Гие была высокая вязаная шапочка. Варежки висели на тесемке, перекинутой через шею. Он ежеминутно оттягивал вниз тугое кашне, видно, оно кусало ему подбородок. Подойдя, он снизу вверх посмотрел на отца.

— Ты думаешь, ты заяц? — спросил он серьезно.

— Да, — ответил Резо, и в голове мелькнуло: он смеется надо мной!

Потом, взявшись за руки, они прогуливались по перрону. А женщины старались не смотреть на них.

— Перед нашим домом стоит снеговик, во-от такой! — говорил Гия.

— Знаю.

— Ну да, ты же тоже в нашем доме живешь. А как зовут этого снеговика?

— Резо.

— Так зовут моего папу.

— Откуда ты знаешь?

Мальчик замолчал. Он так ничего и не ответил. И слезы подступили к глазам Резо: вот у этого смешного колобка, закутанного в шерсть и мех, уже есть собственная печаль, своя тайна. И из-за этого Резо готов был здесь же, на перроне, взять и зареветь, завывать волком, потому что словами все равно не выразить ничего. И, наверно, не существовало на свете таких слов, которые могли бы объяснить все, что он сейчас чувствовал.

— Посади меня в поезд, — сказал Гия.

— Давай, я тебя на руках понесу.

— Я же не маленький! Посадишь меня в вагон?

— Идем.

Они поднялись в пустой вагон и сели у окна. Тотчас у окна показалась Майя. Резо так и знал, что она прибежит.

Гия помахал ей рукой. У Майи изменилось лицо, как будто она чего-то испугалась. Она подошла совсем близко и застучала по стеклу, что-то крикнула. Резо не расслышал, но догадался, что она могла крикнуть:

— Выходи сейчас же!

А Гия махал рукой и весело хохотал. А Майя все стучала по стеклу, и Резо сжалился над ней:

— Мама зовет, пошли!

— И ты пойдешь?

— Да.

Когда они шли по коридору, Гия спросил:

— А машина у тебя есть?

— Нет.

— Меня дядя Темури катает на «Волге».

— Где это?

— Да в Тбилиси!

«Дурак, конечно же, не здесь, а в Тбилиси катают Гию с мамочкой на «Волге!»»

Когда он спускал его со ступеньки вагона, Майя подхватила Гию на руки, прижала к груди, мельком взглянула на Резо и быстро направилась к матери. Гия, подражая отцу, приложил к вискам пальцы и закивал головой:

— Зайчик! Зайчик!

Подойдя к матери, Майя спустила Гию на землю, женщины взяли его с обеих сторон за руки и пошли к выходу. Гия больше не оглядывался.

Резо пешком вернулся в поселок. Возле аптеки он увидел Нестан и Нико. Нико, размахивая руками, о чем-то говорил с девушкой. Резо, избегаючи встречи, вошел в магазин.

В магазине какой-то мужчина, перегнувшись через прилавок, о чем-то шептался с продавцом. А продавец — худощавый парень в сванской шапочке — не сводил с Резо глаз. В руке он держал нож, которым резал хлеб на мелкие кусочки. Кусочек поддевал кончиком ножа и аккуратно отправлял в рот.

Нестан остановила Нико у аптеки, собралась было забежать в магазин, но вдруг свернула к почте.

Маленькая площадь поселка утопала в грязи. Стеклопанная стена ресторана поблескивала, словно зеркало, которое почему-то вынесли на улицу.

Резо решил пешком идти в лагерь. Дорога была тоже раскисшая и грязная. Поравнявшись с гостиницей, он свернул с дороги и пошел по тропинке, протоптанной в снегу, мимо маленьких дачных коттеджей. Дым над трубами застыл в воздухе.

Резо вошел в столовую. Там стояла высокая железная печка, и было даже жарко.

Покончив с едой, он еще довольно долго сидел и курил. Радио было включено на полную громкость — передавали какой-то музыкальный спектакль.

— Ну что вы, дорогая, — говорил мужчина звучным приятным голосом, — в Петербурге все еще зима! О, если бы вы знали, как звенят сосульки!

— Я умоляю вас, спойте, умоляю, — стонала женщина.

Буфетчик сидел за одним из столиков, положив перед собой счеты. Когда актер кончал фразу, он указательным пальцем отбрасывал костяшку, как будто считал. А кто его знает, может, он и в самом деле считал.

— Вообразите себе замерзшую Неву и в сером небе золотой купол Исаакия, — продолжал разглагольствовать мужчина, очевидно, ни во что не ставя мольбы своей собеседницы.

Когда он вышел из столовой, солнце уже не пекло так сильно. По дороге он нагнал свою соседку. Эстонка держала в руке транзистор. Резо постеснялся обогнать ее и пошел следом. Женщина оглянулась. Резо остановился и поклонился ей. Она улыбнулась и отступила в снег, словно уступала ему дорогу. Резо не хотелось расставаться с ней, не поговорив. У него было такое чувство, что он давно знал ее. Может, оттого, что ночью видел ее во сне.

— Я видел вас вчера во сне, — заговорил он.

— Вы мой сосед, верно? — Женщина подошла ближе.

— Да.

— Боже, как здесь хорошо!

— Вы искали птичку, — продолжал Резо.

— Птичку? — Она взглянула ему прямо в глаза. — Удивительно, мне никогда ничего не снится! — она рассмеялась.

— Как будто мы шли по снегу, вы, я и наш шофер Ваню, вы потеряли птицу, и мы искали ее.

— Нашли? — она спросила это с таким лицом, словно от этого зависело очень многое.

— Нет!

— Что же делать! — Она так огорчилась, что Резо не мог сдерживать улыбки.

— Вы в лагерь? — спросила женщина.

— Да.

Тропинка была узкая, и она шла впереди. Вот она остановилась.

— А как меня звали во сне?

— Не знаю, забыл.

— Наяву меня зовут Инга. — Она протянула ему руку. — А вас?

— Резо.

— Очень приятно. Резо, а на лыжах вы ходите?

— Хожу.

— А я боюсь.

Они подошли к гостинице. Майя стояла на балконе и смотрела на них.

— Вы видели снежную бабу? — спросила Инга. — Огромная!

— Сосо вылепил.

— Я не знаю его.

Майя вошла в комнату.

— У нас тоже бывает много снегу. Но здесь совсем по-другому. Здесь зима и весна вместе, какая-то снежная весна, от нее кружится голова, и ты счастлива. Наверное, такими счастливыми ощущают себя безумцы. Вы сами-то откуда, из Тбилиси?

— Да.

— Там тоже красиво?

— По-моему, очень.

— Отсюда я обязательно поеду в Тбилиси. Пока мне никуда не хочется ехать. Я как будто в зачарованное царство попала. Здесь все за-

колдованное — горы, небо, даже снег. Уж снега я видела достаточно, даже замерзала не раз, а здесь я радуюсь.

— Я тоже впервые здесь.

— Радуюсь! — повторила Инга.

Майя снова вышла на балкон и сразу вернулась в комнату, как будто даже не взглянув на них.

«Майя! Здесь все заколдовано, мы попали в зачарованное царство. Я все хочу забыть. Ответь, Майя! Скажи что-нибудь!»

Инга сняла шапочку, тряхнула головой, освобождая волосы.

— Жарко. — Она улыбалась. — Вы обедали?

— Да.

— А я голодная. Пойду, а то опоздаю. До свиданья!

Инга ушла, у входа в столовую она обернулась.

— Ты придешь вечером в кино?

— Непременно.

Она помахала ему и скрылась за дверью.

Солнце вдруг зашло за облако, стало темно и холодно. Резо не хотелось идти к себе, что-то подсказывало ему, что Майя сейчас выйдет. Поодаль, на склоне, стояли три сосны. Он остановился возле них. Если Майя выйдет, они могут здесь поговорить, за деревьями их не будет видно.

Он долго стоял, выкурил подряд две сигареты, видел, как Инга вышла из столовой, остановилась возле снеговика, включила транзистор, постояла немного и пошла в здание.

У него замерзли ноги и он стал ходить взад и вперед, вдоль сосен, как будто по маленькой комнате, откуда его не выпускали стены. Мимо прошел Нико, администратор, в теплом пушистом свитере.

— Ты что, — сказал он, — почему у нас не обедаешь? Или кухня наша не нравится?

— Очень нравится.

— Да брось ты! — Нико ушел, и тут Резо увидел Майю. Опустив голову, она быстро шла к клубу.

— Майя! — окликнул он ее совсем тихо.

Она остановилась, постояла на одном месте, потом резко двинулась прямо к соснам.

— В чем дело? — Она остановилась в нескольких шагах от него и взглянула ему прямо в глаза.

— Ни в чем.

— Для чего ты позвал меня?

— Просто так.

— Ах, просто так! — Она собралась уходить.

— Постой!

— Зачем? Тебе нечего мне сказать. Да и о чем ты можешь говорить со мной!

— Все ясно, — опередил он ее.

— Смеешься?

— Мне не над чем смеяться.

— Ты прав. Если бы у тебя было сердце, я бы еще сказала тебе кое-что. Но у тебя нет сердца!

— Сердце у меня с правой стороны!

— Что-о?

— Ты лучше скажи, кто такой Темури, дядя Темури?

— Не твое дело! — очень быстро ответила Майя, словно не думая, потому что после она смутилась, отвернулась от него и, помолчав, спросила: — Темури?

— Не мое дело! — поспешно сказал он.

— Знакомый, отличный парень. — Она вдруг обозлилась и снова повернулась к нему лицом. — Зачем я отчитываюсь перед тобой?

— Не знаю. — Резо нагнулся, обеими руками зачерпнул снег и стал лепить снежок. — Вот уж действительно не знаю!

— Я не видела таких беспечных людей, как ты. — Майя отобрала снежок, словно для этого он его и сделал.

— А о чем мне печься! — ответил Резо. — Жизнь у меня налажена. Жену мою и сына другие катают на «Волге», мне не приходится тратить ни времени, ни денег...

— У тебя нет ни жены, ни сына. — Майя швырнула снежок в дерево и заплакала.

— Перестань, — жестко сказал Резо.

Майя утерла слезы и очень тихо, отрывисто, едва различимо проговорила:

— Откуда я могла знать, откуда... что ты еще любишь меня...

— Кто тебе сказал, что я люблю...

— А если не любишь, то тем более! — мстительно прервала она.

— Ступай, — сказал Резо, — уходи!

— Резо! — она подошла совсем близко.

— Я же сказал, уходи!

Майя изменилась в лице, сначала удивленно смотрела на него, потом улынулась и беззаботно сказала:

— Ладно, уйду!

Резо пошел к лагерю, но к себе подниматься не стал, а вошел в большую комнату, где играли в пинг-понг. В углу стояло пианино. И на пианино играл какой-то незнакомый парень. Народу было много, и Резо почти никого не знал, кроме Сосо, который играл в пинг-понг с толстой растрепанной девицей.

Сосо помахал ему ракеткой. Резо сел на стул у стены. Толстуха смеялась, не доставала мячей, хитро посланных партнером, и грузно опиралась на стол.

Рядом с Резо сидела пожилая женщина. Когда толстуха не доставала мячи, она оборачивалась к Резо и осуждающе покачивала головой.

Милиционер Бего сидел на подоконнике и ножичком строгал какую-то палочку. Потом все собрались вокруг пианино и стали петь. Соседка Резо тоже встала, раздвинула поющих и остановилась возле пианиста. Постояла некоторое время, скрестив руки на животе, а потом тоже запела — приятным, высоким голосом.

«Приехали новенькие...»

В дверях стоял молодой парень в тяжелых горных ботинках. Сразу видно — неопытный, оттого и мучается. Завтра чуть свет он спустится в поселок и купит обувь полегче — хоть тапочки матерчатые. Парень обвел глазами комнату, видно, искал, где присесть, чтоб дать ногам отдохнуть. Толстуха кончила играть и подбежала к парню в ботинках. Тот погладил ее по волосам с печальной улыбкой страдальца. Та что-то говорила ему, указывая на Сосо, а он улыбался, и видно было, что каждая улыбка дается ему нелегко.

Резо подошел к милиционеру.

— Как дела, Бего?

— Ничего.

Резо знал, что сейчас Бего насторожен. Как на всякую игру, он и на пинг-понг смотрел подозрительно.

Резо покрутился еще немного в холле, потом вышел на улицу.

Было темно, щедро валил снег. В полдень раскисшая дорога покрылась льдом, и на неровную корку стелились сухие пушистые хлопья.

Наутро он сидел в поезде, в набитом до отказа вагоне. В купе вошел москвич — профессор. Место он занял раньше — оставил на сиденье свою сумку.

Когда поезд тронулся, профессор снял очки в золотой оправе, платком протер стекла, надел очки снова, оглядел всех пассажиров и спросил у Резо:

— Вы случайно не играете в преферанс?

— К сожалению, нет, — с улыбкой ответил Резо.

Перевод Иды БЕСТАВАШВИЛИ

ТРОПА

Веровкою горная вьется тропа,
и путь облегчая, и радуя глаз.
Запомните имя того, чья стопа
ее проложила впервые для нас.

Самой не подняться ей так высоко,
шагами он травы насквозь прошивал,
следов его нынче найти нелегко.
Эй, время, откликнись! — я громко позвал.

Эй, время! Ты в вечность его увело,
а я его память светло подниму,
хочу, чтоб запомнили это чело,
чтоб нынешний мир поклонился ему.

Он — первопроходец, достиг высоты
ценою нелегкой, чтоб мир оглядеть,
чтоб после прошел тут без трудностей ты,
и чтобы и я мог под синью сидеть.

Не мельница мелет, а время идет,
вбирая бывшее в свои жернова.
Мне кажется, в космос дорога ведет
с той самой тропы, где истерта трава.

Перевод с абхазского Ларисы ВАСИЛЬЕВОЙ

ЖИЛ ЧЕЛОВЕК...

Жил на свете человек не так давно.
Век работал и творил одно добро.
Скромным был и, обойди хоть целый свет,
из соседей самый лучший был сосед.

Никому он в жизни ямы не копал,
никого в помоях грязных не купал.
Зрелых лет достиг и зрелостью своей
встретил зрелость, прибавляя славы ей.

Не носился он в седле, грозя мечом.
Вечным гостем он не стал бы ничем.
Дом его не знал, что значит близких бить,
в карты резаться и нож резней тупить.

Не валялся он в постели допоздна.
Чуть рассвет забрезжит—больше не до сна!
И привычно льнут к упорному труду
руки ладные, с соседскими в ладу.

Не был путь его ни скользким, ни кривым.
Он не знал дорог к успехам даровым.
И своим считал он, не боясь хлопот,
только то, на что был пролит честный пот.

Умерла его любимая жена.
Забрала детей жестокая война.

Одинешенек, один в своем дому
жил, не жалуясь, однако, никому.

Как-то вечером, закончив все дела,
в дом вошел и сел тихонько у стола.
Встал. Прилег. И умер вдруг. Как будто век
умирать учился этот человек.

Будто для хорошей смерти был рожден—
не сорвался с губ хотя бы слабый стон!
Умер так — не потревожив никого...
Ну, а как похоронили мы его?

Верный конь, попоной траурной покрыт,
за угрюмым этим гробом не спешит.
Не ведет тебя, в последний путь, старик,
женщин-плакальщиц протяжный горький
крик.

И в газету ни единая рука
не черкнет тебя, печальная строка.
Ни портрета в рамке, вдавленной черно,
ни почетных караулов — ничего!

Два соседа долг последний отдадут,
постоят и тихо с кладбища уйдут.

На груди его остывшей — ни одной
из грустящих глаз живой слезы родной...

О, соседи, вы помедлите уйти!
Неужели это — все, конец пути?
Неужели это — точка, сомкнут строй,
потому что он — не вождь и не герой?

О, соседи, он был только человек,
тем и беден и богат в свой трудный век...

Жил, как вы, трудясь, во всем похож на
вас...

Вы не дайте, чтоб очаг его погас!

Вам, живым, его единственной семье,
он оставил эту память о себе.
Торопитесь! Не позволяйте, чтоб зачах
ни единой жизни прожитой очаг!

Перевод с абхазского Риммы КАЗАКОВОЙ

АКТРИСЕ

Иль ты ко мне не приросла душою,
Иль жизнь твоя со мною не полна?
На сцене мне ты кажешься чужою,
Как будто от меня отдалена.

Захваченная пламенной игрою,
Ты в этот миг становишься иной,
И я смотрю — и кажется порою,
Что ты уже отныне не со мной.

Мне кажется в подобные минуты,
Что нет меня в божественной душе,
Что я оттуда вычеркнут как будто,
И про меня забыла ты уже...

Перед тобой клинки других сверкают,
Отвагою и мужеством маня,
Захватывают, блещут, увлекают,
Твоей любви теперь не до меня...

В твоих страстях я больше не участник—
Идешь другой, отдельною тропой,
Ты там находишь истинное счастье,
Что безраздельно властвует тобой.

Большое и властное искусство,
В свой плен ты забираешь всю ее,
Не различит — ни мысль моя, ни чувство
Что в ней еще мое, что — не мое...

Играй на сцене, вся уйдя в искусство,
В высокое умение уйдя.
Лишь только в жизни не играй искусно,
Роль зрителя мне рядом отведя.

Перевод с абхазского Михаила ЛЬВОВА

Бесо ЖГЕНТИ

Певец любви и красоты

Иосиф Гришавили — один из крупнейших грузинских поэтов нашего столетия, пожалуй, самый популярный мастер современного грузинского стиха. На протяжении более полувека он непрестанно стоял на переднем крае развития поэтической культуры нашего времени; каждое новое произведение поэта вызывало живой интерес в широких кругах читателей, находило горячий отклик в народном сердце. Лучшие поэтические творения И. Гришавили неувядаемо живут в духовном мире народа, их знают наизусть тысячи и тысячи наших современников, повторяют, распевают, они стали любимыми народными песнями, они неразлучно сопутствуют нам «в дни торжеств и бед народных».

Мы с полным правом можем отнести к поэту его же слова, обращенные им к своему славному предтече — великому ашугу Саят-Нова:

И тебя я вспоминаю воин и поэт,
 Кем под рокот чванури был герой воспет;
 Ведь одним концом ты струны завязал на деке,
 А другой конец в народе укрепил навски.
 И народ вложил в аккорды мощный голос свой,
 Чтоб сражаться до победы, не слабость душой!
 В сердце жив донныне этот голос отдаленный...
 О, я слушаю с восторгом чванури стоны!

(Перевод В. Цвелева)

Да, восторженный прием, одобрение и признательность народа сопутствовали И. Гришавили на протяжении всего его большого творческого пути, от поры первых юношеских песен до самых последних дней жизни.

В своей «Эпитафии» И. Гришавили, как Пушкин в «Памятнике», как Маяковский во вступлении к поэме «Во весь голос», как Галактион Табидзе в замечательном стихотворении «Уходишь ты», как бы подытожил и поэтически осмыслил прожитую им творческую жизнь, главное ее содержание:

Да, закатится солнце мое, оборвется дорога,
 Напечатают скромный столбец — десять строк некролога —
 Напечатают где-то в конце, под газетною сводкой:
 Он любил и любовь воспевал в этой жизни короткой.
 Да, любовь воспевал — не обман, не вражду и не злону,
 Да, любовь воспевал и за мир он боролся до гроба.
 Значит, стоило жить, значит, дни мои зря не пропали,
 Если имя мое ни вражда и ни ложь не пятнали.

(Перевод Д. Самойлова)

Вдохновенный певец любви, красоты, добра, он внес большой вклад в обновление грузинского стиха, начавшееся уже в первое десятилетие нашего века, а впоследствии, во второй половине двадцатых годов, явился одним из основоположников грузинской советской поэзии, активным участником формирования ее лучших идейно-эстетических традиций.

Начало творческой жизни И. Гришавили относится к годам первой русской революции и последовавшей за ее поражением кровавой царской реакции.

Вся многовековая история грузинской литературы свидетельствует о том, что не только в периоды наибольшего расцвета государственной, хозяйственной и культурной жизни Грузии, каким была, например, эпоха бессмертного Руставели, но и в самые мрачные и трагические времена своего существования грузинский народ в художественном слове проявлял ярче и сильнее всего свой творческий гений, свое непреклонное свободолобие, свой мужественный боевой дух, извечное свое стремление к торжеству добра и света, правды и справедливости на земле. Именно в пору кровавого разгула иранских и арабских завоевателей создавались дошедшие до нас древнейшие памятники грузинской письменной литературы, в которых наши отдаленные предшественники запечатлели величественные образы героев, не знавших страха и колебаний в самоотверженной борьбе за жизнь и честь родины. Мрачный и суровый век опустошительных нашествий иранских и турецких полчищ породил великих наших национальных писателей Давида Гурамишвили, Сулхан-Саба Орбелиани и Бессариона Габашвили, отразивших в своих неуязвимых творениях величие духа народа, его мудрость и благородство, его непреклонную волю к жизни и свободе. В начале прошлого века, в ужасающей обстановке свирепствования феодальной тирании и дикой колонизаторской политики царизма появилась в грузинской литературе блестящая плеяда поэтов-романтиков, возглавляемая Николозом Бараташвили, а на самые яростные натиски самодержавных поработителей наш народ ответил мощным подъемом национально-освободительного революционного движения, вождями и знаменосцами которого явились корифеи грузинского классического реализма — Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели и Важа Пшавела.

Так было и в первом десятилетии нашего века, когда в удрученной обстановке царской реакции, наступившей после поражения революции 1905 — 1907 годов, появились в нашей литературе замечательные мастера поэзии и художественной прозы, отражавшие уже в своих ранних произведениях возвышенные гуманистические и патриотические идеалы народа, а впоследствии сыгравшие большую роль в зарождении и развитии грузинской советской литературы. Это были поэты Галактион Табидзе, Александр Аба舍利, Сандро Шанишашвили, Георгий Кучишвили и другие; прозаики Нико Лордкипанидзе, Михаил Джавахишвили, Лео Киачели и другие; драматурги Шалва Дадлиани, Иосиф Гедеванишвили и другие. Выдающимся представителем этой литературной формации был и Носиф Гришашвили — поэт большого художественного дарования, глубоко своеобразного, сугубо индивидуального мироощущения и собственного голоса, оригинального, незаурядного мастерства.

Свои ранние юношеские песни поэт посвящал великой революционной буре, поднявшейся на заре нашего века. Как известно, революция 1905 — 1907 годов обрела в Грузии исключительный размах и охватила широкие массы трудового народа. Вся передовая интеллигенция Грузии вышла на баррикады всенародной освободительной борьбы. Грузинский народ добивался в этой священной борьбе не только коренного преобразования и обновления социального строя, но и спасения своего национального существования, освобождения от тягчайшего национального гнета. Великие классики грузинской литературы Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела решительно приблизились к борющемуся народу. В дни знаменитого декабрьского вооруженного восстания по всей стране гремели огненные слова Акакия Церетели, зовущие к священной мести, к свержению ненавистного самодержавного строя, а Важа Пшавела не только горячо отзывался боевыми поэтическими творениями на революционные устремления народа, но и писал и распространял революционные прокламации, формировал и всоружал боевые отряды горцев. На революционных баррикадах, митингах и демонстрациях народ распевал пламенные стихи Иродиона Евдошвили, выдающегося поэта-трибуна, талантливейшего выразителя боевого пафоса первой русской революции. В горниле революционного шквала рождалось и пестовалось новое поколение поэтов, подхвативших и продолжавших славные традиции боевой гражданской лирики Акакия Церетели и Иродиона Евдошвили. В их числе находился и юный поэт И. Гришашвили.

В стихотворении «Песня узника» он писал:

Верю, собью эти цепи я скоро..
 Властны ли вы надо мной, палачи?
 Рухнут тюрьмы ненавистной затворы,
 Солнца свободы сверкнут мне лучи.
 Пусть беспощаднее, чем Прометей,
 Станут враги мое тело терзать, —
 Так же, как он, ни на миг не слабея,

Буду за правое дело стоять.
 Даже увидев кровавую плаху
 И палача занесенный топор,
 Гордо я крикну, не ведая страха,
 «Смерть вам, убийцы! Проклятье! Позор!»

(Перевод В. Бугаевского)

А в стихотворении «Борьба» лирический герой в искренних и взволнованных словах выражает свою готовность к смертельной схватке со старым миром, свою уверенность в победе света над мраком, правды над тиранией и насилием:

Из края в край, через преграды,
 Домчится нашей правды слово.
 Прочь, сумрак! Свет для нас отрада!
 Заря да воссияет снова!
 И пусть грозят нам пыткой лютой,
 Какую мученик изведаль, —
 Не дрогнем мы ни на минуту!
 Уймись, палач, — нам страх неведом!
 Вперед, подобно урагану!
 Нас не обманешь чашей яда!
 Сожжем дотла дворец тирана!
 Рабочий люд, на баррикады!

(Перевод Н. Лопатели)

Такими воодушевляющими, зовущими народ к борьбе и отваге песнями, вошел в грузинскую поэзию И. Григашвили. Однако вскоре после поражения революции этот боевой пафос в его творчестве уступает место мотивам скорби и печали, возникшим в душе лирического героя, потрясенного победой сил зла и тьмы.

Ночь. Тишина. Спят взрослые и дети.
 Покров печали все закрыл на свете.
 В небесной шири месяц не сияет, —
 Лишь ветер свищет, стонет, завывает.

Что тебе, о злобный ветер, надо,
 Кому теперь готовишь чашу яда?
 Кому грозишь ты темною могилкой, —
 Отчизне горестной, друзьям иль милой?

«Опечаленная природа». (Перевод А. Ахматовой)

Даже пленительная красота и величие родной природы не в состоянии исцелить боли и смягчить страдания человека, напуганного и подавленного печальным исходом борьбы на баррикадах революции. В стихотворении «Синеет небосклон» молодой поэт впервые проявил незаурядное мастерство поэтической живописи. Он нарисовал одухотворенный красочный пейзаж:

Синеет небосклон за дальними хребтами,
 И месяц ввысь плывет, в дремотные края.
 Порой закаплет дождь, фиалка под кустами
 Опустит голову, свой аромат струя.

...И соловей поет, цветов любовник нежный,
 И горного ручья песнь нежная слышна;
 Над лугом небеса сверкают безмятежно, —
 Покою, радости природа отдана.

Но этот радостный покой, воцарившийся в мире природы, противоречит душевному состоянию человека, встревоженного, охваченного скорбью и печалью:

Но величавая мне тягостна картина,
 Я вдохновением не в силах вторить ей, —

Затем, что с детских лет изведая я кручину
И должен слезы лить над родиной моей.

(Перевод И. Поступальского)

И чем больше обострялось в духовном мире поэта недовольство окружающей действительностью, возрастал конфликт с временем, с общественным бытием, тем больше отступал и отходил он от боевых гражданских позиций, характерных для его ранних поэтических опытов.

Это было время, когда настроения разочарования и безнадёжности охватывали определенные круги нашей интеллигенции, которые временное поражение революции воспринимали как окончательное крушение освободительных идей, окончательную победу антинародных сил реакции. А эти упадочнические настроения порождали в литературе тенденции социального индифферентизма, ухода от проблем и тем общественной жизни, уединения в замки из «слоновой кости». В грузинской литературе этих лет создалась плодотворная почва для распространения влияния модернистских антиреалистических направлений, идейно-эстетических концепций западноевропейского декадентского искусства. Этим влияниям в той или иной мере были подвержены почти все виднейшие деятели грузинской литературы периода реакции, за очень редким, единственным исключением. Волна безнадёжности и разочарования в определенной мере захлестнула даже поэзию И. Евдошвили и его последователей из школы так называемых «демократических поэтов», которые совсем недавно выступали глашатаями революционных устремлений трудового народа.

В такой общественно-литературной обстановке И. Гришавили, вступивший к этому времени в пору созревания своего поэтического дарования, последовательно отходит от позиций боевой гражданской целеустремленности и скатывается по пути самоцельного эстетства, замыкается в узком кругу интимно-любовной лирики. В этом направлении молодой поэт находит свой собственный голос, свой собственный тематический мир и завоевывает определенное, весьма видное место в развитии новейшей грузинской литературы. Если в своих ранних поэтических опытах он выступал верным и преданным последователем традиций классической реалистической лирики, и в частности, поэзии Акакия Церетели, Иродиона Евдошвили, то ныне он ищет уже иные пути, становится одним из зачинателей новейшей грузинской поэзии. Такой поворот одновременно намечился и в области идейно-тематической направленности его творчества, и в сфере художественных понсков, в системе изобразительных средств. Истоки своего поэтического мироощущения он находит в любовной лирике Бессариона Габашвили, Саят-Нова, Александра Чавчавадзе. Следуя их поэтическому наследию, И. Гришавили своеобразно возрождает традиции восточной лирики, господствовавшие в грузинской поэзии XVII—XVIII веков и в начале прошлого столетия. Одновременно молодой поэт чуть-чуть прислушивается к песням прославленных тбилисских ашугув, среди которых выделялись такие великоленные мастера поэтической импровизации, устного поэтического творчества, каким был, например, Етим-Гурджи. И. Гришавили широко открыт путь в своем творчестве потоку городского поэтического фольклора, который до сих пор оставался почти совершенно чуждым и неизвестным грузинской письменной литературе. Вместе с тем в поэзии И. Гришавили намечаются настойчивые поиски новых изобразительных средств, нового поэтического языка. Вместе с другими виднейшими мастерами молодой грузинской поэзии тех лет — с Галанктионом Табидзе, Александром Абашили, Сандро Шаншиавили и другими поэт расширяет и обогащает изобразительные возможности грузинского стиха, идет путем новаторских открытий в этой области, восстает против безжизненной инерции и эпигонства в сфере поэтической формы.

Успехи И. Гришавили в направлении художественного новаторства были настолько значительны и очевидны, что в пору выхода на арене грузинской литературы поэтической школы символистов «Голубые роги», ее главари и основатели сочли целесообразным пригласить его сотрудничать в первых своих альманахах ярко выраженного модернистско-декадентского направления.

Так скрестились в сугубо своеобразном поэтическом мире И. Гришавили традиции восточной лирики и древнегрузинской любовной поэзии, совершенно специфические мотивы грузинского городского песенно-стихотворного фольклора и формально-новаторские устремления молодой модернистской поэзии, во многом следовавшей русскому и западноевропейскому литературному декадентству. И слав этих различных творческих тенденций породил своеобразный гришавилевский стих, отличающийся исключительной музыкальностью, красочностью, эмоциональной насыщенностью и неодолимым обаянием.

Жизнерадостные, жизнеутверждающие стихи И. Гришашвили, его светлые, безоблачные песни, отмеченные исключительной мелодичностью и полифоничностью, построенные на песенно-декламационном ритме, чаруют яркими солнечными красками, захватывают, восславляя возвышенные человеческие чувства любви, добра и красоты.

Словно у мастеров древних грузинских фресок и мозаик вызнал И. Гришашвили тайну подбора и сочетаний животворных нестираемых красок и цветов. Словно творцы наших древних миниатюр и тончайшей резьбы и чеканки оставили ему в наследство непревзойденное искусство добиваться совершенства формы и художественной детали, композиционной завершенности.

Каждое стихотворение И. Гришашвили содержит законченный лирический сюжет. Благодаря редкому зостренному чутью он находит единственно верную и возможную поэтическую композицию. Строфы его стихов связаны между собой столь прочно и гармонично, что даже малейшие перемещения в них невозможны без нарушения цельной семантической и музыкальной структуры. Богатство фантазии, оригинальность и смелость поэтического замысла в его стихах сочетаются с неожиданностью и емкостью метафор. Его образы четки и ясны, рифмы — благозвучны и точны.

И. Гришашвили придал новое, своеобразное звучание извечным поэтическим темам любви и красоты. В изображении любовных чувств и переживаний, в описании женской красоты поэт достиг подлинной виртуозности.

Как хороша ты! Хороша! Глаза твои — моря,
А в волосах хохочет ночь, в устах сквозит заря.
Как хороша ты! Хороша! Летишь шальной волной!
Умру — печальная приди склониться надо мной.
Сам ветерок и тот с трудом нашел твоё жильё,
Как розу он поцеловал дыхание твоё,
Искусный резчик жемчуга у всех морей украл,
И зубы выточил твои, и вправил их в кораллы.
Как хороша ты! Хороша! Летишь шальной волной!
Умру — печальная приди склониться надо мной.

«Как хороша ты! Хороша!..» (Перевод Д. Самойлова)

Или возьмем начальные строфы стихотворения «Оль-Оль, Оль-Оль»:

Ты темный бархатный цветок, Чуть-чуть горчит твой мед пахучий.	Ты — тайна тайн, в тебя я вплеп Мечты и помыслы поэта.
Ты ланью в озеро глядишь, Играешь с ветерком над кручей.	Ты — ландышевый бубенец, Ты в заговоре с небесами.
Ты — мой алтарь, молелья — ты, Исток неведомого света.	Ты — как Везувий, что порой жестоко извергает пламя.

(Перевод В. Звягинцевой)

Можно без конца цитировать пленительные образцы любовной лирики И. Гришашвили, и снова и снова восхищаться богатством и разнообразием средств поэтической выразительности, исключительной полифоничности звукописи, неиссякаемому богатству метафор и сравнений.

Доходящую до волшебства силу своего поэтического искусства, искусства перевоплощения поэт раскрыл нам в чудесном стихотворении «Когда пишу стихи»:

Когда ко мне приходит вдохновенье, Я — мост между землей и небесами. Всему, что сердцу дорого в творенье, Я — господин, когда дышу стихами! Пусть только сердце, милая, захочет, — Я берег подарю тебе высокий, Где море светозарное бормочет, Прибой кудрявый, сонный и широкий.	Я все могу, поверь мне, я могучий, Во мне любви и красоты начала, И если мне захочется, из тучи Могу простое сделать покрывало... И я могу, любимая, чтоб слово Извечные законы изменило, Чтобы оно торжествовало снова, Остановив закатное светило.
--	---

Все это явилось новизной в грузинской поэзии начала десятилетия нашего века, звучало свежо и оригинально. И на унылом, мрачном фоне литературного декаданса эти задушевные песни поэта, согретые лучезарным чувством любви и глубокими страстями, раздавались радостным диссонансом. Потому-то еще при жизни Акакия Церетели и Важа Пшавела каждое выступле-

пие молодого поэта встречало восторженный прием. Сам великий Акакий Церетели причислял стихи И. Гришашвили к шедеврам грузинской любовной лирики. Редко кому-либо выпадал на долю такой шумный успех еще на заре своей поэтической биографии. И этот успех объяснялся не только большим и оригинальным талантом И. Гришашвили, его поэтическим мастерством. В тяжелые годы реакции, когда господствующие силы пытались превратить жизнь в уродливую и бесчеловечную тюрьму, жизнерадостные стихи поэта, его душевные песни как бы вступали в единоборство с царившими в мире тьмой и мраком и в определенной мере соответствовали стремлению народа к торжеству светлых и добрых начал.

Правда, влияние городского поэтического фольклора порою привносило в поэзию И. Гришашвили мотивы эротики, грубой натуралистической чувственности, однако подобные мотивы никогда не были доминирующими в его поэзии.

Дореволюционная грузинская литературная критика разноречиво относилась к поэзии И. Гришашвили. В то время, как одни безудержно восхваляли большое художественное дарование поэта, его незаурядное мастерство, другие решительно осуждали его за отступление от славных боевых патриотических традиций грузинской классической поэзии, за социальный индифферентизм. И если в этих упреках была доля правды и справедливости, нельзя не вспомнить и то, что и тогда, когда интимно-любовные, камерные мотивы занимали определяющее место в поэзии И. Гришашвили, они не заглушили в ней возвышенные чувства любви и преданности к своей порабощенной родине.

Поэт вправе был ответить своим хулиателям:

Кто обсуждать посмеет невозможное?
Кто клевету на честного взведет?
Что будто бы не сын я милой родине,
Что мне не лобы край мой и народ?

О, дайте время, только дайте время мне!
А рыть могилу мне никто не смей!
Пусть я умру — когда не очарую вас
Моей землей, моей любовью к ней.

«Дайте время». (Перевод С. Шервинского)

Еще на заре своей творческой жизни поэт обращался к родине:

Когда прогневаается рок
и разразится гнев,
и затрубит в огромный рог
угрюмый свой напев,

а враг придет с огнем, мечом
в родимые края —
прикройся мною, как щитом,
о, родина моя!

«Да буду тебе щитом». (Перевод Д. Самойлова)

Можно ли сильнее и глубже выразить священное чувство самоотверженной любви и преданности к родине? Такими же патриотическими чувствами пронизаны и другие его стихи тех лет: «Александру Сумбаташвили», «В разоренной Грузии» и другие.

В большом лирическом цикле «Мой Тбилиси» поэт любовно воссоздавал колоритные картины жизни и быта древней столицы Грузии, восславляя ее былое величие:

И если к древностям забытым
я нежности тебе придам,
легко поймешь, каким магнитом
притянут я к его вратам.

И ты поймешь, за что нападок
я у поэтов не избег,
и силами какихaddock
я воскрешаю прошлый век.

«Прощанье со старым Тбилиси». (Перевод Б. Пастернака)

И воскрешая картины прошлого, вырисованные с подлинно ювелирным мастерством, с чудотворным искусством словесной живописи, поэт с грустью и гневом говорил об исчезновении этих былых красот, об оскудении жизни родного города.

Я в этих улочках видал старинный цех —
как парус на ветру, плывущие знамена,
и шелк уста-баши, сверкавший ярче всех
(я в этих улочках видал старинный цех),
и саары — напев зурны влюбленной;
но ветер ледяной раздул свой мерзлый мех,
исчез кулачный бой и пир неугомонный,
я в этих улочках видал старинный цех —
как парус на ветру, плывущие знамена.

«Триолеты о Шайтан-базаре». (Перевод Э. Аниашвили)

Еще ярче и ощутимее эти контрасты былого величия и его оскудения и падения изображены в одном из лучших стихотворений этого цикла «Ашпишхане»:

Да, и мне суставы кисти вялой
Старый город смял в рукопожатье,
Но увы — где нынче пир удалый
Тех гуляк в широком черном платье?
Голоса и чувства — все здесь живо!
Гнев родит во мне разгул их грубый.

А хозяин пьяный и спесивый
Жирным ртом меня целует в губы.
Брошу чарку об пол; я ль тут званный,
Нет мне друга у стола хмельного,
Слезы потекут, как сок румяный
По рубахе пьяницы ночного.

(Перевод Э. Ананишвили)

И так в каждом стихотворении этого цикла поэт резко противопоставляет прошлое Тбилиси, изображенное любовно-благоговейно, с его настоящим, вызывающим презрение и гнев. И во всем этом сквозило чувство сыновней любви поэта к своей поработенной родине. В заключительных строках «Триолетов о Шайтан-базаре» этот патристический подтекст цикла расшифрован и высказан с предельной ясностью.

Когда ж мое, друзья, вернется в землю тело —
Запечье сок хмельной! Ласкайте песней слух!
Чтоб тень Саят-Новы сумел я встретить смело.
Люблю Ираклия в тебе мятежный дух,
Тбилиси! Здесь умру, чтоб солнце прах мой грело.

Великий Акакий Церетели в своем непревзойденном лирическом шедевре «Рассвет» высшее счастье и достоинство человека выразил в желании быть похороненным в родной земле, раствориться в природе родины. И. Гришашвили в иной, своеобразной метафоре повторил этот излюбленный мотив национальной классической лирики.

Все это говорит о том, что дореволюционное поэтическое творчество И. Гришашвили не было оторвано от славных гуманистических и патристических традиций родной литературы, хотя и в его поэзии того периода преобладающее место бесспорно занимала интимно-любовная камерная тематика.

Революция, советская эпоха расширили и обогатили поэтический мир И. Гришашвили, как и других лучших художников слова его поколения, придали его поэзии большое социальное звучание, гражданский пафос. Сам поэт так говорит о глубоком обогащающем и возвышающем воздействии новой социалистической действительности на его творческую жизнь: «И в свете этих грандиозных преобразований, происходивших на моих глазах, интимный мир моей дооктябрьской поэзии показался слишком ограниченным. И мне, пораженному размахом перестройки всего старого уклада, размахом созидания нового мира, захотелось обратиться к всенародному титаническому труду, внести свою хотя бы малую лепту в него, стать в ряды строителей новой жизни. Я использовал весь свой опыт, все мои творческие возможности, чтобы выразить чувства нового советского человека, его духовный мир, показать его гуманизм, преданность Родине, пафос его труда, стремление к мирной жизни и дружбе со всеми народами мира. Одним словом, я стремился быть современным великого советского народа — труженика и борца, народа, совершившего небывалый подвиг, впервые в истории создавшего общество равных, общество без угнетателей и угнетаемых».

И поэт стал достойным современником советского народа, вдохновенным певцом его великих свершений, выразителем возвышенных черт его духовного облика. Началом новой творческой жизни И. Гришашвили явилось его знаменитое стихотворение «Прощание со старым Тбилиси», в котором он выразил и свою убежденность в обреченности старого мира и готовность распрощаться и расстаться с ним, изменить свой жизненный и творческий путь.

Взамен шикасты — пара вывист
И частый стук по чугуну,
Напев, будивший вихрь неистовств,
Как в клетке соловей — в плену.
С кем разделить мою незванность?
Я до смерти ей утомлен.
Меджун без Лейлы, я останусь
Предвестником иных времен.

Тбилиси древний мой, не надо!
Молчу, тут сил моих предел.
Но будь в преданье мне в отраду
Таким, как я тебя воспел.
Тбилиси древний мой, — сомненьям
Нет доступа на этот раз.
Расстанемся и путь изменим.
Прощай! Будь счастлив! В добрый час!

(Перевод Б. Пастернака)

А за «Прощаньем» последовали стихи о новом Тбилиси, в которых поэт, как истинный «предвестник новых времен», пел восторженный гимн обновленной столице, в образах роста и процветания которого символизируется эпоха возрождения всей страны. Светлая, лучезарная картина преобразования и обновления Тбилиси нарисована в стихотворении «Площадь имени Ленина».

Как звонок шепет птиц
среди голубой купели...
Как сердцу радостно,
как весело глазам:
где древней прелести
развалины чернели,
зеленая листва
простерлась к небесам.
Над этой площадью,
над зеленью летая,
Щебечет ласточка,
здесь так отрадно ей.

Ведь и в помине нет
здесь караван-сарая —
И не найти следов
лавчонок торгашей.
Исани древний склон
прекрасен и спокоен.
Над площадью горит
луч солнца золотой...
За родину стоят
здесь присягает воин,
Здесь четко слышится
пехоты шаг стальной.

И в этой картине, воспроизводящей конкретный образ одной площади столицы Грузии, поэт с большой обобщающей силой изображает великую, преобразующую и возрождающую силу нашей эпохи, чувства законной гордости и радости советского человека за свою обновленную родину:

Прекрасней нет земли,
нет солнечнее выси!
И красок радугей
сверкая и горя,
лежит передо мной
мой город, мой Тбилиси, —
Как радостного дня
чудесная заря.

Возрадуяся, поэт!
Лиющее слово
в глубинах трепетных
своей души найди,
И родину прославь,
прославь Тбилиси новый
звенящей песнею,
идушей из груди!

(Перевод В. Бугаевского)

Отныне вся поэзия И. Гришашвили, каждая его строка дышит радостью строительства новой жизни, и о чем бы ни писал поэт, какие бы ни изображал явления народного бытия или картины природы, во всем он видит и воплощает великую правду нашего времени, победоносное единоборство светлых начал нового с темными пережитками уходящего старого мира. И этим своим радостным мироощущением поэт как бы стремится заразить своих великих предтеч и предшественников, живших и творивших в удушливой атмосфере суровых времен рабства и тиранни. В стихотворении «В Кировском саду», рисуя пленительную картину весеннего расцвета природы, поэт обращается к скорбящему гению грузинской романтической поэзии:

Там, где ты бродил, Бараташвили,
тропы гиацинтами богаты...
Посмотри, как люди оживили
диких скал безжизненные скаты.

Трепет счастья вдохновляет струны.
Пусть потомки, радуясь весною,
и тебя прославят, тополь юный,
и меня, с моею сединою.

(Перевод К. Арсеньевой)

А в стихотворении, посвященном памяти Акакия Церетели, вспоминая о временах жестокого насилия и самовластья, поэт обращается к бессмертному соловью Грузии, исторгавшему слезы гнева:

О, милый, та минула полоса, —
Величье светлой родины пред нами,
Теперь нам слезная чужда роса,
Хотя б она спадала жемчугами.
Но утопили подлый старый мир
Твоих, поэт, чистейших слез потоки,

И гордо взвился в блещущий эфир
Твой быстрый стих, как сокол быстрокрыл.
Ты ждал героя? Ныне много их,
Страна рождает смелых неустанно!
Мне не видать отныне слез твоих,
И Грузии зарубцевались раны.

«Памяти Акакия Церетели». (Перевод А. Ахматовой)

Так и в посвящениях великим мастерам культуры прошлого, и в картинах пленительной грузинской природы, и в своих откликах на важнейшие события народной жизни поэт выступал неумолимым трубадуром нового време-

ни, певцом навеки утвердившейся в нашей стране свободы и счастья народов. И в образцах его любовной лирики последних лет И. Гришашвили акцентировал уже не плотские влечения человека, а возвышенные, духовные его порывы, уже не столько черты внешней красоты, сколько нравственную чистоту и душевную красоту лирического героя («Крутой подъем», «Постарел ли я? Нет!», «Любовь», «Последние плоды» и другие).

Эта всеобъемлющая идейная целенаправленность поэзии И. Гришашвили, ее высокая гражданственность с особой силой проявились в суровую годину Отечественной войны, когда его солнечный, радостный стих превратился в боевой клич и набат.

В первые же дни войны на всю страну раздался огненный клич поэта:

И в радости и в горе снова
Твержу два слитных вечных слова...
И верю я в их мощь святую:
Они от нас отводят беды,

Изм счастье светлое даруя...
Наш клич:
— Отчизна и Победа!

И на всем протяжении военных лет И. Гришашвили своим крылатым, достигающим самых глубин народного сердца поэтическим словом ковал непоколебимый боевой дух народа, воодушевлял бойцов фронта и тыла нестигаемой уверенностью в победе над ненавистным врагом.

А когда наш народ, победоносно вышедший из огня и бури великих битв, вернулся к мирному созидательному труду, И. Гришашвили обращал свои стихи к строителям Самгори и Храмгэса, мастерам грузинского автомобиля, героям цитрусовых и чайных плантаций.

И. Гришашвили был неумолимым глашатаем дружбы и братства советских народов. Этим священным чувством вдохновлены его стихи «Пушкин и Чавчавадзе», «Ленинграду», «Петергофские фонтаны», «Мухамбази Армени», «Поэтам Азербайджана», «Грузинские цитрусы на Украине», «Джамбул» и многие другие.

Сейчас, когда мы готовимся к 100-летию юбилею великого армянского поэта Ованеса Туманяна, нам радостно вспомнить стихи И. Гришашвили, которыми он проводил в последний путь своего старшего собрата.

Ушел ты! За тобой уйдет былое наше...
Нет, вечно будет жить... Нет, не уйдет оно!
И небо в облаках свежей заблещет, краше,
Твоей улыбкою навек озарено.

И солнце колосом приклонится к закату,
Раздвинет пред тобой завесу мир иной,
И встретят у ворот бессмертного собрата
Гомер, Фирдоуси и Руставели мой.

«Другу Грузин». (Перевод П. Карабаша)

И таким же возвышенным чувством дружбы народов озарено посвящение И. Гришашвили другому великому армянскому поэту нашего времени Аветику Исаакяну:

Армянской музы пламень яркий!
От вихря лет ты не погас,
Чекань души своей подарки,

Веди мечты прозрачный сказ
И радугою братства яркой
Сверкай вовеки среди нас.

«Аветику Исаакяну» (Перевод Д. Самойлова)

И. Гришашвили и поэзией своей и деятельностью превосходного мастера поэтического перевода, и эрудированного исследователя литературного наследия внес неограниченный вклад в дело укрепления братских взаимосвязей и единения народов Закавказья.

Баку и Ереван, Тбилиси мой,—
какое слов прекрасных сочетанье!

Три грозди от лозы одной
висят в благоухающем марани.

«Тбилиси, Баку и Ереван». (Перевод Б. Серебрякова)

Так воспевал поэт всепобеждающую ленинскую идею нерушимого братства советских народов. Перу И. Гришашвили принадлежат замечательные образцы грузинской поэтической Ленинны.

С неподдельной искренностью и большим творческим воодушевлением поэт рисовал вечно живой образ Ленина и воспевал его как величественный символ

Он вечно жив. Лучистым, теплым взглядом
Следит за нами мудрый и родной.
Он и сейчас стоит со мною рядом
И мне строфу диктует за строфой.
Он на Днепре, на Волге, в Кара-Кумах,
И на Куре... Пусть сомкнуты уста, —
Хранимы партией его большие думы,
В делах страны живет его мечта.
...Пусть строит козни враг неугомонный, —
Наш путь вперед победно величав.
В борьбе за мир тверда и непреклонна
Моя страна — творенье Ильича.

«Ленин». (Перевод Г. Павловской)

На всем протяжении своего творческого пути И. Гришавили не знал компромисса в области поэтической формы. Совершив с начала советской эпохи крутой поворот в своей творческой биографии, он не только ничего не утерял из своего большого художественного опыта, но, наоборот, углубил свое поэтическое мастерство, обогатил свой неповторимо своеобразный поэтический язык, который, к сожалению, не всегда удается сохранить при переводе его стихов на другие языки.

И. Гришавили много писал для детей и юношества, и наше подрастающее поколение с большой любовью и признательностью воспринимает его детские стихи и поэмы. Его творческое наследие содержит замечательные образцы искусства поэтического перевода. Особенно высокой оценки заслуживают исполненные им переводы стихов и поэм Ованеса Туманяна.

Много сил, энергии, знания отдал И. Гришавили делу изучения богатейшего культурного наследия грузинского народа и взаимосвязей грузинской литературы с литературами братских народов нашей страны. Его монография о жизни и творчестве Саят-Нова справедливо признана в специальной литературе первым солидным исследованием жизненной и поэтической биографии великого армянского ашуга, основополагающим трудом советского саятноведения. Замечательная книга И. Гришавили «Литературная богема старого Тбилиси» впервые открыла перед нашим взором специфический мир грузинского городского фольклора, своеобразное, богатое поэтическое наследие тбилисских ашугов, пользовавшихся в свое время большой популярностью среди демократических слоев населения столицы Грузии. Ценнейший материал к научному освещению процессов развития грузинской литературы прошлого века собран и разработан в исследованиях поэта, посвященных зачинателю грузинской романтической поэзии Александру Чавчавадзе и известному классику грузинской драматургии Аквентию Цагарели. Во многих своих трудах поэт исследовал и осветил важнейшие факты русско-грузинских, украинско-грузинских, армянско-грузинских, азербайджано-грузинских культурных взаимосвязей. Если прибавить ко всему этому огромную работу, проделанную поэтом по редактированию и изданию собраний сочинений классиков грузинской литературы, его колоссальный труд по сборанию и обработке многочисленных уникальных изданий и историко-литературных документов, станет очевидным поразительная широта его духовных интересов, исключительная трудоспособность, которую он так органически сочетал со своей вдохновенной поэтической деятельностью.

До самых последних дней своей жизни поэт утверждал, что у него «не побелели чернила и в рифмах не видно седины», и с юношеским жаром продолжал служение поэзии:

Хочу играть с судьбой строптивой,
Храним Акакия стихом:

«Я, словно юноша счастливый,
а был когда-то стариком!».

При жизни ему было присвоено высокое звание Народного поэта республики, он был избран действительным членом Академии наук Грузии, удостоен Государственной премии. А после смерти благодарный грузинский народ предоставил ему вечную обитель рядом с корифеями нашей национальной культуры не только в Мтацминдском пантеоне, но и в своем сердце, в своей памяти.

Новые штрихи к образу современника

Творческая жизнь Гурама Рчеулишвили — одного из наиболее одаренных представителей нового поколения грузинских прозаиков — была предельно коротка. Она продолжалась всего три-четыре года, ибо трагически оборвалась, когда он достиг 26 лет. Но благодаря таланту, оригинальность которого очевидна, он смог внести в грузинскую литературу нечто новое, свое. Среди грузинских прозаиков молодого поколения у него было особенно обострено чувство современности; чутье художника в совокупности с большой культурой давали ему возможность постигать жизнь и изображать ее, не допуская психологического «анахронизма» и отклонений в естественном прохождении душевных сдвигов человека.

Первые рассказы Гурама Рчеулишвили были опубликованы в 1957 году в журнале «Цискари», а в 1961 — через год после его гибели — вышел сборник «Саламура». В 1965 году увидел свет второй, более полный сборник, в который, помимо неопубликованных ранее рассказов, была включена одна из его пьес (1960 год), написанная по мотивам известной картины Поля Гогена «Так ты ревнуешь».

Такие основные его произведения, как «Смерть в горах», «Батарена Чинчараули», «Алавердоба», «Немой Ахмед и жизнь», служат выражением уже сложившейся художественной концепции автора, в которой главное — найти источник бодрости духа, превратить ясную и здоровую философию действия в основу для благородных устремлений человека. Опубликованный в 1959 году предельно динамичный рассказ Гурама Рчеулишвили «Алавердоба» вдруг сделал явными и конкретно ощутимыми в молодой грузинской прозе черты и качества личности героя нашей современности, особенно его городской колорит и культурный облик.

С понятным нетерпением грузинский читатель ждал еще более близкого знакомства с мироощущением, мышлением и укладом жизни горожанина. Если русская и французская литература недав-

него прошлого баловала своих читателей отображением столичной жизни и вообще всего сложного и разностороннего духовного мира жителей большого города, то грузинский читатель все еще находился в этом отношении на голодном пайке.

Дать заверченный образ горожанина с присущим ему характером и психикой лишь частично смогла достигшая высокого уровня развития литература некоторых народов Европы и Соединенных Штатов Америки.

Эта проблема и сегодня еще не разрешена до конца как во многих других странах, так и у нас. Поэтому-то и вызвали столь напряженный интерес у грузинского читателя первые же рассказы Гурама Рчеулишвили, о свежести и самобытности таланта которого писали и говорили много. То новое, что бесспорно присутствует в небольшой по объему продукции Гурама Рчеулишвили, сводится к точному, продуманному и художественно полнокровному показу стремлений городского жителя, в частности, духовного склада, стиля жизни и интересов молодого тбилисца.

Творчество этого совершенно молодого автора импонировало читателю также своей глубокой интеллигентностью. Выходим из интеллигентной среды был не только герой его произведений, но и сам писатель, которому присуща большая внутренняя культура — одно из существенных условий литературного творчества. Благодаря тонкому художественному чутью он умел выразить духовное и нравственное состояние человека города. Культурой чувств и высокими этическими нормами Г. Рчеулишвили выделялся среди писателей своего поколения.

И хотя так же, как и его сверстники, он избегал тем городского жизни, ее антуража, и удовлетворялся тем, что постиг психику обитателей большого города, в участниках драм его произведений, разыгрывающихся в горах («Смерть в

горах») или на побережье моря, читатель безошибочно угадывал тбилисца.

Гурам — герой рассказа «Алавердоба» — молодой тбилисский парень; в нем живет внутренняя потребность творчества, стремление к созиданию и сила воли. В его образе наиболее четко выразились самые существенные черты героя современной грузинской литературы. Это необходимо подчеркнуть потому, что в рассказе, помимо динамичного сюжета и поступков главного героя, существенна и его «декларативная» сторона. В ней, как в программных словах автора, получило четкое выражение его взгляд на сущность деятельности человека, на его действительную позицию в жизни. Все, что не отмечено поиском нового, волей к обновлению и жадной созидания, — для писателя просто не существует. Постоянная неудовлетворенность и неуклонное стремление к новому, — что по существу одно и то же, — дают современному человеку моральное право наслаждаться своим существованием, приносят ему счастье. Человек при всех обстоятельствах должен сохранять непоколебимое стремление к обновлению, и труд — это не только нравственное самозабвение, но и способ самовыражения личности.

«На всей этой огромной равнине, — читаем мы в «Алавердоба», — не сыщется и пяди земли, на которой человек не оставил бы творений труда своего и вдохновения. Неписанной симфонией — той, что слышал Гурам на лесной опушке, — разворачиваются перед глазами древние крепости, церкви, храмы, башни, мосты со стройными, удивительно пропорциональными пролетами. И все это покоряет человека, стоящего на куполе. Он думает: где истоки этой жизнедеятельности, и отвечает сам: они — во мне самом, они — в самом народе; но ведь некоторые и ошибаются, не испытывают истинной радости творца, радости созидания; ведь наслаждение — в созидании, а не в любовании созданным».

Глядя на храм Алаверди, «созданный вдохновением другого», герой рассказа «Алавердоба», «стоя на куполе, улыбается, настолько бессмысленным представляется ему то, что он стоит тут».

Почему же улыбается Гурам? Разве он не в состоянии оценить достоинства этого замечательного исторического памятника? Нет, он, безусловно, хорошо чувствует всю прелесть этого творения прошлых веков, но его великолепие волнует Гурама и тем, что словно подсказывает ему — останавливаться на этом, ставить точку нельзя; надо создать нечто или равноценное Алаверди, или превосходящее его величием, что-либо, способное разжечь жизненный импульс человека-творца.

Это прекрасно, когда тебя вдохновляет и нравственно возвышает великое

прошлое твоей страны, но неистощимый запас жизнедеятельности влечет человека к преодолению новых рубежей — в этом смысл его жизни; творческое участие в борьбе за создание новых ценностей, смелый поиск нового, чтобы таким путем будить, будоражить общество, вселять в него новую энергию, примиряют главного и почти единственного героя рассказа «Алавердоба» с жизнью.

Нет, нельзя мириться с тем, что происходит вокруг, — думает пришедший на религиозный праздник «алавердоба» Гурам, когда видит владыч в экстазе, одурманенный народ. Необходимо направить в другое русло переходящие все пределы, почти бессмысленные страсти этих людей, чем-то отвлечь их внимание. С этой точки зрения, «Алавердоба» — единая, колоритная и динамично выполненная мозаика, законченная и мастерски развернутая метафора.

Правда, этот еще очень молодой герой, после того, как привлек к себе внимание народа, не может прямо обратиться к нему, чтобы установить контакт с окружающими. Он еще по-юношески робок для этого. Но главное в том, что он не может примириться даже с малейшим приглушением воли у людей, и читатель знает, что это чувство способно толкнуть его на довольно экстравагантные поступки.

Почему отчаявшийся Гурам похищает у пьяного тушинца коня, почему скачет на нем по бездорожью, почему взбирается на высокий купол храма и тем приводит в трепет всех, кто стоит внизу, — пришедших сюда молиться и пировать? Почему все, что следит за ним, замирают хоть на минуту? Он поступил так потому, что знал — это единственная возможность вывести людей из состояния транса и дурмана. Ну а потом? Что последует за столь рискованными поступками? На это автор отвечает следующим образом: «В первые минуты эффект был полный. Он почувствовал, что достиг того, чего даже не мог выразить словами. И в тот же миг куда-то исчезло обуревавшее его страстное желание. Избавившись от избытка чувств, разум его неожиданно обрел ясность. В душу проникло что-то бесконечно близкое. Где-то опять зазвучала зурна, и больше никто не смотрел на человека, там, наверху...»

В приведенном выше монологе Гурам обращается к себе со словами, с которыми, наверное, должен был обратиться к народу. Сначала он сам с собой осуждает свои творческие цели и пути, которыми в дальнейшем должен идти к своему народу.

Но, как видно, ему не хотелось признаться перед собравшимися эту программную речь. Он намеревался своей безрассудной как будто выходной убедить их в том, что время — это жизнь,

а она предназначена не для пустого времяпрепровождения, что необходимо «действовать и действовать», направлять свои страсти в иные русла, на создание новых ценностей и новой действительности. В итоге автор рассказа отдает предпочтение не «слову», а «действию», в большую силу воздействия которого верит безоговорочно, ибо для него «в начале было действие».

Знакомясь с рассказами Г. Рчеулишвили, убеждаешься, что он всегда учитывал и умело применял экспрессивные возможности грузинского языка и художественного мышления, преимущества ритмической прозы и выразительность художественного слова.

У него был свой взгляд на композицию и фактуру новеллы, следуя которому, по своей чеканке, фактографической ясности и локальности замысла она должна была строиться как репортаж или художественный очерк. Поэтому так естественны его «маска» художника и художественное откровение, а естественность развития действия и эмоционально утонченная логика переживаний отмечены биографической определенностью или несомненным творческим началом. В ткань художественного очерка автор влетал нередко глубокие поэтические обобщения, и это давало неожиданный художественный эффект.

Именно так построен рассказ «Смерть в горах» (1957 год), написанный в связи с трагической гибелью жены немецкого писателя Альфреда Куреллы, жившей некоторое время в Грузии; проработав три года врачом в горных селах Абхазии, летом 1957 года она совершила путешествие по Хевсуретии, в скалах которой неожиданно и нелепо оборвалась ее жизнь.

Замысел рассказа, в основном, сводится к тому, насколько эмоционально должен человек воспринять даже самое острое явление в жизни, когда его можно стойко выдержать и осмыслить рассудительно. Автора интересует соотношение холодного рассудка и чувственных восприятий, ибо он считает это принципиальным вопросом не только в жизни, но и в искусстве.

Главный герой рассказа стойко и уравновешенно воспринимает внезапную трагическую смерть своей жены. «Стефан сидел на гребне скалы и фотографировал гору напротив. «Будто совсем не переживает», — подумал Гурам.

— Мы так воспитали детей: умер, значит, умер, — оправдал сына Курелла, — да, так их вырастили и я и Элпиди. — заключил он. Гурам кивнул».

Рассказ подспудно полемичен. Но мнению автора, в вопросах жизни, которые можно разрешить и умозрительно, нельзя исключать и эмоционального отношения к ним; отрицание этого противо-

речит природе человека, не гармонирует с ней. Возможно, для сохранения достоинства человеку сподручнее орудовать только рассудочными категориями; концентрирование всех жизненных вопросов в интеллектуальной сфере, может быть, является условием более возвышенной духовной жизни, но, как считает автор, и у эмоциональной стороны есть свои преимущества. «Гурам увлекся разговором (он вспоминает эпизод из книги Ремарка «Время жить и время умирать», когда Гребер, отправляясь на фронт, запретил Элизабет выйти попрощаться с ним на вокзал. — Г. К.). Он чувствовал, что холодным разумом знал о смерти столько же, сколько и он, Курелла, и все-таки переживал. Безусловно, холодный разум не мешал непосредственности чувств. Так случилось и с Гребером».

«Смерть в горах» — рассказ о разумном сохранении чувства человеческого достоинства. С тонким знанием обрисованы автором движения души героя, богатая гамма его тяжелых переживаний — и борьба и упорядоченность эмоциональных и разумных начал в человеке. «Дверь спальни была открыта, и в зеркале из столовой было видно: Альфред стоял, не шевелясь, один, и смотрел на кровать, на которой висело женское платье и халат с желтыми цветочками. Гурам почувствовал что-то вроде боли. Из той комнаты послышались громкие рыдания; он взглянул в зеркало: Альфред упал на кровать и громко заплакал. Он рыдал, и его широкие плечи вздрагивали.

— Я же сказал, это сразит его... — сказал Вака.

Гурам повернулся спиной к зеркалу и стал прямо смотреть в спальню. Курелла поднял голову, потом встал, вошел в столовую. «Да, — сказал он, — так... Нет больше Элпиди, а ее дети не знают об этом. Срочно надо послать телеграммы в Германию».

Даже в момент самых острых переживаний герой не теряет твердости духа: его отрезвляет обязанность — необходимость отослать телеграммы. По мнению автора, это человечно, так как человек облегчает свое горе, распространяя его на тех, кому сообщает о нем.

Третье произведение из наследия Г. Рчеулишвили, на котором мы остановимся в этой статье, это «Батарека Чинчараули» — самый тонкий и богатый бытовыми штрихами из его рассказов. Характерен красочный портрет самого Батарека Чинчараули, выполненный с большим мастерством. Впечатляющи зарисовки нравов, обычаев, суровых законов отдаленной хевсурской деревни Шатили. Но центральное место в рассказе все же занимают описания богатого духовного мира доче-

ри Батарека — Мзии. И тут автор проявил всю свою поэтическую проникновенность.

Чистый поэтический образ Мзии словно приподнимает завесу над тайной возникновения неповторимо прекрасной народной поэзии, которую дали грузинскому фольклору горы, в частности, Хевсуретия.

Духовный мир Мзии, находившийся на грани девственных грез, «творческого сна» и художественной мечты, — с точки зрения художественности приближается к нормам грузинского поэтического мышления.

Духовная сила Мзии — в любви. Но ее языческая душа не знает естественной иерархии предметов. Она все и вся любит с одинаковой неистощимой силой, ее чувства тоже еще не размежеваны — и сферы любви, и прекрасное, и доброта душевная для нее не различимы. Эта первородность чувств и очаровывает нас в образе Мзии.

«Все влюблено вокруг нее: мрачная стена — безмолвно, скрытно; большой ковчег — по-купечески, коварно обещает девушке богатства и этим соблазняет ее; мечи сражаются беспрерывно, сыпля искры, — и бесконечной любовью переполняется сердце девушки. А огромная овечья шкура, в которую она завернулась, ласкает ее, и спрятав лицо в эту шерсть, Мзия дыханием передает ей свои желания и льнет к ней. Она с головой укрывается этой шкурой, и под ней возникает целый мир: люди, башни, скот, вражда и она сама. У нее, как и у всех хевсурских детей, четыре имени.

После Мзии особенно нравится ей грузинское имя Тамар, остальные два — Сандуа и Буба — она ненавидит. Они напоминают ей о тяжести семейного труда. Удивительно, как появилась такая девушка в башне Шатили. Она не может ни сеять, ни косить, ни месить или подметать. Она ходит, ходит, бесконечно влюбленная в себя, в лестницы, и настолько одурманенная этим чувством, что не может даже словами выразить эту любовь. Когда она идет по лестнице, часто ей кажется, будто предыдущая ступенька больше любит ее, чем та, на которой она стоит. Как осиротевшая лань, пуглива, прекрасна и беспомощна ее любовь. Она так увлечена, что не может думать ни о чем другом. Сидит, завернувшись в шкуру, эта странная аристократка, которую природа создала здесь, в Шатили, и ждет... Ее надежды не тщетны, она видит их во всем. Большие лучистые удивленные глаза с длинными ресницами не упустят даже самого маленького предмета, не озарив его любовью».

Но эта чуткая мечтательная душа не подготовлена еще к тому, чтобы устоять перед суровым натиском жизни, чтобы

противопоставить себя ему и, таким образом, сделать ее предметом рассуждений и анализа. Она еще не окрепла настолько, чтобы в строгостях или в прозе жизни находить почву для поэзии и размышлений. Поэтому-то она и погибает так легко. Но кто же становится причиной этого? Родной ее отец, грубый, нечуткий человек. Его неосторожное вторжение в обитель грез ее — хевсурскую башню из неотесанных камней — этот мир, построенный из мечтаний и поэтических представлений. Что могло последовать за сим? По мнению автора, Мзия в тот миг не могла представить себе большей катастрофы; незаслуженная пощечина отца разбила иллюзии, стоившие ей стольких душевных сил, без которых человек, оказывается, жить не может. И Мзия своей жизнью, а затем и смертью убеждает нас в этом.

Такова незавидная судьба тех, кто возводит хрупкие замки прекрасных грез, — словно заключает автор, — и их судьба столь же печальна, сколь привлекательна твердая вера в свое призвание.

Теперь о пьесе «Ка и Ко». Произведение это проникнуто той поразительно чарующей силой красок и внутренней динамики, которые присущи вышеупомянутому полотну Поля Гогена. В пьесе, выполненной в чужь феерических тонах, разыгрываются бурные страсти, выражена роковая сила любви. Драматический талант Г. Рчеулишвили и в этом жанре выступает крупным планом, будто питаясь провидением собственной судьбы.

Судя по пьесе, он не особенно заинтересован книгой Гогена «Ноа-Ноа» или иными сторонами жизни обитателей Таити; из этой картины он взял лишь ее характер, чувство безысходности, ее обобщающую часть, покорила пластике красок (что переросло у него, как у драматурга, в некую символику цветов). В восприятии этого произведения великого мастера доминирует субъективность мироощущения писателя. Как уже было сказано, в пьесе много элементов живописи, но ее канву все же составляет известный мотив родства таких чувств, как любовь и смерть. Драматургическая сторона внутренне обусловлена именно этим мотивом. Но сила напряжения чувств здесь настолько динамична, что не оставляет сомнений в своем глубоко индивидуальном происхождении. А довольно субъективная окраска не снижает силы художественного воздействия.

Произведения Гурама Рчеулишвили, — помимо свежести, самобытности, интеллектуальности, попросту говоря, подлинной талантливости, — привлекают еще и тем, что добавляют новые штрихи к образу нашего современника, героя молодой грузинской прозы.

Жанровые особенности грузинской народной героической поэзии

В логически обоснованной классификации грузинской народной поэзии значительное место должны занять лирико-эпические песни. Выделение лирико-эпических стихотворений разного жанра из широкого мира народной словесности — дело не совсем легкое. Они представляют такой же особый и самостоятельный род поэзии, как и чистая лирика, эпос и драма. В данном случае мы не ставим целью выяснить вопрос, является ли этот род поэзии более древним или более молодым по сравнению с лирикой или эпосом. Считать лирико-эпические песни переходящей группой в становлении какого-либо рода устной словесности было бы неправильным. Лирико-эпические стихотворения разного характера (любовные, героические, исторические, мифологические, философские) представляют собой большую группу поэзии, занимающую определенное место в устно-поэтическом творчестве каждого народа. В грузинской поэзии лирико-эпические героические песни занимают ведущее место.

Грузия, имевшая древнейшую письменность, многообразием героической поэзии как по тематике, так и по жанру, всегда отличалась от других кавказских народов. В грузинской народной героической поэзии чисто лирические песни почти отсутствуют. Ее жанровое своеобразие явление столь же сложное, как и ее тематическое многообразие. Историческая судьба грузинского народа, его непрерывная борьба против чужеземных завоевателей, с одной стороны, и внутренних врагов, то есть социального зла — с другой, обусловили тематическое и жанровое многообразие народной героической поэзии. Идея патриотизма, защиты родины, борьбы с внутренними и внешними угнетателями способствовали становлению и развитию всего известного в мировом фольклоре разнообразия ее жанров. Грузинская народная героическая поэзия представлена элегиями, балладами, одами, монострофическими песнями, афоризмами. Все эти жанры непосредственно связаны с многовековой жизнью грузинского народа. Но сказать, которому из них принадлежит доминирующее место в грузинском фольклоре, трудно. В этом отношении не все народы Северного Кавказа выглядят одинаково. В Грузии, отличающейся своей древней письменностью, например, по нашим наблюдениям, особенно широко представлены баллады и афоризмы, хотя немалое количество представляют и стихотворения других названных выше жанров.

Следует отметить, что возраст не всех из них одинаков. Одни — более древние, другие — поздние. К числу древних жанров кавказской героической поэзии относится и элегия. Выделение ее из богатого арсенала народной героической поэзии, представленной в основном лирико-эпическими песнями, на первый взгляд кажется парадоксальным. Поэтому более подробно мы и остановимся на специфических чертах грузинской поэзии этого жанра.

Обычно элегию определяют как жанр лирики. Исторически у различных народов элегия носила разный характер. Издревле она была присуща поэзии древних народов. В основу литературных и народных элегий некоторых из них (Греции, Грузии и других) легко прославление мужества, воинской доблести, храбрости. Подобные героические мотивы придают образцам элегии эпический тон. Элегия, в основном, разумеется, является жанром лирики, но не чужда она и лирико-эпической поэзии. В грузинской народной поэзии обильно представлены грустные, скорбные песни о смерти или же о гибели героев. Стихи с таким содержанием генетически преимущественно связаны с плачами. В грузинской похоронной поэзии немало случаев, когда импровизаторы-вопленники используют богатую традицию героической поэзии, ее художественные приемы. Особый интерес в свете проблемы генезиса и жанровых особенностей героической элегии вызывали плачи о героях. Однако вовсе не обязательно, чтобы в основу содержания элегии была положена смерть героя. Множество элегий выражают волнующие раздумья народа о попавших в беду героях. Содержанием элегий является не описание приключений героя, а настроение народа, связанное со свершившимся фактом. Ведущие мотивы песен о гибели или о печальной судьбе героев — это мужество, самоотверженность, возвышенный героизм. Исключить такие песни из большой группы героической поэзии было бы неверно.

Образцами грузинской народной героической элегии являются: «Авад арс Гачаураи» («Умирает Гачаура»), «Пленник карталинец», «Ломо шэ ломис мокуло» («Лев, убитый львом») и многие другие.

«Ломо шэ ломис мокуло» — песня-плач. Сраженного героя, который подобен льву, оплакивает восхищенная его храбростью женщина. Отметим, что слагателями многих героических песен на Кавказе являлись женщины. По сведениям Важа Пшавела, своими волнующими песнями они вдохновляли героев на воинские подвиги¹. Основные мотивы скорбных элегий, посвященных убитому герою, — воинские подвиги и мужество. Элегии подобного содержания наглядный пример генетической связи двух древнейших областей народного поэтического творчества — причитания и героической поэзии. Эта связь столь различных отраслей народного искусства имеет принципиальное значение при классификации героической поэзии, при выяснении ее жанровых особенностей и дает возможность выделить из общей сложной группы героических песен стихотворения, относящиеся к жанру элегии. Основная отличительная черта народной героической элегии в ее глубоко-эмоциональном звучании. Элегия «Авад арс Гачаураи» («Умирает Гачаура») потрясает душераздирающим воплем народа, скорбящего о гибели верного стража родного края, победителя врагов. На празднествах народ свято чтит память защитника родного края Гачаура. Эмоциональное звучание этой героической элегии ощутимо уже в первых же ее строках.

Начальные строки героической элегии могут иметь эпический или лирический тон, порою же экспозиция в них отсутствует. Элегия «Пленник карталинец» непосредственно начинается с походов героя. Пленнику удалось вырваться из-под власти похитителей, преодолеть Кавказские вершины и возвратиться домой. Этот героический подвиг и придает эпический тон началу стиха, за которым следуют глубоко лирические строки. Слагатель с мольбой обращается к луне, желая, чтобы она не взошла осветила путь герою, к вершине Кавкасиони—Мкинвари, чтобы она не преграждала его, к мостам, чтобы они не проваливались под ним и дали возможность перебраться на берег реки, а матери и сестре героя не пришлось оплакивать его.

К жанру элегии можно отнести и распространенную у горцев Восточной Грузии песню с героическими мотивами и обрядовой функцией — «Кресту Ломиси». Ломиси — святилище языческого происхождения. По содержанию названной песни трудно определить, какому защитнику родины, павшему смертью героя, принадлежит воинское снаряжение или оружие, висящее у входа в святилище. Оружие героя, по верованиям кавказских народов, считалось священным. Его помещали у входа в святилище и крепость. Согласно грузинскому сказанию, щит прославленного героя Джурга висел у входа в Бетлеми. Об этом гласит и монострофическая высокохудожественная песня. По элегии «Крест Ломиси» оружие, висящее у входа в святилище, узнает сестра (или жена) героя. Она горько оплакивает погибшего храброго воина. Текст этой распространенной элегии имеет свою собственную мелодию; лиризм в ней искусно сочетается с возвышенным идеалом героизма и мужества. Приемы развития содержания элегии не однородны. Слагатели ее прибегают к разным способам передачи печальных судеб героев. В стихе «Умирает Гачаура» применяется способ передачи эмоции, связанной с происшедшим или неизбежным несчастьем героя. В других случаях («Лев, убитый львом», «Крест Ломиси» и других) использованы приемы оплакивания. В некоторых элегиях о грустном случае повествование ведется от первого лица. Согласно одной из пшавских элегий, понавший в беду герой просит мать, сверстников оплакать и помянуть его — погибшего в сражении против врагов.

Элегию можно считать древнейшим жанром героической поэзии. Не случайно элегии с мотивами гибели воинов исполнялись на народных празднествах. Ритуальная функция элегии говорит об архаичности этого жанра героической поэзии. Можно предположить, что любимцы народа — Гачаура, владельцы оружия, висящего у входа в святилище, и многие другие, стали объектами волнующих элегий вскоре после печальных событий. Таких примеров немало в мировом фольклоре. Весьма интересно сведение о создании очевидцами события саги об ирландском герое Кухулине².

Таким образом, можно заключить, что в становлении грузинской героической поэзии песни-плачи о храбрых бойцах сыграли важную роль. Некоторые из них стали конструктивной частью баллад, другие — со временем сформировались в жанр элегии и заняли свое место в сложной группе героической поэ-

¹ Важа Пшавела. Полное собрание сочинений (на грузинском языке), т. 5, 1961, стр. 32.

² Ирландские саги (на русском языке), Academia, 1938, стр. 161—168; 218.

эни. Было бы неправильным находить в народных героических элегиях только грусть, скорбь, боль и жалобу народа. Греческий патриот Яннис Ставридис по поводу русского перевода его родных народных песен писал: «Многие греческие и иностранные исследователи считают нашу песню пессимистичной... Народная песня говорит о боли и тоске... Но в ней нет ни сентиментальности, ни отчаяния: стойко и мужественно смотрит народ в лицо действительности...»¹. Хотя Ставридис говорит о народной поэзии вообще, его слова характеризуют и сущность героической элегии. Вспомним поэзию великих греческих элегиков — Каллина и Тиртея (VII в. до н. э.). Каллин в своих элегиях призывал эфесских граждан к защите родины:

И достохвально и славно для мужа за родину биться,
Биться за малых детей, за молодую жену [С врагом элым?]

Защита отчизны была основным мотивом поэзии Тиртея. Он призывал спартанцев к победе:

Сладко ведь жизнь потерять, среди воинов доблестных павши,
Храброму мужу в бою ради отчизны своей!²

Эти строки напоминают грузинские народные элегии, записанные в прошлом столетии корифеями грузинской литературы — И. Чавчавадзе, А. Церетели, Важа Пшавела и другими. По настоящее время бытуют в народе и поются — патриотическое стихотворение «Отчизна, жизнь свою отдаю я тебе!» и подобные ему элегии.

Самым распространенным жанром мировой поэзии является баллада. У каждого народа она имеет свою собственную историю становления и свою специфику, как по тематике и содержанию, так и по стилю и художественной форме. Об этом свидетельствует богатая литература. На этот раз мы не ставим себе целью затронуть эти сложные проблемы. Наша задача ограничена. Мы хотим определить место баллады в грузинской героической поэзии.

В грузинской героической поэзии, как уже было сказано выше, баллада является одним из ведущих жанров. Грузинские героические баллады, по нашим наблюдениям, сопутствуют истории грузинского народа. Вслед за элегией, а возможно, и вместе с ней, баллада зародилась на заре поэтического мышления грузинского народа. Глубоко архаичны, например, мотивы классических баллад — «Стих о тигре и юноше» и «Авандил поохотился». Мотив первой баллады (схватка юноши и тигра) и сюжет второй — с большим мастерством использовал гениальный грузинский поэт XII века Шота Руставели в своей бессмертной поэме «Витязь в барсовой шкуре». В грузинском фольклоре имеется множество классических баллад различного характера — любовные, философские, бытовые, героические. В становлении героической баллады важную роль должна была сыграть элегия. Но это вовсе не значит, что в истории развития народной поэзии она стоит на более низкой ступени, чем баллада. В отношении некоторых героических песен перед нами возникают трудности. В частности, нелегко сразу же определить, к какому жанру следует отнести их — к элегии или к балладе. Примером может служить грузинское классическое стихотворение «Хогаис Миндиа». Адресат песни — защитник родного края, любимец народа Хогаис Миндиа — полумифическое существо, владеющее языком природы. Смерть героя встревожила всю природу. Народный мастер слова в стихе о смерти Миндиа с большим искусством сочетает глубокий лиризм с возвышенной героикой. Интонация стиха лирическая, мотивы — героические. Печальная судьба героя передается от третьего лица. Это — специфический прием баллады. Поэтому не удивительно, что исследователи относят это произведение к жанру баллады³. Однако сюжет баллады построен на описании приключений героя, тогда как элегия передает эмоцию, связанную со свершившимся фактом. Сюжеты элегии и баллады ограничены одной ситуацией. Разница в том, что элегия не описывает ситуацию, а выражает эмоцию, связанную с ней, а баллада и описывает ситуацию и выражает связанную с ней эмоцию. По этому принципу стих о Хогаис Миндиа скорее элегия, чем баллада. Глубоко лирическая интонация стиха, монофонные строки описания скорби природы приближают названное произведение к элегии.

Нередко элегия является конструктивной частью баллады. В классической балладе «Стих о тигре и юноше» плач матери является элегией. В схватке

¹ Греческие народные песни. Москва, 1957, стр. 6—7.

² История греческой литературы. М.—Л., 1946, стр. 191.

³ Там же.

⁴ Г. Каландадзе. Грузинская народная баллада (на русском языке), 1965.

юноши и тигра погибли обе стороны. Убитая горем мать оплакивает погибшего сына:

Сын! Будить тебя не нужно.
Ты не умер, ты устал.
Как же твой подол кольчужный
Тигр проклятый разорвал?
Ты же был его не хуже!
Кровью хищника облит,
Светлый меч, в бою натружен,
Около тебя лежит.
Ты от тигра не укрылся
Круглым кованым щитом.
От тебя не защитился
Тигр, изрубленный мечом.
Больше плакать нету силы,
И тебе не нужно слез.
Вот уж дверь твоей могилы
Распахнул глухой погост.
Но ведь мной был сын воспитан
Тигра сильного сильней.

Типичную элегию-плач жены встречаем в волнующей балладе «Жена Гиги». В неравной борьбе против врагов гибнет пастух Гига. Жена его надевает одеяние супруга, догоняет убийц и уничтожает их. Храбрая женщина горько оплакивает убитого мужа. Причитание жены Гиги — замечательный образец элегии с героическими мотивами.

Кавказские народные баллады с наибольшим совершенством отражают идею героизма и мужества. По своему характеру собственно-героические баллады не отличаются от героико-исторических стихов этого же жанра. Этим и объясняется совместное изучение указанных отраслей народной поэзии¹.

В кавказских балладах идея героизма передана различно. В одних случаях она выявляется в борьбе против иноземных захватчиков или же против внутренних, социальных врагов; в других — в охоте. Классическим примером баллад первой категории служат «Встречался кипчак мне», «В Шатили возвеличился Хохоби», «Гига и Георгий» и другие, второй — «Стих о тигре и юноше», «Автандил поохотился» и другие. Сюжеты всех этих баллад, в отличие от монофонных элегий, развиваются путем чередования различных моментов ситуации. В качестве примера приведем разные моменты ситуации шедевра поэзии — «Стиха о тигре и юноше», который, как это свойственно балладам, не имеет экспозиции. Начинается баллада описанием охоты:

Молвил юноша удалый:
«Стадо туров я следил.
По тропам, обвившим скалы,
День и ночь с ружьем ходил.
Выстрелом свалил я метким
В турьем стаде вожака,
Лишь в орешнике по веткам
Прогрели их рога.
Тигр напал на раздорожье
Черной ночью на меня.
Взор, страшнее гнева божья,
Полон желтого огня...»

Это первый момент ситуации баллады. Затем интонация стиха меняется. Динамичные строки повествуют о волнующей схватке охотника с рассвирепевшим зверем. Для передачи этой напряженной ситуации слагатель баллады пользуется уже другим художественным приемом — речью от третьего лица:

Тигр и юноша сцепились
Средь полночной темноты.
Камни в пропасть покатались,
Обломились кусты.
Щит свой юноша отбросил,

¹ Г. Каландадзе. Грузинская народная баллада, стр. 26—57; Б. Н. Путилов. Славянская историческая баллада. М.-Л., 1965.

Щит в бою не помогал.
 Был стремителен и грозен
 Тигр горячий — житель скал,
 Он на юноше кольчугу
 Разорвал от самых плеч.
 Вспомнил юноша о друге,
 В руки взял свой франкский меч.
 Взял обеими руками,
 Тигру челюсть разрубил.
 Тигр, вцепясь в утес когтями,
 Кровью крутизну облил.

Кончилась страшная схватка. Слагатель песни воссоздает печальную картину гибели противников — храброго юноши и горячего тигра. Это уже иной момент ситуации. Меняется интонация песни. Снижается тон стиха. Убитой горем матерью овладевает гордость. Ведь ее безусый сын «тигра ярого поверг». Переживание матери также передается от третьего лица, но интонация стиха более напряженная, взволнованная. За этим моментом ситуации следует приведенный выше вопль матери, переданный в жанре элегии. Глубоко эмоционально, волнующе заключение песни.

Несчастной матери снится сон:

Снова сын и тигр убитый
 В сновиденьях перед ней.
 Снова рвет подол железный
 Тигр на сыне. Вновь рукой
 Сын кидает тигра в бездну
 Вниз усатою головой.

В последующих строках заключения передано высокое чувство гуманизма. Равномерное развитие стиха соответствует безутешному горю двух матерей — юноши и тигра, погибших в страшной битве:

Встанет — плачет неутешней,
 Чаше думается ей
 О судьбе осиротевших
 Безутешных матерей.
 Может, там, где речки скачут,
 Сквозь леса бегут, звеня,
 Мать-тигрица тоже плачет
 Безутешнее меня?
 Я пойду к тигрице в горы,
 Чтоб оплакать сыновей,
 Чтоб ее утешить в горе:
 Есть же горе и у ней?¹

Подобным чередованием различных моментов ситуации, многообразных интонаций развиваются и сюжеты других грузинских героических баллад, отразивших борьбу с чужеземными завоевателями. Классические грузинские баллады «В Шатили возвеличился Хохоби», «Гига и Георгий» и другие и в настоящее время бытуют в народе как неизгладимая память о мужестве и храбрости предков. И сейчас они чаруют нас своей возвышенной героикой и отточенной формой. В грузинских героических балладах лирические и эпические мотивы, искусно чередующиеся с песнями, создают многообразное звучание. Если в героических элегиях лирические мотивы являются ведущими, то в отношении баллад такого же жанра трудно сказать, который из них превалирует в развитии сюжета стиха. Для героических баллад и песен другого жанра, в отличие от эпоса, гиперболлизация не характерна, в балладах нет преувеличения силы героев.

Персонажи баллад — обыкновенные люди с возвышенным чувством патриотизма, гуманизма, справедливости и т. д. В героических балладах самое главное — боевой дух, бесстрашие, благородство и другие возвышенные качества истинного человека. В грузинских героических балладах встречаются мифические мотивы, однако, в отличие от эпоса, тут нет великанов и тому подоб-

¹ Перевод В. Державина. «Поэзия Грузии», М.—Л., 1949, стр. 18—19.

ных сказочных существ. Герои грузинской баллады не наделены божественными качествами, они — простые люди, борющиеся за справедливость.

В некоторых случаях баллады являются конструктивной частью героического эпоса и имеют свою собственную мелодику. Примером может служить героико-приключенческая баллада «Отправился на охоту». Это — один из ярких, впечатляющих эпизодов грузинского классического героического эпоса «Сказание об Амирани». Почти все грузинские героические баллады поются. Многие из них, как например, баллада «Автаидил поохотился», имеют и свои собственные мелодии.

Хотя наша задача ограничена и мы не ставим себе целью затронуть сложные вопросы генезиса, содержания и художественной формы народных баллад, все же нельзя обойти молчанием то обстоятельство, что некоторые западноевропейские исследователи оставляют открытым вопрос их жанровой особенности. Кроме того, при определении сущности народных баллад они выдвигают некоторые неприемлемые положения. По мысли профессора М. Брауна «мотивация (народных баллад. — К. С.) как правило исходит из индивидуально-психологических факторов, но в нее могут включаться и общественно-исторические факты и обстоятельства»¹. Баллада, несомненно, единый жанр поэзии. Специфика баллады — искусное сочетание лирических, повествовательных (эпических) и драматических элементов. Баллада потому относится к лирико-эпическому роду поэзии, что в ней обеспечено структурное равновесие между повествованием, впечатлением и драматизмом. Драматизм события, о котором повествуется в балладе, усиливает ее эмоциональность. Индивидуально-психологические факты нельзя считать исходным пунктом мотивации баллад. Для примера возьмем распространенную балладу «Повстречался кипчак мне». Основные мотивы этой песни — встреча миролюбивого крестьянина и мародера кипчана (половца); проявление радушия и гостеприимства со стороны грузинского крестьянина; наглый поступок кипчана, оскорбившего жену грузинского крестьянина; месть грузинского героя; схватка его с наглым кипчаком; поражение последнего. Мотивация этой волнующей баллады, как видим, целиком зависит от общественно-исторических обстоятельств Грузии в XIII—XIV веках и исходит из них. В XI веке Давид Строитель, как известно, со стратегической целью, поселил в Исанском уезде кипчаков. В последующих веках (XIII—XIV) они делали набеги на миролюбивое население Восточной Грузии. Именно этот исторический факт лег в основу баллады «Повстречался кипчак мне». Из исторического факта исходят и повествование, и лиризм, и драматизм этой замечательной песни. Итак, исторические факты и обстоятельства не только могут включаться в мотивацию баллады, более того — именно они являются ее исходными факторами. От этих фактов и обстоятельств зависит повествование, лиризм и драматизм стиха.

В этом отношении грузинские народные баллады не представляют исключения. В основе немецкой народной баллады «Weinsberger wieber» лежит реальный факт. В 1140 году вайнсбергские женщины вынесли из окруженной врагами крепости своих сыновей, братьев, отцов и мужей. Об этом волнующем событии и повествует народная баллада². В грузинской героической поэзии немало патетических стихотворений, восхваляющих храбрость, воинские доблести, физическую силу и мужественную красоту героев. Хвалебные песни, характеризующиеся гражданскими и интимными мотивами, относятся к жанру оды. В отличие от баллад, оды не имеют сюжета. Хотя грузинские народные хвалебные песни имеют общественное содержание, их героический дух передается приемом речи как от первого, так и от третьего лица. Некоторые героические оды носят любовный характер. Это результат сильной традиции героической поэзии среди женщин.

Во многих вариантах записан замечательный образец героико-любовной оды «Гако, гако, рогор гако» («Славить тебя, но как славить»). Впечатляющие, яркие сравнения, тавтологическая рифма, динамичность стиха делают эту оду глубоко эмоциональной. Оды исполняются во время народных и семейных празднеств. В прошлом оды составляли необходимый элемент ритуальных пиришеств.

По своему характеру, содержанию и способу исполнения близко к одам стоят героические монострофические песни. В отличие от афоризмов в них отсутствует обобщенная мысль. Они отображают конкретные факты. Таков, например, грузинский напев под пандури:

¹ M. Braun, Methodisches zum problem der Volksballade, VI Международный съезд славистов в Праге. 1968. Резюме докладов, выступлений и сообщений. Издательство Чехословацкой Академии наук, Прага, 1968, стр. 380.

² Deutsche Ballade übertzagen ins Georgische von Akaki Gelowani. Тбилиси, 1961, стр. 57, 317.

В Хеви был я, врагу отомстил,
У подножья горы уснул навеки!
Вороны надо мной кружились,
Не осмелились меня растерзать!¹

Что же касается афоризмов в грузинской народной героической поэзии — они представлены в большом количестве. Афоризмы, как и баллада, — ведущий жанр грузинской героической поэзии. Но по древности своего происхождения они уступают элегиям и балладам. Обобщенная законченная мысль и отточенная форма грузинских афоризмов говорят об их сравнительно позднем происхождении. В грузинских афоризмах выражен обобщенный народом на протяжении веков идеал героя. Согласно грузинской героической поэзии, обязательной формой героизма считается защита родины, преданность другу, покровительство угнетенным и слабым, духовная красота. Такая норма мужества, выраженная яркими, впечатляющими сравнениями, эпитетами, символами, придает грузинским героическим афоризмам общечеловеческое значение. Никогда не поблекнет познавательная ценность героических афоризмов:

Вновь и вновь подрастут
В Картли волчата...
Не переведутся они —
Всегда будут мстить врагам.
Молодцы, выросшие в горах,
Даже в битве находят веселье,
Врага по-вражески встретят,
За друга встанут стеной.

Эти афоризмы имеют свою собственную мелодию².

Изучение жанровых особенностей грузинских народных героических песен проливает свет на проблему родовых и видовых признаков многоэлементной лирико-эпической поэзии. Установление видовых признаков грузинской героической лирико-эпической поэзии в свою очередь дает возможность проследить промежуточные формы развития весьма сложного народного словесного искусства вообще.

¹ Гр. Чхиквадзе. Грузинская народная песня. I, Тбилиси, 1961, стр. 64.

² Там же, стр. 176—177.

Этические взгляды Анакия Церетели

1. Критика буржуазной морали

Оценку и критику буржуазной морали А. Церетели дает в тесной связи с характером буржуазного общества. Правда, поэт не дошел до правильного понимания классового характера буржуазной морали, но хорошо видел ее зависимость и связь с эксплуататорской, насильственной и антинародной сущностью буржуазного общества. Это придавало конкретность, глубину и действенность его критике.

А. Церетели ясно видел, как буржуазия, подчинив все насилию, грабежу и наживе, лишила реального содержания провозглашенный ею при приходе к власти лозунг — «Свобода, Равенство, Братство».

Написанное в 1907 году стихотворение «Заря возрождения» А. Церетели начинается так: «Единение и равенство, сердечное братство и любовь, — пока что все это заточено в тюрьму» (III, 215). Через год поэт печатает стихотворение под названием «„Братство“, „Единение“, и „Любовь“», в котором говорит, что «сегодня повсюду и над всем господствует только желудок. Насилие и хищничество являются законом и правом, не прав потерпевший поражение, победитель же всегда прав». (III, 273).

В стихотворении «Новое время» поэт, характеризуя существовавшие порядки, писал: «Воры вершат суд, правых людей заковывают в кандалы, а Иуда — враг народа, насмехается над сынами отечества. Глупцы и неучи главенствуют над умными». Стихотворение заканчивается возгласом: «Да сгинет это время, чего же запаздывает» (II, 15).

В стихотворении «Узнику» поэт, обращаясь к закованному в кандалы узнику-бойцу, так определяет состояние общества, обрекающего его на такую участь: «Везде ложь и лицемерие, везде предательство и обман! Несправедливость угнетает справедливость... Зло не подчиняется добру» (III, 210).

А. Церетели неоднократно отмечал, что в буржуазных странах под видом защиты «законности» и «цивилизации» усиливается попрание правды и справедливости и укрепляется гнет и насилие.

В стихотворении «Араб-паша», написанном в 1882 году в связи с подавлением начавшегося в 1881 году под руководством Ахмед-бея (1839 — 1911) восстания египетского народа против английского владычества, А. Церетели с горечью писал: «Сила является славой мира. Сила является истиной». Указывая на торжество победителей, поэт писал о попрании ослепшей силой правды, справедливости и совести. «Кто посмеет осудить силу, если она даже во всем будет неправа?» — спрашивал поэт.

А. Церетели указывал, что в буржуазном обществе сила, насилие и гнет возведены в принцип внутренней и внешней политики государства. По меткому выражению поэта, в буржуазных государствах варварство получает название дипломатии, а различные конгрессы беззаконно придают законный характер. В том же стихотворении «Араб-паша» автор писал: «Прежнее варварство сегодня именуется дипломатией, несправедливость шествует по законной тропе, получая на то полное право от различных конгрессов» (II, 84).

Буржуазия, сделав главным смыслом жизни наживу и не знающее предела накопление богатства, все превратила в предмет купли и продажи, а богатство объявила показателем и мерилом интеллектуальных и моральных сил и ценности.

«У нас богатство считают умом, а ранг — честностью, — писал поэт в статье «Маленький доклад» (XI, 440 — 441), а несколько позже ту же мысль выражал так: «...Карман считают умом, фрак-мундир — совестью, а полугайничание — просвещением» (XIV, 116 — 117).

Богатство приобретает всемогущую силу, и перед ним, впадая в страх, все становится бессильным. Лирический герой одного из стихотворений поэта,

обращаясь к продажному адвокату, говорит: «Ведь ты хорошо знаешь, что у нас богатство любому человеку крепко завязет язык». Нагоняя на всех страх и крепко завязывая всем язык, богатство утверждает незаконное и произвол. «И делай, что хочешь. Кто посмеет что-либо сказать. Все боятся сильного, богатого» (I, 287 — 288). — не без сарказма поучает этот герой.

В буржуазном обществе все высокие моральные нормы низведены до расчёта и наживы. Все они используются для прикрытия алчности и обогащения. «Здесь, — пишет поэт в стихотворении «Жизнь» о современном ему обществе, — все понятия — и кровной связи, и дружбы, и любви — все они ложны, если богатство не является их подоплекой и оно не обвешено вокруг них как кайма».

Вслед за этим поэт разоблачает ложь и лицемерие буржуазии, которая, возведя богатство и наживу в высшую интеллектуальную и моральную добродетель, клянется в своей преданности и преклонении перед умом, высокими идеями и моралью. «О какой голове, о каком сердце, о каком уме, о каком чувстве можно говорить? — спрашивает поэт и сам же отвечает: — Все это лишь слова и болтовня». Реально, по его словам, владыкствует не голова и сердце, не ум и чувство, а — желудок и карман. «Желудок, — пишет поэт, — чувствует, желудок мыслит, на желудке растут глаза и уши мира. Что же касается кошелька, то он является «связывающей силой единства и дружбы». а также «дорогой и мостом любви и семейных отношений» (II, 284).

Усмотрев зависимость и связь буржуазной морали с хищничеством и продажностью буржуазного общества, с его законом и правом сильного, А. Церетели указывает на лакейство, фарисейство и лицемерие как на важнейшие «добродетели» буржуазной морали. «Здесь, — писал поэт в стихотворении «Новый путь», характеризую моральное лицо буржуазного общества, — раболепие является умом, двуличные — большой мудростью. И арена остается за тем, кто в высшей степени лицемерен. Чтобы подняться чуть выше — брат брата использует в качестве лестницы и моста, сын — родители, родитель — сына, а муж желает продать жену. Здесь сама вера фарисействует, держит в руках маску, чтобы сильным льстить, а бессильных донять» (II, 16 — 17).

А. Церетели едко высмеивал идеологов буржуазии, которые спрашивали: разве для наживы богатства, или как они предпочитают говорить, приобретения богатства, не требуется большого ума? Отвечая на этот, довольно распространенный среди мещанства довод, поэт предлагает прежде всего резко разграничить виды приобретения, говоря: «...Есть приобретение и приобретение...» Ум, по мнению поэта, требуется для такого рода «приобретения», которое исключает, как он говорит, «недодачу другим», а для приобретения, основанного на «недодаче другим», ума не требуется. «Если бы это было не так, — заканчивает он, — то тогда и волка пришлось бы признать умным» (XI, 441).

Поэт утверждает, что богатство, нажитое эксплуатацией, обедняет человека духовно и морально, лишая его высоких духовных и моральных качеств. Чем человек богаче таким родом богатства, тем беднее он как человек, тем меньше в нем человеческих чувств и идеалов. Именно об этом говорит поэт в стихотворении «Разгадка»: «Я тогда более богат, когда более беден» (II, 150). Что же касается распространенного в буржуазном и вообще классовом антагонистическом обществе стремления отождествить честность с рангом, представить ранг воплощением и выразителем степени честности, то поэт, говоря об этом, саркастически восклицает: «Если ранг — это честность, то в чем провинились тираны?» (XI, 441).

Анакий Церетели в многообразной, преимущественно же в сатирической форме вскрывал индивидуализм и эгоизм господствовавшей буржуазной морали. В сатирическом стихотворении «Бабушкины наставления» бабушка внушает внуку: «Все, что лично тебе непригодно, — то пустое в этом мире. Знай — идеал и мораль — это желудок. В этом заключается ум, но умей дойти до понимания этого» (II, 251). Бабушка советует внуку никогда не отступать от ее наставлений.

Индивидуализм, получая в буржуазном обществе свое наиболее полное выражение, не исчерпывается одним тем, что сосредотачивает все помыслы человека исключительно на своих личных нуждах и интересах. Вместе с этим индивидуализм порождает у человека чувства страха, ненависти и злобы к другим.

Все желания и помыслы эксплуататора-индивидуалиста направлены к тому, чтобы разложить народ морально, усилить гнет и порабощение, что составляет ему личное счастье и благополучие.

В сатирическом стихотворении «Кое-чья молитва» лорработитель народа обращается к злему духу с такой мольбой: «Злой дух! Стремясь к тебе, не прошу у тебя счастья, не даруй его. Я сочту за милость, если ты сумеешь

повергнуть ниц моих собратьев. Буду хвалить, буду, преклонив колени, возносить тебя каждый день, буду молиться тебе, злой дух, если ты постараешься вытравить у моих собратьев совесть». Он заверяет злого духа, что будет ходить босым, терпеть жажду, голод и не будет просить хлеба, лишь бы злой дух не лишил его зависти. Далее он начинает просить, чтобы злой дух одарил его способностью угнетать народ. Удовлетворение этой просьбы доставит ему блаженство. «Дай лишь столько знания, просвещения, разума, чтобы я смог держать народ в унижении и этим дать моему сердцу блаженство». Для всего сказанного поклоннику злого духа нужны лицемерие, предательство и двуличие. В заключение он просит злого духа даровать ему эти способности, чтобы он мог успешно действовать в своей стране и постепенно продвигаться вперед (I, 180 — 181).

По утверждению А. Церетели, в современном ему обществе гнет и грабёж так укрепились, что «...любовь к миру и благородство часто представляются глупостью, а бессердечие и злодеяние — знаком ума» (XIII, 141).

В своей критике буржуазного общества и его морали А. Церетели большое внимание уделяет той роли, которую играют деньги в жизни и нравственном разложении этого общества. Известно, что всепокоряющей власти денег посвящена не одна страница многих выдающихся писателей мировой и русской литературы. Достаточно вспомнить Софокла, Шекспира, Бальзака и Достоевского. Известно, что К. Маркс в «Капитале» ряд своих положений о деньгах иллюстрирует высказываниями Шекспира, а также Софокла («Антигона»). Слова Шекспира о неограниченной власти золота-денег из «Тимона Афинского» Маркс приводил еще в ранней своей работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года», когда он только что приступал к критике экономического строя капиталистического общества.

Глубокую характеристику всесильной власти денег в буржуазном обществе молодой Маркс дает устами владельца денег. Последний сначала отождествляет себя с находящимися в его распоряжении деньгами, а затем конкретно перечисляет, какие блага могут они ему дать. «Сколь велика сила денег, — говорит у Маркса владелец денег, — столь велика и моя сила. Свойства денег суть мои — их владельца — свойства и сущностные силы. Поэтому-то, что я **есмы** и что я в **состоянии** сделать, определяется отнюдь не моей индивидуальностью».

Перечислив затем, какие физические и моральные пороки заменяют и возмещают деньги, владелец говорит: «Я уродлив, но я могу купить себе **красивейшую** женщину. Значит, я не **уродлив**, ибо действие **уродства**, его отпугивающая сила сводится на нет деньгами. Пусть я — по своей индивидуальности — **хромой**, но деньги добывают мне 24 ноги; значит, я не хромой. Я плохой, несчастный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, а значит в почете и их владелец. Деньги являются высшим благом — значит, хорош и их владелец. Деньги, кроме того, избавляют меня от труда быть нечестным, — поэтому заранее считается, что я честен. Я **скудоумен**, но деньги — это **реальный ум** всех вещей, — как же может быть скудоумен их владелец? К тому же он может купить себе людей блестящего ума, а тот, кто имеет власть над людьми блестящего ума, разве не умнее их? И разве я, который с помощью денег способен получить все, чего жаждет человеческое сердце, разве я не обладаю всеми человеческими способностями? Итак, разве мои деньги не превращают всякую мою немощь в ее прямую противоположность?»¹.

А. Церетели неоднократно касался всемогущества денег и их разлагающего действия в современном ему обществе.

В стихотворении «Богатому» поэт говорит, что в современном ему обществе за деньги можно купить все и компенсировать ими все свои пороки и недостатки. Обладая деньгами, можно не обладать ни глубоким чувством, ни умом, ни красотой, ни любовью. Все это легко можно купить за деньги. Деньги делают незамеченным даже прямое физическое уродство — горб на спине.

В том же стихотворении лирический герой говорит горбатому богачу, что творец, не дав ему ни ума, ни чувства, внешностью уподобил его обезьяне. «Однако, — с иронией внушает он богачу, — тебе не следует падать духом, ибо твои деньги могут все эти недостатки свести на нет; ни одна женщина не откажется выйти за тебя замуж, несмотря на твой противный горб». Подытоживая свою мысль, поэт в заключение пишет: «Сегодня ничего не стоят ни ум, ни чувство, ни любовь. Одно является предметом обожания — лишь деньги... одни деньги» (III, 407).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. ГИПЛ, Москва, 1956, стр. 618.

По словам поэта, деньги проникают во все существо человека и всецело покоряют его. Деньги становятся душой и сердцем, радостью и любовью человека (III, 103).

В обществе, в котором владеют деньгами, такие способности и данные человека, как ум, талант, любовь, красота, мужество и т. п., становятся источником глубокого несчастья и надлома. Существующие порядки заставляют одаренных чувством и умом людей продавать эти свои способности и тем самым превращать их в источник горя и страдания. Лучше иметь драгоценный металл, чем высокие умственные и моральные способности. В стихотворении «Несчастное наше время» А. Церетели пишет: «Несчастен тот, кто имеет ум, чувство и разум; эти духовные богатства пока у нас излишний груз... Сердце покорило разум, а господином сердца стал желудок. В это время все, что не фальшиво, — негодное и тщетное. Деньгами взвешивают человечность, деньгами же измеряют героизм» (III, 431).

В своем враждебном отношении к деньгам поэт объявлял себя непреклонным. В стихотворении «Деньги», обращаясь к деньгам, он говорит им, что знает их суть и силу, но тем не менее решительно отрывается от них, называя их «капканами дьявола» и «совратителями с истинного пути». Деньги, по словам поэта, из кармана украдкой пробраются в чистое сердце, чтобы развратить его. Поэтому поэт не только отрывается от денег, но прокликает их и враждует с ними. «Деньги, чеканка дьявола, металл зла. Прочь от меня. Будь проклят. Не желаю быть твоим рабом... — породниться с тобой. Я, как бедняк, возмечиваю бедняка и не перестану с тобой враждовать» (III, 352).

А. Церетели полагал, что в будущем обществе деньги потеряют присущую им в эксплуататорском обществе роль и силу и исчезнут. Место денег, по его словам, займут «потребности другого рода». Раскрывая содержание этих «потребностей другого рода», А. Церетели говорит, что ими являются «труд и честное проливание равного пота равными, свобода, единение и братство между нациями» (III, 353). В этих заключительных строках стихотворения нельзя не видеть социалистический характер представления А. Церетели о будущем обществе.

В моральном разложении буржуазного и буржуазно-помещичьего общества А. Церетели видел верный признак его, в конечном счете, неминуемой гибели. Пренебрежение морально неизбежно вызывает перерождение и гибель человека и вместе с ним всего общества.

Однако А. Церетели далек от мысли, что буржуазное и буржуазно-помещичье общества сами по себе погибнут от полного морального истощения и разложения. Поэтому А. Церетели, беспощадно обнажая моральное вырождение буржуазного и буржуазно-помещичьего общества, в то же время призывал народ к решительной борьбе за его преобразование. При этом поэт глубоко верил в революционный дух, в моральную чистоту и стойкость угнетенного трудового народа, который считал носителем и блюстителем моральной доблести. Этот народ горд и пренебрежен чувства собственного достоинства и, ненавидя своих эксплуататоров и угнетателей, готов вступить с ними в решительный бой. Это получило яркое выражение в многочисленных стихах поэта, из коих мы назовем «Беспечный человек» (1865), «Мечта труженника» (1890), «Пилигрим» (1893), «Обращение бедного к богатому» (1903) и «Мое желание» (1911).

В стихотворении «Беспечный человек» лирический герой в условиях эксплуататорского общества видит свое счастье в таких своих качествах, как доброжелательность к людям, отсутствие зависти, желания похищать блага у вдов и сирот, способность не гнаться за большим, а удовлетворяться малым, честный характер своего труда, чувство собственного достоинства, любовь к нуждающимся и презрение к знатым (I, 146—147).

В стихотворении «Обращение бедного к богатому» поэт говорит о том, насколько глубоко осознает бедняк моральное падение богачей и ту ненависть, которую питает к ним весь трудовой народ. Бедняк не только не завидует участи богатого и не стремится добиться его положения, но, видя его подлость и коварство, вызывающие ненависть и проклятия у всех честных людей, категорически от него отмежевывается. Обращаясь к богачу, бедняк говорит:

Пусть буду обездолен я судьбой,
Пусть буду нищ и голоден, и наг,
Вовек не захочу я стать тобою,
Твоих себе не пожелаю благ.

(Перевод Е. Николаевской)

Но бедняк не только не хочет стать богатым, он не желает иметь таких друзей и возлюбленных, как у богатого, ибо хорошо знает, что они приобре-

тены за деньги и силой, а потому — фальшивы и лицемерны. «Для тебя, — говорит бедняк богачу, — искренне не бьется ни одно чистое сердце... Нет, нет! Я не завидую твоей ложной судьбе. Незачем она мне» (III, 75).

Лирический герой стихотворения «Мое желание» решительно отвергает нажитое грабежом богатство. Богача он называет «наследником дьявола». Он благословляет хлеб, добытый честным трудом. Указав, что для богатого деньги являются богом, поэт пишет, с какой неукротимой и хищнической силой овладевает богачом жажда накопления и наживы. «Он все ищет... постепенно набирает кошелек, и, если успеет, то как ястреб похищает чужое добро», — пишет поэт о богаче. Поскольку тот может накопить и приумножить свое богатство только грабя и разоряя других, в первую очередь трудовой народ, для него «...нищета других приятна и сладка» (III, 337).

Вера в силу трудового народа, его революционные способности и высокие моральные принципы убеждали А. Церетели в неизбежной гибели эксплуататорского общества. К каким бы жестокостям ни прибегали угнетатели, как бы они ни свирепствовали, им не удастся увековечить мир зла и угнетения.

Обращаясь к заключенному в тюрьме узнику, поэт говорил: «Но ведь не всегда будет так? Однажды победит правда и уничтожит сегодняшнюю несправедливость, луч осветит мрак» (III, 210). Эту победу поэт считал столь важной, необходимой и желанной, что в беззаветном служении ей он видел главную задачу всех передовых людей.

2. Защита и обоснование революционно-демократической этики

Акакий Церетели был страстным приверженцем и проповедником революционно-демократической морали. Его поэтические, прозаические и публицистические произведения пропитаны принципами этой морали. Им сформулирован целый моральный кодекс общественного деятеля.

А. Церетели с самого начала своей деятельности глубоко воспринял и осознал впервые в русской литературе высказанное В. Белинским в его ранней критической статье «Литературные мечтания» положение о том, что в условиях, когда народ подвергается гнету, перед вступающим в жизнь человеком открываются два пути. Один из них ведет к заботе исключительно о своем собственном благополучии, которого при существующих условиях нельзя достичь, не попирая прав угнетенного народа, не грабя его. Другой же путь зовет к служению угнетенному народу, отдаче ему всех своих сил и способностей. При этом первый путь просторен и безопасен, а второй — тернист, мучителен, чреват большими опасностями.

Отмечая все это, гениальный критик призывал человека гордиться своим высоким назначением и не забывать, что высшее блаженство — в искоренении личного эгоизма, в служении на благо ближнего. «Итак, — писал Белинский в этой статье, обращаясь к человеку, — вот тебе две дороги, два неизбежных пути: отрекись от себя, подави свой эгоизм, попри ногами твое своекорыстное Я, дыши для счастья других, жертвуй всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества, люби истину и благо не только для награды, но и для истины и блага, и тяжким крестом выстрадай свое соединение с богом, твое бессмертие, которое должно состоять в уничтожении твоего Я, в чувстве сопредельного блаженства!... Что? Ты не решаешься? Этот подвиг тебя странит, кажется, тебе не по силам!...»

После этих решающих вопросов критик обращается к людям, у которых не хватает силы и смелости отважиться на этот благородный подвиг, и с иронией рекомендует им другой путь: «Ну, так вот тебе другой путь, он шире, спокойнее, легче; люби самого себя больше всего на свете; плачь, делай добро лишь из выгоды, не бойся зла, когда оно приносит тебе пользу. Помни это правило: с ним тебе везде будет тепло! Если ты рожден сильным земли, гни твой хребет, ползи змеюю между тиграми, бросайся тигром между овдами, губи, угнетай, пей кровь и слезы, чело обремени лавровыми венцами, рамена согни под грузом незаслуженных почестей и титул. Весела и блестяща будет жизнь твоя; ты не узнаешь, что такое холод или голод, что такое угнетение и оскорбление, все будут трепетать тебя, везде покорность и услужливость, отовсюду лесть и хваления, и поэт напишет тебе послание и оду, где сравнит тебя с полубогом, и журналист прокричит во всеуслышание, что ты покровитель слабых и сирых, столп и опора отечества...»¹.

¹ В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, т. I, ОГИЗ, ГИХЛ, Москва, 1948, стр. 17—18.

От необходимости выбора одного из этих двух жизненных путей не свободны и высоко одаренные поэты. Специально оговаривая это, великий критик характеризует каждый путь в отдельности. Один из них — изблещенне пороков и несправедливости, служение добру и истине. Тем, кто отвергает этот путь, Белинский в таких язвительных словах рисует их деятельность: «...Торгуи своим божественным даром, положи цену на каждое вещее слово, которое ниспосылает тебе бог в святые минуты вдохновения: покупщнки найдутся, будут платить тебе щедро, а ты лишь умеи кадить кадиллом лести, умеи склонять во прах твое венчанное чело, забудь о славе, бессмертии, о потомстве, довольствуйся тем, если услужливая рука торговаша-журналиста провозгласит о тебе, что ты великий поэт, гений, Байрон, Гете...».

Мысль о двух жизненных путях художественно была выражена Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Предлагаая взвесить «силу гордую» и «волю твердую», чтобы решить, по какому из двух существующих путей идти, поэт революционной демократии каждый из них в отдельности характеризует так:

Одна просторная,
Дорога — торная.
Страстей раба,
По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.
О жизни искренней,
О цели высшейней
Там мысль смешная.

В жизни, добытой этим путем, «кипит вечная, бесчеловечная вражда, война». Там ради ничтожных и бранных благ люди идут на любые преступления. Внешне такая жизнь блестящая, но ее нутро — смрадно.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая,
К добру глухая,—

заканчивает поэт характеристику первого пути.

Что же касается второго, то он узок и тернист, но полон правды и справедливости. По этой дороге, пренебрегая всеми лишениями и опасностями, идут сильные духом защитники угнетенного народа.

Другая — тесная,
Дорога честная,
По ней идут
Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд.
За обойденного,
За угнетенного —
Стань в их ряды.
Иди к униженным,
Иди к обиженным —
Там нужен ты.

Персонаж поэмы «народный заступник» Григорий Добросклонов решительно отвергает первый путь и твердо становится на второй, отдавая ему всю энергию и страсть своей могучей и любвеобильной души. Добросклонова и подобных ему народных заступников в условиях самодержавного гнета ждали неимоверные лишения и жестокие преследования или, как говорит сам поэт, «чахотка и Сибирь». Но сознание правоты избранного пути, то есть жизнь «для счастья убогого и темного уголка», готовность ринуться «на бой, на труд за обойденного, за угнетенного», было у них настолько сильное, что их не страшила «чахотка и Сибирь». При этом они были убеждены, что если не их, то уж последующее поколение обязательно придет к желанной цели.

Об указанных двух жизненных путях неоднократно говорил и А. Церетели. В 1911 году в статье «Беседа поэта и редактора» он устами поэта говорит: «Жизнь идет двумя дорогами. Они разветвлены. Одна — прямая, или общест-

¹ В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, т. I, ОГИЗ, ГИХЛ, Москва, 1948, стр. 18—19.

венная, другая — превратная, личная. Первая дорога занесена бурьяном и колочками, в них водятся змеи и лягушки и шипят злые люди, и поэтому по этой дороге трудно, опасно и мучительно идти, но зато в начале ее колочет «источник бессмертия». Вторая, личная дорога вся усыпана цветами. На каждом шагу здесь воздвигнуты хвалебные башни. В них живут райские, щебечущие птицы, они услаждают наш слух. Это увлекательное зрелище, оно захватывает сердце. Идти по этой личной дороге упоительно, но в конце ее находится ад. Большинство идет по этой дороге и говорит про себя: «Я тепло и сладко проведу жизнь, а до будущего что мне за дело? Ведь для меня все равно будет «ад» или «источник бессмертия». Я ведь нигде, ни до одного из них не доживу. А после меня пусть камня на камне не останется. Пусть другие заботятся...» (XIV, 440)¹.

А. Церетели полагал, что общественная деятельность всецело овладевает человеком и возвышает его. В общественной деятельности проявляет человек свою человеческую сущность и назначение. Сознательный человек не в силах отречься от общественных интересов и деятельности, пренебречь ими.

«Общественное дело, — писал поэт, — для сознательного человека то же самое, что вера и религия. Как действительно верующий человек не может изменить вере, так и общественный деятель не может изменить общественному делу... если оно потребует от него даже жертвы» (XII, 406—407).

А. Церетели неустанно подчеркивал, что общественному деятелю необходимы высокие гражданские и моральные качества. Поэт выдвигал целый кодекс гражданских и моральных принципов общественного деятеля. Но прежде чем касаться этих принципов, надо отметить, что многие из них, как не трудно будет в этом убедиться, относятся не столько к обыкновенным общественным деятелям, сколько к настоящим и решительным революционерам, о которых при существовавших цензурных условиях он не мог прямо говорить.

Как известно, одним из основных вопросов морали является взаимоотношение личного и общественного. Этот вопрос выдвигает и А. Церетели в качестве главного момента в характеристике и определении морального облика общественного деятеля. При решении этого вопроса поэт исходит из того положения, что человек не может раскрыть свою истинно человеческую сущность и достичь подлинного счастья, не борясь за благо и счастье других людей. Без этого личное благополучие, каким бы полным оно ни было, не может дать человеку подлинного счастья и раскрыть его дарования.

«Разве счастье человека, — писал поэт, — зависит только от личного благополучия? Когда нет недостатка ни в пище, ни в питье, когда тепло, никто не тревожит сон, — тогда и животное счастливо. Но для человека, как для высшего творения, только этих условий недостаточно».

Говоря о том, что нужно человеку для счастья, кроме личного благополучия, поэт в первую очередь называет желание человека видеть и других людей счастливыми. После приведенных слов поэт пишет: «Он (человек. — А. К.) хочет, чтобы вокруг него и другие были бы счастливы. Это первая грань между животными и людьми...» (XIII, 41).

А. Церетели считал, что важнейшим принципом морали для общественного деятеля является его готовность и способность подчинить свои личные интересы и потребности интересам и потребностям общества, народа. Лишь такого человека народ признает общественным деятелем и верит в него. По словам поэта, народ, характеризуя общественного деятеля, говорит: «Я признаю общественным деятелем того, кто о себе думает лишь настолько, насколько это необходимо для его повседневного существования, а все остальное приносит в жертву общественному делу. Я доверяю только такому труженику. А тот, кто о себе чрезмерно заботится, тот, кто общественную арену стремится использовать для продления своего личного пути, — тот мне не нужен и — прочь его от меня» (XII, 283).

О необходимости подчинения личных интересов общественным А. Церетели говорил не вообще, а как о непрременном условии для объединенной и успешной борьбы против угнетателей и эксплуататоров. Само же понятие «общественные интересы» А. Церетели определяет не отвлеченно, как например, служение общему прогрессу, благу и так далее, как это свойственно либералам, — а кон-

¹ Вместе с этим А. Церетели конкретно называл и восхвалял людей, ставших на первый путь. Так например, характеризуя жизнь и деятельность видного грузинского общественного деятеля и публициста С. Месхи, поэт писал: «На жизненную арену вступает юноша, преисполненный чувствами и желаниями, и видит, что перед ним открываются две дороги: одна — личная, а другая — общественная. Первая сулит ему благополучие, всякие плотские преуспеяния, возвышение и славу; вторая же сулит муки, бедность, голод, унижение перед большинством... безгласное умерщвление самого простого желания, гонения от посторонних людей, а от своих — отречение и т. д., и т. п., но он все же избирает последнюю». (XII, 252).

кретно-исторически, как непосредственную борьбу за уничтожение эксплуатации и гнета трудового народа. Поэт проводит в понятной народу форме различие между общественными и личными делами: «Правда, многие не отличают, что такое личное и что такое общественное дело. Но мы ведь знаем и постараемся объяснить. Например, если речь пойдет о том, что едят, что пьют, что одевают или что надевают те или иные судьи, то это, разумеется, будет частным делом. Но если они едят похищенный у других кусок хлеба, одеваются кожей, содранной с народа, и если против этого мы поднимем голос, то это будет общественным делом, а не личным, и нам при этом нечего стесняться» (XII, 7—8).

Наряду с борьбой против эксплуатации и грабежа народа поэт важнейшим общественным делом считал борьбу против национального гнета и порабощения.

Общественному деятелю, «возвышающему голос» против всего этого, го есть борющемся против социального и национального гнета и насилия, в этой борьбе нужна самоотверженность. «Самоотверженность во имя общественного дела пусть превратится у вас в нрав». — говорил поэт народу (XIII, 476).

По образному выражению А. Церетели, общественный деятель должен «таить» перед народом, как «чистая свеча перед иконой».

С требованием самоотверженности А. Церетели связывал необходимость самопожертвования. Осознание необходимости самопожертвования и признание его высшим моральным принципом в борьбе за правду и счастье народа было большим завоеванием революционно-демократической мысли. Поэт революционно-демократической мысли Н. Некрасов так выразил этот принцип в своем стихотворении «Мать»:

Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

В уста одного из персонажей своего незаконченного романа «Имеретинцы» — студента Петербургского университета, А. Церетели вкладывает следующие слова: «Мы заранее должны решиться и подготовить себя к жертве. Жертва — печать и венец деятельности, направленные к добру. Только она укрепляет в мире истину. Будем же и мы готовы к жертве для блага нашей родины. Будем действовать для нашего отечества, и эта деятельность породит тысячи лучших, чем мы, работников...» (VIII, 293—294).

Этот страстный призыв получает торжественное одобрение у всех присутствующих на собрании студентов.

В стихотворении «Благословение» поэт писал: «...Истина требует жертв... правда в жизни хотя и трудна, но все же из всех венков терновый более всего желателен» (II, 149).

Известно, что противники подлинных общественных деятелей и революционеров пытались и пытаются разуверить их в этом и заставить отречься от своих действий и беззаветной борьбы, внушая им мысль, порою в «сочувственном» тоне или в форме «дружеского» совета, что они напрасно гибнут и жертвуют собой. Опровергая подобные «советы» и «наставления», А. Церетели прямо заявляет, что беззаветное самопожертвование во имя интересов и счастья народа — подвиг, он вполне оправдан даже тогда, когда непосредственно не достигает желанной цели, ибо и в таком случае не пропадает даром, пробивая путь к грядущей победе, приближая ее.

В рассказе А. Церетели «Вторая ночь» подсудимый говорит судье: «Народ силен, его гнев — это буря океана. Но пока доживем до того времени, которое называют блаженным, всякая истина требует жертв! Как для семени необходим дождь, чтобы дать плод, так и для моральной свободы необходимы жертвы!» (VII, 297—298). А в упомянутой статье — «Беседа поэта и редактора» поэт говорит редактору: «Положим, что ты в качестве наблюдателя стоишь в начале разветвляющейся в двух направлениях дороги и в один прекрасный день видишь, что к тебе толпой подходит молодое поколение и говорит: — Открой дверь и пусти нас по этой верной дороге!.. Мы герои и должны дойти до «источника бессмертия, к которому припадет человечество». Но ты видишь, что они не герои и не могут достичь «источника бессмертия» и лишь в опасном труде окончат свои дни».

Затем поэт спрашивает редактора: «Неужели ты их толкнешь, чтобы они вернулись назад и стали на превратную дорогу?» На этот свой вопрос поэт дает такой ответ: «Правда, они не герои, они не могут достичь «источника бессмертия», но, обманутые надеждой, все же сделают один шаг вперед, вырвут колючки. Сегодня одна группа, завтра другая, послезавтра — третья и, таким образом, некогда, хоть и в далеком будущем, но все же проторят дорогу, и каков-нибудь поколение, какая-нибудь группа дойдет до «источника бессмертия», к которому припадет все человечество... Правда, отказавшиеся от личного блага по-

гибнут, но это будет самоотверженным поступком, жертвой, приносимой будущей счастьем» (XIV, 440—441).

Для истинно общественного деятеля отдать свою жизнь в борьбе за свободу и счастье народа и родины — не несчастье, не бессмысленная жертва, ибо личное счастье он не мыслит вне свободы и счастья своего народа и родины.

В рассказе А. Церетели «Роза и колючка» мать так говорит сыну о моральном облике его умершего отца — общественного деятеля: «Он самого себя и свое личное счастье жертвовал обществу. Часто говорил: — При общем несчастье человек не должен искать своего личного счастья. Если вокруг меня все будет голодать, тогда и сладкая пища будет мне горька. — Он говорил: — Один за всех, и все за одного» (VII, 267).

Для подлинного общественного деятеля отказ от борьбы из страха перед необходимостью жертвовать собою означал бы потерю цели и смысла жизни и привел бы его к полному опустошению и моральной смерти. В готовности жертвовать жизнью проявляются героизм и высокий гуманизм общественного деятеля.

Истинный общественный деятель, борясь против эксплуататоров и угнетателей народа, не может, разумеется, рассчитывать в своей деятельности на всеобщую поддержку и одобрение. Он находит признание и поддержку со стороны эксплуатируемого и угнетенного народа, а со стороны эксплуататоров и угнетателей — лишь ненависть и вражду. В силу этого вокруг оценки дел и поступков общественного деятеля мнения всегда разделяются и разгорается борьба. Такое положение, по словам А. Церетели, вполне естественно, оно несколько не снижает и не обесценивает человеческие качества общественного деятеля, напротив — подчеркивает его достоинство.

«Говорят, — пишет поэт, — что человек должен быть таким, чтобы весь мир в один голос благожелательно отзывался о нем. Не согласен. Человек должен быть таким, чтобы мнение мира о нем разделялось надвое: когда один хороший хвалит, тысячи плохих должны ругать, и когда тысячи злых ненавидят, — один хороший должен любить... Для одних он должен быть «бельмом на глазу», для других — бальзамом... для одних желчью, для других — медом. Да, это и есть признак человечности» (XII, 260).

Общественный деятель не может не иметь врагов, не вести с ними ожесточенную, непримиримую борьбу. Тот, кто не решает иметь идейных врагов, тот не революционер и не общественный деятель, а эгоист и трус. А. Церетели полагал, что тот, кто ищет только друзей и избегает врагов, — эгоист, который кроме себя никого не любит; он бессердечен.

Это положение А. Церетели является одним из важнейших принципов всей революционно-демократической этики, непосредственно связанной с задачами и методами революционно-политической борьбы. Чернышевский выразил это так: «Кто гадит по шерсти всех и все, тот, кроме себя, не любит никого и ничего; кем довольны все, тот не делает ничего доброго, потому что добро невозможно без оскорбления зла. Кого никто не ненавидит, тому никто ничем не обязан»¹.

Вместе с отмеченными моральными принципами А. Церетели рассматривает ряд других, не менее важных, а также гражданские качества общественного деятеля. Наиболее полно это выражено в статье «Горячие новости (в полночь Нового года)», написанной поэтом в связи с наступающим 1872 годом.

Описывая, как в канун Нового года, сидя у камна, он предавался размышлениям, поэт отмечает, что среди рисовавшихся ему горестных картин прошлой жизни особое его внимание привлекло собственное сердце. Начав внимательно его рассматривать, он нашел, что в нем не было ни одной частицы нерва, не проколотаго колючкой. Однако над всем сердцем виделась некая крестообразная надпись, расшифрованная им так: «В центре сердца большими буквами было написано — НАДЕЖДА, в правом углу — ПОБЕДА ТРУДА, в левом — ХВАЛА СМЕЛОСТИ, вверху — ОДИН ЗА ВСЕХ, а внизу — СЛАВА ТЕРПЕНИЮ» (XI, 110).

Рассмотрив вкратце перечисленные поэтом принципы. О надежде, как об одном из важнейших даров человека, поэт неоднократно говорит в различных своих произведениях, определяя ее как драгоценную жизненную способность, дающую человеку возможность преодолеть невзгоды и горечи жизни и укрепиться в своей борьбе за лучшее будущее. Люди не могут жить без надежды: надежда на лучшее будущее неискоренима в человеке. Лишь в исключительных случаях человек теряет ее.

Потеря надежды равносильна потере жизни, ее стимулов. Без надежды нельзя до конца отдаться ни одному делу — ни личному, ни общественному. Без надежды нет воодушевления, а без воодушевления нет ни истинного творчества, ни

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в пятнадцати томах, т. 3, ОГИЗ, ГИХЛ, Москва, 1947, стр. 22.

страстной борьбы. Человек, потерявший надежду, опустошен и парализован, обессилен и несчастен. В уста положительного героя своей ранней пьесы «Медведь старым и новым» А. Церетели вкладывает такие слова, безусловно выражающие его собственные мысли: «Горе тому, кто не имеет надежды. Он заживо мертв, и, стоя, висит в своем сердце ад» (IX, 39).

Человек, лишенный надежды, потому еще при жизни мертв, что с потерей надежды в него вселяется разочарование, равнодушие и страх, а подчинение им — равносильно смерти. Разочарованный человек, обрекая себя на бездействие и прозябание, губит себя и калечит свою жизнь. «Каждый разочарованный человек — предатель самого себя», — говорит поэт (V, 45).

Разочарованный человек, потерявший надежду и веру в правду, добро и счастье, губит не только себя; находясь среди живых, он расхолаживает их, мешает им жить и бороться за счастье. Ему лучше умереть, чем жить.

В упоминавшейся ранее пьесе «Тамар цбиэри» А. Церетели устами своего лирического героя говорит: «Человеку лучше умереть, чем ходить среди живых людей заживо мертвым». «Умом безверный, чувством неверный, разочарованный человек — разве человек?» (VI, 73).

Сопоставляя разочарованного человека с тем, кто исполнен глубокой надежды, А. Церетели называет сердце первого «кладовой тухлых яиц», а второго — «сокровищницей стали».

Равнодушие, делая человека невосприимчивым и глухим к добру и злу, правде и лжи, лишает его цели и смысла жизни. Равнодушие — это не только безразличие к жизни, это по существу потеря самой жизни. Осуждая и проклиная равнодушие, А. Церетели писал: «Я ничего не считаю более печальным и горестным, чем равнодушие» (XIII, 347).

Разочарование, равнодушие и страх не могут проникнуть в душу человека и овладеть им, пока в нем светится и пламенеет надежда. А пока в человеке светится и пламенеет надежда — он непобедим и его борьба неукротима. «Человек только тогда побежден, — писал поэт, — когда теряет надежду, выбрасывает из сердца правду и истину и в страхе покоряется насилию... А тот, кто в сердце держит связанные надеждой правду и истину, — он везде и всегда герой» (XIII, 131).

Придавая столь важное значение надежде, А. Церетели считает ее не порождением некоей высшей силы и не христианской добродетелью, сулящей человеку райское блаженство. Христианство, признавая реальную жизнь юдолью скорби, отвергает возможность осуществления высоких надежд человека, полного счастья и блага в этой жизни. Местом осуществления человеческих надежд оно провозглашает небо, рай.

В противоположность христианству А. Церетели рассматривает надежду как способность, помогающую человеку утвердиться в земной, реальной жизни, и воодушевляющую его в борьбе за свое лучшее будущее. Более того, воспевав надежду в качестве важной, жизненной силы, поэт говорит о ней не вообще и не безотносительно, а преимущественно в отношении угнетенного трудового народа и его передовых борцов.

Таким образом жизненную силу надежды А. Церетели наполняет демократическим и революционным содержанием. В 1875 году в одном из своих фельетонов из серии «Горячие новости» А. Церетели, сетуя на то, что у него отнята возможность говорить обо всем том, чем человек угнетен, спрашивает себя: «Так что же есть моя жизнь? Удивляюсь, как я жив до сих пор?» Отвечая на эти вопросы, поэт видит смысл своей жизни в той непоколебимой надежде, которая неотлучно сопутствует ему на протяжении всей его жизни. «Упрямая надежда, — пишет он, — так укоренилась в моем сердце, что собирается и в могилу опуститься вместе с ним» (XI, 327).

Надежда утешает людей в горе и неудаче, будь они личного или общественного порядка. Но роль и значение надежды в жизни людей, в частности — угнетенного люда и борцов за их дело, не исчерпывается этим. Она поднимает их также на тяжелую борьбу за лучшее будущее или, как говорил поэт, заставляет их «голыми руками очищать колючую дорогу».

Еще в своей ранней поэме «Алекси» А. Церетели, определяя надежду как «счастье несчастных», от лица несчастных говорит: «О, где ты, сладкое и блаженное время. Идем тебя, как бальзам человечества, и ожидая тебя, с надеждой колючую дорогу очищаем голыми руками. И идем времени, сладкого и блаженного, когда почувствует народ счастье» (V, 332).

Надежда на неизбежную победу правого дела вселяет в трудовой народ гордость, которая заставляет его идти с высоко поднятым челом и мужественно переносить все горести и лишения своей тяжелой жизни. В своей суровой и высокой гордости трудовой народ, рабочие вовсе не хотят, чтобы их называли не-

счастливыми. Эту мысль А. Церетели прекрасно выразил в стихотворении «Рабочим», написанном в 1880 году.

Говоря о гордости рабочих, поэт пишет, что она является «выражением» души духа, славой подлинной человечности, усладительницей сердца, тем источником бессмертия, который называется надеждой и в ожидании которой человека не в силах победить черная судьба...» (II, 11).

В стихотворении «Седина» поэт, описав, как при виде угнетенной и разоренной родины им овладевает душераздирающая скорбь и чувство ненужности самой жизни, сразу же переходит к выражению того, как его преобразует и ободряет проникающая в сознание надежда. Он говорит, что как только надежда, которую он здесь называет «небесной способностью», проникает в его душу, он сразу же обретает мужество и воспламеняется желанием посвятить себя беззаветной борьбе за освобождение своей угнетенной родины. По его словам, надежда на будущее, как мед, услаждает ему сердце (III, 233).

Состарившийся поэт называл себя человеком, надеющимся на будущее. Он писал, что его не пугает возраст и не разочаровывает седина. С сединой он не лишился надежды, она настолько захватила его и подняла его волю на борьбу, что он готов «кровью окрасить свою седину» (II, 174).

Видя в надежде столь могучую революционную силу, А. Церетели бросает клич: «Продвигай же, надежда».

На правой стороне сердца поэта, как отмечалось, было написано: «победа труда». Требование «победы труда» вслед за социал-утопистами и русскими революционными демократами было важнейшим принципом грузинских шестидесятников. Известно, с какой энергией выдвигал идею освобождения и «царства труда» зачинатель революционно-демократической мысли в Грузии — Илья Чавчавадзе. Освобождение закабаленного труда И. Чавчавадзе считал главной задачей своего времени. Вот что писал он в поэме «Видение»:

Труд на земле давно поработчен,
Но век идет, — и тяжкие оковы
Трещат и рвутся, и со всех сторон
Встают рабы, к возмездию готовы.

Освобожденье честного труда —
Вот в чем задача нынешнего века,
Недаром бурь народных череда
Встает во имя братства человека.

Не устоит отживший старый мир
Перед могучим вихрем обновления.
Не выдержит грабитель и вампир
За правду справедливого сраженья.

(Перевод Н. Заболоцкого)

Акакий Церетели считал труд основой всей жизни человека и условием ее развития. «Только в труде спасение и разгадка жизни», — писал он (III, 149).

Чтобы человечество стало свободным и получило возможность нормального и успешного развития, прежде всего надо освободить труд, сделать его свободным и творческим. Выдвигая освобождение, победу труда как первейшую цель освободительной борьбы народов, А. Церетели хорошо знал всю тяжесть и античеловечность подневольного труда. «Что такое подневольный труд, как не мучение», — восклицал поэт (VIII, 71).

«Победа труда», по мысли поэта, это — уничтожение эксплуатации, паразитизма и благополучия за счет ограбления и присвоения чужого труда и создание общества, основанного на равноправии и содружестве свободных людей.

Победе труда А. Церетели придавал не только важное общественно-политическое, но и большое моральное значение. В свободном труде он видел могучее средство нравственного преобразования и воспитания человека. В труде раскрывает и познает человек свои способности, силу и красоту. Труд облагораживает и сплачивает людей, развивая в них чувство коллективности. Люди труда испытывают удовольствие от ритмичности труда и сознания того, что владеют таким умением и мастерством. Это хорошо выражено поэтом еще в его раннем стихотворении «Песня при жатве».

А. Церетели многократно говорил о том, что подневольный труд, лишенный радости и любви, превращается в мучение. Вместе с тем поэт полагал, что подневольный труд пробуждает у эксплуатируемого работника гордость за свой честный труд и ненависть к своим эксплуататорам и угнетателям.

Крестьянин из стихотворения «Слово труженика» выражает любовь к своему честному труду и позорит, проклинает своих грабителей и эксплуататоров.

Люблю, когда страда,
Когда колосьев звон,
Люблю свой серп, когда
В хлебах сверкает он. [...]

Не вор, не ястреб я,
Чтоб грабить всех вокруг, —
Люблю соху, друзья,
Люблю свой старый плуг!

Мне жадность пеленой
Не затуманит взор, —
Мелькай рубанок мой,
Стамеска и топор!

Куска с арбы чужой
Я от роду не брал,
А хлеб бедняцкий свой
Я в поте добывал.

(Перевод И. Снеговой)

С высоты своего морального превосходства труженик-крестьянин проклинает эксплуататоров, живущих и обогащающихся за счет ограбления и присвоения чужого труда — труда бедняков.

Пусть проклят будет тот,
Кто сыт чужим трудом,
Кто с бедняка дерет,
Чтоб свой наполнить дом.

(Перевод И. Снеговой)

Победу труда А. Церетели считал исторически неизбежной. В освобождении труда он видел важнейшую задачу борьбы народа. Но не зная роли рабочего класса в этом процессе, для него, как и для всех домарксистских мыслителей, неведомо было — кто реально и каким путем осуществит победу труда. Однако при всем этом А. Церетели хорошо знал, что победа труда будет достигнута в результате тяжелой борьбы, которая немислима без смелости и отваги. Поэтому поэт на левой стороне своего сердца вычитывает девиз: «Хвала смелости».

Требую похвалы смелости, А. Церетели имел в виду высшую ее форму — революционную борьбу. Призывая к борьбе за искоренение зла, поэт писал: «Но, братья, не дрогнем — возьмемся все за нож; выкорчем колочки, кровью окрасим поля. Горькой жизни в колючей местности предпочтем смерть в розарии» (I, 325). Этой мыслью, заключает поэт, должен проникнуться сегодня «хороший сын отечества».

Приведенные слова А. Церетели не могут не напомнить известного афоризма Ш. Руставели: «Лучше славная смерть — чем постыдная жизнь!» А. Церетели неоднократно приводит этот афоризм, видя в нем прекрасное выражение принципа мужественной боевой морали. Так например, в стихотворении «Колокол» (1882 год) поэт писал: «Но разве не лучше человеку героически испустить дух, чем по воле-приказу другого испить яд?...» И вслед за этим, в подтверждение своей мысли, ссылаясь на Руставели, писал: «Вот что говорит светозарный, цветущий Руставели», — и приводит его афоризм (II, 78).

Мы не станем указывать множество других мест, когда поэт приводит этот афоризм автора «Витязя в тигровой шкуре», отметим, что А. Церетели придает этому афоризму глубоко социальное значение и превращает его в один из основных принципов революционной морали — борьбы за освобождение человека от рабства и угнетения.

Осуждая проклятую жизнь раба, А. Церетели заключает: «Лучше тот, кто погиб в поисках свободы, чем тот, кто в рабстве стал большим человеком» (VI, 100). В упоминантом нами стихотворении «Узник» говорится о том, что тот, кто не ищет света, освещающего и рассеивающего окружающую мир тьму, тот не знает настоящей жизни и прозябает заживо мертвым. Вслед за этим поэт пишет:

«Но разве не лучше жить мало, но жить по-человечески, чем быть заживо мертвым. И несправедливое осуждение встретить мужественно» (III, 211).

Смелая и самоотверженная борьба против угнетения, за свободу делает участника подлинным человеком, наполняет его жизнь глубоким смыслом. Жизнь человека лишь тогда оправдана, когда он бесстрашно борется против гнета и насилия. «Человек тогда краса жизни, — пишет поэт, — если он всегда мужествен» (VI, 73).

Борец за общественные интересы не должен ведать страха и колебания. Он должен смело бороться за их осуществление. «Что значит, — спрашивает поэт, — говорить: «Хочу, но боюсь»? Нет, тот, кто не может прямо обнажать общественные явления, тот пусть замолчит. Пусть не выступает на общественном поприще. Пусть сидит у своего очага» (XI, 384).

Но одна лишь мужественная борьба, какой бы отважной и героической она не была, недостаточна для избавления от гнета и насилия. Требуется еще единение и сплоченность всех борющихся за свободу. Поэтому наряду с девизом: «Хвала смелости», поэт на своем сердце читает: «Один за всех». А Церетели неустанно призывал к единению, видя в нем необходимое условие завоевания свободы. Разрозненная борьба, какой бы смелой и героической она бы не была, не может привести к победе над врагом.

Еще в 1862 году в своем «Ответе Илье Мамацшвили» молодой поэт писал: «Почему терлешь надежду на свободу, мой Илья? Почему отравил тебе надежду Новый год? Разве не знаешь, как легко добиться свободы, если мы по-братски подадим друг другу руки» (I, 110).

Наконец, о девизе «Слава терпению». Он может показаться противоречащим всем другим девизам и даже вызвать недоумение. Но это лишь на первый взгляд. Дело в том, что А. Церетели терпение понимает не в духе христианской покорности и смирения. В стихотворении «Колокол» поэт говорит: «Кто видел свободу, доблестную мученичеством и терпением?»

Понятие «терпение» А. Церетели употребляет в смысле проявления устойчивости и внутренней непоколебимости, которые необходимы общественным деятелям, борцам, вставшим на путь освобождения народа, чтобы выдержать и преодолеть те невероятные трудности и преграды, которые они встречают на своем пути. В драме «Любовь», написанной поэтом на закате жизни, один из персонажей, как бы перефразируя слова Руставели, говорит: «В беде нужна устойчивость, а в испытании терпение» (X, 124).

Подобное терпение порождается у борца непоколебимой верой в конечную победу народа, оно становится необходимым во имя ее достижения.

Возглавляя и направляя борьбу за свободу и независимость, общественный деятель ищет себе сочувствующих и сторонников, а затем сплачивает их. При этом А. Церетели ясно указывает, какого рода сочувствующих и сторонников желает иметь и ищет подлинный общественный деятель. «Настоящий деятель, — пишет поэт, — желает того, чтобы у него при жизни были сочувствующие... А сочувствующим он считает не того, кто льстит и восхваляет лично его и рукоплещет ему, а только того, кто разделяет его думы и любит то, чему он сам самоотверженно предан» (XIII, 29).

Правильное понимание и освоение отмеченных выше гражданских и моральных принципов А. Церетели считал неотложной и первоочередной задачей передового и революционно настроенного молодого поколения. Указывая на это, поэт говорит: когда он вычитал в своем сердце вышеупомянутые надписи, внезапно рядом с ним появился юноша и сказал ему: «Отец, настало время научиться грамоте, дай мне букварь, чтобы прежде всего прочесть эту надпись и перенести ее в мое сердце...» (XI, 110).

Чтобы разъяснить, что написанные на его сердце и так сильно захватившие юношу принципы являются условием революционной борьбы и победы, А. Церетели продолжает: «Юноша начал что-то еще лепетать, но не успел он закончить, как внезапно послышался ружейный выстрел, который вывел меня из задумчивости...» И далее в качестве заключения пишет: «Началась настоящая ружейная пальба: это была торжественная пальба, которой народ обычно встречает Новый год и провожает всем ненавистный старый год...» (XI, 110—111).

Итак, А. Церетели считал, что революция или, как он ее здесь называет — «ружейная пальба», «торжественная пальба» — является средством, с помощью которого народ обычно провожает «всем ненавистный старый год...», то есть царизм, и встречает «новый год» — новый грядущий, свободный и справедливый мир.

* * *

А. Церетели с горечью отмечал сравнительную малочисленность подлинных общественных деятелей. Они, по выражению поэта, так же редки, как чистый жемчуг. Не всякий, кто подвизается, — пусть даже успешно, — на обществен-

ной арене, является настоящим общественным деятелем. Есть люди, которые общественные дела и интересы используют в личных, корыстных целях. «Тот, кто берется за общественные интересы постольку, поскольку это выгодно только лишь лично для него, — разве он в действительности общественный деятель?» (XII, 342). — спрашивает поэт. Подобные лица, по его словам, не общественные деятели, а бесстыжие лицемеры и опасные карьеристы. А. Церетели был убежден, что как бы искусно ни маскировались лицемеры и карьеристы, народ обладает способностью отличать их от настоящих общественных деятелей.

В своих действиях и борьбе общественный деятель не гарантирован от отдельных недосмотров, ошибок и провалов. Но их ошибки могут быть лишь невольными, непредвиденными и искренними. «Нет человека без ошибок, но общественному деятелю нужны искренность и честность» (XIV, 388), — утверждал поэт. Невольные ошибки и провалы при трудной и самоотверженной борьбе не должны засчитываться человеку непростительным и неискупаемым грехом. Живым и деятельным людям, как бы совершенны и предусмотрительны они ни были, свойственны ошибки и промахи.

«Если с чистыми помыслами идущему к священной цели человеку поневоле приходится заблудиться в пути, то это не зачтется ему за грех. Сказано: лучше человеку блуждать по пути в Иерусалим, чем прямой дорогой идти в Каабу. И действительно: лишь тот не споткнется и не свернет с пути, кто растянулся, как мертвец, и беззаветно предается сну. Лучше человеку на доброй дороге поневоле упасть несколько раз и в конце все же достичь святой цели, чем по грязной дороге шагать быстро или же беззаботно, совершенно не двигаясь» (XII, 8).

К этому поэт добавляет: «Но лучше всего было бы, если бы по избранной нами дороге шли не по одному, отдельно, в одиночку... Одиночеству свойственна потеря дороги...» (XII, 8).

Нужно ли особо доказывать принципиальное значение этих слов поэта, отмечающих недостатки одиночной и разрозненной борьбы («одиночеству свойственна потеря дороги») и призывающих к необходимости совместной и организованной борьбы за народное дело?

Настоящий общественный деятель и после смерти приносит людям пользу, побуждая их на благие дела. «Достоинство человека, — пишет поэт, — не пропадает не оцененным. Хорошие люди полезны не только тем, что и при жизни делают много хорошего, но и тем, что и после смерти своим именем зовут к доброй деятельности...» (XII, 334).

Народ не забывает заслуг общественного деятеля, по достоинству чтит его, по нем оценивает свою жизнь и поступки.

Заслуженно завоеванное имя общественного деятеля А. Церетели считал высшей наградой для человека. «Благо тому, кто при жизни завоевал звание общественного деятеля и после смерти оставил след» (XIV, 448).

А. Церетели утверждал, что общественная деятельность обеспечивает человеку одновременно и счастье и бессмертие.

Продолжение следует

Антон КЕЛЕНДЖЕРИДЗЕ

Керчь, год 1942

(Из записных книжек фронтового журналиста)

Известно, где ступит нога фашистского захватчика, — там воцаряются смерть и разруха. Но человек все же устоял и прошел все муки фашистского гнета и остался жить.

Мои раздумья были прерваны видом повисших на стреле подъемника ящиков с нашей типографией. Мы подогнали машину, уложили груз и поехали в Керчь.

И этим моя миссия экспедитора завершилась. Теперь я должен найти всех своих друзей. Они остановились на квартире в доме по улице 25 февраля.

Константина Лордкипанидзе я застал больным. Меня огорчила болезнь друга. Он был сильно обеспокоен своим недугом. Мы успокаивали его, как могли, и ухаживали за ним.

С этого момента начинается моя фронтовая жизнь.

На второй день я впервые услышал умопомрачающий вой и свист авиабомбы и ее сокрушительный взрыв, который и вправду с ума сведет человека. Но мы вскоре так привыкли к этому, что перестали обращать внимание. Каким-то новым чутьем мы стали угадывать, куда она упадет, и научились беречься от ее разрывов.

Воздушные налеты на Керчь не были редкостью, но с марта месяца бомбить стали интенсивнее. Каждый день фашисты с немецкой педантичностью высылали своих черных грифов, которые вели бомбежку с 8 часов утра до 3 часов дня, а затем, улетев на обеденный перерыв, вновь прилетали бомбить. Улицу за улицей, квартал за кварталом разрушали фашисты город.

Бывший нарком внутренних дел Крымской АССР выделил нам под редакцию и типографию подвал школьного здания по улице Ленина. Туда мы перевезли наши ящики и начали устраиваться. Но, — о ужас! — «Американку» собрать не удалось.

Она была уложена в пяти ящиках. Правда, все пять ящиков мы получили, но в одном из них оказались... ножи и вилки, а не валики. По существу, теперь у нас вместо печатного станка был металлолом. Получилось — мы привезли металлолом! Словно здесь его мало, — повсюду сотни тонн искореженного бомбами и снарядами металла.

Продолжение. Начало в №№ 2—3.

Типографии нет — значит, нет газеты. А керченская типография разбита прямым попаданием бомбы. Местная газета печатается в Тамани. О нашем несчастье мы доложили командованию.

В ералаше, творившемся в Камыш-Буруне, этот ящик с вилками и ножами, принадлежавший какому-либо медсанбату, по ошибке выдали нам. Но кому достался наш ящик с валиками? Начались поиски. Но все было безрезультатно. Некоторое время мы хранили ножи и вилки, но после передали их в военную столовую, а наш пятый ящик так и пропал. Мы об этом сообщили в Тбилиси. Но когда придёт оттуда новый печатный станок..

А с другой стороны, если бы мы и собрали нашу «Американку», она все равно не пригодилась бы: на ней невозможно было отпечатать газету нужного нам формата, — нужна была большая машина для плоской печати.

Но газету необходимо было выпустить вовремя, так как в создавшемся на фронте положении она должна была сыграть важную роль. И надо было спешить, так как азербайджанские и армянские газетные группы уже заканчивали монтаж своих типографий и вот-вот начали бы выпускать газету. Грузинская группа не должна была отстать.

Надеяться на другие редакции мы не могли — русская газета печаталась на полевой ротационной машине, а печатные станки азербайджанской и армянской газет могли обслужить только свои редакции.

И мы обратили взоры на местные разбитые типографии: может быть, кое-что там и уцелело. И начали разгребать обломки и рыться в них. Сердце так и разрывалось при виде изувеченных станков. По всему было видно, что здесь была великолепная полиграфическая база...

И на наше счастье мы раскопали плоскую печатную машину, которая по сравнению с другими менее пострадала.

Талер у нее был цел. И колесо передачи уцелело. Теперь, товарищи полиграфисты, дело за вами, покажите свое мастерство, оживите машину! К этому времени определилось, так сказать, и лицо руководителя группы полиграфистов. Им стал Ясон Мхатвари — инициативный и опытный человек. Мы без официального приказа назначили его начальником еще не существовавшей типографии.

Как я уже сказал, в нашей группе было только два полиграфиста: Ясон Мхатвари и Гёги Чхайдзе. Два человека, конечно, не справились бы с выпуском газеты, и потому в спешном порядке были присланы из Тбилиси полиграфисты В. Джапаридзе, В. Чеишвили, Г. Далакян, П. Хубулури.

Товарищи эти работали не щадя себя, и днем и ночью, и восстановили печатную машину!

Радости нашей не было конца, когда мы закончили все работы по восстановлению машины. Мы быстро сверстали полосы и начали печатать!

12 февраля 1942 года вышел первый номер газеты «Медгари шетэ-ва» — первая грузинская фронтовая газета, выпущенная в дни Великой Отечественной войны на Крымском фронте, представлявшая грузинский дубль русского «Боевого натиска». Такие же дубли этой газеты выходили на азербайджанском и армянском языках. Впоследствии, когда «Боевой натиск» стал называться «Боевая крымская», наша грузинская газета соответственно стала называться «Киримис сабрдзоло». К счастью, один комплект этой газеты сумел вывезти мужественный Ноэ Какушадзе, который по приезде в Тбилиси передал этот комплект в тогдашнюю Комиссию по изучению Отечественной

войны (комплект этот сейчас хранится в Институте истории Грузинской Академии наук).

После нашелся и второй комплект, — он хранится у другого работника редакции — Серго Курашвили.

Эту первую грузинскую фронтовую газету, как и армянский и азербайджанский варианты, подписывал Д. Березин (редактор).

Для дублей были назначены заместители: грузинский дубль подписывал, как было сказано раньше, В. Мачавариани. Я был назначен секретарем редакции, но в отсутствие В. Мачавариани заменял последнего. В состав редакции входили: литработники, переводчики, выпускающий. Они же правили корректуру.

В штате редакции числился и писатель. Вначале к нам был прислан К. Лордкипанидзе, но ввиду болезни он вынужден был вернуться в тыл. Несмотря на болезнь, он здесь, в подвале, где помещалась редакция грузинской фронтовой газеты, под гул бомбежек написал свой великолепный рассказ «Как умер старый рыбак». Письменным столом ему служила ученическая парт.

После выздоровления К. Лордкипанидзе работал в северо-кавказской грузинской фронтовой газете; вместе с ней он дошел до Севастополя.

Константина Лордкипанидзе в нашей редакции сменил тогда еще молодой талантливый поэт Реваз Маргиани, который своими пламенными стихами вдохновлял грузинских бойцов на борьбу с фашистами.

Работу в грузинской фронтовой газете он начал с опубликования великолепного перевода стихов Ашота Гарнакирьяна, работавшего в русской фронтовой газете; стихотворение называлось «Грузины идут в атаку», оно отлично выражало боевое настроение грузинских бойцов, их мужественный натиск на врага. Р. Маргиани перевел все стихи, печатавшиеся в фронтовой газете (И. Сельвинского, Р. Рза, Н. Зарьяна).

Разумеется, он публиковал и свои оригинальные стихи. Запомнилось его изумительное стихотворение «Грузинам, бьющимся за Крым». Вслед за этим он опубликовал стихотворение «Комиссар Георгадзе», который пал смертью героя во время высадки десанта. Замечательными были его стихи, напечатанные в первомайском номере — «Майское письмо».

В марте мы получили из Тбилиси машину плоской печати. Выделили нам и грузовую машину, на которой мы установили печатный станок, и таким образом наш печатный цех встал на колеса и сделался подвижным, — куда перемещалось командование фронта, туда переезжали и мы. Придали нам и полевую электростанцию, а до этого, как я уже говорил, собранный нами станок крутили вручную. В этой работе принимали участие все без исключения, мы даже объявили соревнование, кто больше даст оттисков. Побеждал Ноэ Какушадзе. А тираж был 700 экземпляров.

В «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» говорится, что с января по февраль 1942 года советские войска в Крыму продолжали вести напряженные боевые действия. Нашим войскам, занимавшим Керченский полуостров, приказано было перейти в наступление. Целью наступления было освобождение всего Крыма от гитлеровских оккупантов. Но командование Крымского фронта не смогло осуществить это. 15 января на Феодосийском направлении враг сам перешел в наступление. Войска 51-й и 44-й армий не смогли оказать упорного сопротивления, оставили Феодосию и отошли назад, на Ак-

Манайские позиции. Это обстоятельство очень осложнило полное освобождение Крыма. Затем общее наступление было назначено на 27 февраля, но командование фронтом и его штаб не смогли подготовить и это наступление. Наступление началось только 27 февраля, сообщает нам историк, но на самом деле оно началось 25 февраля. Нам было дано указание выпустить к этому дню специальный номер газеты.

Правда, это наступление не имело успеха, но войска фронта проявили мужество и смелость, и была разгромлена румынская 18-я пехотная дивизия.

На Крымском фронте 27 февраля нашей зенитной артиллерией были сбиты 14 фашистских самолетов.

В эти дни я впервые увидел взятых в плен румын, согнанных на штурм Керчи. Их было не меньше батальона. Жалко выглядели эти вояки в морозный февральский день, — как котят, сбились в кучу и зябко поживались в своих тоненьких шинельках.

И в марте, и в апреле были предприняты повторные попытки наступления, но и они не имели успеха. Войска фронта целиком перешли в оборону.

Но все же не совсем безрезультатны были и эти наступления. Войска Крымского фронта принесли врагу немало беспокойств. Я напомним только о разгроме немецкой танковой дивизии.

Из Франции были переброшены новые, насытившиеся разбоем на Западном фронте немецкие 22-я танковая дивизия, 35-й танковый, 129-й и 140-й моторизованные полки и приданные им специальные части. Дивизия эта 15—16 марта прибыла на Крымский фронт для исправления положения немецких войск, создавшегося после разгрома румынской 18-й пехотной дивизии.

Противник поставил себе целью нанести нашим войскам неожиданный удар, кинув эту свою дивизию в бой прямо с марша. Но нашему командованию стало известно о переброске 22-й танковой дивизии, и подготовка для встречи с ней была проведена своевременно. Немецкая дивизия пошла в наступление. Наши войска оказали упорное сопротивление, враг был задержан. Только 20 марта немцы потеряли свыше 50-ти танков. Большинство из этих танков осталось на нашей территории. Враг был отброшен. Гонимый нашими войсками, он оставил на поле боя пушки, много другого военного снаряжения и большое количество убитых и раненых солдат и офицеров. Немало фашистов попало в плен.

Так была разгромлена и немецкая 22-я танковая дивизия.

Об этом 25 марта писала наша газета.

В боях за освобождение Крыма прославился наш бесстрашный земляк летчик капитан Михаил Абзианидзе. 1 мая 1942 года я писал в «Коммунисти»:

«Среди многих смелых летчиков майора А. М. Макарова громкой славой пользуется дважды орденоносец летчик капитан большевик Михаил Амбакович Абзианидзе, чей послужной список полон блестящими эпизодами борьбы с врагом.

Вот один из эпизодов.

Группе бомбардировщиков было дано сложное боевое задание: прорваться в тыл врага и уничтожить важные военные объекты. Грозные советские воздушные корабли в сопровождении истребителей вылетели на выполнение задания. Один из сопровождавших истребителей вел капитан Абзианидзе. Советские соколы были уже далеко за

линией фронта над временно оккупированной врагом территорией, когда на высоте 3 500 метров летевший отдельно от остальных капитан Абзанидзе заметил 5 «юнкерсов» и 7 «мессершмиттов-109». Один советский сокол оказался наедине с двенадцатью фашистскими стервятниками.

Один против двенадцати!

Такое большое неравенство сил не испугало смелого советского летчика. Бесстрашный воздушный боец рванулся навстречу противнику. Фашисты открыли огонь. Абзанидзе кинулся в гущу бомбардировщиков и, приблизившись на 500—600 метров, нажал на гашетку, — длинная пулеметная очередь и меткий выстрел из пушки точно легли в цель: передний немецкий бомбардировщик, перевернувшись через крыло, камнем пошел к земле. Ошарашенные такой смелостью, фашисты повернули свои самолеты назад и стали улепетывать на полном газу».

Мужественный поступок капитана Абзанидзе вызвал большое воодушевление у бойцов Крымского фронта.

На Крымском фронте прославился и старший батальонный комиссар Михаил Андреевич Бускадзе.

С ним я познакомился еще до войны, когда он был политработником в грузинской дивизии имени Фрунзе.

Во время Отечественной войны он принимал участие в известном десанте Керчь—Феодосия, был комиссаром одной из частей. Перед его частью была поставлена весьма ответственная задача: врезаться в тыл врага, разгромить коммуникации, уничтожить живую силу и технику и подготовить условия для наступления наших главных сил. Эту задачу часть Бускадзе блестяще выполнила.

Вот как проходила операция:

Незадолго до рассвета группа Бускадзе пошла в наступление в направлении Феодосии, где гитлеровцы сильно укрепились. Завязался долгий тяжелый бой, в результате которого фашисты покинули город. Но коварный враг оставил в городе засаду в количестве 300 автоматчиков. Для их ликвидации командование части выделило две роты, которые и уничтожили большинство фашистских автоматчиков, а оставшихся в живых взяли в плен.

Часть Бускадзе, не задерживаясь, продвигалась вперед и безжалостно уничтожала на своем пути врага. Она тринадцать дней вела бой, и когда наши войска вынуждены были отступить от Феодосии, уже находилась глубоко в тылу врага, и после, в течение нескольких месяцев, вместе с крымскими партизанами сражалась против фашистов на временно оккупированной крымской земле.

Михаил Бускадзе стал комиссаром партизанского соединения. Вести о его героических делах доходили до нас, и наша фронтовая газета не раз писала о его подвигах.

За отличное выполнение заданий командования и за проявленные при этом смелость и отвагу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками наше командование представило М. Бускадзе к награждению орденом Боевого Красного Знамени.

Я еще находился на фронте, когда раненого Бускадзе на самолете доставили из вражеского тыла и отправили на лечение в госпиталь.

Февральское наступление посвящалось 21-й годовщине установления Советской власти в Грузии.

К этому времени, к 23 февраля, в Керчь прибыла делегация трудящихся Грузии во главе с тогдашним вторым секретарем ЦК КП Грузии К. Шерозия. В состав делегации входили: заместитель председателя Совнаркома Грузии М. Саджая, академик Н. Кецохвели, поэт Ир. Абашидзе и секретарь райкома Д. Хантадзе.

Делегация привезла большое количество подарков для бойцов Крымского фронта. В нашей газете были объявлены следующие данные: 40 тонн мяса, более 72 тонн ветчины и колбасы, 12 тысяч тушек птицы, 9 тонн сыра, больше тонны топленого масла, 129 тысяч декалитров вина, 27 тонн яблок, 18 тонн цитрусов, 12 тонн орешков, большое количество меда, папирос, табака и больше 9 тысяч личных посылок. Все это в 32 вагонах шло до Новороссийска по железной дороге, а после, до Керчи — морем. Когда пароход кинул якорь в Керчи, налетели фашистские стервятники, решив, что прибыло судно с оружием. К счастью, судно не пострадало, наши зенитчики отогнали фашистов, и подарки были распределены по частям. И наша редакция, разумеется, получила свою долю, и мы попировали на славу. Мы были благодарны доброму грузинскому народу за щедрые подарки и в тостах желали ему счастья и долголетия. Тамадой нашего пиршества был Ираклий Абашидзе.

Подарки были распределены по всему фронту, но несколько больше, чем остальным, было послано в грузинскую дивизию.

К этому времени подоспела и концертная бригада Грузинской филармонии, которая дала концерты в грузинской дивизии. В бригаду входили: С. Гоциридзе, Т. Бахтадзе, Чихладзе и Н. Шелехова.

Подарки из Грузии принесли значительное облегчение. Нечего скрывать, что первое время в Керчи с питанием не все было благополучно.

...В один прекрасный день меня вызвали в Крымское НКВД.

Секретарь ЦК интересовался, как мы живем, как идет наша работа и что нам нужно. А нужны были нам печатная машина и шрифты. Нам их выслали как только делегация вернулась в Тбилиси.

К. Шерозия позвал меня к себе (остановился он в морском штабе), его интересовал вопрос возвращения с фронта в Тбилиси наших товарищей. Я рассказал все как было. Но больше всего он интересовался товарищем Лаврентием Джавахадзе: мол, не по причине ли трусости вернулся он домой. Я сказал, что у Л. Джавахадзе язва желудка и что не было никакой надобности посылать его на фронт. Он еще в редакции страдал от своей болезни, на диете сидел, питался одной молочной кашей, а тут в действующей армии некому ухаживать за больными.

— А до нас дошли слухи, что якобы он по трусости своей покинул фронт, — сказал К. Шерозия.

— Клевета. Поверьте, что все именно так, как я вам рассказал, — ответил я.

Больше он ни о чем не расспрашивал.

Вернувшись в Тбилиси, я узнал, что с Л. Джавахадзе обошлись строго. Оказывается, его обвинили в трусости и хотели даже исключить из партии, но эта несправедливость не была совершена. Из «Коммуниста» его перевели в парткабинет им. 26 комиссаров. Но спустя несколько лет наш Лау, как мы ласково называли его, выдвинулся и под конец был назначен редактором железнодорожной газеты. Сейчас он персональный пенсионер. Если бы я знал, что в добром исходе того дела есть хоть доля и моего участия, я был бы весьма и весьма доволен.

Между прочим в связи с упоминанием о подарках мне вспоминается один неприятный эпизод. Пройдохи и воры, оказывается, и на войне не остаются пройдохами и ворами. Особый отдел фронта в дни, когда были получены подарки, арестовал трех военнослужащих из интендантско-хозяйственной службы, которые, как выяснилось, систематически расхищали красноармейские продукты и даже украли часть подарков трудящихся бойцам фронта.

Помню, был 1 или 2 часа ночи, Березину в редакцию позвонили и сообщили, что в Камыш-Буруне идет заседание Военно-полевого трибунала и надо немедленно прислать корреспондента, чтобы в завтрашнем номере был опубликован приговор трибунала. Поехал Виктор Лосев (впоследствии В. Лосев на подводной лодке отправился в Севастополь и там погиб). Трибунал приговорил воров к высшей мере наказания. Приговор тут же был приведен в исполнение. Об этом на второй день, первого марта, писала наша фронтовая газета.

Большое февральское наступление, как я уже сказал выше, расстроилось. В те дни стояли большие морозы, промерзла почва. И как нарочно в ночь на 25 февраля вдруг потеплело, хлынул сильный дождь, земля размякла, возникла непролазная слякоть, и вся техника завязла в ней. Запланированное наступление сорвалось, хотя из некоторых населенных пунктов и вывели фашистов.

26 февраля меня вызвал Березин и приказал выехать на передовую, — осмотреть освобожденные села и собрать материал для номера.

Я отправился на выполнение задания. В те дни весь железнодорожный транспорт Керчи составлял один маневровый паровоз, два пассажирских вагона с выбитыми стеклами, три закрытых товарных вагона и столько же открытых платформ, — этот состав расстояние от Керчи до Али-Бай покрывал в два дня. Он перебрасывал и боеприпасы, и людей. Вот я и сел на этот «экспресс».

Это была моя первая и единственная поездка на передовую линию фронта, где непосредственно решалась судьба войны, единственная — потому что должность секретаря редакции газеты не позволяла мне отлучаться из редакции. Уже стемнело, когда приехали на станцию Семь колодез. Здесь наш «экспресс» заночевал. На второй день мы продолжили путь на Али-Бай. Безбожно лил дождь. Мы сидели на пушечных снарядах, уложенных на открытых платформах.

Али-Бай был узловым пунктом, его беспрестанно бомбили немцы. Тут был суший ад. Народу тьма. Со стороны Ак-Маная доносился грохот артиллерийской дуэли.

Дальше надо было идти пешком. В Огуз-Тобе я должен был зайти в штаб Армии, где на корреспондентском пункте находился ответственный секретарь русской редакции М. Траскунов. У него я должен был получить указания.

В Огуз-Тобе на взгорье стояло выстроенное немцами село. Штаб 51-й армии располагался в красивой немецкой вилле, где я и встретился с М. Траскуновым. Он мне сказал, что я должен вернуться назад, затем идти вдоль железной дороги до Ак-Маная, затем свернуть налево и выйти прямо к Киату. Киат был одним из сел, которое в те дни освободили наши части. Уже стемнело, когда я пустился в путь. Я еще не успел подойти к станции, как настала темнота. Я шел по полю, как и было мне сказано, вдоль железнодорожного пути. Вдруг слышу, кто-то кричит мне: «Куда лезешь!.. Не видишь — флажки, — поле заминировано! Возвратись обратно, взорвешься, как собака!..»

Я не видел никаких флажков. Но когда пригляделся повнимательнее, то действительно разглядел — флажки! — попал на заминированное поле.

Я вернулся в Огуз-Тобе. Ночь я провел в землянке во дворе штаба, зарывшись в сено.

Утром я двинулся в обход минированному полю, прошел в стороне от Ак-Манайских каменоломен, где стояла грузинская дивизия, и пришел в Киат, откуда днем раньше были изгнаны фашисты. В этом бою отличилась морская пехота, а ее как огня боялись фрицы, называвшие моряков дьяволами, от которых они везде и всюду удирали сломя голову. Я записал все, что меня интересовало, и перед уходом решил осмотреть немецкие блиндажи. Странные люди, эти немцы, они любят комфорт и на войне. Блиндажи они выбелили, повсюду валялся куриный пух — значит, у всех были подушки. Наша артиллерия продолжала бить по отступающим фашистам, а пехотинцы наши стояли в окопах по колено в воде, положив винтовки на бруствер, и высматривали, не появится ли где враг.

Что только не может вынести человек!

Нет в мире существа выносливее его. Человеческий организм вырабатывает какую-то невероятную способность переносить самые невыносимые испытания. Без этого человек не вынес бы такого ужаса, как война.

Окончание следует

В краю щедрого солнца

Автобус отходил с Навтлугского вокзала. Еще несколько минут томительного ожидания, и вот он мчит нас в юго-восточном направлении. Через час-другой позади остались Тбилиси, Лочинис-хеви, Вазиани. Не останавливаясь, мы проехали Сагареджо, Баднаури-Лакбе, деревню Мелаани и вскоре преодолели Гомборский перевал. У Куркурского родника автобус милостиво постоял с полчаса, дав возможность пассажирам передохнуть, и снова пустился в путь. Но вот перед нами вырастает дубняк, разросшийся по спуску Чалаубан-Бакурцихе. Едва заметно, тихо трепещут листья. Может, напугала их осень? В лес уже прокрасились осенние краски, и скоро станет багряной пока еще зеленая листва. А потом и красивый цвет исчезнет. И лес будет желтым... И листья начнут опадать. Осень... Пора эта неволью навевает грусть... Но не надолго. Особенно когда машина несется по ровному гладкому шоссе и в небе сияет солнце.

Не оторвать глаз от гор и долин, мелькающих мимо, от близлежащих деревень Кахетии.

Я не боюсь высокопарности, когда речь заходит о самом дорогом сердце каждого грузина — о нашем благодатном крае. Я бы сравнил Грузию с медальоном, густо усеянным драгоценными камнями. И тогда Телави будет в этом медальоне алмазом в тысячу каратов.

И вот поздней осенью 1968 года судьба привела меня в этот древний город. Та же судьба (и я благодарен ей) познакомила меня с гостеприимным хозяином — главным инженером Верхне-Алазанского оросительного канала Ираклием Георганашвили.

Надигвари. Кто бывал в Телави, тот хорошо знает, что это за место. Оно находится на одном из холмов Гомборского хребта, на окраине города. Отсюда далеко, насколько хватает глаз, видны просторы Кахетии.

— Вот там, внизу, видите серебряную полоску? — спрашивает Ираклий.

— Вижу.

— Это Алазани. На берегу этой реки я родился, я ел хлеб, взращенный на алазанских полях, как и многие мои сверстники. Может, потому... — Ираклий не докончил фразы. — Взгляните на южные склоны Кавкасионн, — продолжал он, — как хорошо видны они отсюда.

Воды горных ключей, бегущих вниз, — это начало Алазани. Они растут, набирают скорость и силу и превращаются в реку. И течет она, многоводная, по ущелью, что лежит между Цив-Гомборским хребтом и вечно холодным Кавкасионн...

Ираклий замолчал, словно решив, что говорит о чем-то постороннем, не имеющем отношения к делу.

— Сейчас много говорят об Алазани, о большой стройке, пришедшей на реку.

— Бывали строительства и посложнее, — говорит Ираклий, — взять хотя бы Ингури, — и продолжает: — Скоро плотина высоко поднимет воды Алазани и понесет их через Гомборский хребет. И не удивляйтесь, если воды Алазани вы встретите где-то во Внешней Кахетии, у Качрети или Сагареджо—Баднаури, где они соединятся с водами Иори.

— А ведь лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, не так ли?

— Ну что ж, поедем! — улыбается Ираклий.

Строительство Верхне-Алазанского канала началось уже давно. Широко развернулось оно от самого Гурджаани до ущелья Панкиси, где находится село Дуиси.

Главный штаб строительства находится в Телави. И одним из главных в этом штабе является Ираклий Георганашвили, главный инженер, застрельщик многих начинаний на этом строительстве.

Как и многие другие, работающие на Алазани, техническое образование он получил в Тбилисском политехническом институте. Это довольно представитель-

ный мужчина, спокойный и степенный, и, как подобает кахетинцу, сдержан в движениях и в разговоре. Он из крестьян, и во внешности его сохранилось что-то неуловимо крестьянское. Таких, как Ираклий, на строительстве большинство. И биографии у них почти одинаковые: дети крестьян — они получили образование в городе и теперь все силы свои и знания отдают на благо родному краю.

Мы покидаем Надиквари и едем на строительство. На каждом шагу Ираклий встречает людей со стройки. Это — техники, механизаторы, счетоводы, бухгалтеры. Часто Ираклию приходится останавливать машину и подолгу беседовать, обсуждать какие-то важные вопросы. Что поделаешь, главный инженер обязан ответить на многое, что волнует здешних строителей. И Ираклий помогает не только советами, но и делом, будь то своевременная доставка строительного материала, разбор чертежа, решение множества других проблем, возникающих в процессе строительства с избытком.

Жители Алазанской долины связывают с будущим каналом много своих дум и чаяний. Поднимется, наберет силу виноградная лоза по всей Кахетии — ну как не сделать все возможное, чтоб приблизить этот день.

Арчил Твалиашвили — журналист, работающий в телавской газете (он прошел нелегкую школу войны), может рассказать вам много интересного. Он расскажет о мечтах председателя акурского колхоза, о заветной мечте кахетинца — лишь бы в села пришла вода. Ведь кахетинец всегда отличался безграничной, трепетной любовью к своей земле, к ее расцвету.

Председатель акурского колхоза Шалва Иорданашвили говорит, что с того самого дня, когда в его деревню придет долгожданная вода, акурские виноградари смогут увеличить вдвое площадь колхозных производственных (сегодня этот термин прочно вошел в обиход кахетинских виноградарей) земель. С приходом воды в села радость придет в дом каждого крестьянина. И тогда кахетинский виноградарь поднимет заздравную чашу в честь труда, в честь великой любви к земле своей.

А как же изменился и изменится облик самого крупного города Кахетии — Телави?

У главной площади, в ста шагах от дворца Ираклия, там, где сейчас находится автовокзал, город разрежала пополам так называемая «Сухая балка». Никогда гостеприимный телавец не привел бы приезжего к этому оврагу. Горные потоки, устремлявшиеся на город, оставляли за собой песок и щебень. «Сухая балка» становилась местом скопления мусора, очагом зловония.

По обемм сторонам балки лепились домишки. Они выглядели в «стиле» самой балки, засоренной и запущенной.

Сегодня от «Сухой балки» не осталось никаких примет. На всем протяжении города и за его пределами, почти на два километра, «Сухую балку» расчистили, дно и склоны ее одели в железобетон. И теперь талые воды, живые потоки, стремящиеся с гор, не имеют доступа в город.

И если до сегодняшнего дня достопримечательностями города считались Надиквари, дворец Ираклия и знаменитые рудники, то сегодня перечень их расширился: бывшее клеймо города — «Сухая балка» — стало украшением Телави, одним из центральных районов города. По обемм сторонам изменившего свой облик оврага поднялись многоэтажные жилые дома. Здесь же находятся различные учреждения, мастерские, производственные комбинаты, автовокзал. Отсюда во все города и села Кахетии идут автобусы. Отсюда же по шоссе через Гурджаани — Мелаани связан Телави с Тбилиси и другими городами Грузии.

С преобразованием «Сухой балки», с архитектурным решением этой проблемы возникло много идей, новых замыслов.

— «Сухая балка» подсказала мне возможность превратить скудные овраги, ложбины Кахетии в обильные пастбища, виноградники, поля. Закончим строительство канала и обязательно возьмемся за овраги, — сказал как-то не для огласки начальник управления строительства Верхне-Алазанского оросительного канала Бено Мжаванадзе. И пусть простит он мне то, что я разгласил его тайну — уж очень ждет кахетинец этого дня.

Я беседую с начальником третьего строительного участка инженером Анзором Мусеридзе.

— Я думаю, — говорит Анзор Мусеридзе, — всех нас объединяет одно: большая любовь к нашей земле, к Кахетии, стремление сделать ее лучше и краше. Пришло новое поколение. И на земле, завещанной нам, мы сделаем все, что в наших силах. И сделали уже немало. Взгляните хотя бы на пло-

тины, на винохранилища, многоэтажные здания, построенные нашими руками, на целую серию тоннелей через Цив-Гомборский и Пшавский горные хребты.

Дорога, идущая вдоль заключенной в железобетон «Сухой балки», приведет вас на огромный пустырь. Сейчас на этом пустыре склад строительных материалов. Товарные вагоны, самосвалы, скреперы — все движется в одном направлении к пустырю. Неподалеку от складов устремились ввысь стены заводского корпуса. Завод еще не достроен. Здесь работают бетономешалки, подъемные краны. Завершить строительство заводского корпуса необходимо до первого снега. Вот почему работа сегодня здесь очень напряженная. Недалек тот день, когда завод вступит в строй. Это будет самый крупный в Грузии завод железобетонных сборных конструкций. На территории завода с разных концов везут цемент, песок, камень, щебень, железную арматуру. На этом заводе будут работать тысячи рабочих. Грузинские инженеры, побывавшие в зарубежных странах, говорят, что многие из них не прочь иметь у себя завод, подобный тому, который строится на окраине Телави.

Итак, завод в процессе завершения. Он сможет изготавливать как отдельные сборные части, детали для мостов, так и другие всевозможные сборные конструкции, столь необходимые в строительстве. А порой с завода будут вывозить уже готовые мосты.

— Не исчезнет ли необходимость такого завода с завершением работ по строительству канала? — спросил я главного инженера строительства Элгуджу Шавгулидзе.

— Ну, что вы! — удивляется он. — Во-первых, железобетонные конструкции всегда будут нужны на берегах Алазани и всей Кахетии. Во-вторых, выполнив заказы по строительству канала, завод начнет изготавливать блоки для жилых домов. Уже сегодня чувствуется в Телави и близлежащих селах и городах необходимость, я бы сказал, жилой индустрии, ее производства.

— Да, Элгуджа прав! — поддерживает инженера Бено Мжаванадзе. — Наш завод никогда не будет простаивать.

Воспользовавшись моментом, задаю вопрос начальнику управления:

— Какова же будет система Верхне-Алазанского оросительного канала, если на службу ей поставлены такие гиганты, как, скажем, этот завод сборных конструкций?

Директор не без удовольствия поясняет:

— Наверное, вам уже известно, что проект Верхне-Алазанского оросительного канала принадлежит Георгию Багратовичу Микеладзе. Плотина, которая пустит по каналу воду Алазани, находится в самой горловине Панкисского ущелья близ села Дуиси. Вода, переброшенная в канал, пройдет через Ахметский, Телавский, Гурджаанский районы.

За Гурджаани вода по тоннелю, протяженностью в двенадцать километров, пройдет через Гомбори, потом станет гостьей Внешней Кахетии — полей Сигнахи, Сагареджо, Цителичаро и других.

Длина основного канала вместе с Гомборским тоннелем составляет около 78 километров. В первую очередь будет орошена сорок одна тысяча гектаров, при луске второй очереди — шестьдесят тысяч гектаров сухих земель.

Директор называет поля, которые получат воду в первую очередь. Это: Куцухта, Сагобиано, Бакиловани, Кварелчхали и множество других.

Третий строительный участок находится недалеко от большого завода и Телави — в Гелдиантсеули. Название осталось с той поры, когда этот участок принадлежал семье Гелдиашвили. Машина останавливается на перекрестке Телави—Ахмета, в тени многоэтажного здания. За домом — строй машин. В нескольких десятках шагов отсюда, за рассыпанным по склону орешником, находится село Земо-Ходашени.

В архитектуре здешних домов органически сочетается современный стиль с местным, национальным колоритом. Старая церковь и новые, современные здания, школа, магазины, клуб чувствуют себя рядом удобно.

Из окна управления видна трасса, по которой пройдет канал. Об этом красноречиво говорят земляные насыпи, множество экскаваторов, машин, бульдозеров. В основном на этом отрезке трассы работают рабочие — вчерашние крестьяне из Земо-Ходашени.

Третье стройуправление (руководит им Анзор Мусеридзе, заместитель — Михаил Цамалашвили) обслуживает участок от Ахметы до Икалто. Строителям этого управления предстоит проложить, помимо мелких скважин, четыре тоннеля и пять не менее сложных дюкеров по дну сухих оврагов. Около ста тысяч кубометров земли ляжет земляными насыпями. Разветвления основного, головного канала, уходящие в долины Алазани и на Гомбори, также будут сооружаться строителями третьего управления.

Магистральная линия канала пройдет близ стен древнейшей Икалтойской академии. Земеходашеницы с радостью говорят мне: «Только у нас в деревне будет орошено восемь тысяч гектаров земли». И крестьяне всегда готовы протянуть строителям руку помощи. Настоящая крепкая дружба связывает земеходашеницев со строителями.

На третьем стройучастке свои большие ремонтная и деревообрабатывающая мастерские. На этом участке расположены склады для хранения инструментов, стройматериалов. Здесь останавливается транспорт, идущий из Тбилиси через Телави в Ахмету.

А люди? Их здесь много, хороших и разных. В основном молодежь, умеющая трудиться, проявляющая себя при решении множества сложных технических вопросов. Я не буду преувеличивать, если скажу, что Тбилисский политехнический институт растит замечательные кадры строителей.

Среди них вы встретите немало женщин. Познакомьтесь с одной из них — Ламара Цицхвана, инженер. У нее трое детей. Здесь же на стройке работает ее муж. Ламаре поручено ремонтно-техническое отделение третьего стройучастка. Она же занимается технической документацией.

Обязанности эти связаны с определенными трудностями, все это требует от инженера большого опыта и знаний. Высшее техническое образование Ламара Цицхвана получила в Тбилиси. Потом долго работала за пределами Грузии. Но вот она вернулась в Грузию, и, как говорят моряки, бросила здесь якорь.

Верхне-Алазанский оросительный канал Ламара Цицхвана считает своим кровным делом и гордится им. Не меньше любит она природу Кахетии, мужественных, сильных духом людей ее. А характер у Ламары такой, что нельзя не относиться к ней с почтением и любовью.

Первая очередь Алазанского канала охватывает расстояние в пятьдесят километров, — до Гурджаани. И на всем этом участке Александра Бакурадзе знают все, он нужен всюду, где прокладывают канал. Александр Бакурадзе руководил топографической группой на многих стройках, больших и малых.

В группе у него всегда не более трех человек. Невелика «армия», конечно. Сегодня с Бакурадзе работают Серго Татинашвили, Алексей Воробьев и Вячеслав Корелин.

Группу эту на строительстве по праву называют «проводником воды». Людей такой профессии особенно почитают в странах Востока.

Как надо прокладывать тоннели, где будут построены виадуки и дюкеры, которые поднимут алазанскую воду высоко к вершинам Гомбори. Разрешает эти вопросы группа Бакурадзе. И ходит «армия» Бакурадзе без усталости по сухим оврагам Кахетии, по взгорьям, виноградникам и полям. Не раз и не два приходится им измерять одни и те же участки, изучать все капризы рельефа, сложности пород. И лишь убедившись в том, что найдено верное решение, группа указывает, где может проходить трасса канала. Одним словом, строители идут по стопам геодезистов.

Надо сказать, что Бакурадзе опирается в своей работе не только на знания и опыт. Он многому учится у простого крестьянина, прислушивается к нему. Передставьте его трудовую книжку и вы узнаете, что Александр Бакурадзе прокладывал дорогу воде в Ташишари, Рустави, Телети. А сегодня он со своей группой отдает все силы новому строительству — строительству Верхне-Алазанской оросительной системы.

Если вы едете на строительство Верхне-Алазанского оросительного канала из Тбилиси, советуем вам проехать через Лочинис-хеви, Сартичала — Мелаани, по направлению к Телави — Ахмета. Существуют и другие пути, но этот наиболее удобен. По пути к строительству (покинув Ахмету, вы можете считать, что прошли девять десятых расстояния) повстречаете вы горную речку. Это Илто. По своему характеру Илто во многом напоминает Арагви, Малую и Большую Лиахви. Так и Алазани, Илто берет начало на южных склонах Кавкасиони, зимой питается кристальными водами родников, весной и летом наполняется тальными водами, несущимися с вершин Кавкасиони. Обычно чистая, прозрачная, словно хрусталь, к весне она становится сумасшедшей и несет сломя голову и у Бахтриони встречается с Алазани. Илто самый большой правый приток Алазани. Когда Илто спокоен, — а это в основном бывает поздней осенью и зимой, — он журчит меж глыб и валунов. Из всех притоков, впадающих по пути в канал, Илто, пожалуй, самый беспокойный.

Специалисты замечают: приручить эту «своенравную красавицу» будет нелегко. И действительно, здесь инженерам приходится сталкиваться со множеством явлений, непредвиденных ранее.

На должность укротителя Илто, — сказал Константин Тулашвили, — приглашен надежный человек, отличный специалист по гидротехнике. Это Гиви Владимирович Сулава. Окончив институт, он долго работал в Нижне-Самгорской оросительной системе. Потом в гидропроектном институте и в других специальных учреждениях.

Едва начались работы по Алазанскому оросительному каналу, Сулава направился в Кахетию. Во втором управлении ему предложили сразиться, или как здесь говорят, вступить в дипломатическую борьбу с Илто. Взгляните, как подтачивает, как грызет безжалостно вода Илто скалистые берега!.. Но ей противопоставил свою волю многочисленный отряд Сулава — скреперы, бульдозеры, экскаваторы. И представьте себе, Илто покоряется.

Гиви вы всегда сможете встретить на строительном участке. Каков он внешне? Блондин, слегка предрасположен к полноте — первый признак того, что скоро стукнет сорок. К нему сразу проникаешься доверием. И самое главное, он может работать спокойно, без лишней суеты. Гиви Сулава обладает какой-то притягательной силой. Здесь даже шутят, волшебной. И пусть вас не удивляет, что Константин Тулашвили, в прошлом строитель Свирской гидроэлектростанции, убежден в победе Сулава.

В одном из районов трасса канала пролежала посреди села и захватывала участки и дома крестьян. Кто из нас не знает, каково покидать родной очаг, кров, под которым пришлось пережить и радости и печали. Никто не ренался сказать крестьянам об этом. Тогда Сулава взял на себя эту нелегкую миссию. После первой же встречи Сулава с крестьянами и беседы с ними они согласились переселиться на насыщенное место. Мне рассказали, что Гиви Сулава сам выбирал им место для поселения и даже помог советом, как лучше строить.

По всей трассе канала вы встретите людей, преданных своей работе, горячих патриотов своего дела.

Вот, хотя бы инженер Жиули Лоладзе. Правда, на стройке я его не видел, но о делах его на строительстве говорят все — рабочие и служащие, как старые, опытные, так и молодые.

Местные жители, не работавшие прежде на стройке, естественно боялись сначала спускаться под землю, в «преисподнюю», как они говорили. Тогда Жиули пригласил в Дуиси из Чиатур Рубена Абрамишвили, Захария Махатадзе, Акакия Кавлашвили и Варлама Ломтадзе, съездивших, как говорится, сабаку на этом деле. Они поставили перед собой задачу обучить нелегкой специальности проходчиков вчерашних виноградарей и садоводов.

Сейчас вместе с чиатурскими шахтерами прокладывают туннель и местные жители.

Начальник смены, в которой работает Жиули Лоладзе, — горный инженер Константин Моуравидзе, — тушинец. На строительство Верхне-Алазанского канала он приехал с опытом четырех лет работы в чиатурских шахтах и трех лет работы на лопотских мраморных карьерах. А предки его были знаменитыми овцеводами.

— Значит, с потомственным овцеводством покончено? — спросили его как-то.

— Нет, конечно!

— Как же?..

— А вот так... Строю туннели. А разве на орошенных алазанских полях и гомборских склонах не будет пастись овец гораздо больше, чем до сих пор? Так что выходит, я работаю все-таки на потомственных овцеводов, — улыбается Моуравидзе.

Побывав во многих городах и селах Кахетии, вы непременно захотите побывать и в верховьях Алазани, у головного сооружения канала. Прежде всего вы обратите внимание на множество машин, всевозможных тяжелых и легких механизмов. Многое здесь в основном питается и приводится в движение электроэнергией. Следовательно, на строительстве не обойтись без электромоторов.

С одним из них я вас познакомлю. Вот под навесом сидит сухощавый, ладно скроенный мужчина в спецовке. Это Элизбар Джабанашвили. Без него на строительстве невозможно работать ни днем, ни ночью.

Он охотно помогает и местным жителям. Вот почему здесь с любовью говорят: «Вон идет наш Элизбар, сын Георгия Джабанашвили».

Пшав Павле Мгелишвили стал знаменитым экскаваторщиком. Учился он на курсах механизации в Сагареджо.

Друг его Сико Гиголашвили пришел на стройку из Икалто. Сико водит огромный бульдозер, который, словно сказочный великан-дэв, легко поднимает огромные глыбы, мощные пласты земли. Каждый свободный час Сико проводит в

Иналто. Там у него семья, трое сыновей — героев войны. Вы скажете, стар наш Сико Гилолашвили! Да, ему немало лет, но он крепок и бодр. Здесь его знают как замечательного мастера, воспитавшего большой отряд бульдозеристов.

Сико Гилолашвили любит побеседовать за чарочкой вина со своим другом, приехавшим сюда из Марткопи, — Георгием Матнашвили.

Георгий, как говорится, мастер на все руки. Он знает немало специальностей. Особенно тянет его к работе, связанной с водой. Он с одинаковой любовью может работать на строительстве канала, мастерить желоб для сельского родника, устанавливать кран в доме крестьянина или же переплыть реку — ему все одинаково любо, лишь бы была рядом живительная влага — вода.

Год подходит к концу. Давно поспел виноград. В разгаре ртвели. В лесах собран князл, поспел орех. Ветер срывает их — и они в обилии валяются на дорогах. Водитель часто останавливает машину и, радуясь, словно ребенок, возвращается с туго набитыми карманами. В горах давно закончили покос, сено везут по домам. Теперь в полях собирают лишь солому, складывают ее у машин, которые режут ее мелко, словно табак. Приготовленная таким способом солома — отличный корм для скота, ничем не отличается она по своей питательности от сена. Пастухи гонят в долины отары овец. Этот месяц — первая ступень приготовления к зиме.

На площади в Ахмета встретились нам трое молодых людей. Всем нам, сидящим в машине, понравившись почему-то эти две девушки и парень. Но мы скоро потеряли их из виду — они вошли в книжный магазин.

Мы продолжаем наш путь в Дуиси.

Это довольно большое село наши предки построили в том месте, где беспокойная, словно Терек, Алазани, вышедшая из самого сердца Южного Кавказии, все смывает на своем пути и размалывает.

Видели бы вы Алазани в этих краях. Ее беспокойное течение, казалось, рассекло гигантский Кавказиони на две части. Как дровосек буковые бревна — так рассекает Алазани здесь скалы, подтачивает валуны.

Река, известная как Горная Алазани, близ Дуиси несколько усмиряется. А неподалеку, ниже Матани, прежде чем Илто присоединяется к ней, она разливается по долине. Здесь же она начинает расти, расширяться. Опясывающая серебристой лентой бескрайние долины, далеко, очень далеко, за Внутренней Кахетией и Шираки, соединившись с Иури, она сливается с Курой.

Русло Алазани и весь бассейн от истока до Дуиси, пока река выходит на равнину, грузинский народ издревле называет Панкисским ущельем.

Главное сооружение оросительного канала, плотина, запруда находятся именно в этом ущелье, близ Дуиси.

Работы давно уже развернуты широким фронтом — от Панкисского ущелья до Гурджаанского района. На всем протяжении его — строительные участки, на которых кипит работа. Грузно шествуют экскаваторы, устремляются ввысь подъемные краны, прорезает воздух воздушно-канатная дорога, — всюду множество всевозможных механизмов. Мчатся самосвалы, машины, нагруженные лесом и строительным материалом, цистерны, развозящие цемент, целая армада скреперов.

Участок, руководимый Георгием (Гиули) Ратиани, самый крупный на строительстве. Первая очередь плотины — сложное железобетонное сооружение — первая ласточка всей плотины — уже завершена.

Главная магистральная линия канала встречает на своем пути немало препятствий. То и дело на пути ее вырастают холмы, пригорки, скалы. В таких случаях и приходят на помощь строителям проходчики. Есть тоннели, которые на две тысячи метров тянутся сквозь скалы. Работы во многих тоннелях уже завершены. А впереди еще непочатый край ее.

На прокладке тоннелей и канала, я уже говорил об этом, — в основном работают местные жители. Но нередко встретишь здесь проходчиков из Чиатуры, Ткибули, Тбилисского метро. Опытом своим и своими знаниями они охотно делятся с молодыми рабочими.

Кахетинская осень. Весь край напоен запахом винограда, айвы, арбуза, груши. Шумит осенний лес, но с каждым днем все задумчивее стени.

У верховья Илто, где сходятся Кавказиони и Цив-Гомборский хребты, не увидишь на небе ни облачка. Вечерами веет прохладой, днем же довольно жарко. Самое время поспевать винограду. А солнце, казалось, влюбленное в этот край,

согревает горячими лучами Панкисское ущелье, высокие вершины Кавкази-ни — Гомбори, дремучие леса и бескрайняя Алазанская долина.

Едва мы перешли мост через Илто, как издали же заметили головное соору-жение Алазанского оросительного канала. Белым мраморным монументом воз-вышается плотина.

Неожиданно здесь мы встретили тех молодых людей, которые в Ахмета скрылись в книжном магазине. Их двое, — где же третья? Парня, как мы узна-ли, зовут Аркадием, девушку — Экой, они заканчивают в этом году техни-кум. В Ахмету пришли покупать учебники.

— Вас ведь было трое? — спросил я Аркадия.

— Да, с нами была подруга. Из Ахметы мы направились к Алазани. Под-ружка наша живет в деревне, что у подножия Гвимской горы. Мы проводили ее и потом снова перешли на левый берег Алазани. Идем к себе, в Матани.

— А разве к Матани не было пути покороче?

— Был, конечно. Мы могли перейти реку вброд — и Матани в двух шагах.

— Это я его упростила, — сказала Эка. — Во-первых, я люблю бывать на стройке. Во-вторых, здесь работает мой отец. А в третьих — на стройке каж-дый день можно увидеть что-то новое. Я была здесь четыре дня тому назад — и знаете, даже за этот короткий промежуток времени изменилось многое. А се-годня нам повезло. Встретил нас на берегу знакомый электромонтер и говорит: пришли вы весьма кстати. У нас на стройке — начальство и гости.

Бено Мжаванадзе — начальника строительства Верхне-Алазанского ороси-тельного канала я узнала сразу. Второй — Гиви Микеладзе — автор проекта. С ними были Мусеридзе, Ратиани. Ратиани ходил с гостями по стройке и рас-сказывал о том, что сделано за последнее время.

— Я не спускал глаз с Микеладзе, — признался Аркадий. — Подумать только — быть автором проекта такого грандиозного сооружения...

— А разве плохо быть строителем? — прервала его девушка. — Ведь пло-тина, эти тоннели останутся на нашей земле вечно, как, скажем, стены Икал-тойской академии. Хотя я знаю, почему Аркадий так поклоняется Микеладзе, — лукаво улыбнулась она.

— Почему же?

— Да он мечтает поступить в институт... И стать инженером-проектиров-щиком, — выпалила она.

Аркадий покраснел.

— Ты бы лучше рассказала о стройке.

— Поднялись мы все на какой-то пригорок. Ратиани и говорит Бено Мжа-ванадзе: вот великолепное место для памятника вождю. А место замеча-тельное. Стоишь на пригорке — и видно отсюда далеко-далеко. Весь наш край как на ладони. А потом мы спустились к каменистому берегу реки. Прошли вдоль бетонированного русла канала. Пройдя шагов сто — видим — запрудил канал приблизительно с километр и заполнили его водой из ручейка. Свер-кает под солнцем кристальный пруд. А вокруг гомон, смех. Это детвора резвится. Но вот Бено Мжаванадзе поднялся на пригорок. Мы последовали за ним. «По-моему, здесь», — сказал он, показывая на раскинувшиеся от Дуиси до Матани долины, — приблизительно 1 000—1 200 гектаров земли... — И замол-чал. Что он хочет сказать?

— Вся страна готовится отметить столетие со дня рождения Ленина, — как бы про себя проговорил Бено Мжаванадзе... — Так вот, — сказал он уже громче, обращаясь к Микеладзе, — головное сооружение канала, плотина уже почти готовы...

— И что? — спросил Микеладзе.

— Да то, что наши крестьяне, — улыбнулся Бено Мжаванадзе, — смогут получить к этой славной дате первые 1 000—1 200 гектаров орошенных земель.

В апреле нынешнего года исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося грузинского писателя, исследователя и общественного деятеля — народного поэта Грузии, академика Академии наук Грузинской ССР Иосифа Григорьевича Гришашвили.

Редакция «Литературной Грузии» приступает к печатанию одного из значительнейших трудов И. Гришашвили — «Литературной богемы старого Тбилиси».

Иосиф ГРИШАШВИЛИ

Прощание со старым Тбилиси

Ты прочитал иероглифы,
И хроники тебе дались,
А видел ли, какой олифой
Старинный выкрашен Тифлис?

Блуждая в грязных Сирачханах,
Былого ярком очаге,
Дивился ль бурдюкам в духанах,
И чванурам, и чарге?

И если к древностям забытым
Я нежности тебе придам,
Легко поймешь, каким магнитом
Притянут я к его вратам.

И ты поймешь, за что нападок
Я у поэтов не избею,
И силами каких догадок
Я воскрешаю прошлый век.

Вот зрелище — глазам раздолье!
Но и следов уж не найти
Ковровых арб на богомолье
С паломниками на пути.

Вино на кладбище не льется,
Оборван на платке гайтан,
О чоку черную не трется
К дверям привязанный баран.

Исчез кулачный бой, амкары,
Игра в артому, плясуны,

Все это достойные старой,
Давно забытой старины.

Я на спине лежу на кровле.
Рассвет огнем взрывает высь.
Мой слух далеким остановлен:
Зурны разливы раздались.

Я жду мелодии знакомой
С конца дороги проездной.
Но ветер, не достигнув дома,
Ее приносит стороной.

Взамен шикасты — пара высвист
И частый стук по чугуну.
Напев, будивший вихрь неистовств,
Как в клетке соловей, — в плену.

С кем разделить мою незванность?
Я до смерти ей утомлен.
Междуиун без Лейлы, я останусь
Предвестником иных времен.

Старинный мой Тифлис, не надо!
Молчу, тут сил моих предел.
Но будь преданье мне в отраду
Таким, как я тебя воспел.

Старинный мой Тифлис, — сомнеьям
Нет доступа на этот раз.
Расстанемся и путь изменим.
Прощай! Будь счастлив! В добрый час!

Перевод Бориса ПАСТЕРНАКА

Романтика старинного города вскормила Иосифа Гришашвили, и остра была боль расставания с ней, но, быть может, именно она придала особое очарование всему, о чем он рассказывал.

Удивительная книга — «Литературная богема старого Тбилиси». Она — исповедь и научный труд; она — рассказ о привязанностях; она — открытие яркого мира безвестных певцов. Она жизнерадостна и грустна едва уловимо.

На склоне лет поэт говорил автору этих строк, что в те двадцатые годы ему впервые пришлось задуматься над своим творчеством: «На моих глазах родился новый город. Я, так сказать, был его повивальной бабкой. Рос он стремительно, не уследить было».

И тут же он признавался шутя, что новое и без него обойдется, у нового свои стези-дорожки, а ему все равно куда не деться от дорогой старины. Он говорил, что мечтает засесть за свою «последнюю» книгу — «стариков подлечивать надо», — с двадцать седьмого года, с той поры, как «Литературная богема» увидела свет, много воды утекло, а материала накопилось видимо-невидимо...

Он говорил еще, как важно любить свой город — иначе не понять его людей, и еще он говорил о необходимости знать прошлое, чтобы жить настоящим и в настоящем, и с гордостью подчеркивал значение «Литературной богемы» в изучении этого прошлого.

Он говорил, растягивая слова, как стихи читал, приглаживая белыми пальцами седую, словно прокуренную табачным дымом, поредевшую прядь волос, улыбка скользила по краям его полных губ.

То было в 1960 году, в дни, когда народный поэт Грузии академик Иосиф Гришашвили передал народу собранную им библиотеку в шестьдесят тысяч томов и среди них «Литературную богему», ставшую к тому времени библиографической редкостью¹.

Тогда он не хотел переиздавать ее. Он думал расширить книгу, дополнить. В его архиве сохранилось множество рукописей — дополнений к заветной книге с указанием глав, куда они должны были быть внесены. Эти рукописи частично использованы в тексте перевода, — в квадратных скобках, — и в примечаниях в конце каждого публикуемого в журнале отрывка.

К сожалению, при переводе книги на русский язык пришлось опустить некоторые ее части, особенно те, в которых автор, характеризуя городской язык, приводит слова и фразеологизмы, бытующие среди горожан, — они имеют сугубо лексическое значение.

Исключительно важное место в книге отведено стихам тбилисских ашугов. Переведены они по возможности близко к оригиналу без прихорашиваний и подтягиваний порою наивных строк.

И еще об одном «авторе» «Литературной богемы старого Тбилиси», о ее иллюстраторах: Нико Пиросмани, Елене Ахведиани, Ладо Гудиашвили, Оскаре Шмерлинге, Ване Ходжабекове. Рисунки большинства из них помещены в первом издании книги. Здесь иллюстративный материал расширен, дополнен фотодокументами.

Иосиф ГРИШАШВИЛИ

Литературная богема старого Тбилиси

Среди развалин древней тбилисской крепости на самом краю скалы и поныне высится одинокая башня. Говорят, в кровавые дни нашествия Ага-Магомет-Хана² томилась в ней молодая грузинская княгиня Соломия.

Мужа ее убили в бою, грудного младенца в ров сбросили, саму ее в плен взяли и привели к персидскому шаху.

¹Перевод и примечания Нодара Тархншвили. Перевод стихов Владимира Леонovichа.

— Мне этого добра не надо, — злобно усмехнулся евнух-шах, оглядел свою свиту и спросил, прищурившись: — Кто ее купит?

Пленила красота молодой княгини татарского князя Джафара.

За огромные деньги купил он Соломию и сказал ей:

— Отрекись от Христа, и я возьму тебя в жены, или же свой век в наложницах проходишь.

Тень пробежала по лицу Соломии, попросила она Джафара подождать до вечера ее ответа.

Заперли княгиню в башне. Целый день провела она среди угрюмых стен в слезах и молитвах. Под вечер позвала слуг татарского князя, велела передать, что согласна стать его женою.

Рядом с башней уходил под землю небольшой каменный грот, в нем на богатом ковре возлежал Джафар.

— Я раба твоя, господин, — молвила Соломия, — мне то предсказала судьба.

— Кто предсказал? — удивился Джафар.

— Я наследовала от своей матери тайну прорицания, — отвечала княгиня спокойно, — вся Грузия знает об этом.

Татарский князь удивленно взглянул на пленницу.

— Дай мне руку, — продолжала она, — я хочу знать, долго ли продлится мое счастье.

Джафар поднялся с ложа и приблизился к Соломии.

— О, мой господин, — воскликнула она, как только ее взор упал на могучую руку Джафара, — тебе суждено умереть от своего кинжала сегодня же ночью!

Побледнел татарский князь.

— Не смущайся, — сказала тогда Соломия, — я спасу тебя, я заговорю врага твоего — острый кинжал, дай его мне.

Джафар колебался, он боялся отдать кинжал в руки пленницы. Заметив это, она сказала:

— Отдай его, не страшись, я пока христианка и не могу убить.

Джафар, растерянный, вынул из ножен кинжал и протянул Соломии. Она взяла его, подняла очи к небу, уста шептали молитву.

— Довольно, — сказала она после долгой молитвы, — возьми свой кинжал, он безвреден.

В голосе пленницы не было и тени волнения. Джафар стоял перед ней, не решаясь притронуться к оружию.

— Если не веришь, ударь по нему, — сказала Соломия, приставив острие кинжала к своему сердцу. — Ударь, — повторила она. — Сталь отскочит от моей слабой груди.

Джафар, не помня себя, ударил сильной рукой по кинжалу, и он вонзился в сердце пленной княгини. Кровь фонтаном забила, Соломия упала.

Джафар от ужаса онемел, а когда опомнился, бросился к пленной грузинке, — она была мертва.

...Эта легенда возникла в стенах Нарикала. Записана она русским историком³.

И как обидно, что иноземные ориенталисты знакомы с прошлым Тбилиси лучше нас, его детей... Мы от них узнаем о легендах, что хранят замшелые развалины древней крепости; о банях, в которых «вода горяча без огня», о шумных базарах, обо всем старинном городе, где чудный свет предания воскресил жизнь, исполненную веселья, горя, отчаяния, надежды, о городе, где карачохели — «тифлисский Беранже» распевал:

Не один путешественник ходил зачарованный по узким и кривым улицам Тбилиси, не один пытался постичь тайну жизни, что течет посвоему, вопреки всем законам и правилам; и не раз «азиатский Тифлис» пробуждал вдохновение чужестранца.

И для меня Нарикала в солнечной дымке с самого детства исполнена была извечной таинственности. Она манила меня, завлекала, я мечтал разгадать ее, воскресить образ старого города. То было моей заветной мечтой. Она будила фантазию, и восторг своей души переливал я в стихи, тешась надеждой написать историю родного Тбилиси...

Но прошло четверть века, пока я решился на путешествие в город мечты.

Исследуя творчество и эпоху Саят-Нова⁴, я собрал богатый материал о мастеровых — поэтах Тбилиси шестидесятых годов⁵, — из восемнадцатого века пришел я в век девятнадцатый к удивительным людям, тбилиским ашугам, к эпохе Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели, и открыл для себя неведомый мир песен, а ведь мало кому он знаком, мало кто знает о небольшой, но по-южному быстрой и звонкой реке, что вливается в море грузинской поэзии.

Под народным творчеством, как правило, понимают вдохновение безымянных авторов и обычно собирают его нектар в деревнях. Да, истинно народна поэзия, что вольно льется из сердца сына самой земли. Но и в городе есть она, и она требует пристального внимания к себе, изучения.

И потом ведь, литература — не одни только творения классиков. Литература не исчерпывается великими именами. Очерти ее берега, — попробуй!

В море стекают реки, и в море стекают ручьи, невесть где их истоки, невесть какие они. Я отправился вверх по течению одного из таких ручейков, и привел он меня в старьей Тбилиси.

Со склона Сололакского хребта, по правую сторону горы святого Давида⁶, косо спускаются развалины древней крепости и обрываются вдруг... Одни серые камни, да кусты, да желто-бурая жесткая трава. Но продлите ту стену мысленным взором, — она подступит к реке. Это и есть Нарикала.

Нарикала — название не древнее⁷. Верно, дано оно в честь какого-нибудь персидского хана, одного из последних разорителей города. Крепость звалась раньше Кала. О том говорит и Вахушти Батонишвили⁸: «...Тбилиси образуют три города: Тбилиси, Кала и Исни. Кура отделяет Кала от Тбилиси и Исни...

Прежде Тбилиси был поселением. Во времена 27-го царя⁹ Варз-Бакура персы построили крепость Шурис-цихе на зависть грузинам-строителям Мцхета¹⁰. Затем Горгасал заложил город¹¹. После Мурвана Кру¹² его разорили хазары. После опустошения Мцхета Тбилиси сделался постоянной столицей Багратидов¹³. В Тбилиси много серных источников с бассейнами. Возле серных источников на горе Табор была крепость. Ныне она разрушена.

Шах Сефи поселил тут сеидов, — потому персы называют эту местность Сеидабадом. Некогда были тут церкви, ныне лежат они в развалинах...

В Кала есть крепость, построенная на высокой скале и обнесенная стеной от Сололакис-хеви до Куры.

89-й царь Ростом обнес Кала стеной и передал крепость персам¹⁴.

Есть в Кала дивный собор — Сиони, где пребывает епископ страны: есть Анчисхати¹⁵.

У моста шах Исмаил построил мечеть; царь Ростом воздвиг три мечети: за цитаделью, у своего дворца и у Ганджинских ворот...

В Исни на берегу Куры, на скале, в цитадели — церковь Метехи¹⁶: говорят, она построена Горгасалом во имя Богородицы. Здесь перекинут мост из Кала в Исни, от цитадели до цитадели. У моста — гробница Або¹⁷, его замучили огнепоклонники...

Местность за стеной, где ристалище, теперь называют Гаретубани...

Ныне все четыре города называют Тбилиси — сюда же входит Гаретубани. Дома выстроены из камня на глине и оштукатурены известью. Цитадель, церкви и городские стены из камня на извести. Климат прекрасный и приятный, народ красивый и мирный, женщины весьма милостивы. Вокруг города — сады и множество цветников, но город тесен, площади его безобразны. Летом невыносимо жарко, зимой холодно. Весна и осень прекрасны. Близ города множество мест для охоты на дичь...»

Многое изменилось со времен Вахушти-царевича. «Европейскими», похожими на казармы домами стал застраиваться пригород, но старый Тбилиси оставался самим собой.

Майдан, Клдис-убани, Аванов овраг, Легвис-хеви, Исани, окрестности малой и большой Сирачхана, обоих Метехских мостов до Торговых рядов, бани, Сеидабад, Ортачала, Харпухи — владения старого города. Начало его — Ганджинские ворота.

Стекались сюда караваны. Мерно ступали верблюды, малиновым чистым звоном позванивали колокольчики на уздечках, скрипели арбы, перекрытые мохнатыми коврами, мычали буйволы. Слышались пронзительные выкрики погонщиков.

Из Шоргалы, Марнеули, Дурнаки везли они муку и зерно.

Из Караязы и Адаши — рис и арбузы.

Из Шхлон, Карабаха и Ламбалу — сыр, шерсть, сливочное и топленое масло.

Из Хамамлы, Агзевана, Кульфы и Борчало — яйца, соль, овощи.

Из Закатал — «лезгинские груши», из Душети пригоняли овец...

Шумно и тесно было у Ганджинских ворот. Суетились таскальщики, куцы сгружали товары.

И чего только нет в огромных тюках: кожа, парча и атлас, кашмирские шали и шелка, богатства земли грузинской, армянской, персидской, турецкой, арабской... В караван-сараях вздорожали постой и ночлег¹⁸.

Рано замирала жизнь узких улиц. В домах, налепленных друг на друга, с плоскими убитыми глиной крышами, зажигались огни светильников. Причудливые тени резных балконов лежали на мостовой.

Утром пушечный выстрел звал горожан на торговую площадь. На полосатом столбе посередине базара развевалось знамя. Рядом у капани — огромных весов — толпился народ; взвешивали на капани мешки с солью и мукой, тюки хлопка и шерсти¹⁹.

[Между грудами овощей, фруктов, среди лавок с роскошными персидскими коврами и красным товаром бродили горцы, обвешанные наборными ремнями, старым оружием, нагайками, кинжалами, бурками; букинисты с книгами, туго перетянутыми толстым ремнем, молча вгля-

дывались в толпу; иногда появлялся русский солдат, предлагал, будто невзначай, крепкие кованные сапоги. Персидские купцы пронзительно кричали, зазывая покупателей, турки и арабы молча сидели за прилавками, дымили кальяном, перебирали янтарные четки. Скрежет и лязг доносились из горячих кузниц; над раскаленным тоном вился сизый дым. Пахло пряностями, дубленой кожей и горячим хлебом.]

Любопытно, что перекупщики, разносчики, лавочники могли покупать товар только после двенадцати часов, — сперва его отпустили не торговому люду. Ровно в двенадцать снова раздавался выстрел, знамя опускалось.

«В цитадели и Сеидабаде персы-магометане поселены, вне крепости живут большею частью армяне, меньше грузины, однако нравы и обычаи у всех грузинские...» (Вахушти. География)²⁰.

Население Тбилиси было пестрым, разноплеменным, но у города была одна душа и говорил он на едином своем «городском» грузинском языке.

В грузинской речи часто слышались арабо-персидские, армянские, турецкие слова, — они подчинились живому грузинскому языку, стали плоть от плоти его.

Кропотливо и осторожно оттачивал Тбилиси алмазы чужих слов, придавая им свою свежесть и солнечность, — он вписал их в грузинскую речь, и теперь едва ли кто восстановит их исконное звучание. Да если бы и слова не изменились так сильно, разве унизили бы они грузинскую речь? Разве принижают арабизмы поэзию Руставели?

Богател в Тбилиси грузинский язык. И не только он. Ученый армнолог и грузиновед Леон Меликсетбек отмечал, что под влиянием грузинского языка тбилисский диалект армянского языка создал особые фонетические нормы. Известный армянский писатель и педагог Газарос Агаян советовал изучать говор тбилисских армян...

«...Армяне и грузины в Тбилиси, — писал Петрэ Мирианавили, — говорят на столь замечательном наречии, что истинный любитель словесности найдет в нем не одно драгоценное слово и фразу. Искусный и добросовестный старатель выловит множество бесценных жемчужин. И такой старатель нужен нашей словесности. Крайне необходимо, чтобы в нашей литературе утвердился гибкий и ладный говор Тбилиси. Наш город достоин этой чести...»²¹

Вот я и стал одним из этих старателей. Я жадно ищу благородные тбилисские слова, лелею их, как рассаду нежнейшего цветка, сажаю там, где нет равноценного слова...

Речь карачохели* — «городской язык» — на нем говорили наши деды; он и по сей день не утратил свежести. Более того, некоторые грузинские слова только в Тбилиси и сохранили свое изначальное звучание, свой первоначанный смысл...

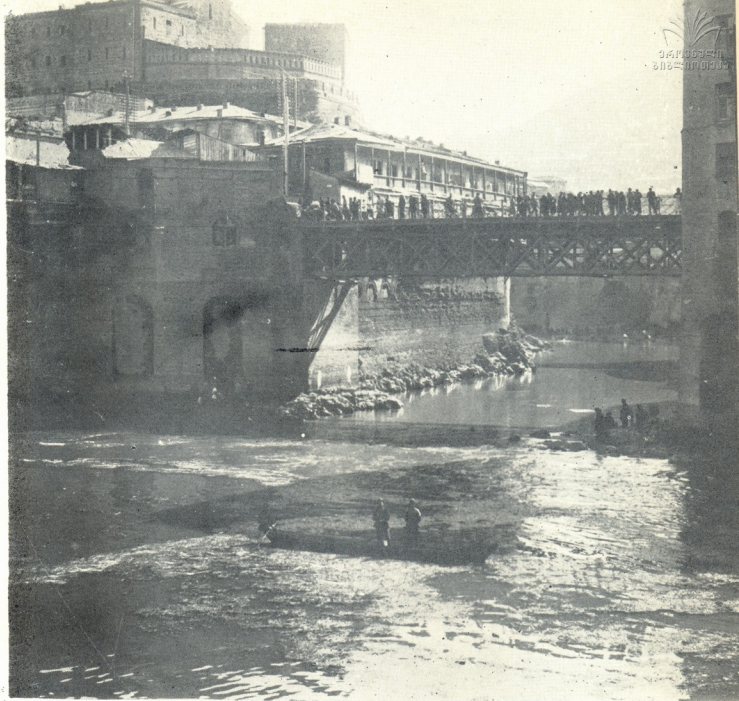
Пестрота тбилисской речи не должна пугать. Лексический материал, воспринятый в незапамятные времена, лишь обогащает язык.

Кинто... Карачохели... Без них не представить тбилисских улиц, Майдана, народных игр и развлечений. Без них не хватало бы жизни старому городу, но не путайте их, тбилисцы, это разные люди.

* Карачохели буквально означает — одетый в черную чоху.

3

4

1. Крепость Нарикала.
2. Метехский мост.
3. Метехи.
4. Е. Ахвледиани. «Духан «Не уезжай, голубчик мой».
5. Дворец царицы Дарьи.

6. Д. Гуляшвили. «Казноба».
7. Е. Ахведиади. «Майдан».
8. Персидин — торговец грамчатами. Фото Д. Давидова.
9. Танец на крыше.
10. Кинто и карачохели.
11. Тимь карачохели.

Репродуцирани с картини и фотографии вториот
половина XIX века Д. Самхарадзе.

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

Кинто — ожиревший бездельник, мошенник беспардонный, мелкий воришка. Карачохели — рыцарь без страха и упрека.

У кинто «дурной глаз» и злое сердце, он похож на человека-перевертыша.

И вот ведь как странно: характер накладывает свой отпечаток и на внешность человека и на его одежду.

Карачохели — рослый, плечистый, сильный мужчина. Он одет в черную шерстяную чоху, обшитую по краям позументовой тесьмой; на нем красная шелковая рубаха и архалук из черного атласа в мелкую складку; его черные просторные шаровары лезгинской шерсти расширяются книзу. Заложены они в сапоги со вздернутым носком и голенищем, перевязанным шелковой тесьмой. Карачохели затянут в серебряный наборный пояс с бляхами величиной в кулак; серебряная трубка, расшитый золотом кисет и шелковый платок-багдади заложены за пояс. На голове у него остроконечная каракулевая шапка.

Кинто — «носящий тяжести на вые» (в старину «квинти» обозначало еще и домового) — одет в ситцевую в белый горошек рубашку с высоким стоячим воротником, никогда почти не застегнутым. Широкие сатиновые шаровары заправлены в носки. Он обут в сапоги «гармошкой», он обычно в картузе и подпоясан узким наборным поясом; длинная цепочка от часов свисает из его нагрудного кармана. Чоху кинто вовсе не носит.

Осанка карачохели горделива.

Кинто расхлябан.

Карачохели — поэт, он создает шедевры.

Кинто — издевается над его творчеством.

Карачохели поет:

Птица радости моей улетела
От презренных мелочей житейских.

Кинто поет:

Чика-чики, файтончики,
Отвечают раставщики... (читай: «ростовщики»).

Любовь вдохновляет карачохели:

Ты арзрумская зарница, Гульнара;
Ты взошедшее светило, Гульнара...

Кинто глумится даже над своей женой:

А жена моя Анет —
Ночью душка, утром нет...

Карачохели наслаждается музыкой дудуки.

Кинто — шарманщик.

Карачохели пел:

Облака за облаками по небу плывут,
Весть от девушки любимой мне они несут...

Или

Ах, луна, луна, надежда пламенеющих любовью...

Кинто для пущего веселья «переводил» стихи на русский язык:

Кусок, кусок облак идет с висок небеса
Запечатан письмо несет от любовница...
Ах, луна, луна, жареных надежда...

Голос карачохели проникновенен.

Голос кинто — хриплый, надтреснутый.

Карачохели пьет вино из глиняной чаши, азарпеши — серебряное сосуда с длинной серебряной ручкой, кулы — деревянной чаши, обитой серебром. Кинто и названия их не знал, а если хотел щегольнуть — пил вино из женской туфли.

И кинто и карачохели торгуют, но торгуют они по-разному. Не привожу диалогов кинто с покупателем, о тебе, читатель, забочусь. Иное — карачохели.

— Сколько стоит, сынок, твой товар? — спрашивает женщина. Она пришла на рынок с красивой молодой девушкой.

— Восемь абазов²², мать.

— А за шесть не отдашь, сынок?

— Эта девушка твоя дочь, мать?

— Да, сынок.

— Бери, мать, товар за шесть абазов.

Остроты кинто истасканы и всегда двусмысленны.

Слово карачохели искреннее, твердое.

В старину был у карачохели обычай: они выдергивали ресницу и толкли ее на камне в знак вечного братства.

«Если друг хорош, был бы он и у бога», — усмехается кинто.

Человеку в черной чохе надоели трактиры и базарная толчея, он стремится в другую жизнь:

Почему задумчив я и грустен —
Больно сердцу, я тебе признаюсь:
На балы, в театры ходят люди —
По трактирам я один слоняюсь.

Карачохели зачастую выдумывает разнообразнейшие игры и развлечения, и они входят в быт и обычаи горожан.

Кинто уничтожает эти обычаи. Его развлечения — игра в кости и сквернословие; он за ту любовь, что отверг Руставели:

«Блуд — одно, любовь — другое, разделяет их стена.
Человеку не пристало путать эти имена...»

(Перевод Николая Заболоцкого)

И все же, дорогой мой читатель, кинто вышел из карачохели. Кинто — выродившийся человек в черной чохе.

Карачохели — житель того города, который, — по «Картлис цховреба»²³ — «стойко защищался от врага, и дух его был тверд и непреклонен».

Кинто, словно черт из преисподней, явился из недр разноплеменного, темного рынка в пору, когда материальная потребность определила производство и мошенникам стало вольготно.

Расти, сынок, расти,
Научу тебя торговать,
Водою вино разбавлять.

.....

Славен старый обычай наш:
Не обманешь — не продашь²⁴.

Русский «босьяк», парижский апаш и тбилисский кинто — близнецы-братья, хотя справедливости ради надо сказать, что этот последний — мелкий жулик, не способный на уголовное преступление, к тому же кинто труслив.

Лев Николаевич Толстой, делясь своими первыми впечатлениями о Тбилиси с Т. А. Ергольской, писал в письме от 12 ноября 1851 года: «...Тифлис очень цивилизованный город, очень подражающий Петербургу, и это ему удается...»²⁵

Тбилиси и в самом деле становился европейским городом. Была в этой метаморфозе своя хорошая сторона, была и плохая, и она болью отзывалась в сердце грузин.

«Не тянет меня в Тбилиси, — сетовал Илья Чавчавадзе, — не тянет, не лежит у меня сердце к родному городу, изменился он, будто все тбилисцы снялись с насиженных мест и ушли, и явились вместо них пришельцы невесть из каких краев»²⁶.

В 1881 году к нам приехал художник Михайл Зичи²⁷. Он писал тогда картину «Демон», и ему нужны были грузинские национальные костюмы. Их удалось раздобыть по чистой случайности, после долгих поисков. Григол Орбелиани²⁸ с горечью писал об этом своему другу Н. Чавчавадзе. «Слишком уж «просветилась» Грузия, — и ничего своего не хотят, одеваться по-грузински и то стыдятся.

Грустно, князь Нико, грустно...»

Уже не найти и следа ковровых арб и верблюжьих караванов, не насладиться вдоволь напевом дудуки. И я прощаюсь со стариной, стараясь рассказом о ней одолеть грусть расставания. Я хочу сохранить мой город, старый Тбилиси в сердцах людей. Иногда я задумывался, — а нужен ли мой рассказ?

Мысль эта неотступно преследовала меня, пока на глаза не попались газетные строки:

«Тбилиси меняет свое лицо, но о его богатом прошлом, его своеобразии, исключительном историческом значении нельзя не знать тбилисцам. Потому музей Тбилисского городского совета в ближайшее время организует выставку «Старый Тбилиси...»²⁹.

Не могу не поделиться своей радостью, не могу не похвастать — «Литературная богема старого Тбилиси» дала начало большому делу»³⁰. Значит, труды мои нужны. И кому, как не мне, меджнуну Тбилиси, стать хранителем его музея.

И вот я исследователь. Я, словно моль, ношусь среди жухлых книг, перебираю изъеденные временем страницы, блуждаю по Сирачхана и Харпухи, пробираюсь сквозь толчею Майдана, отчаянно заискиваю перед каждым, кто может мне рассказать хотя бы самую малость о старом городе. Я гонюсь за экзотикой, чту ее, ныне отвергнутую, — не она ли вдохновляла поэтов, не она ли придала их творениям свой блеск, свою живость.

Каждый поэт — дитя своего времени, каждый — дитя своего круга. Каким же был этот круг, что вскормил поэтов старого Тбилиси, какую жизнью жил он?

Я хочу рассказать вам о празднике — каэноба, о грандиозном представлении, вроде европейских карнавалов и маскарадов, но куда более массовом и отличном от них и по своей сути, и по своему ходу, и по своему завершению.

Каэноба — празднество хана, — зародилось у нас давным-давно. Одни говорят — в пору язычества, другие говорят — со времен вторжения Мурвана Глухого. Как бы то ни было, игры каэноба исстари ведутся в Тбилиси»³¹.

Журнал «Квали» описывает каэноба в годы наместничества Ермолова³², когда «только-только застраивался городской квартал Сололаки и вокруг канцелярии главноуправляющего краем появились первые дома и улицы наподобие европейских».

...Масленица подходила к концу. Авлабар, Чугурети, Нарикала готовились к играм. До поздней ночи в мастерских Сеидабада шили наряды и маски, в кузницах ковали железные кольца — украшения хана и его свиты, столяры вытачивали деревянные сабли, кинжалы, рогатки. В Сирачхана поднимались арбы, нагруженные огромными бурдюками из буйволовой кожи — торговцы запасались вином.

Город разделился на два лагеря — лагерь «завоевателей» и лагерь «грузин», Исани — против Нарикала.

К нарикальцам присоединились жители Веры и нового района — Сололаки. Авлабар же, Чугурети и пригород Кукия примыкали к Исани.

Во главе игр — именитые люди: Мухран-Батони, Орбелиани, Бараташвили, Чавчавадзе, Чолокашвили, Эристави, Джорджадзе... Ермолов участвовал в играх на стороне нарикальцев.

Праздник начался с выступления хана (каэна), его свиты и войска.

Протяжно завывала зурна, запел дудуки, ударили в бубны, литавры и доли. Закрылись дома и лавки, затих Майдан. Тбилиси притаился.

...Скрип повозок и арб, топот лошадей и выкрики ханской свиты врезались в тишину. Войска каэна вошли в ворота Исани и к утру заняли весь город. На перекрестках дорог появились отряды мытарей...

А дальше бывало так:

С ночи готовила свои войска Нарикала, но вынуждена была отступить перед тысячной вражьей силой. Укрылись войска в Сололакском овраге.

Ханский стан веселился, шумел, гоготал. И, как это бывало в действительности, в суровую пору народных испытаний, к трону каэна, на Сеидабадский холм, шли с повинной малодушные, спешили на поклон новой власти. Того, кто не пожелал сдаться на милость победителя, хватили на дорогах, волокли связанными к трону, тройную дань заставляли платить...

В полдень в ханский стан врвался гонец с вестью о приближении грузинского войска и измене вассалов.

Хан приказывал трубить сбор. Завязывалась схватка. Слышались походные песни, смех, веселые выкрики, стук деревянных мечей. Кто-то, самый находчивый и храбрый, врвался в шатер хана и брал его в плен.

«Грузины» торжествовали победу...

Едва ли в этой мистификации можно усматривать одно лишь развлечение досужих людей.

Каэноба — рассказ о многовековой борьбе грузинского народа за свою независимость.

Каэноба — символический праздник — торжество патриотического чувства, и не случайно во главе игр всегда стояли выдающиеся грузинские общественные деятели, писатели и поэты. Одно из самых больших представлений было организовано на средства и по плану Григола Орбелиани в бытность его наместником на Кавказе. В последний раз играми каэноба руководил известный наш поэт Григол Абашидзе.

Знаменательно, что царское правительство запретило изображать на празднике войну. И все же смысл каэноба, его идея осталась, и я бы сказал, сделалась более яркой.

...Каэна выбирали старейшины в каждом районе. Иногда он избирал очередного наместника царя на Кавказе, жандарма или спешащего офицера. И в Чистый понедельник каэны выходили в город.

Хан восседал на верблюде или осле лицом к хвосту. Одет он был в вывернутый козуж, подпоясан крученой соломенной веревкой. На голове шутовской колпак. Лицо вымазано сажей. В одной руке каэн держал шумовку, в другой — ржавый вертел с насаженным на острие яблоком. За ним шли свита и мытари, и каждому встречному волей-неволей приходилось раскошелиться. Каэн заносил в толстенную книгу имена плательщиков. Затем, как правило, в полдень, хан «попадал в плен» и его швыряли в реку, где помельче, — там он успевал смыть сажу с лица. Теперь он снова становился тбилисцем.

А потом с берегов Куры и Ортачалъских садов доносились песни людей, празднующих освобождение, — то было завершение игр каэноба, праздника истинно народного. И я вижу в нем характер грузин, характер людей, умеющих посмеяться над превратностями судьбы, стремящихся вынести праздник на улицу.

Игра в мяч, конные ристания, кулачные бои — всюду множество людей, всюду — праздник братства. И я уверен: именно поэтому наш народ тысячи раз возводил разрушенные стены своего города и тысячи раз, подобно сказочной птице, восставал Тбилиси из пепла.

Я думаю об этом, и уж судите сами: хорошо ли, плохо ли, что народные игры и празднества позабыты и все чаще праздник сводит нас в тесной комнате и мы не выходим из семейного круга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1964 году «Литературная богема старого Тбилиси» вошла в пятитомное собрание сочинений Иосифа Гришавили (на грузинском языке) с некоторыми дополнениями.

² Персидский шах Ага-Магомет-Хан в 1795 году направил царю Ираклию II (см. примечание 41) ультиматум. Вот его заключительные строки:

«...Ваше высочество знает, что в продолжение ста поколений Вы были подвластны Ирану, теперь же с удивлением видим Мы, что Вы примкнули к русским, у которых нет других задач, как торговать в Иране, и дело которых только торговля.

Ты человек девяносто лет и такие вещи допускаешь: привел неверных, соединился с ними и даешь им волю...

Следует, чтобы ты постыдился перед всеми и не допустил этого дела. В прошлом году ты заставил меня погубить нескольких грузин, хотя мы совершенно не желали, чтобы наши подданные погибли нашей же рукой. Теперь милостью всевышнего, силой которого достигли Мы величия несравненного, великая Наша воля, чтобы Вы, как человек разумный, порвали бы с русскими.

Если приказание не исполнить, то в самое короткое время совершим мы поход на Грузию, прольем вместе русскую и грузинскую кровь и из нее создадим реки наподобие Куры...» («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Выпуск 29, Тифлис, 1901, стр. 148.)

Ираклий не пожелал признать себя вассалом Ирана, и осенью 1795 года Ага-Магомет-Хан вторгся в Грузию. После кровопролитного сражения его войска взяли Тбилиси, разграбив и разрушив его до основания.

³ В. Пото. «Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе». Выпуск 1, Тифлис, 1906, стр. 74.

Такая же легенда использована Акакием Церетели в поэме «Баши Ачуки».

⁴ Саят-Нова* (1705—1795) — персидом выдающегося армянского поэта Арутина Саядяна. Уроженец Тбилиси, он писал стихи на армянском, грузинском и азербайджанском языках. Одно время был придворным поэтом Ираклия II, затем удалился в монастырь. Убит персами во время нашествия Ага-Магомет-Хана. Похоронили поэта в Тбилиси, у входа в церковь Сурп-Гео р г а. Надпись на могиле поэта гласит:

Черным шрифтом выделены примечания И. Гришавили.

* Саят-Нова — царь песней.

Не всем мой ключ гремучий пить —
Особый вкус ручьев моих!
Не всем мои писания читать —
Особый смысл у слов моих!
Не верь, меня легко свалить —
Гранитна твердь основ моих!

(Перевод В. Брюсова)

В 1918 году вышла книга Носифа Гринашвили «Саят-Нова», в которой собран обширный материал о жизни Тбилиси XVIII века.

⁵ Эти мастеровые по существу были рабочими в современном значении слова, однако почему-то рабочим — муша — в те годы называли исключительно носильщиков тяжестей.

⁶ Гора святого Давида (Мтаминда) названа по имени одного из тринадцати проповедников христианства в Грузии.

Давид построил на горе церковь (VI в.). После паломничества в Иерусалим он удалился в Кахети, в пустыню Гараджи, и основал там монастырь. Его стены и по сей день хранят замечательную фресковую живопись грузинских мастеров.

⁷ Городская крепость — Кала воздвигнута в IV веке, не раз была разрушена и вновь отстроена.

⁸ Вахушти Батонишвили — выдающийся грузинский историк и географ XVIII века. Сын царя Вахтанга VI. Его труды и по сей день не утратили своей научной ценности.

⁹ В «Истории царства грузинского» Вахушти перечисляет грузинских царей.

¹⁰ Мцхета — древняя столица Грузии. Основателем ее, по преданию, был Мхетос, один из сыновей мифического родоначальника картвельского племени Картлоса.

По материалам археологических раскопок уже в начале второго тысячелетия до н. э., в бронзовую эпоху, Мцхета была городом.

¹¹ Вахтанг I с начала своего правления (вторая половина IV века) вел борьбу за освобождение Грузии от персов. Летописец рассказывает, что шлем его был украшен изображением волчьей головы, и, завидев в бою царя Вахтанга, персы кричали в страхе: «Берегитесь волчьей головы!» (Гург-аслан). По преданию, он основал Тбилиси, который играл огромную роль в жизни Грузии. Он был душой и сердцем страны. Персы во время своих бесконечных нашествий первым делом стремились овладеть им. И в самом деле, Тбилиси в одно и то же время защищал дорогу на Кахети, Картли и Мехети.

¹² В 731 году арабский халиф Мурван, прозванный грузинами за свою жестокость глумим (Кру), вторгся в Закавказье. Жители Тбилиси и других городов Грузии вынуждены были укрыться в горах.

¹³ Багратиды — династия грузинских царей, правивших страной с IX по XIX век.

¹⁴ С 1632 по 1744 год Грузией правили грузины-мусульмане. Первым из них был Ростом. Он носил титул вали (наместника персидского шаха).

¹⁵ О том, как выглядел Сионский собор в середине XIX века, мы находим любопытную справку у русского историка А. Н. Муравьева:

«...Я просил моего приятеля вести меня в собор Сионский, чтобы поклониться там первой святыне Грузии, виноградному кресту святой Нины.

Древнее святилище вросло в землю от тяжести веков, ибо основателем его был еще в V столетии славный царь Вахтанг Гургаслан, и печать давно минувшего лежит на его тяжелой массе, сложенной из дикого желтого камня. Та же священная старина обвела меня и во глубине храма, мрачного, как наши древние соборы, с узкими окнами, мало проливающих света, но с куполом остроконечным, во вкусе грузинском...» (А. Н. Муравьев, «Грузия и Армения», ч. I, СПб, стр. 213).

Вторая древнейшая грузинская церковь — Анчисхати. Она названа так по перенесению сюда из Анчи — Южная Грузия — так называемой нерукотворной иконы Иисуса Христа.

¹⁶ Легенду о Метехи (V в.) излагает французский путешественник XVII века Шарден в своей книге «Путешествие Шардена во Закавказье в 1672 — 1673 гг.».

«...У грузин, — пишет он, — была прекрасная церковь в южной части города; ее разбило молнией... Это здание и теперь называется Метехи, что означает разрыв. Говорят, ее построил один из царей Грузии в покаяние за нарушение им мира с соседним князем...»

По утверждению других путешественников, историков и этнографов, Метехи по-гречески означает подворье.

¹⁷ Арабского юношу Або сожгли оцепоклонники за принятие им христианства. Прах его развеяли по ветру у подножья Метехского замка, где позднее в честь мученичества Або воздвигнута была часовня.

Иоанн Сабанисдзе — замечательный грузинский писатель и один из руководителей народно-освободительного движения против арабов в восьмидесятых годах VIII века описал жизнь Або, «дабы вдохнуть мужество и отвагу в изнывающих от страха и леблящихся, как тростник на ветру, и вернуть отчизне тех, кого неверные ввергли в соблазн и отвратили от пути истинного... одних — силой, других — обманом или коварством, третьих по вине незрелой молодости...»

¹⁸ Архитектура караван-сарая, — пишет историк Н. Берзенов, — в общем и частности немногим отличается от подобных же построек в Персии. Там караван-сарай строят из кирпичей и лучшие из них имеют следующую форму: вокруг четырехугольного продолговатого двора идут в 2 этажа утаги — комнаты аркадами; посередине каждой из сторон здания строятся, — разумеется, в общей с ним связи, — высокие порталы для входа. Гладко вымощенный камнем или кирпичом двор обсаживается в два ряда деревьями, образующими аллею; в одной стороне двора — большой каменный бассейн с водою для потребностей обитателей караван-сарая, а с другой — платформа для совершения правоверными молитвы; и бассейн и платформа имеют форму параллелограмма. В лучших караван-сараях, где помещаются ценные товары, нижние комнаты служат конторой, а верхние магазином или помещением для самого купца; в таком случае в комнатах нижнего этажа передняя стена состоит из большой рамы со стеклами, которая на ночь запирается деревянными ставнями. При каждой лавке есть сбоку передняя. Караван-сарай называют или по имени какого-нибудь торговца или по сортам товаров, преимущественно продаваемых здесь, или, наконец, по именам городов, к которым принадлежат приезжие, в них останавливающиеся...» («Тифлис в историческом и этнографическом отношении». СПб, 1870, стр. 115).

¹⁹ О том рассказывает революционер Михаил Чодришвили, приехавший в Тбилиси в 1866 году. (См. «Революциuri матианэ», 1924, № 2—3, стр. 312—313.)

²⁰ Грузинское дворянство обычно жило в своих поместьях. Этим и объясняется тот факт, что после отмены крепостного права в Тбилиси резко увеличилось грузинское население.

²¹ Петр Мирианшвили. «В чем провинился город?». Газета «Иверия», 1900, № 208.

²² Абаз — грузинская монета, равная двадцати копейкам.

²³ «Картлис цховреба» — историографический сборник сведений о жизни Грузии.

²⁴ Стихи кинто написаны на русском языке.

²⁵ «Письма Л. Н. Толстого», СПб, 1910, стр. 13.

²⁶ Илья Чавчавадзе. «Сочинения», т. 3, стр. 309.

²⁷ Михай Зичи — венгерский художник, с 1847 года жил в России. Отличный рисовальщик, Зичи создал большое количество зарисовок, иллюстраций к произведениям Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Шекспира, Гёте, Байрона и других.

В 1884 году Зичи приезжает в Грузию. Здесь завязывается дружба с лучшими представителями грузинской интеллигенции.

Незадолго до смерти М. Зичи преподнес грузинскому народу серию иллюстраций к «Вепхискаосани» с дарственной надписью: «Тифлисскому литературному обществу в знак моей симпатии и сердечной благодарности к грузинскому народу. Зичи. С.-Петербург. 10 марта 1889 г.».

²⁸ Григор Орбелиани (1800—1883) — выдающийся грузинский поэт-романтик.

²⁹ Газета «Муша». 1926, 3 декабря, № 1212.

³⁰ «Литературная богема старого Тбилиси» — так назывался мой доклад, прочитанный 23 мая 1926 года в Тбилисской государственной консерватории. Затем я выступал с тем же докладом в Чиатура, Зестафони, Кутаиси и Зугдиди.

³¹ Г. Церетели пишет: «Казноба — любимый обычай грузин, сложившийся в древние времена. Это — символ освобождения народа от господства иноземных завоевателей» («Журнал «Квали», 1893.)

Год от года менялось лицо казноба. По свидетельству газеты «Иверия» в 1886 году казны некоторых районов города изображали жандармов.

³² Алексей Петрович Ермолов (1772 — 1861) — русский генерал, герой Отечественной войны 1812 года. С 1816 года был назначен главнокомандующим на Кавказе, командиром отдельного грузинского корпуса и послом в Персии. Был близок к переловым кругам грузинской интеллигенции.

Продолжение следует

Давид ПАНЧУЛИДЗЕ

К ИСТОРИИ ГРУЗИНСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Выдающийся грузинский общественный деятель и пламенный публицист, близко знавший Карла Маркса, Нико Николадзе высоко ценил свобододолюбивый французский народ, его революционное прошлое, культуру и литературу.

Он был хорошо знаком с экономической, политической, культурной жизнью государств Западной Европы и особенно Франции. Нико Николадзе в разное время подолгу жил во Франции. Он был в близких отношениях с выдающимися французскими общественными деятелями и писателями того времени: Луи Бланом, Виктором Гюго, Альфонсом Додэ, Анри Рошфором, Леоном Гамбетом и другими.

Нико Николадзе был глубоко знаком с учением великих французских просветителей, со взглядами французских историков и идеями французских утопистов.

Было бы неправильно думать, что интерес к культуре и литературе Западной Европы, и в частности, Франции, возник у Нико Николадзе после его посещения Франции. Нико Николадзе принадлежит к славной плеяде шестидесятников, его мировоззрение и эстетические идеалы сложились на рубеже 60-х годов, в период его пребывания в России и Грузии, и следовательно, основы его взглядов были заложены именно здесь. Знакомство с Францией и его деятельность в этой стране значительно расширили круг вопросов, интересующих Нико Николадзе.

Благодаря знанию грузинского, русского, французского и английского языков Нико Николадзе систематически следил за литературной жизнью Грузии, России и стран Западной Европы. Он был не простым наблюдателем явлений и событий, но и непосредственным их участником. Глубокие и всесторонние знания давали ему возможность высказывать свои взгляды по разным вопросам. Н. Николадзе часто даже вступал в прения с выдающимися людьми Франции, что создало ему большой авторитет и за пределами родины. Многие французские общественные деятели откликались на выступления Н. Николадзе, считались с его мнением, прислушивались к его высказываниям по разным злободневным вопросам.

Н. Николадзе печатал много своих работ в грузинской, русской и французской прессе. Он очень любил Францию и французский народ, французскую культуру и литературу. Его воспоминания о пребывании во Франции согреты такой любовью, что вызывают волнение и живой интерес.

Нико Николадзе принадлежит ряд работ большого и малого объема о Франции и французской литературе. Не случайно, что он одним из главных объектов исследования избрал именно французскую литературу.

Большой резонанс получила во Франции брошюра Н. Николадзе «Пресса декаданса», которая была издана на французском языке в Париже в 1875 году. В этой работе Н. Николадзе в остро сатирической форме выступает против журналистики Третьей республики. Он утверждает, что французская пресса встала на путь деградации и постепенно теряет свой авторитет. На эту брошюру Н. Николадзе широко откликнулись Эмиль Жиарден, Луи Блан, Ив Гюи и другие. «Невозможно представить, — писал известный французский публицист Ив Гюи, — что она написана «иностранным журналистом». Очень немногие журналисты-французы смогли бы написать таким языком, с такой силой и убедительностью». (Подчеркнуто нами. — Д. П.).

Победа Парижской Коммуны захватила все чувства и мысли Н. Николадзе, который считал ее историческим прогрессом человечества, наступлением весны

Окончание. Начало в №№ 2—3.

для французского народа, при этом он чувствовал, что победа Парижской Коммуны была тесно связана с общей освободительной борьбой народов.

Поражение Парижской Коммуны сильно огорчило Н. Николадзе, но он не утратил надежду, не потерял веры в светлое будущее человечества. Нико Николадзе с интересом знакомился с французской литературой, посвященной Парижской Коммуне.

Нико Николадзе не только был хорошо знаком с литературой Франции, но и выступал с отдельными высказываниями и статьями, посвященными французской литературе. Примечательно, что он очень любил эпистолярный роман Монтескье (1689 — 1755) «Персидские письма» («Lettres persans»), под влиянием которого им был написан глубоко содержательный художественный очерк под таким же названием.

В своих «Персидских письмах» Н. Николадзе определяет так называемую европейскую свободу как «ложную и фальшивую свободу». По его мнению, «вся жизнь населения Европы протекает в отвратительном рабстве». Острый и наблюдательный глаз Н. Николадзе отлично замечает, что у представителей западноевропейского буржуазного строя «болезненно развита жажда накопления денег, скупость и желание уничтожить всех, кого судьба поставила под их началом»¹.

В этом интересном художественном очерке Нико Николадзе рисует яркую картину порочности буржуазной общественной жизни и высказывает уверенность в том, что такая «цивилизованная» Европа не может долго просуществовать.

Нико Николадзе с глубоким знанием дела разобрал французские художественные произведения, написанные на тему франко-прусской войны, которые, по его мнению, более подходят на сухие и заносчивые декларации, нежели на произведения, правильно отражающие действительность. Нам думается, что Нико Николадзе ошибается, причисляя почти все французские произведения, написанные о франко-прусской войне, к произведениям среднего уровня².

Особый интерес вызывает статья Н. Николадзе «Гюстав Флобер», в которой автор дает глубокий литературно-критический анализ творений великого французского романиста. Он вполне справедливо считает Флобера замечательным мастером французского художественного слова, обладающим силой и способностью выразить ту или иную мысль в редкой по художественности форме.

В своем интересном исследовании Н. Николадзе высказывает мысль, что «Госпожа Бовари», как сильное художественное произведение, может сыграть важную роль в развитии грузинской художественной литературы, так как молодые грузинские писатели могут почерпнуть очень многое в писательской манере великого французского мастера.

Такой же глубокий, научный и художественный анализ дал Нико Николадзе и роману Флобера «Саламба», по его мнению, такое детальное и всеобъемлющее изучение Флобером прошлого может быть для французов второстепенным фактом, для грузин же оно имеет первостепенное значение. Если бы грузинские писатели подобно Флоберу также глубоко изучили историю Грузии и создали бы глубоко идейные и высокохудожественные произведения о прошлом грузинского народа, то они тем самым во многом содействовали бы научному изучению истории Грузии и прогрессу грузинской литературы³.

Нико Николадзе придавал большое значение отбору произведения для перевода и вообще переводческому делу. Он настаивал, чтобы для перевода отбирались только такие художественные произведения, содержание и целеустремленность которых соответствовали духовным запросам грузинского народа, содействовали бы расширению его кругозора.

Плодотворная литературная и общественная деятельность Нико Николадзе в Грузии и Франции, его богатое публицистическо-критическое творчество содействовали расширению и укреплению грузинско-французских литературных связей.

Виктор Гюго своей исключительно плодотворной общественной деятельностью и боевым духом, своими гуманистическими и демократическими идеями, своими всемирно известными художественными творениями был близок и понятен грузинскому народу.

¹ Николадзе Н. Сочинения, т. 3, Тбилиси, 1963, стр. 356.

² Николадзе Н. Воинственная поэзия во Франции после 1871 года. Газета «Обзор», 1871, 8 марта, № 64.

³ Николадзе Н. Гюстав Флобер. Газета «Обзор», 1880, 15 мая, № 502.

Грузинская общественность XIX века, грузинская журналистика широко и четко откликнулись на появление каждого нового художественного произведения Виктора Гюго, на каждый шаг писателя в его общественной деятельности. Усилено интереса в грузинской общественности XIX века к творчеству Виктора Гюго и вообще к французской литературе в значительной мере содействовали высокохудожественные переводы его произведений, выполненные Александром Чавчавадзе, Георгием Эристави, Георгием Церетели, Тэдо Сахокия, Готэ Кишвани, Вахтангом Орбелиани, Георгием Чиковани, Иваном Мачавариани, Симоном Квариани и другими.

Грузинская общественность настолько была увлечена романом В. Гюго «Отверженные», что в конце XIX века он был инсценирован и поставлен на сцене Кутанского театра. В этом спектакле принимали участие ведущие силы грузинского театра. Спектакль прошел с огромным успехом.

Драматургия Виктора Гюго обогатила грузинский театр. 19 октября 1879 года в Кутанском театре была поставлена пьеса В. Гюго «Эрнани». Примеру Кутанси последовал Тбилиси, где 8 января 1898 года на грузинской сцене была осуществлена новая постановка «Эрнани».

Газета «Иверия» с большим удовлетворением откликнулась на это событие и широко осветила его. «Иверия» писала: «Пьеса написана с большим талантом и искусством и захватывает зрителя. Мы с удовольствием приветствуем представление этой драмы на грузинской сцене... хорошо, что наше общество познакомилось с этим произведением великого французского писателя»¹.

С таким же успехом ставились на грузинской сцене в разное время пьесы В. Гюго: «Рюи Блаз», «Анджело» и другие.

Следует отметить, что первый большой сборник стихов Виктора Гюго на русском языке был издан в Тбилиси в 1896 году под названием «Собрание стихотворений Виктора Гюго». В этом сборнике помещено 259 стихотворений, из которых 125 стихотворений были специально переведены для этого издания. Этот интересный сборник издал большой поклонник грузинской культуры Иван Федорович Тхоржевский, который вместе со своей женой Марией переводил стихи грузинских поэтов на русский язык. Их общий псевдоним был «Иван да Марья».

Этот тбилисский сборник стихов Виктора Гюго был посвящен 10-летию со дня смерти поэта, и тем самым столица Грузии еще в то время почтила память великого французского писателя.

Выдающиеся грузинские общественные деятели братья Сергей и Котэ Месхи продолжительное время жили в Париже. В грузинской периодической печати публиковались их талантливые статьи и очерки о французской литературе и, в частности, о жизни и творчестве Виктора Гюго.

Встреча грузинского писателя Ионы Меунаргия с Виктором Гюго в Париже (1877 год) и беседа с ним о поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» навели нашего писателя на мысль перевести поэму Руставели на французский язык, что он и выполнил.

Грузинская общественность была сильно опечалена болезнью Виктора Гюго, а затем его кончиной. В грузинской периодической печати систематически публиковались статьи, очерки, сообщения. В этом отношении заслуживают внимания пространные статьи грузинских студентов, учившихся в Париже, и среди них статьи Петрэ Миррианашвили и Давида Каричашвили.

Грузинская общественность видела в лице Виктора Гюго гениального писателя, патриота и гражданина, активного борца за мир и свободу. Прогрессивные взгляды великого французского писателя, его замечательные произведения использовались для пропаганды освободительных идей, для дальнейшего усиления борьбы против социального гнета и за пробуждение национального самосознания.

Кита Абашидзе—известный литературный критик и публицист—систематически следил за развитием литературы и философии как в России, так и в Западной Европе, и в частности, во Франции.

Кита Абашидзе внимательно изучал труды историка французской литературы академика Фердинанда Брюнетьера и в какой-то мере разделял его эволюционное учение, в частности, выработанный на основе этого учения «совершенно новый метод», в соответствии с которым он пытался рассмотреть грузинскую литературу XIX века.

¹ Газета «Иверия», 1898, № 6.

Но в то же время для проницательного ума Кита Абашидзе не остались незамеченными отрицательные стороны метода Брюнетьера, в связи с чем он высказывал опасение, что с помощью этого метода трудно так связать друг с другом литературные факты, чтобы не нарушить единство исторического процесса.

Кита Абашидзе не нравились теоретические положения Брюнетьера, вытекавшие из взглядов Ипполита Тэна, которые привели Брюнетьера к позитивизму и вульгарному материализму. Нашего исследователя увлек новый «модный» эволюционный метод Брюнетьера, но он часто отступал от него и правильно решал литературные проблемы.

С другой стороны, К. Абашидзе резко выступил против позднейшей явно реакционно-идеалистической концепции Брюнетьера, развитой в его труде «Наука и религия»¹. Он назвал теологические взгляды Брюнетьера «странными» и подчеркнул, что они «более подходят фанатику, католическому монаху средних веков, нежели ученому»².

Кита Абашидзе больше понравился компаративистский или сравнительный метод Брюнетьера, который он также использовал довольно своеобразно в соответствии с прогрессивными тенденциями отечественной литературы.

Кита Абашидзе не следовал по пути французской литературы, или по пути Фердинанда Брюнетьера, он следовал за магистральной линией развития грузинской литературы, он следовал по пути Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели.

В своем труде К. Абашидзе «Новое направление во французской литературе» подробно анализирует творчество Поля Бурже, излагает содержание его главных романов и дает их литературно-критический анализ.

Кита Абашидзе называет Поля Бурже великим мастером психологического романа, который стоит на скрещении путей литературы, он не является представителем только старого, так как высказывает целый ряд новых мыслей, но и не является искренним поклонником нового, так как он еще не овладел им основательно.

К. Абашидзе дает в основном объективную, верную оценку творчества П. Бурже. Он правильно характеризует экономическую, политическую, культурную жизнь Франции времен Второй империи. Но наряду с этим К. Абашидзе дал редкий художественный анализ главных произведений П. Бурже. А это мог сделать только человек, который отлично знал французскую литературу вообще, и особенно французскую литературу XIX века.

При разборе художественных произведений Кита Абашидзе пространно рассуждает о науке, литературе, о вопросе взаимоотношений народов. Этому же вопросу посвятил К. Абашидзе свой труд «Анри Беранже. Интеллектуальная аристократия».

В труде «Эволюция лирической поэзии во Франции в XIX веке» Кита Абашидзе касается таких тем лирической поэзии, как любовь и природа. Он сравнивает между собой: стихи Николоза Бараташвили, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели и Виктора Гюго, Ламартина, Альфреда де Мюссе. Исследователь с глубоким знанием дела проводит литературные параллели в творчестве грузинских и французских писателей.

Кита Абашидзе выполнил определенную роль в деле развития отечественной литературы, и каждый исследователь, работающий над материалами по истории грузинской литературы или над вопросами францужско-грузинских литературных связей, непременно обратится к наследию Кита Абашидзе.

Талантливый французский драматург, выдающийся мастер приключенческих романов, Александр Дюма-отец, которого Балзак назвал «обаятельным рассказчиком», приехал в Грузию 23 ноября 1853 года и пробыл здесь до 11 января 1859 года.

Пребывание в Грузии Александра Дюма явилось значительным событием в общественной жизни Грузии того времени.

Французский писатель с большим интересом и вниманием осматривал почти всю Грузию: он был в Кахетии, Карталинии, Имеретии, Гурии и Мингрелии.

Александр Дюма назвал Кахетию «Эдемом Кавказа и виноградником Грузии». Пораженный всем виденным здесь, французский гость восклицает: «Кавказ — это история богов и людей...». «Я никогда не забуду то впечатление, какое произвела на меня встреча в Ногайской степи с первым грузином».

¹ Ferdinand Brunetiere. La science et religion. Paris, 1895.

² Абашидзе К. Наука и религия. Газета «Иверия», 1896, № 43.

Интересен сам факт, что искушенный романист, отлично знающий жизнь человека с тонким вкусом и так много видевший на своем веку, был поражен и удивлен красотой грузин. Александр Дюма много с увлечением и восторгом говорит об этой красоте и приводит в изобилии подтверждающие материалы.

Совершенно беспристрастный, наблюдательный, обладающий светлым и острым умом, французский писатель не считает это природное свойство грузина чисто антропологическим явлением, а высшим выражением человеческого совершенства (богатством и благородством духовной жизни).

Когда Александр Дюма направлялся в Грузию, он невольно подумал про себя: «Я еду в полудикую страну». В дальнейшем он убедился, что глубоко заблуждался.

В Тбилиси французский писатель увидел и почувствовал, что он попал в цивилизованную страну, «в грузинский рай», — как говорил он сам — в страну красивых, мужественных, талантливых, благородных и гостеприимных людей. Более того, дальновидный французский писатель за короткое время проникся такой глубокой любовью и уважением к грузинскому народу, так хорошо понял и познал его достоинства, что захотел подробно изучить его жизнь и написать исследование.

Почти ничто не ускользает от внимания А. Дюма. Он видит, что грузины радушны и гостеприимны, что они любят делать подарки, оказывать помощь, доставлять другому удовольствие. А. Дюма пишет: «Грузинский народ также любит делать подарки, как другие народы получать их».

Из описаний Дюма, пожалуй, наиболее значительным является описание Тбилисского театра того времени. Французского писателя поразила внутренняя отделка театра, роспись стен, потолка и т. д. «Я не видел в своей жизни ничего более прекрасного, — говорит А. Дюма и добавляет: — Красивые женские лица еще более украшали этот зал». В этой роскошной и тонкой росписи были представлены Россия и Грузия.

С особым вниманием и симпатией говорит А. Дюма о качествах и характере грузин, об их мужестве и храбрости, о стойкости и непоколебимости. В подтверждение этого он рассказывает читателю много интересных историй из героического прошлого грузинского народа. Такой, к примеру, является история о стойких и храбрых Шетэ Гулухандзе и Илко Орбелиани.

Нарисованные А. Дюма портреты людей того времени и по сей день сохранили силу и привлекательность.

Французскому писателю очень понравились также грузинские песни, которые, по его мнению, не наскучит слушать часами, словно они тебя убаюкивают, но ты бодрствуешь и тебе вовсе не до сна.

А. Дюма часто употребляет грузинские слова во французской транскрипции и поясняет целый ряд специфических грузинских выражений, имен и др.

Барон де Бай прославился во Франции как популяризатор грузинской культуры и литературы. Он принадлежит к той славной плеяде французских прогрессивных, передовых деятелей, которые были заинтересованы в наиболее широком ознакомлении своих современников с культурной жизнью других стран.

Французский ученый, историк, археолог и общественный деятель барон де Бай несколько раз посещал Грузию. Впечатления о своих путешествиях он опубликовал в целом ряде книг: «В Грузию» (1898), «Южнее хребта Кавказского» (1899), «Севернее хребта Кавказского» (1899), «Тбилиси» (1900), «В Имеретию» (1902), «В Абхазию» (1904) и др.

В своей книге «Тбилиси» французский ученый с присущим ему знанием дела и добросовестностью описал историю столицы Грузии Тбилиси, ее достопримечательности. Ничто не ускользает от наблюдательного глаза ученого путешественника. Он совершенно объективно рассказывает французскому читателю волнующие эпизоды из героических битв грузинского народа.

Барон де Бай познакомился в Тбилиси с великим грузинским писателем и общественным деятелем Ильей Чавчавадзе, с которым у него в дальнейшем установились тесные дружественные отношения. В знак признательности и уважения Илья Чавчавадзе подарил ему свой портрет с надписью: «Барону де Бай. Илья Чавчавадзе, 1899 г. Тбилиси». В своих сочинениях барон де Бай отмечает выдающуюся роль Ильи Чавчавадзе в культурно-литературной и хозяйственной жизни грузинского народа и заключает, что художественные произведения Ильи Чавчавадзе исключительно патристичны и насыщены философским содержанием.

Барон де Бай преподнес И. Чавчавадзе свой очерк «Севернее хребта Кавказиони» с надписью: «Поэту, патриоту, сыну прекрасной страны, где всегда сияет солнце».

Барон де Бай, обладающий проницательным умом, сразу почувствовал, что Илья Чавчавадзе являлся в Грузии центральной фигурой, деятельность и литературное творчество которого выражали существенные интересы грузинского народа и освещали ему путь в будущее.

У французского гостя сложились близкие отношения с выдающимся грузинским художником Гуго Габашвили, он очень высоко оценил его живопись, интересно охарактеризовал его жизненный путь.

Барон де Бай был дружен с известным историком и археологом Эвтиме Такашвили, писателем и общественным деятелем Тэдо Сахокия, с профессором Ал. Цагарели, с известным грузинским промышленником и общественным деятелем Давидом Сарадживили и другими.

Барон де Бай прислал из Франции Д. Сарадживили свою книгу «Тбилиси» с надписью: «Моему лучшему другу Давиду Сарадживили, которого я люблю за доброе сердце и за его обаятельную страну».

Барон де Бай с восторгом говорит о древней грузинской народной поэзии, в которой восхваляется отвага и храбрость французов, их стремление к свободе и независимости, и особенно французский боевой меч, который грузины называют «**франгули**» (то есть «французский»).

Барон де Бай с большим интересом и вниманием ознакомился с Западной Грузией. Он посетил Имеретию, Гурию, Мингрелию, которые он называет «раю подобными краями». Французский ученый с удовлетворением и восторгом пишет о связях между русскими и грузинскими деятелями. Особенно радует его, что такие выдающиеся русские поэты, как Пушкин, Лермонтов, Полонский и другие были увлечены Грузией и грузинским народом и воспевали их в своих замечательных творениях. Здесь французский писатель приводит в подтверждение этого еще один пример, а именно, известное стихотворение Лермонтова «Свидание», переведенное им на французский язык в прозе.

Барону де Бай очень понравились город Кутаиси, его живописное местоположение, его жители, храм Баграта, Гелати. Здесь он встретился со своим близким другом, с одним из лучших поэтов Грузии, с Акакием Церетели. Вот что пишет по этому поводу барон де Бай: «Какой приятный сюрприз ждал меня на берегах Риони. Я здесь вновь увидел своего друга, в котором воплощен возвышенный и благородный характер имеретина и который своей гениальностью, своим личным обаянием и совершенством своих творений показывает, каких высот может достичь развившийся на отечественной почве и поднявшийся на высочайшую вершину национальный ум — разум. Поэт Акакий Церетели — прославленный поэт своей родины, злагоуст, одаренный свыше необычной силой и красотой слова, выразитель чаяний грузинского народа с привлекательным имеретинским оттенком речи... он первоклассный поэт».

В подтверждение своих слов барон де Бай приводит полностью переведенные им на французский язык в прозе стихотворения Акакия Церетели: «Разные нации», «Перед иконой», «Сулико», «Пчела».

На французского путешественника большое впечатление произвели путешествие по Шорапанскому уезду, долина реки Квирилы, Чиатура и вид на Сачхери. Его поразило богатое чиатурское месторождение марганцевой руды, он предсказал блестящее будущее Чиатура. По его мнению, наряду с развитием промышленности, сильно разовьется и производство марганца. Французский гость был вновь очарован грузинским гостеприимством, по поводу которого он пишет: «Я не преувеличиваю, говоря, что хозяин делает гостя в своем доме настоящим царем, он все делает для того, чтобы последнему было приятно, а когда произносит тост и пьет за его здоровье, то этим самым выражает самые пламенные чувства как в отношении лично гостя, так и его родины». С большим интересом ознакомился барон де Бай с Гурией и Мингрелией, с обычаями и правами этих краев. В Гурии его заинтересовали сохранившиеся пережитки языческих обрядов, он рассказывает французскому читателю о распространенной в этой части Грузии виноградской лозе, легенду о Ноевом ковчеге и др.

В заключение барон де Бай пишет: «История Грузии представляет собой цепь непрерывных войн, продолжавшихся в течение столетий, и несмотря на это сколь прекрасна заря этого народа, звездой которой является Святая Инна, сколь блистателен апогей его величия в лице венценосцев — Давида и Тамары; сколь трагична эпоха испытаний грузинского народа, ярким воплощением которого является мученица царица Кетэван. Но в беде и радости Грузия сумела сохранить и пронести через века свой национальный благородный характер и особенно свою вечную красоту».

В книге «В Грузии» барон де Бай описывает Военно-Грузинскую дорогу, почти все достопримечательности, встретившиеся ему от Владикавказа до Тбилиси. Он осмотрел Кахетию, которую назвал «цветником Грузии». Природа этого края, величественная Алазанская долина, бесконечные виноградники привели в восторг путешественника. Он подробно описывает сбор винограда в Кахетии — ртвели, процесс приготовления вина. Барон де Бай осмотрел Телави, монастырь Шуамта, Сигнахи, присутствовал на праздниках «алавердоба», на «тэлетоба», видел национальную грузинскую борьбу.

Свою книгу «В Грузии» барон де Бай заканчивает следующими словами: «Всякий, знающий сверкающую Грузию, может сказать, что эта страна является сегодня самым прекрасным цветком в венце империи...» «Приношу большую благодарность русским, давшим мне возможность познакомиться с Грузией и с грузинским народом. Большое спасибо грузинам за их симпатии и за их радушный прием».

В книге «Севернее хребта Кавкасиони» французский ученый рассказывает о своем путешествии по Северному Кавказу, характеризует народы, живущие в этом крае. Затем он подробно останавливается на описании Пшавии и Хевсуретии. Объясняет значение на грузинском языке слова Хевсуретия, описывает одежду хевсур, их нравы и обычаи.

Свою книгу «Южнее хребта Кавкасиони» барон де Бай посвятил Кахетии и Картли. С таким же художественным мастерством автор описывает сады и виноградники Картли, Атенское ущелье, древний Атенский храм, Горийскую крепость, Уплисхиче, Мцхета, Светицховели и др. В заключение автор делает вывод: «У грузинского народа есть традиции и характеры, которые достойны того, чтобы их познать и любоваться ими. У этого народа, которому свойственно величие мысли, есть порою гениальные черты».

Барон де Бай внес большой вклад в дело изучения и популяризации грузинской культуры во Франции и вообще в Западной Европе.

Он перевел на французский язык целый ряд грузинских художественных шедевров, легенд и сказок. Из переводов барона де Бай в первую очередь следует назвать грузинскую сказку-легенду — «Прекрасное».

Вначале французский писатель опубликовал сокращенный перевод этой легенды в своей книге «Южнее хребта Кавкасиони» под названием «Прекрасное» (1899 год), а затем в 1900 году он издал в Париже отдельной книгой полный текст легенды с иллюстрациями. На обложке книги стоит надпись «Прекрасное. Грузинская легенда. Переведена и впервые опубликована на французском языке бароном де Бай».

Грузинский народ всегда с любовью и уважением относился к представителям других наций, посещавших нашу страну с добрыми целями; среди таких иностранцев одно из почетных мест занимает барон де Бай, который прямо-таки рыцарски любил нашу страну и наш народ и был пламенным пропагандистом нашего культурного прошлого.

Грузинско-французские литературные связи были многообразны и разнообразны, они росли, крепились, развивались. Это вечно живые традиции, которые успешно развиваются и в наше время.

Элевтер АНДРОНИКАШВИЛИ

Три дня с Нильсом Бором

3. Икалто

Мы прибыли в Алазанскую долину на условленное место в лесу. И, о ужас! О, несчастье! Мы обнаружили, что потеряли Джелила Цакадзе и грузовик со всеми запасами еды и вина. Пришлось заехать в придорожный духан, где мы наскоро съели все, что там было. А было там не так много — на компанию человек в 40 духанщик не рассчитывал.

Расставили кордоны, преграждающие путь Цакадзе, и на двух машинах двинулись в Икалто.

Икалто — это деревня, расположенная на дороге, вьющейся вдоль Гомборского хребта. Другая такая же дорога вьется по ту сторону Алазанской долины вдоль Главного Кавказского хребта, который идет здесь на убыль. Большинство достопримечательностей Кахетии расположено вблизи этих двух магистралей. Километр в сторону, в горы, и вы уже находитесь у ограды старого монастыря VI века. И тут же церковь XIV века, а рядом — развалины здания, в котором в XII веке помещалась одна из двух академий Грузии. По преданию, в ней учился гениальный Шота Руставели.

Подъехали, вышли, осмотрели развалины Академии и направились к церкви. Вдруг старший Бор встрепенулся:

— Откуда эти звуки? — спросил он.

Под многовековой липой, раскинувшей свои ветви шатром так, что листва касалась земли, пели грузинскую народную песню.

— Это колхозники пируют, — ответили ему.

— Я бы хотел посмотреть на это зрелище, — попросил Нильс Бор.

Кто-то из молодых людей услужливо раздвинул ветви. Мы вступили под сень этого естественного шатра.

На земле человек десять мужчин, большей частью пожилых, лежа расположились вокруг ковра, уставленного едой, кувшинами с вином и пшалами. Во главе «стола» на пустом вином бочонке сидел тамада. Он был молод, красив и авторитетен. При нашем появлении он встал и, ответив на наше приветствие, спросил:

— Кто эти иностранцы — что с вами?

— Это великий ученый Нильс Бор... — начали ему объяснять наши спутники.

Жестом руки тамада остановил говорившего.

— Другья, — обратился он к сотрапезникам по-грузински, — к нам в гости приехал самый большой ученый мира профессор Нильс Бор. Он создал современную атомную физику. Его труды изучают школьники всех стран мира. Он приехал к нам из Дании, пожелаем ему и его спутникам долгих лет жизни, счастья, крепкого здоровья. Пожелаем его стране мира и благополучия.

Тэя Цецхладзе переводила слова тамады на английский язык. Бор и члены его семьи были поражены донельзя. В глухой грузинской деревне — и такие слова, такая осведомленность о его личности. Всю эту сцену Бор рассматривал, закинув голову, выглядывая из-под своих густых, седых, нависших над глазами бровей.

— Кто этот человек? — шепотом спросил он у кого-то из нас.

Его вопрос перевели на грузинский.

— Учитель физики сельской школы, — сообщили Бору по-английски, почему-то тоже шепотом.

Тут с земли поднялся маленького роста старик. Его затылок покрывала черная войлочная шапочка, какие обычно носят кахетинцы. Шапочка на макушке была дырявая и через нее петушиным хохолком торчали серо-седые волосы. Старик подошел к Бору, бережно взял его руку в свои и поцеловал. Тяжелая слеза скатилась с ресниц Бора и пересекла щеку.

С земли поднялся во весь рост второй старик. Распрямив свои широкие плечи, взявшись машинально левой рукой спереди за ремешок, которым был опоясан, — за то его место, где еще недавно привык нащупывать оружие, и с рогом в правой руке подошел к гостю.

— Переведите этому великому ученому: хотя язык у нас разный, но кровь и судьба наших народов общая. — С этими словами он запрокинул голову и осушил рог.

Другая слеза не торопясь соскользнула с ресниц Бора и поползла по щеке. Погруженный в себя, он принял из чьих-то рук сосуд с вином и выпил его молча. Ветви дерева-шатра сомкнулись за нами, и мы медленно разошлись по машинам.

9. Пир

О счастье! О радость! Джелил Цакадзе нашелся, скатерть-самобранка расстелена на длинном столе, и все, кто оставался в лесу, голодные, как звери, давно заждались нас. Костер горит в стороне и сулит славные шашлыки.

Первый тост за госпожу Нильс Бор, одетую в вишнево-красное платье, и ей же первая лирическая песня о красном маке, расцветающем среди полей. Тенора выводят партии первого и второго голоса, пристально глядя друг на друга, но движению губ контролируя точность своего и без того прекрасного слуха. Басы для храбрости потребовали Ираклия Андроникова, и он выдал свой дьяконский «профундис». Госпожа Бор в восторге. Она просит петь еще и еще, и застольные песни в ее честь льются и льются.

— Товарищи! — говорю я. — Грузинская физика молода, но она уже успела с успехом противостоять великому Нильсу Бору и выдержала его натиск.

Бор посмотрел на меня в крайнем недоумении.

— Когда это было? — спросил он.

— Вчера, когда я в течение всего того времени, пока вы произносили речь, подпирал вытянутыми руками стол снизу, а Вы всей тяжестью своего тела давили на него сверху.

Это был неудачный момент для шутки: Бор ел суп, но не смог удержаться от смеха. Он смеялся через нос, и звуки походили скорее на частое чихание. Он смеялся долго, мило и непосредственно.

Каждый из нас вставал по очереди и обращал к этому замечательному человеку слова дружбы, восхищения или привета. Мощный голос Шукри Абрамидзе и басов, певших «Мравалжамиз» — «Многие лета» — покрывали последние слова тостов. Пир удался с самого же начала. Все были в приподнятом настроении, все были в ударе.

Каждый, за кого провозглашался очередной тост, получал право сняться с Нильсом Бором.

Машинально кто-то потянулся к бутылке хванчкары.

— Это моя бутылка, — заявил старший Бор и отставил ее подальше от протянутой руки. Вина в ней оставалось на донышке, а пир не дошел еще и до середины. — Прекрасное вино, — пояснил Бор свой жест, — оно мне еще вчера понравилось у вас за обедом.

Я вопросительно поглядел на Мариэтту.

— Не беспокойтесь, — сказала она по-русски. — Мой свекор имеет привычку ежедневно за обедом выпивать бокал красного вина. У него свой специальный бокал. Но это очень большой бокал.

Раз так, то замечу: вторую бутылку он если и не опустошил до дна, то во всяком случае к концу пикника в ней оставалось меньше половины.

— Я не знаю ваших обычаев, но мне кажется, что за тамаду следует пить в последнюю очередь? — спросил младший Бор, и его наблюдательность поразила всех. — Ах, если это действительно так, то я прошу заранее предоставить это право мне, но только вы скажите мне, когда это можно будет сделать.

И он обернулся, чтобы посмотреть, как молодые люди и девушки танцевали лезгинку. Через несколько минут он и Мариэтта уже старательно выдвигали основные па, вкладывая в танец темперамента гораздо больше, чем осталь-

ные. Они танцевали долго, устали и побледнели; их просили остановиться и пощадить себя. Вино, разрезанный воздух, усталость, — мало ли что может случиться! Мариэтта сама говорила, что Оге не очень вынослив. Я обхватил Бора за плечи, старался остановить его. Но он еще продолжал танцевать и лишь потом затых. Затем я схватил в охапку Мариэтту. Она вырывалась и продолжала плясать. Ее еле утихомирили.

В обеде, песнях и танцах был сделан антракт; он был отдан Ираклию. прочитавшему два своих устных рассказа. Случая перевод Рожанского, Нильс Бор одновременно вникал в интонации незнакомой ему речи и старался представить себе характеры изображаемых лиц.

Тосты и песни зазвучали снова. Теперь в них были уже слышны голоса Оге и, в особенности, Мариэтты. Песню «Ижукна цвима мовида» («Игривый дождичек пришел») они исполняли не хуже наших. Наконец Оге Бор попросил слова и провозгласил тост за тамаду. Он говорил по-русски.

— Начну с того, — говорил он, — что я приехал в Советский Союз, чтобы посетить Москву и Ленинград. В Ленинград мне особенно хотелось поехать. Но когда на Московском аэродроме нас встретил наш тамада и предложил поехать не в Ленинград, а в Тбилиси, то я уже тогда почувствовал, что будет так, как сказал он. Первое время я еще сопротивлялся, но потом понял, что надо сдаться; отец загорелся желанием поехать в Грузию и сравнить условия развития народов, равных по численности, находящихся в условиях социализма, — с одной стороны, и капитализма — с другой. Ваше отношение к вашему директору — сложное. Вы его любите, но боитесь, вы его уважаете, но часто бываете с ним не согласны. И тем не менее он почти всегда берет над вами верх, но не потому, что он директор.

Все, что Оге Бор говорил про меня, он иллюстрировал воображаемыми примерами, необычайно точными и удачными.

Не буду раскрывать здесь своих секретов: за что любят, за что не любят, почему боятся и чего не боятся. Хватит того, что меня полностью разоблачил Оге Бор. Он вскрыл меня, как консервную коробку, удивив всех присутствующих необычайной проницательностью, тонким умом, умением ориентироваться в совершенно чуждой ему обстановке. Я и теперь удивляюсь: как можно увидеть человека один только раз за одним столом с его сотрудниками, сделать такую удачную экстраполяцию на его деловую жизнь и научные отношения с окружающими его людьми. Тем не менее младший Бор был прав абсолютно во всем.

После него слово взял глава семьи. Он рассказал нам свою любимую притчу, которую назвал «Шотландской». Ее почти дословно запомнил, а потом записал Вахтанг Гомелаури — один из участников нашего пикника.

10. Речь, произнесенная в Шуамта Нильсом Бором

— Совершая сегодня это путешествие, я любовался вашими живописными зелеными долинами и возвышающимися над ними снежными вершинами. Большое удовольствие доставили мне также ваши замечательные, удивительно мелодичные песни. Эта природа и песни напомнили мне далекую Шотландию, которая, по моему, очень похожа на ваш край. И, по-видимому, в связи с этим мне вспомнилась одна шотландская легенда, которую мне хочется вам рассказать. Вот что говорится в этой легенде.

Жители затерянной в горах небольшой шотландской деревни знали одну песню, которую очень любили. Однако с течением времени в деревне оставалось все меньше людей, помнивших эту песню. В конце концов песня была полностью забыта и потеряна.

В один прекрасный день в этой деревне появился странствующий музыкант, который исключительно хорошо пел старинные шотландские песни. После того, жители деревни решили, что этот человек должен знать забытую ими песню. Вся деревня стала просить пришельца спеть им «потерянную песню», как ни пытался он убедить их, что песня эта ему неизвестна. Наконец он все же признался, что знает ее, однако не хочет спеть, так как боится, что она принесет их деревне большое несчастье. Но люди настаивали, и музыкант был вынужден уступить их просьбам. Прослушав песню, народ разошелся по домам, но на второй день все молодые люди этой деревни стали собираться в поход. Они говорили, что уходит сражаться с огнедышащими драконами, у которых в заточении томятся писанные красавицы, и скоро в деревне не осталось боеспособных мужчин. Все они разбрелись по свету и, вооружившись мечами, сражались со страшными драконами.

В наше время никто не верит не только в существование плененных драконами красавиц, но не верит и в существование самих драконов. Сейчас всем известно, что огнедышащие драконы рождены человеческой фантазией.

Однако в наше время человек сам создал новых, вполне реальных драконов, гораздо более грозных, нежели драконы из сказок и легенд. Эти новые драконы грозят уничтожить весь человеческий род. С ними нельзя бороться, вооружившись мечом. Чтобы бороться с этими новыми драконами, все люди должны понять опасность, они должны сплотиться для борьбы с этой ужасной угрозой. Люди должны добиться прочного мира.

Ваша красивая природа, ваши замечательные песни говорят нам о том, что вы в числе тех людей, кто будет сражаться с драконами, созданными человеческими руками.

11. Возвращение

Уже смеркалось, когда все снова заняли свои места в машинах.

На обратном пути разговор шел о науке.

— Какие направления физики развиваются в вашем институте? — интересовался Нильс Бор.

— Вот как! Даже биофизика? С каких же позиций?

В ту пору у нас организовалась лаборатория биофизики, в которой интенсивно развивались calorиметрические измерения процессов, протекающих в биологически активных веществах. Я мечтал о создании новой отрасли биофизики, в которой бы тепловые свойства биомакромолекул изучались, начиная с температур, близких к абсолютному нулю. В таком случае, утверждал я, можно будет построить термодинамические функции важнейших биологически активных веществ и их простейших соединений.

Бор вел параллельный разговор, в котором он доказывал мне преимущества последних работ американского ученого Дотти, осуществлявшего совершенно иной подход к тем же явлениям.

В это же самое время, пока мы говорили с Бором, во второй машине разговор шел совсем о другом: там собрались любители и знатоки мирового искусства. Мариэтта Бор, по происхождению австрийка, не только искусствовед, но человек, одаренный замечательной музыкальностью. На кратких стоянках, когда головная машина отставших, через припущенные окна были слышны отрывки симфоний, которые в два голоса пели Ираклий и Мариэтта. Мать троих детей, веселая, подвижная, очень общительная, Мариэтта быстро находила общий язык с собеседниками.

Второе и третье поколение очень просоветской семьи Нильса Бора — супруги Оге Бор и их дети хорошо говорят по-русски. Поэтому общение с Оге и Мариэттой на самые различные темы значительно облегчалось их лингвистическими способностями.

За губным исполнением симфоний последовала музыкальная викторина, за нею — устные рассказы, за рассказами — длительная дискуссия об абстрактном искусстве, ярыми защитниками которого оказались Мариэтта и Оге Бор.

Усталые и примолкшие, мы подъезжали к Тбилиси. Вдруг профессор Нильс Бор встрепенулся: указывая рукой через боковое стекло машины, он спросил:

— Что это за ровная линия огней над городом? Гора святого Давида с фундулером? Я хочу подняться туда...

В свои 75 лет он был, по-видимому, совершенно неутомим. Мы поехали на плато горы Мтацминда («Святой горы», как она называется по-грузински). Долго любовались оттуда панорамой города, ходили вдоль парапета, обсуждая структуру города, расположение индустриальных районов, мест средоточения научных и учебных центров. Наконец, к полуночи молча спустились на главный проспект и распрощались возле гостиницы.

12. Гости Института физики

В 10 часов утра 17 мая сотрудники института с цветами в руках встречали гостей, поднимавшихся по ступеням, ведущим к главному входу.

День начался с заседания Ученого Совета; на нем присутствовали научные сотрудники института и крупные физики из других учреждений Тбилиси. Доклад о деятельности института, о его структуре, о полученных результатах, о перспективах развития и зарождения новых коллективов оба Бора выслушали с большим вниманием.

Потом слово взял профессор Нильс Бор. Бор говорил, нечетко формулируя фразы, с большими повторениями и длиннотами, не очень выразительно, очень не ясно фонетически.

Затем гости разделились: дамы в сопровождении А. Азо поехали осматривать город и совершать «шопинг», то есть ходить за покупками по магазинам, в данном случае в поисках сувениров. Профессор Оге Бор присоединился к теоретикам и обсуждал на семинаре у Вагана Мамасахлисова проблемы взаимно для них интересные. Профессор Нильс Бор отец теоретической физики — пожелал подробно ознакомиться с экспериментальными лабораториями института.

Нет, это не был формальный осмотр все повидавшего и везде побывавшего человека. Детали приборов, каждый монокристалл, каждый чертеж, на котором были изображены результаты эксперимента, Нильс Бор рассматривал тщательно и подолгу, с необычайным вниманием, поворачивая в разные стороны лежащий на его ладони предмет.

В этом медленном темпе мы осмотрели лаборатории физики твердого тела, физики низких температур, прикладной ядерной физики, биофизики, радиационной автоматики, лаборатории космических лучей.

В ожидании дам беседа продолжалась в директорском кабинете. Машины подъехали, и мы вышли в холл четвертого этажа, чтобы спуститься и вместе с дамами ехать на ядерный реактор и в район Мцхета. Кто-то услужливо открыл лифт, но я повел профессора Бора к лестнице.

— Спуститесь на лифте, — советовали мне.

— Застряем.

— Но ведь никто никогда не застревал до сих пор...

— Тем более застряем.

— Лифту вчера специально сделали профилактику, — заверял меня главный инженер.

— Безусловно застряем!

В этот момент я общался с лифтом телепатически и мне было ясно, что спуститься без происшествий нам не удастся. Тогда присутствующие загородили руками лестницу. Кто-то сказал:

— Вы ведь видели, как ему трудно ходить по ступеням и неровным местам. Пожалейте его.

Действительно, старший Бор пользовался лестницами с большой неуверенностью и покачивался при этом из стороны в сторону.

Увидев живую загородку из расставленных рук, Нильс Бор сам вступил в лифт и пригласил жестом меня. Войдя, я нажал кнопку первого этажа. Лифт не сдвинулся с места. Я попробовал открыть дверь, чтобы вылезти из этой ловушки, но она намертво захлопнулась. Застряв в лифте в первый раз на 76-м году своей жизни, Нильс Бор пережил моральную травму. Он схватился за мой локоть, издав невнятный и испуганный звук. Я нажимал на все кнопки. Бор издавал все новые звуки, его пальцы сжимали мое предплечье сильнее и сильнее. По ту сторону двери человек десять сотрудников застыли в ужасе, выпучив глаза и раскрыв рты.

— Да выпустите же нас из этой ловушки! — закричал я на басовых нотах ультраначальственным голосом, которым только и можно было вернуть к норме свидетелей этой сцены, впавших в состояние шока.

Двое мужчин кинулись на чердак, перепрыгивая через пять ступенек, и начали рубить и вырубать огромный рубильник, от которого питается лифт.

Лифт задрожал, потом оторвался и с недозволенной быстротой приземлился у первого этажа.

Перенесенное потрясение не помешало гостям оставить в книге почетных посетителей щедрые записи — пожелать молодому институту «получения новых результатов во многих областях физики, столь нужных для науки и общества».

И вот машины уже мчатся по Военно-Грузинской дороге и влетают во двор атомного реактора. Для подробного осмотра нет времени, и все же ни одна установка не пропущена Бором.

— Это — низкотемпературная петля, сконструированная сотрудниками института, — объясняют ему. — В ней подвергаются ядерному облучению металлы и сплавы, охлажденные до низких температур.

— Сочетание ядерных воздействий и низких температур принесет разгадку многим пока не понятным явлениям из области физики металлов, — замечает профессор Н. Бор.

— Вот первый в мире радиационный контур, способный буквально выкачивать гамма-излучение из активной зоны реактора.

— Оге, нам следовало бы повторить эту установку на нашем реакторе в Дании. Я думаю, она будет очень перспективна со временем.

Долгая остановка перед микрофотографиями тканей животного организма, прошедших радиобиологическую обработку. Но времени нет, надо срочно осматривать Джвари и Мцхета, и, взяв профессора Нильса Бора под руку, и потихоньку тяну его к выходу.

13. Памятники древней культуры

С реактора — на Джвари, что высится над древним городом Мцхета. Нам повезло: в небе ни облачка, любовались видом Казбека, ясно вырисовывавшегося за долиной Арагви на синем небесном фоне. Любовались ущельем Куры, пролегающим среди многоплановых гор. Любовались видом Мцхета с огромным кафедралом в центре. Потом приступили к осмотру развалин церкви V века, восторженно ходили вокруг Джвари, удивлялись, что такое могло быть построено в 585 — 607 годах. Перебивая друг друга, сообщали гостям отрывочные сведения из истории Грузии эпохи принятия христианства, у подножия креста IV века, что стоит в центре Джвари, рассказывали о том, как еще совсем недавно смешивались в едином празднике христианские и языческие обряды. Снимались...

Потом — снова по Военно-Грузинской дороге, выходящей по ту сторону Куры, огибая со всех сторон гору, линии которой сливаются с линиями Джвари.

— Гляди, гляди Маргарэтт! — торопил Нильс Бор свою жену выглянуть в окно мчащегося автомобиля. — В любой проекции церковь образует единое архитектурное целое с горой, которую она венчает.

Какое правильное и меткое замечание! Машины отрываются от ущелья Куры, и разговор заходит о грузинском национальном характере.

— Да, вы правильно заметили, что в нас, в грузинах, много от эпикурейцев... Вы совершенно правы, профессор Бор, наши предки были не очень религиозны, хотя и вели религиозные войны на протяжении многих и многих веков... Почему вели религиозные войны? Потому, что будучи окружены мусульманскими народами и племенами, держались за христианство, как за символ национального единства.

При приближении к храму Светицховели Бор еще более оживился.

— Оказывается, их мужчины не становились в церкви на колени, только женщины, — повторял он жене мои слова, как если бы она не могла понять без его помощи моего broken english (ломаного английского). — Ты слышишь, Маргарэтт, во дворе монастыря устраивались пиры, турниры и танцы. Они здесь скакали верхом вокруг церкви.

Мы идем по двору церкви, устланному мягким ковром зеленой травы. Теперь мы говорим через переводчика. Ада Робертовна, обгоняя мою русскую речь, переводит всем Борам замечания относительно архитектурного стиля этого храма. Геометрическое мышление уступило здесь место другим нормам эстетического восприятия. Здесь нет симметрии: правая часть храма не отражает архитектурных элементов левой; все плоскости многосложной кровли спускаются вниз под разными углами; смещены даже оси купола, притворов, пристроек. В полотно стены как бы случайно вкраплены камни с изображениями зверей и святых. Начиная с XI века в грузинской церковной архитектуре начинается мышление категориями не геометрии, а искусства.

Обойдя все здание и внимательно осмотрев все его элементы, Н. Бор подводит итог:

— Хотя монастырь на горе очень взволновал нас, но было трудно оторваться от мысли, что его формы и основные пропорции заимствованы из архитектуры греков. Что же касается этого храма XI века, то мы не встречали в других странах никаких аналогий.

14. Обед впопыхах

Времени до отлета так мало, что машины, непрерывно сигнала, с предельной скоростью мчатся к Тбилиси. Времени так мало, что его не хватает даже для того, чтобы помыть руки перед обедом. И тут, как назло, семья Боров наскочила на корреспондентов, от которых я их так охранял. Отбивались все вместе, умоляли, упрасивали, убегали. И тем не менее Нильс Бор сидит в кресле и говорит о своих впечатлениях в репортерский магнитофон. Вот его слово, расшифрованное А. Р. Азо.

— Это были чудесные переживания для моей жены, сына, невестки и меня лично, пробыть здесь, в Тбилиси, несколько дней. На нас произвели очень большое впечатление красота Грузии и старые памятники, которые мы только что видели сегодня.

В целом поражают научные усилия и работы не только в области образования в университете, но и большое количество исследований в области физики и в других областях, проводимых в Институте профессора Андроникашвили.

В Институте физики Академии проводится большое число работ, которые обещают дать много новых существенных данных во многих областях физики.

Исследования профессора Андроникашвили явлений в области низких температур, чудесного явления сверхтекучести хорошо известны во всем мире и было очень интересно увидеть некоторые приборы, созданные здесь, в Тбилиси, для работы, которые были выполнены его многими, полными энтузиазма сотрудниками.

Одно из больших впечатлений сегодняшнего дня — это посещение реактора, атомного реактора Академии, на котором нам объяснили устройство многих новых приборов для проведения исследовательских работ и объяснили исследования, имеющие большую важность для техники и биологии.

Я считаю, что мы покидаем Грузию с очень глубокими впечатлениями, и мы хотим выразить наши теплые пожелания дальнейших успехов в усилиях, преданных здесь для науки и общества.

Обед в ресторане сервирован на скорую руку. Профессор Матэ Мирянашвили и Алеко Ишхнели увлеклись беседой с профессором Оге Бором. Тэя Цецклядзе продолжает обмениваться впечатлениями с дамами. Вдруг старший Бор, который до этого был погружен в молчаливые думы, обращается в мою сторону.

— Я все думаю о нашем разговоре в машине, когда мы возвращались с пикника. Вы тогда рассказывали мне о вашей точке зрения на возможные подходы к решению важных биологических проблем, связанных с жизнью. Я пришел к убеждению, что ваш подход, который вы называете термодинамическим, имеет полное право на существование наравне с подходом, который осуществляет в Соединенных Штатах профессор Дотти.

Не поверив своим ушам, я отвлек Тэю от разговора с госпожой Бор.

— Тэя! — сказал я. — Я боюсь, что я неправильно понял. Переведите, что сказал мне профессор Бор.

Н. Бор повторил те же слова и стал развивать свои мысли уже нам обоим.

15. Проводы

На аэродром мчались, как сумасшедшие. И зря. Потому что тем же самолетом улетали делегации из других городов и республик. И он шел по свободному расписанию.

Правительственные апартаменты переполнены гостями города и провожающими. Здание аэродрома — запружено физиками. Планировался митинг в честь делегатов, отлетающих в Москву.

— Какой тут митинг?! Тут физики Бора провожают, а вы — митинг!

Эти слова произнес, как мне кажется, Борис Полевой. Митинг не состоялся. В сопровождении легиона физиков-преподавателей, физиков — научных работников, физиков-студентов Бору направляются к самолету.

Узнав, что дам интересуют грузинские сувениры, каждый принес им что мог. Отъезжающие несут в руках охапки сванских и кахетинских шапок, народную керамику, пластинки с грузинскими песнями, музыкальные инструменты, ноты.

Рукопожатия и объятия, взаимные благодарности, обещания. Наконец Бору занимают места в первых рядах салона. Но самолет еще долго стоит. И старшие супруги и младшие вместе и по очереди выбегают на верхнюю площадку трапа, чтобы еще и еще раз помахать нам на прощание руками. Потом Мариэтта и Оге запевают там, наверху, «Жужуна цвима мовида». Провожающие негромко подхватывают эту песню.

Может быть, мои описания кому-то покажутся слишком подробными? Но каждый час жизни величайшего ученого и великого гражданина мира, каждое

его впечатление, каждая мысль должны принадлежать всем! Тем более письма.

16. Письма из Дании

Вскоре пришел подарок — маленькая деревянная обезьянка, которая может принимать необыкновенно выразительные позы и смотрит полными грусти глазами. Ее прислали Мариэтта и Оге Бор. В сопроводительном письме говорилось, что эта обезьянка — датский компаньон моего льва и что ей будет интересно в обществе замечательного творения Пиросмани. Я ответил, что обезьяна облюбовала место на книжном шкафу и очень критически разглядывает стол, который так настойчиво пытался разрушить дорогой профессор Нильс Бор. И что стол с тех пор так и не укрепился. Компаньон же очень скептическая личность, глядя на которую начинаешь думать, что ему что-то очень не нравится в новом его жилище — может быть, девушки Пикассо, а, может быть, сам хозяин. Далее шли строки, более серьезные, подводящие итог впечатлениям от пребывания семьи Бора на грузинской земле.

Пока я писал это благодарственное письмо, в Тбилиси пришло послание Нильса Бора.

Университетский
Институт теоретической
физики

Блегдамсвэй 17
Копенгаген
Дания
Телефон 1616
Адрес для телеграмм: физикум
Копенгаген
7 июня 1961 г.

Дорогой профессор Андрионикашвили!

Моя жена, Оге, Мариэтта и я хотим выразить Вам нашу сердечную благодарность за всю Вашу любезность и гостеприимство по отношению к нам во время нашего пребывания в Грузии, которое явилось наиболее приятным и вдохновляющим переживанием для всех нас.

На нас оставили глубокое впечатление целеустремленная исследовательская работа, организованная Вами и Вашими коллегами, и вдохновенная воспитательская деятельность в Тбилисском университете, и мы надеемся в обоих этих направлениях на тесное сотрудничество между учеными наших двух стран, сравнимых по размеру, которые имеют так много общего в традициях. Как на важный шаг в этом направлении мы надеемся на Ваше прибытие в Копенгаген в ближайшем будущем.

Дни в Грузии были для нас всех наиболее прекрасным переживанием, и мы увезли глубокое впечатление от красоты страны, старинных памятников и духа народа. Особенно незабываемым был пикник в горной долине с красивым лесом, где мы наслаждались сердечной и поэтичной атмосферой, так гармонично обрамленной пенем и танцами.

Мы шлем Вам, Вашему брату и всем нашим друзьям в Тбилиси нашу глубокую благодарность и горячие пожелания.

Искренне Ваш Нильс Бор

Долго ходило это письмо по рукам физиков. Оно было для нас проверкой правильности избранного пути, критерием целеустремленности усилий нашей молодежи... Оно звало вперед, но вместе с тем стало и нашей историей. Бор высоко отзывался о духе нашего народа. Эту фразу мы повторяли друг другу.

В ответном письме я поблагодарил профессора Нильса Бора за приглашение и получил новое послание, заключавшее более подробные предложения о характере будущей встречи и времени моего приезда. Вот оно:

Университетский
Институт теоретической
физики

Блегдамсвэй 17
Копенгаген
Дания
Телефон 1616
Адрес для телеграмм: физикум
Копенгаген
18 декабря 1961 г.

Профессору Э. Л. Андрионикашвили
Академия наук Грузинской ССР
Тбилиси, Грузия, СССР

Большое спасибо за Ваше письмо от 1-го сентября, доставившее мне большое удовольствие. Извините, что я отвечаю на него с таким опозданием, но часть осени меня не было в Копенгагене, так как я путешествовал.

Мой сын, я и наши коллеги были в восторге, узнав, что Вы, возможно, будете в состоянии посетить Данию в ближайшем будущем. Это было бы важным шагом по развитию сотрудничества между нашими двумя странами. Мы надеемся, что во время Вашего пребывания здесь Вы прочтете лекцию (или несколько лекций) по некоторым аспектам Вашей работы. Во время посещения Тбилиси мы узнали об очень многих интересных и многообещающих исследовательских планах, но выбор темы мы хотели бы предоставить Вам самому. Я могу упомянуть, что для многих из нас здесь представляет огромный интерес Ваша работа в области физики низких температур. Кроме того, мы, конечно, предвкушаем множество дискуссий как по разным исследовательским работам, которые ведутся в Грузии и в Дании, так и о способах организации будущего сотрудничества.

Мы надеемся, что Вы приедете во время весеннего семестра 1962 г. (в промежутке между 1 февраля и 25 мая); любое время в этом интервале будет для нас подходящим. Во время Вашего пребывания здесь Вы будете гостем нашего института, который возьмет на себя все издержки, связанные с Вашим пребыванием в Копенгагене. Более официальное приглашение, копию которого я прилагаю, посылается в Академию наук Грузии.

Моя жена, так же как и Оге и Мариэтта, присоединяются ко мне в пожелании всего наилучшего Вам и нашим друзьям в Тбилиси в Новом году.

Мы были очень огорчены, узнав, что с Вашим здоровьем неважно из-за перегрузки (что не удивительно), но надеемся, что оно улучшится и что Вы бережете себя.

С теплым личным приветом
Ваш искренно Нильс Бор.

P. S. Фотография, которую Вы просили в Вашем письме от 20-го ноября, посылую Вам в отдельном конверте.

Предложение Бора прочесть лекции в знаменитом институте, где читали лекции лучшие физики мира, приезжавшие к нему обсуждать свои блистательные открытия, очень взволновало меня. Перспектива же обсудить с самим Нильсом Бором возможность сотрудничества между датскими и грузинскими физиками, обсудить возможность проведения совместных исследований, заставили меня испытать чувство большой ответственности.

«Примите мою искреннюю благодарность за Ваше приглашение прочитать доклад о развитии науки у нас в Грузии, — отвечал я профессору Нильсу Бору 28 февраля 1962 года. — Конечно, мне доставило бы большое удовольствие прочитать перед датскими учеными одну или две лекции о моих работах в области низких температур и быть гостем Вашего Института, что является для меня большой честью».

В годовщину прибытия Нильса Бора в Тбилиси, наши ученые пожелали отметить эту дату приветственной телеграммой.

«В дни, когда исполняется годовщина Вашего визита в Тбилиси, — писали мы Нильсу Бору, — мы вспоминаем Вас особенно часто и с особой сердечностью».

Когда настало время собираться в дорогу, я снова написал из Тбилиси профессору Нильсу Бору. Это было 12 ноября 1962 года. Это письмо уже не застало Нильса Бора в живых.

17. Нильс Бор умер

Мы узнали из газет о кончине великого физика. Он умер от кровоизлияния в мозг в возрасте 76 лет. Как и для всех физиков мира, этот день для всех нас был днем настоящего горя. Мы не могли удержаться и не выразить своих чувств его семье и ученым Дании.

«Гениальный ученый профессор Бор был нашим общим учителем, великим другом науки и ученых всего мира, — писали мы, грузинские физики, в телеграмме, отправленной в Институт теоретической физики в Копенгаген. — Физики Грузии поражены общим горем с учеными Дании. Мы скорбим вместе с вами и сохраним навсегда память об этом замечательно гуманном человеке. Коллектив Института физики».

Телеграммы, полные чувства невосполнимой потери и сердечного соболезнования, были отправлены также супруге и сыну Бора. Вот ответное письмо профессора Оге Бора:

Университетский
Институт теоретической
физики

Бледгамсвэй 17
Копенгаген
Дания
Телефон 1616
Адрес для телеграмм: физикум
Копенгаген
3 декабря 1962 г.

Глубокоуважаемый профессор Андроникашвили!

Моя мать и я хотели бы поблагодарить Вас за Ваше любезное выражение сочувствия и за Ваши очень теплые слова о моем отце. Мне не нужно говорить Вам, какое колоссальное удовольствие он получил от знакомства с Вами в прошлом году и какое глубокое впечатление на него произвело посещение Тбилиси. Я получил печальное известие в Пекине, как раз когда я собирался возвращаться домой. Действительно, жизнь для нас стала намного беднее, но то богатое наследие, которое он оставил, будет продолжать служить руководством для нас в будущем.

Все мы здесь, включая Институт и Управление по исследованиям Атомной Энергии, а также моя мать, надеемся, что Вы все же сможете посетить нас в ближайшем будущем. Однако, в связи с данными обстоятельствами, мы хотели бы попросить Вас приехать немного позже, чем это предусматривалось в Вашем письме к моему отцу от 12 ноября 1962 г. Почти любое время в течение весеннего семестра, который начинается 1 февраля, будет вполне подходящим с нашей точки зрения. Лично я рассчитываю быть в Копенгагене в течение весеннего семестра, исключая короткий срок с 21 февраля по 4 марта.

С теплыми личными приветами,
Искренне Ваш Оле Бор

И еще одно письмо, полученное осенью 1963 года.
Университетский
Институт теоретической
физики

Профессору Э. Л. Андроникашвили
Академии наук АН ГССР
Тбилиси, СССР

Бледгамсвэй 17
Копенгаген
Дания
Телефон 1616
Адрес для телеграмм: физикум
Копенгаген
27 сентября 1963 г.

Глубокоуважаемый профессор Андроникашвили!

Большое спасибо за Ваше письмо от 8 августа, которое меня глубоко тронуло. Я с удовольствием сообщаю, что моя мама здорова. Конечно, это был очень тяжелый год для нее, но она смогла собраться с силами, чтобы продолжать быть источником поддержки и ободрения для всей семьи, которая теперь включает 17 внуков и одного правнука. Через несколько недель она переедет из дома, где она прожила с моим отцом 30 лет. Дом принадлежит Академии наук, и теперь там поселился выдающийся датский археолог. Моя мама подыскала квартиру в Копенгагене, которая удобно расположена недалеко от того места, где живут мои братья и я. Она также принимает очень активное участие в различных мероприятиях, связанных с памятью отца. Таким образом, его бумаги, включая переписку, рукописи и т. д., собираются в архиве института для обеспечения источника дальнейших исследований, касающихся начала квантовой физики.

Вас может также интересовать то, что книга воспоминаний пишется рядом лиц, которые работали непосредственно с ним и каждый из которых в отдельности опишет отдельный период его жизни или специфическую сторону его деятельности. Она довольно скоро появится на датском языке и затем будет переведена. Во всех этих делах мы можем получить от моей матери помощь, имеющую решающее значение.

Мы очень расстроились, узнав о Вашей болезни, но надеемся, что Ваше выздоровление протекает хорошо и что Вы бережете себя. Мы страшно разочаровались, узнав, что Вы вынуждены отложить Вашу поездку в Копенгаген, но мы надеемся, что Вы скоро почувствуете себя достаточно здоровым, чтобы приехать. Я также надеюсь, что у меня будет возможность приехать в Советский Союз в недалеком будущем и что, конечно, мне будет очень приятно увидеть Вас. Как моя мама, Марнэтта, так и я, мы часто вспоминаем о незабываемых днях в Тбилиси и о теплом и радушном гостеприимстве, оказанном Вами и Вашими коллегами.

Пожалуйста, передайте наши приветы и примите наши самые сердечные пожелания.

Искренне Ваш Оле Бор.

Стихи Николая Заболоцкого

DISCIPLINA CLERICALIS

Хлоя:

Если сок твой неизменен,
Трубадурская душа,
Если песни, как каменья,
Упадают и блестят,
Если даже в этом мире,
Чудотворном и крутом,
В мавританские псалтири
Скользкой уткой побежал, —
Не надейся и ушами
На сигнал не поводи,
И морщинистый листочек
В рукаве до утра прячь.

Г:

Хлоя, Хлоя, тонкой рапкой
Сердце жадуется мне,
И перо в мохнатой банке
Тушью траурной чертит.
Я неволен жизни верить —
Глаз бежит вокруг оси,
И внизу у самой двери
Встал с решеткой Зурбаран.

Хлоя:

Положи ярем, бессильный,
Разломи свое перо,
И малиновые крылья
В узелочек запакуй.
У приказчика Евмена
Каша ходит на воде —
Подними ему полено,
И кофейню поверти.

Я:

Человеки ходят с брюхом,
От него идут лучи,
И мясистые науки
Машут маслом на него.
А потом, немного треснув,
В ящик бархатный ползет,
И тропическая плесень
Сонным заревом вверху.

Хлоя:

Встань, гордец, бумаг водитель,
Развяжи свои глаза:
Розовой водой омыты,

Поднимаются миры,
Е бедрах узкая Кастилья,
А в листочке, погляди, —
Приклеились без усилья
Те же Ева и Адам.

Философ:

Пойте, пойте, хвалите, хлещите в
ладоши —
Я вещам воспеваю хвалу,
И трубы веков мой голос множат,
Он, как башня, стоит на юру.
Это в них посредине движенья и громы,
Неприметные глазу пока,
Перекрестки, моря, берега.
И не доски — а сестры, не железы — а
братья,
Где рука твоя, Смерть, покажи!
Пойте, пойте, хвалите, валитесь в
объятия,
Целовайтесь, никто не дрожи!

V—VI 1926.

Стихотворение Заболоцкого «Disciplina clericalis»¹ обнаружено в 1953 году в архиве Т. А. Липавской, вдовы Л. С. Липавского, талантливого писателя, выступавшего под псевдонимом Л. С. Савельева, — одного из ближайших друзей Заболоцкого, и любезно предоставлено ею авторам настоящей заметки. Стихотворение помечено: «Май—июнь 1926 г.», то есть относится к тому году, который сам Заболоцкий считал началом своего самостоятельного творческого пути. Из еще более ранних стихотворений сохранились только «Купальская мелодия». 1918 год, воспроизведенная в воспоминаниях Л. Дьяконова, и отдельные отрывки, сохранившиеся в воспоминаниях М. И. Касьянова, Н. Л. Брауна и других; творческая индивидуальность Заболоцкого во всех этих более ранних

¹ В подлиннике — «clericallis», вероятно, описка.

стихотворениях еще только слабо намечалась. В 1926 году были написаны первые стихи, вошедшие затем в первый сборник Заболоцкого «Столбцы» (1929), «Белая ночь» (июль 1926), «Красная Бавария» (август 1926), «Футбол», (август 1926), «Море» (ноябрь 1926) — это стихи, в которых Заболоцкий предстает уже вполне сложившимся мастером, с резко выраженной индивидуальностью. Кроме стихов, вошедших в «Столбцы», к 1926 году относятся также стихотворения «Лицо коня» (более точная дата неизвестна, опубликовано впервые Н. Л. Степановым в «Тарусских страничках», Калуга, 1961 год), «В жилищах наших» (опубликовано впервые в издании «Стихотворений и поэм» Заболоцкого в Большой серии «Библиотеки поэта», 1965 год), «Дуэль» (11 июня 1926 года — сохранилось в архиве Т. А. Липавской, но до сих пор не опубликовано), «Восставие» (20 августа 1926 года, опубликовано А. Александровым в журнале «Русская литература», 1966, № 3, стр. 192—193).

Из этих стихотворений, по крайней мере два первых, также уже характеризуются полной творческой самостоятельностью и были включены самим Заболоцким в подготовленное им перед смертью «Полное собрание» своих стихотворений.

«Disciplina clericalis» как бы предвзрает собой зрелое творчество Заболоцкого и в смысле хронологическом, и в смысле, как увидим дальше, первой формулировки ряда основных его тем и направлений. Стихотворение никогда самим Заболоцким не публиковалось, не сохранилось в его архиве. Видимо, Заболоцкий со свойственной ему суровой и даже чрезмерной требовательностью к себе же считал его достойным не только опубликования, но даже и сохранения. Тем не менее это стихотворение, как ясно видно из его текста и как это подчеркнуто самим заглавием, имело в известной мере даже программный характер. Сохранившийся автограф тщательно переписан особым каллиграфическим почерком, отличающимся от обычного почерка Заболоцкого того времени. По свидетельству Е. В. Заболоцкой, он любил иногда заниматься такими каллиграфическими упражнениями, выбирая для них то, что ему казалось наиболее интересным или важным.

Стихотворение резко отличается по манере от всех других сохранившихся стихотворений Заболоцкого 1926 года и не достигает художественного уровня таких, как «Белая ночь», «Красная Бавария» или «Лицо коня». Но тем не менее оно, на мой взгляд, является в целом уже вполне творчески самостоятельным и очень важным для понимания творчества Заболоцкого — и не только того времени.

Латинское заглавие стихотворения на средневековой латыни обозначает свод правил поведения, учения, уставы духовенства. Здесь его лучше всего перевести выражением «Духовный устав», с дополнительным оттенком смысла — «Духовное учение», «вероучение», «духовное наставление»!

Заболоцкий не знал латинского языка, но название отразило какие-то разговоры или чтение поэта в то время. По смыслу речь идет именно о «вероучении» и в то же время программе жизненного поведения и поэтической работы, которые стремился выработать для себя молодой поэт. Такое стремление к программности было всегда характерно для Заболоцкого и особенно в те годы: годом позже он стал главным автором литературной декларации группы «Обэриу» («Объединение реального искусства»), с которой он был связан именно в период написания этого стихотворения. Неожиданное использование терминологии средневекового католического духовенства в качестве заглавия программного стихотворения советского поэта в 1926 году, с одной стороны, подчеркивает его ироническую и двойственную интонацию, в которой пародийное или игровое начало сливалось с действительно программным размышлением, а с другой стороны, оттеняет некоторые черты нарочитой и даже жесткой программности лирического героя стихотворения — «Я».

Размышления современного поэта отчасти как бы облачены в ассоциации с античностью и европейским средневековьем и в условно-знакомые образы этих различных историко-культурных человеческих пластов, тенденций. Это было очень характерно для всего творчества молодого Заболоцкого и перекликалось, с одной стороны, с некоторыми традициями Хлебникова, а с другой стороны, — экспериментами других обэриутов, и прежде всего Д. Хармса и А. Введенского, хотя в целом творческая система Заболоцкого уже в этом стихотворении резко отличается от системы Хармса и Введенского.

Стихотворение остроно как разговор-диспут между двумя персонажами — «Хлоей» и «Я». Диспут заключается выступлением третьего «лица» — «Философа». Это выступление могло отражать и позиции какого-то действительного третьего лица (того же Савельева, который был автором нескольких неопубликованных философских трактатов, высокообразованным

¹ Автор должен поблагодарить С. В. Полякову за консультацию при выборе вариантов перевода заглавия и за участие в обсуждении вопроса о возможных источниках и реалиях этого стихотворения.

философски человеком и, по ряду свидетельств, несомненно, оказал влияние на формирование мировоззрения Заболоцкого). В то же время видно, что именно слова «Философа» являются тем выводом, который делает из диалога «Хлоя» и «Я» и сам поэт. Поэтому авторское «я» в этом стихотворении нельзя вполне отождествить с «Я» — участником разговора-спора. Этот «Я» отражает лишь одну сторону, отщепленные авторского «я», и его односторонность как бы преодолевается в ходе поэтического диспута.

«Хлоя» — это «знакомый» образ, в духе тех образов-знаков, которые характерны для многих произведений Хлебникова и друзей Заболоцкого по «Обзору». Он выражает целый комплекс ассоциативных связей и с традиционными представлениями об античности, древнереческими пастушками и т. д., и, с другой стороны, с условными «сельскими» фигурами в русской поэзии XVIII — начала XIX веков. Хлоя представляет в стихотворении Заболоцкого программное эллинское, плотски-жизнелюбивое, оптимистическое и деятельное начало. Такое понимание «эллинского» было традиционным и непосредственно продолжало ряд стихотворений Гёте и Гейне, которыми Заболоцкий увлекался еще в период своего учения в педагогическом институте имени Герцена (1921—1925 годы). В частности, Н. Л. Браун сообщил мне несколько отрывков стихотворений Заболоцкого этого периода сохранившихся в его памяти, которые явно навеяны Гейне и в которых даже фигурируют конкретные реминисценции «испанских» образов из некоторых стихотворений Гейне (например, из «Диспута»).

Но поэтика Заболоцкого в то же время резко пересматривает традиционную трактовку и далека от стремления создать цельный образ античного мировоззрения. В образе Хлоя пласты эллинистических ассоциаций (включая упоминание «приказчика Евмена», за которым опыты-таки не содержится какой-либо конкретной литературной реминисценции) слиты с пластами совершенно другого происхождения. Речь Хлоя смешивает весьма разнородные интонации, речевые струи. Характерна «сдвинутая» метафоричность и резкие смысловые переходы. Но в основе — разговорная речь, включая нарочитые бессвязности, вульгаризмы, неправоильности («упадают и блестят»). Такие смешанные интонации были очень характерны и для ряда стихотворений «Стольцов», и для ряда стихотворений Хармса и Введенского. Но в отличие от Хармса и Введенского эта смешанная интонация и сложные, отдаленные, подчас темные или алогичные ассоциации Заболоцким все же четко подчинены определенной смысло-

вой струе, с последовательной внутренней логикой.

«Я» выражает формально противоположное «Хлою» начало — начало «бесильного гордеца» — скептическое, пессимистическое, оторванное от жизни: «И перо в мохнатой банке тушью траурной чертит»... Отмечу конкретную аутиографическую деталь: Заболоцкий в эти годы увлекался живописью и сам любил рисовать черной тушью фигурки. Упоминание Зурбарана с его решеткой, по-видимому, является намеком на знаменитую картину Зурбарана «Святой Лаврентий» в Эрмитаже. Как известно, на этой картине святой Лаврентий держит в руках железную решетку, на которой он, согласно легенде, был заживо сожжен. Таким образом, в «Я» есть что-то противостоящее жизни и даже аскетически монашеское, и это подкрепляет ассоциацию всего стихотворения со средневековыми католическими «духовными уставами». Отсюда же и упоминаемые в речи Хлоя «мавританские псалтири» и другие намеки на средневековую Испанию. «В бедрах узкая Кастилья» может напомнить нам картины Эль Греко и в том же Эрмитаже с их узкобедрыми фигурами (см. также портрет президента Кастильского совета Родриго Васкеса в Музее изобразительных искусств имени Пушкина, Москва). Хлоя, как обобщенная представительница всего подлинно живого и жизнерадостного, предлагает «гордецу» и «бумагводителю» «развязать свои глаза», увидеть красоту, радость реальной жизни мира «чудотворного и крутого»: «розовой водой омыты, поднимаются миры». И даже церковные средневековые ассоциации Хлоя переосмысливает в духе жизнерадостного Ренессанса: да, — «в бедрах узкая Кастилья», но — «в личотке, погляди, — приклеились без усилья те же Ева и Адам».

Но и сам образ «Я» — противоречив, его отнюдь нельзя свести только к аскетическому или «бумажному», враждебному жизни началу. Ведь в «Я» есть и «трубадурская душа» — поэзия чудотворного и крутого мира, и его «песни, как камни, упадают и блестят». И сама ассоциация с картиной Зурбарана, изображающей святого великомученика, имеет двойной смысл, поскольку живопись Зурбарана соединяла в себе религиозную устремленность с глубоко реалистической, жизнелюбивой основой. Образы Зурбарана очень реалистически конкретны, пластичны, отмечены своеобразной объемностью. А святой Лаврентий — «этот крепкий испанский юноша с широким простым лицом крестьянина так же прочно связан с землей, как прочно он стят на ней». («Всеобщая история искусств», т. IV, Москва, 1963, стр. 82). У Зурбарана «художественное видение необычайно конкретно» и «все,

что происходит в сфере потустороннего, приобретает черты земной реальности» (там же, стр. 81). Присущая Зурбарану конкретная вещественность была очень близка Заболоцкому.

Если «Хлоя» выступает в стихотворении с, так сказать, активным наставлением, то «Я» в сущности ей и не противоречит, а только излагает то, на что «жалуется» ему его сердце. В восьми строчках уже намечена основная тема «Столбцов» — тема вселенского ужаса мещанства — «человеков... с брюхом», и «тролической плесени». Через три с лишним года в письме своей будущей жене от 29 октября 1929 года Заболоцкий писал, как бы прямо продолжая тему этого «Я», о своей «тоске», «одинокости жизни», о том, что «искусство походит на монастырь, где людей и любят абстрактно». Последующее развитие Заболоцкого было разрешением и преодолением этой темы.

Заключительное слово «Философа» продолжает жизнеутверждающее наставление Хлоя, но вносит в нее несколько элементарный, буколический «розовый» оптимизм более глубокий смысл. «Философ» не только воспевает хвалу вещам, но и выступает как глашатай и представитель всего потока времени, голос которого «множат» «раструбы веков» и который открывает в них черты будущего — «движения и громы», еще неприметные сейчас глазу. И, таким образом, всеобщую связь, родство вещей и людей («не доски, — а сестры»), преодолевающую «руку» самой Смерти.

Поэтическая мудрость «Философа» оттенена явно шутилой, как бы автородной интонацией: «Пойте, пойте, хвалите, валитесь в объятия, целовайтесь, никто не дрожи». Это придает жизнеутверждающему направлению стихотворения дополнительные двусмысленные, амбивалентные, — в «раблеанском» понимании, значения, которые характерны и для последующего Заболоцкого и которые, с одной стороны, немножко снимают этот оптимизм, а с другой стороны, делают его еще более полнокровным и реальным.

Пародийные и шуточные интонации проходят и через речи других персонажей стихотворения. Характерна также общая его экспериментальность. В част-

ности, четкие энергичные хоры («Филозоликне хорей», как выразился по свидетельству Н. Л. Брауна, Заболоцкий в одном из своих стихотворений эпохи учебы в Пединституте) и внешне очень законченные интонационные фигуры совмещаются с сознательными нарушениями синтаксической последовательности и согласования, множеством эллипсов и смысловых разрывов, благодаря которым речь подчас становится темной, несколько бессвязной и даже алогической. Эти эксперименты стремились приблизить поэзию к максимальной реальной непринужденности, свободе, но здесь еще не переросли в стройную новую поэтическую систему, имели подготовительный характер. Кроме того, стихотворение, направленное против отрыва от жизни, все же еще в значительной степени литературно, искусственно, перегружено книжными реминисценциями и условными знаками. Все это, вероятно, и было причиной того, что сам Заболоцкий в дальнейшем рассматривал его только как промежуточную ступеньку, недостойную сохранения.

В непосредственно следующих за этим стихотворением «Столбцах» преобладает жизнеутверждение Хлоя и «Философа», а кошмарные впечатления «Я» от «человеков с брюхом», хотя продолжает жить и пафос Хлоя. Иронические и пародийные элементы получают более сложное и трагическое назначение, хвала вещам совмещается с «траурностью». Ближе к мыслям Хлоя и «Философа» первые опыты философской лирики 1926 года — «Лицо коня» и «В жилищах наших», которые были продолжены и развиты Заболоцким уже после «Столбцов», в философской лирике и поэмах 1929—1933 годов, а в основном — в еще более поздних стихах уже совсем другого Заболоцкого середины 30-х годов.

Голос Хлоя, голос «Я» и голос «Философа» слились в один целостный и сложный голос «я» — поэта, трубадурской души мира чудотворного и кругого, мира, в его реальных жизненных противоречиях (включая и человек с «брюхом») и в реальном движении в раструбах веков, побеждающего, как выразился позже Заболоцкий, «тоску разведения» людей и вещей, и самой Смерти.

Е. Заболоцкая,
А. Македонов

Былины Сибири

Гордость русского народного творчества — былина — его древнейший жанр, в котором с помощью художественного слова многомиллионный народ на протяжении веков отражал свою историю. Высокая поэтичность старых русских былин, воплощенная в богатстве сюжетов и идейного содержания, принесла этому специфическому жанру русской поэзии всемирную известность. В течение XIX и XX веков множество былин было переведено на европейские языки. Почти два столетия ведется их изучение. На необозримых просторах нашей страны, всюду, где только приходилось жить русскому человеку, где он оставлял следы своей культурной деятельности, интенсивно велась и ведется сейчас запись былин, исследование народных традиций, выявление лучших сказителей, фиксация индивидуальных особенностей их творчества, изучение его исторической основы, анализ того, что каждый край внес в эту область народного творчества. Благодаря такой работе и сформировались классические сборники былин Северного, Уральского и Приволжского краев. Широко известны дореволюционные издания Рыбникова, Гильфердинга, Ончукова, Миллера и других, а также осуществленная в наше время Астаховская двухтомная публикация северных былин.

В ходе исследования былинного творчества мужала и крепла русская фольклористика. Рождались различные теории, было создано много монографий, посвященных этому сугубо национальному виду эпоса. Но вся эта глубоко научная работа велась на материале, собранном на Онеге, в Северной и Южной России. Почти неизученными оставались традиции, исполнительское мастерство и своеобразие былинного творчества народов, населяющих Зауралье и Сибирь. В течение долгого времени даже вообще отрицалось существование былин в Сибири. На творчество многомиллионного населения этого края смотрели весьма скептически. Чтоб развенчать теорию так называемых областников (А. Шапова, С. Максимова, П. Ровинского, Н. Ядринцева) и отказать от нее, понадобилось много времени и энергии. Вот что писал в этой связи в 1939 году один из основоположников русской советской фольклористики, знаток сибирского фольклора, профессор М. Азадовский: «Совершенно ясно, что и вопрос об эпической традиции Сибири должен быть пересмотрен... На очередь научной разработки должны стать вопросы о судьбах былинной традиции в Сибири, о характере

ее эпического репертуара, о местных элементах в ней».

Сейчас уже можно смело утверждать, что эта важнейшая задача решена. Свидетельство тому — монография, опубликованная в 1968 году Томским государственным университетом. Это — объемистый труд известного советского ученого — профессора Виктора Михайловича Сидельникова «Былины Сибири».

Фольклористика долго ждала исчерпывающих сведений, касающихся эпических традиций Сибири, текстов, подтверждающих существование последних, сравнительного разбора их в широком масштабе. В настоящее время такой труд создан. И теперь наука получила полное представление о былинных традициях Обского, Енисейского, Ленского, Амурского бассейнов.

Путем многолетних архивных изысканий, изучения коллекций более ста этнографов и фольклористов, языковедов и историков, писателей и журналистов, сосланных царизмом в эту страну льдов революционеров, автор данного монографического труда выявил 119 героических поэм, представляющих несомненный интерес для науки, сделав их в то же время достоянием широкой общественности.

Работа профессора В. Сидельникова состоит из двух частей — исследования и собственно текстов. Впервые в русской фольклористике в этом труде на примере Сибири в широком плане рассмотрена история собрания и изучения старого былинного эпоса. Начиная с XVI—XVII веков шло последовательное освоение России Сибири, которая привлекала к себе внимание не только неисчерпаемыми природными богатствами и экономическими возможностями, но и многогранной культурой местного населения, этнографией и бытом, художественным творчеством. На территории между Тихим и Северным Ледовитым океанами науке удалось обнаружить ранние ступени культуры, пройденные человечеством.

Замороженные на ранней стадии развития свидетельства этой древней культуры представляют большой интерес. Довольно частые экспедиции в отдаленные районы Сибири способствовали собиранию материалов археологического, исторического и географического характера, а также языковые и фольклорные. Объектом исследований наряду с языком, историей, морфологией, вероисповеданием, устным творчеством аборигенов стало и художественное наследие переселенцев. На этой почве и возникли первые сведения о существо-

вании были в Сибири. Особенно много фольклорных записей накопилось за минувшее столетие. Вот несколько характерных цифр. В Сибири зафиксировано всего 50 былинных сюжетов в виде 119 избранных записей. Героические поэмы и сказания географически распределяются так: в Алтайском крае Гулевым, Киселевым, Лабезниковым, Лезаревым, Паневой, Потаниным, Соколовым, Стрижиковым и Каргаполовым сделано 40 записей; в Прибайкалье Зензиновым и Гуревичем — 2, в Приангарье — 21; в Якутской области — 18; в Омской — 1; в районах Крайнего Севера — 37 (они осуществлены Алексеевым, Богораз-Таном, Габышевым, Зензиновым, Кротовым, Худяковым, Шарак-Шиповой).

Вопреки утверждению некоторых исследователей об упадке былинного жанра собрание былин возможно и в настоящее время. По мнению профессора В. М. Сидельникова, все былины, записанные в Сибири, идут из общерусского фонда. Иными словами, они попали в Сибирь из Северной или же Центральной России. Однако в целом ряде случаев это все же уникальные явления. В краях, полностью оторванных от городской жизни, в полной форме были сохранены такие сюжеты, которые в Центральной России уже давно подверглись деформации и были забыты.

Много нового содержит и вторая — центральная глава исследования «Эпический репертуар Сибири и его своеобразие». Из 120 записей самое большое количество (37) касается Ильи Муромца. Основываясь на репертуаре сказителя Тупицына, исследователь утверждает, что в сибирских былинах на передний план выдвинуты общественно-классовые явления, в частности, антидворянское направление приключений Ильи Муромца. Его антибоярские тенденции наблюдаются также в вариантах барнаульского сказителя. Наличие подобных моментов в текстах можно объяснить местной исторической обстановкой. Элементы сибирского быта нередко встречаются в сибирских былинах в виде охоты, рыболовства, скотоводства, занятия земледелием и т. д.

При изучении структуры произведений народного творчества, их идейно-сюжетного содержания и поэтического языка В. Сидельников широко использует метод сравнения (он обращается к материалам сборника Кириши Данилова и других), историко-этнографические источники записей, и таким путем убедительно доказывает специфику сюжетов Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алешки Поповича и других былинных героев, поэтическую зрелость сибиряков, самостоятельность их художественного стиля.

Большое место в исследовании уделено анализу творчества хранителей народных традиций, художественному мастерству сказителей. Особого одобрения заслуживают те страницы, которые посвящены разбору, — с поэтической точки зрения, — репертуара Леонтия Гаврилова, Тупицына, Миханла Соковикова (Кульдара), Аграфены Тихонозны Везрукиной и других.

К сожалению, в небольшой рецензии нет возможности со всей полнотой показать богатство и своеобразие содержания сибирских былин. Но мы разделяем основные выводы профессора Сидельникова, сделанные им в результате глубокого изучения убедительных фактов. «Таким образом, — пишет автор исследования, — древнерусские былины, пришедшие в Сибирь с первыми переселенцами края, подверглись ассимиляции. На них оказывал воздействие пестрый контингент населения Сибири: пашенные крестьяне, охотники и рыболовы, староверы различных сект и направлений, енисейские и колымские казаки, рабочие алтайских заводов, якуты, буряты и другие национальности таежных мест» (стр. 91).

Нельзя не отметить следующего примечательного достоинства монографии — исследователь всегда исходит из конкретного фактора, считается с условиями жизни населения Сибири, с его социальным и национальным составом, учитывает мировоззренческие направления, религиозные представления и, лишь исходя из всего этого, делает теоретические обобщения.

Во второй части работы напечатаны народные тексты, былины, записанные в разное время и при разных обстоятельствах; причем отобраны они с большим вкусом и верным чутьем. Героические поэмы и былины-сказки распределены по принципу краевого деления. Особняком стоят репертуары: Алтая, Прибайкалья, Ангарского и Енисейского бассейнов, Иркутской, Омской областей, Дальнего Востока. Каждый текст снабжен примечаниями и филологическим разбором. Наконец, в книге напечатана очень нужная карта, дающая наглядное представление о распространении былинного эпоса.

Издав «Былины Сибири», Томский государственный университет преподнес читателю хороший подарок, а советская фольклористика с выходом этой книги сделала еще один шаг в изучении эпоса. Труд «Былины Сибири» заполнил пробел, на который с сожалением указывали видные русские исследователи.

Профессор Миханл ЧИКОВАН,
профессор Аполлон ЦАНАВА

**РЕДАКТОРАМ-СОСТАВИТЕЛЯМ
ВТОРОГО ПОЛУТОМА IV ТОМА
«ИСТОРИИ ЭСТЕТИКИ»**

Издательство «Искусство» выпустило вторую книгу четвертого тома «Истории эстетики. Памятники мировой эстетической мысли». Эта пятитомная хрестоматия подготовлена научно-исследовательским институтом теории и истории изобразительного искусства Академии художеств СССР.

Необходимость такой хрестоматии и ее большое научное значение бесспорны. И тем досаднее, что в уже вышедших томах, в том числе в недавно появившемся полутоме четвертого тома, имеются недостатки, которых можно было бы избежать, проявив большую внимательность при подборе и изучении соответствующих материалов. Нельзя обойти молча отсутствием ряда важных, ценных по своему значению памятников эстетической мысли в то время, как в некоторых разделах мы встречаем выдержки из сочинений, не имеющих значения для истории эстетики.

В частности, в первом томе этого обширного издания полностью игнорируется грузинская эстетическая мысль, что справедливо отмечал академик Ш. Нущубидзе¹.

Не говоря уже об эстетических взглядах других грузинских философов средних веков, разве можно было пропустить Ш. Руставели, которому принадлежит весьма значительная роль в развитии мировой эстетической мысли. Ведь тот великий перелом, который произошел в эстетической мысли средних веков, связан и с именем Ш. Руставели. Поэтому в разделе «Возрождение» великому грузинскому поэту должно было быть отведено соответствующее ему место. Сегодня нам многое известно об этом большом художнике и мыслителе, так что подобно упущения не должны были допустить ни составители «Истории эстетики», ни ее редакционная коллегия. Можно было бы привести и другие недостатки трех вышедших томов хрестоматии, но в данном случае нас интересует лишь второй полутом четвертого тома.

Прежде всего следует обратить внимание на титул книги: «Эстетические

идеи народов России. Эстетические идеи народов Восточной Европы XIX — начала XX века (домарксистский период)».

Во-первых, не совсем ясно, почему конец XIX и начало XX века отнесены к домарксистскому периоду? Если согласиться с этим, то мы должны согласиться и с тем, что К. Маркс и Ф. Энгельс вовсе не затрагивали вопросов эстетики. То же самое следует сказать о Меринге, Лафарге и даже Плеханове — согласно такой периодизации и их приходится исключить из истории марксистской эстетики. Более того, относя начало XX века к домарксистскому периоду, невозможно определить роль Ленина в развитии марксистской эстетики.

Видимо, работая над составлением второй книги четвертого тома, редакционная коллегия и ее составители забыли о вступительной статье к первому тому. Данный в ней вступительный очерк истории развития марксистской эстетики полностью исключает возможность рассматривать период от конца XIX века до 30-х годов нашего столетия как домарксистский. Между прочим, в этой книге представлены и те мыслители, которые жили вплоть до 60-х годов XX века, то есть были свидетелями более чем столетней истории развития марксизма.

Вызывает недоумение и выражение «народы России». Из содержания книги мы узнаем, что речь идет об Украине, Белоруссии, Молдавии, Литве, Латвии, Эстонии, Грузии, Армении, Азербайджане и народах Средней Азии. Видимо, составители и редакторы книги имеют в виду официально употребляемое выражение «народы, входящие в Российскую империю», или же, «народы, связанные с Россией», а «народы России» — понятие довольно неясное, тем более, что в книге выделены народы Восточной Европы, хотя известно, что некоторые из этих народов тоже были связаны с Российской империей. Могут сказать, что «народы России» — условное выражение». Это весьма слабый аргумент. Условность, переходящая в фактическую ошибку, объективно имеющую и некоторый политический нюанс, недопустима.

Между прочим, сами «народы России» даны в такой своеобразной последовательности, что трудно угадать принцип, которым руководствовались составители и редакторы. Но в данном случае мы остановим свое внимание на разделе «Грузия». В нем далеко неполно отображена грузинская эстетическая мысль XIX — начала XX веков. Представлены только И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Николадзе и Г. Церетели. Что касается С. Додашвили, Важа Пшавела, А. Пурцеладзе и других известных писателей, критиков и деятелей искусства, они и вовсе не упомянуты. В то же время весьма скудные данные об этих четырех деятелях грузинской эстетической

¹ «Дроша». Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал. Издательство ЦК КП Грузии, 1966, № 1.

мысли (буквально несколько страниц) вряд ли могут дать представление об эстетических воззрениях того или иного писателя или мыслителя. Это относится прежде всего к И. Чавчавадзе. Большой художник и мыслитель, И. Чавчавадзе в статьях по вопросам литературы, театра и музыки дал обоснованную и последовательную эстетическую концепцию, в которой верно, и в ряде случаев по-новому, освещены определенные вопросы эстетики. Несмотря на это, из всего большого наследия писателя в книге напечатаны лишь отрывки из некоторых статей, и то преимущественно менее значительных. Кроме того, и эти статьи настолько сокращены, что не отражают всю глубину мысли оригинала. Мы имеем в виду отрывки из известных статей «О «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии») и «Грузинский театр».

Вместе с тем, о ряде интереснейших взглядов и мыслей И. Чавчавадзе и вообще нет речи в хрестоматии, в частности, тех положений, которые касаются анализа таких проблем, как роль художника в истории искусства, изобразительно-познавательная и эстетическая сущность искусства, объективная основа оценки произведения искусства, а также критическая оценка писателем эстетической мысли своего времени и др.

Что касается переводов статей, то и здесь можно отметить неточности. Например, введенный И. Чавчавадзе термин *დახასიახვება*, означающий «образное воплощение», переведен как «отображение». Как видим, в данном случае речь идет о совсем разных понятиях, слова эти выражают существенно различное смысловое содержание.

Встречаемся и с другими, незначительными на первый взгляд искажениями. Так, заглавие известного произведения Сулхана Саба Орбелиани «Мудрость вымысла» (более точно было бы «Мудрость лжи») переведено как «О мудрости вымысла». Есть и некоторые другие, менее существенные неточности.

Довольно поверхностны как общая вводная статья, дающая характеристику грузинской эстетической мысли XIX — начала XX веков, так и статьи об отдельных мыслителях. Прежде всего, в вводной статье почему-то охвачен период лишь с 60-х годов XIX века и речь в ней идет только о писателях, представленных в хрестоматии (И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Николадзе, Г. Церетели). Многие другие представители эстетической мысли той же эпохи вовсе не упомянуты. Причем, в вводной статье повторяются в основном цитаты, данные в хрестоматийной части книги.

Не освещена грузинская эстетическая

мысль не только более раннего периода, но и первой половины XIX столетия. Мы уже отмечали, что в первом томе хрестоматии не упомянуты представители средневековой грузинской философской мысли, в том числе и Ш. Руставели. Можно было ожидать, что уж здесь-то во вступительной статье о них будет сказано хотя бы несколько слов, по примеру статьи, посвященной разделу народов Средней Азии. К сожалению, ожидание наше не оправдалось.

Что касается персональной характеристики грузинских писателей, представленных в книге, то прямо поражает непонятная сдержанность (если не сказать больше) и неточность оценки. Например, статья об И. Чавчавадзе начинается так: «Чавчавадзе — грузинский литературный и общественный деятель второй половины XIX века. Он возглавил борьбу за реализм и народность грузинской литературы и искусства. Его перу принадлежат стихи и поэмы, повести и драмы, литературно-критические, экономические и философские статьи» (стр. 191). Так скупо и сухо не напишешь и о заурядном писателе или деятеле. В этих словах совершенно не видно Ильи Чавчавадзе — поистине большого писателя, великого мыслителя и революционера-демократа, который на протяжении десятилетий стоял во главе духовно-интеллектуальной жизни и национально-освободительного движения целой нации.

К сожалению, и библиография представлена в книге очень сжато. Например, если в соседнем разделе ей отведено пять страниц, то в разделе о Грузии она занимает немногим больше полстраницы.

Составитель раздела о Грузии, переводчик текста, автор всех статей, замечаний и библиографии — И. А. Урушадзе. Он, разумеется, должен был с особой ответственностью отнестись к этой работе. Но мы не можем возлагать всю ответственность только на И. Урушадзе, который не является специалистом в этой области. Редактора-составители же тома и редакционная коллегия были обязаны материалом для такого солидного издания, кем бы он ни был составлен, прислать на рецензию или редактирование компетентным в этой области научным организациям республики.

Это необходимо было, прежде всего, потому, что в книге такого рода следует более объективно и с должным уважением относиться к прошлому всех народов, не говоря уже о том, что подобные упущения в какой-то мере снижают ценность «Истории эстетики» — этого важного, ценного и нужного издания.

Профессор М. ДУДУЧАВА

Цена **80** коп.

И Н Д Е К С
76117

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

**Открыта
подписка
на второе
полугодие**

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА ЖУРНАЛ
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ»!

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА
ЖУРНАЛА ОГРАНИЧЕНА

საქ. კვ. ცვ-ის გამომცემლობა
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК БП ГРУЗИИ